

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

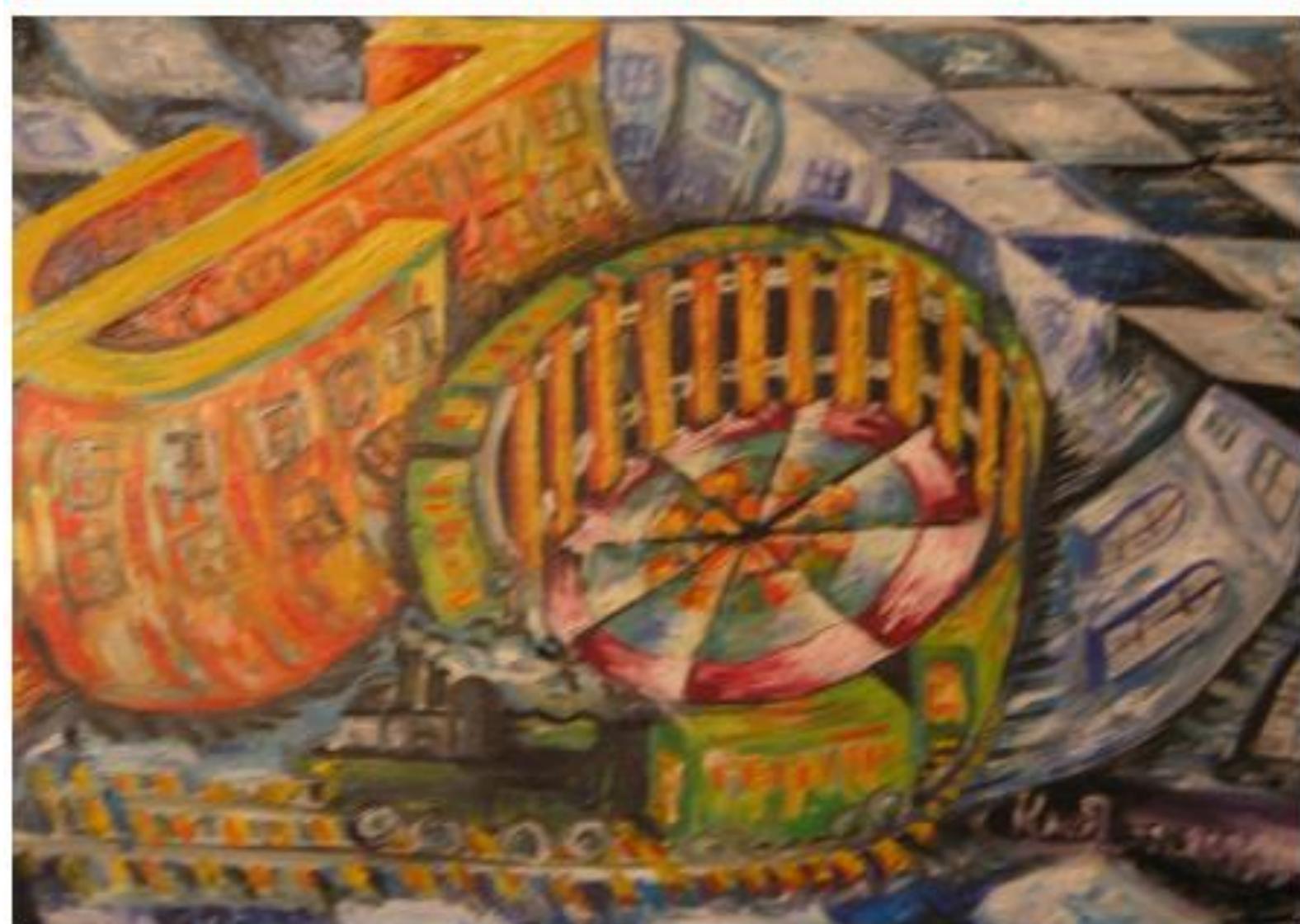
КАФЕДРА МИРОВОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

КАФЕДРА ЖУРНАЛИСТИКИ

КУЛЬТУРА В ФОКУСЕ НАУЧНЫХ ПАРАДИГМ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА

Донецк – 2017

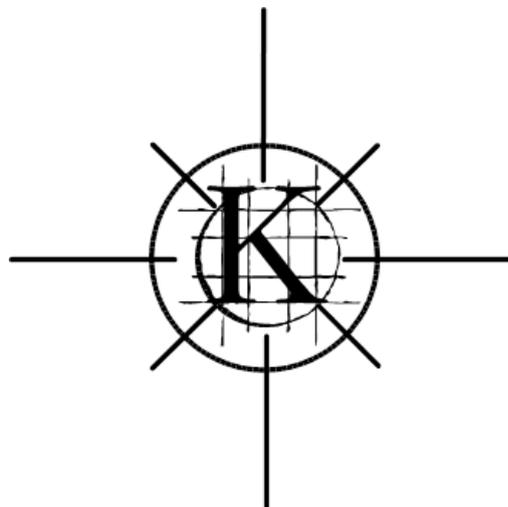
ISSN 2520-6699

**ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА МИРОВОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
КАФЕДРА ЖУРНАЛИСТИКИ**

КУЛЬТУРА В ФОКУСЕ НАУЧНЫХ ПАРАДИГМ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА

Донецк-2017

ББК 71я5

УДК 008:80/81:070:001.5

Культура в фокусе научных парадигм [Текст]: / научн. ред. Кравченко О. А., Каика Н. Е. - Донецк: ДонНУ, 2017. - Вып. 5. - 368 с.

В научном журнале предложен широкий спектр фундаментальных и прикладных исследований по актуальным вопросам теории и истории культуры, филологии (языкознанию и литературоведению), журналистике. Рассмотрены основные тенденции и перспективы развития культурологии, филологических наук, медиакоммуникаций, динамика современных социокультурных процессов.

Материалы печатаются на языке оригинала в авторской редакции.

Для преподавателей, аспирантов, студентов специальностей «культурология», «филология», «журналистика» и всех интересующихся проблемами культуры, языкознания и теории литературы, медиакоммуникаций.

Редакционная коллегия

Кравченко О. А. (главный редактор) - доктор филологических наук, доцент (Донецкий национальный университет)

Артамонова И. М. - доктор наук по социальным коммуникациям, профессор (Донецкий национальный университет)

Дяговец И. И. - доктор филологических наук, профессор (Донецкий национальный университет)

Закирова Н. Н. - кандидат филологических наук, доцент (Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко, Удмуртская Республика, Россия)

Каика Н. Е. - кандидат филологических наук, доцент (Донецкий национальный университет)

Калинкин В. М. - доктор филологических наук, профессор (Донецкий медицинский университет)

Калиущенко В. Д. - доктор филологических наук, профессор (Донецкий национальный университет)

Кораблев А. А. - доктор филологических наук, профессор (Донецкий национальный университет)

Покачалов М. В. - кандидат культурологии, доцент (Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия)

Саенкова-Мельницкая Л. П. - кандидат филологических наук, доцент (Институт журналистики Белорусского государственного университета, Республика Беларусь)

Сугай Л. А. - доктор филологических наук, профессор (Университет им. Матея Бела, Банска Быстрица, Словакия)

Теркулов В. И. - доктор филологических наук, профессор (Донецкий национальный университет)

Федоров В. В. - доктор филологических наук, профессор (Донецкий национальный университет)

Фесенко Ю. П. - доктор филологических наук, профессор (Луганский университет им. В. И. Даля)

Штомпель Л. А. - доктор философских наук, профессор (Южный федеральный университет, Россия)

Печатается по решению совета филологического факультета Донецкого национального университета (Протокол № 7 от 21.03.2017 г.)

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор, точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, собственных имен и других сведений. Взгляды авторов могут не совпадать со взглядами редколлегии.

Адрес редакции: Донецк – 102, ул. Университетская, 24.

© Донецкий национальный университет, 2017

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 378

Инесса Артамонова

*доктор наук по социальным коммуникациям, профессор
Донецкий национальный университет*

Анна Ефремова

кандидат юридических наук

Донецк

e-mail: donjourn@mail.ru

ПОКОЛЕНИЕ ДОНБАССА – 2017: ЖИТЬ НА ВЫСОТЕ ИДЕЙ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Статья посвящена проблеме миссии классического университета, которая реализуется в воспитании подлинной элиты социума, концентрирующей в себе интеллектуальный и культурный потенциал нации – суть важнейший ресурс общественного развития, и не сводится к подготовке специалистов непосредственно для применения в «практической жизни», с чем вполне успешно справляются другие учебные заведения региона. Научное мировоззрение, которое дает классический университет, является высокоэффективным и универсальным инструментом, пригодным для освоения широкого спектра конкретных жизненных ситуаций.

Ключевые слова: миссия, университет, культура, наука, профессионализм.

Донецкий национальный университет в 2017 году отмечает свой 80-летний юбилей. Путь от Сталинского пединститута до Донецкого национального университета – это путь к образовательному, научному и культурному центру Донбасса.

Время, в которое мы живем, – это время цветных революций и войн, время массовых движений и активизации правых режимов. Для нашего края это время имеет собственную перспективу. Центральным переживанием поколения - 2017 г. становится возрождение Донбасса, его историческая судьба. Борьба разделенного Донбасса, «погруженный в историческое становление человек» составляют нерв политической и интеллектуальной жизни сегодняшнего времени в нашем крае. И как это ни парадоксально, но это и одновременно счастливое время поколения - 2017: открываются новые горизонты и многое становится возможным, в том числе новое государство и новый университет.

Сегодня Донецкий край находится на крутом вираже своей истории, поэтому в очередной раз встал вопрос о миссии университета в построении нового общества, когда рождаются новые социальные структуры и отношения. Своевременность проблемы миссии университета возникла сегодня прежде всего в связи с тем, что исчезла вера в прежние идеи. «Мы, как люди, не можем жить без идей <...> – мы есть наши идеи» (Ортега-и-

Гассет). Реконструкция традиции, по нашему мнению, окажет свою продуктивную роль в решении актуальных проблем существования нашего университета. Ибо, как утверждает Ортега-и-Гассет в своей работе «Миссия университета», прошлое, которое с нами, «входит в проект нашей будущей жизни как предел» [1, с. 4].

Реформа университета начинается с определения миссии университета. Таким образом, миссия в данном аспекте понимается в качестве «смыслообразующего ядра университетской идеи» (Н. М. Панькова), определяющего предназначение университета в современном обществе. При этом миссия оказывается связанной с самоопределением данного высшего учебного заведения среди других, с его спецификой, которая составляет его лицо, неповторимую уникальность вуза в реализации того или иного вида деятельности.

Важно понимать при этом, что слепое копирование чужих решений не обеспечивает развития учебного заведения и системы образования в целом: «...подражание смертельно опасно. Потому что, подражая, мы отказываемся от созидającego усилия, столкновения с проблемой, которая может заставить нас понять истинное значение и границы или недостатки ответа, нами перенимаемого» [1, с. 26]. Ортега подчеркивает, что важно самостоятельно прийти, может, к аналогичным выводам, но главное «в результате личной схватки с той же, по сути, проблемой». Заблуждением, которое требует обязательного искоренения, считает Ортега, слепое следование зарубежным, хотя и, возможно, достойным, системам образования. «Сила нации создается совокупно» [1, с. 27]. «Ищите за границей сведения, а не образцы» [1, с. 28]. «Удовлетворяясь подражанием и уклоняясь от необходимости думать или самостоятельно осмысливать проблемы, лучшие наши преподаватели живут в целом в таком состоянии духа, которое отстает лет на 15-20, даже если в области своих наук, они находятся в дне сегодняшнем.<...> Любое историческое творение – наука, политика – вытекает из некоторого духа или способа человеческого мышления. Поколение, исходя из *своего духа (выд. И.А.)*, творит идеи, ценности и т.д.» [1, с. 28]. Автор считает, что те, кто перенимает эти творения, вынуждены все равно ждать, пока свое дело не завершит предшествующее поколение. Отсюда и срок в 15-20 лет не случаен, отсюда и неумолимый анахронизм, отставание подражателей. Теперь становится понятной и объяснимой неудача и даже более жестко – провал образовательной реформы в Украине, связанный с введением чуждой Болонской системы в украинскую высшую школу: бездумное, формальное, без учета образовательных традиций, ментальности, особенностей мышления, реформирование искалечило и лишило полноценных знаний целое поколение украинцев.

При этом нужно понимать, что реформа университета немислима без реформы всего государства. Так как человек по сути всегда принадлежит определенному поколению, он должен «жить на высоте идей своего времени», т.е. иметь представление о пространстве и времени, в которых

живешь, о мире и человеке, о современной культуре, – разъясняет Ортега-и-Гассет в работе «Восстание масс» [2].

Общество потребления с акцентом на непрерывное зарабатывание денег принуждает человека к узкой специализации и профессионализму, которые, будучи не уравновешенными знаниями культуры (что не восполняется даже уникальной природной одаренностью), лишают его целостности системы жизненных идей, понимания иерархии ценности вещей и действий, а, следовательно, приводят и остальные дела в его жизни к жалкому состоянию, обрекают его на жизнь трудную, примитивную, незначительную, поскольку он существует вне системы жизненных идей своего времени. «Культура спасает от жизненного кораблекрушения, что позволяет человеку жить, даже если его жизнь трагична, бессмысленна и совершенно ничтожна», – напоминает автор.

Понимаем, что именно культура – путеводитель по жизни. Отсюда и главная цель университета – приобщать человека к культуре времени, открывая перед ним подлинность современного мира. Важно также помнить, что интеллектуальный и культурный потенциал нации – это важнейший ресурс общественного развития, а интеллектуальная независимость – один из ключевых факторов национальной безопасности. Следовательно, в носителях университетской культуры нуждается общество в целом, а не отдельные отрасли экономики или сферы производства, что согласуется с Великой Хартией университетов: «...университет должен обеспечить будущим поколениям такое образование и такую подготовку, которые позволят им внести свой вклад в соблюдение великого равновесия окружающей среды и самой жизни».

Однако университет неотделим от науки и должен жить ею. Душа университета, его достоинство – это наука. Основной предпосылкой университетской жизни должна быть насыщенная атмосфера научного труда и энтузиазма. Научное мировоззрение, которое дает классический университет, является высокоэффективным и универсальным инструментом, пригодным для освоения широкого спектра конкретных жизненных ситуаций.

Миссия университета в современном мире не сводится к подготовке специалистов непосредственно для применения в «практической жизни», с чем вполне успешно справляются и другие учебные заведения региона. Эта миссия состоит, прежде всего, в воспитании подлинной элиты социума, концентрирующей в себе интеллектуальный и культурный потенциал нации – суть важнейший ресурс общественного развития.

Носители университетской культуры характеризуются активной жизненной позицией, творческими устремлениями, высокой гибкостью и социальной лабильностью, что идет на пользу не только им самим, но и обществу в целом. Их высокая социальная адаптируемость и обучаемость позволяет быстро осваивать новые профессии и занимать в обществе места,

достойные выпускников высшей школы (и при этом далеко не всегда по специальности!).

Университет должен также обязательно и всегда быть интегрирован в современную жизнь общества, рассуждая о великих темах дня с собственной позиции – культурной, профессиональной или научной, «демонстрируя превосходство невозмутимости над безумием, вдумчивой проницательности над легкомыслием и откровенной глупостью» [1, с. 65].

Университет является самой важной «духовной властью» общества, поскольку его позиция характеризуется профессионализмом, компетентностью и научностью. И вызов нашего времени заключается в том, чтобы поколение-2017, преодолев фантастические духовные дистанции, приобретя крепкие знания, ясно осознав цель, смогло построить современное справедливое государство. И тогда Донецкий национальный университет, концентрирующий в себе интеллектуальный и культурный потенциал Донбасса, станет движущим началом истории новой Республики.

Список литературы

1. Ортега-и-Гассет, Х. Миссия университета / Х. Ортега-и-Гассет; пер. с исп. М. Н. Голубевой; под общ. ред. М. А. Гусаковского. – Минск: БГУ, 2005.- 104 с.
2. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/gas_voss/index.php

GENERATION DONBASS - 2017: LIVE UP TO THE IDEAS OF THIS TIME

Artamonova I., Yefremova A,

The article deals with the problem of the classical university mission. It is realized in the education of the true elite of the society, which concentrates the intellectual and cultural potential of the nation, that is the most important resource of social development and It is not reduced to training specialists straight for application in «practical life», what is being quite successfully realized by other educational institutions of the region. The scientific worldview, which a classical university gives, is a highly effective and universal tool, suitable for mastering a wide range of specific life situations.

Keywords: mission, university, culture, science, professionalism.

ПОСЛЕДНИЙ СЛОВАРЬ Е. С. ОТИНА

Рец. на книгу: Отин Е.С. Словарь русского языка X-XVIII веков. – Донецк: Юго-Восток, 2014. – 436 с.

Вячеслав Теркулов

доктор филологических наук, профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Донецк

e-mail: terkulov@rambler.ru

Статья посвящена Е. С. Отину как основателю донецких филологических традиций. Дается описание последнего опубликованного при жизни ученого произведения - "Словаря русского языка X-XVIII веков". Констатируется уникальность Словаря как первого в лексикографической практике учебного исторического словаря русского языка.

Ключевые слова: Донецкая филологическая школа, Е. С. Отин, исторический словарь, X-XVIII век.

Передо мной лежит книга, которая увидела свет летом 2014 года. Она вышла в г. Донецке. В Донецке, который тогда усиленно обстреливался и который, казалось, должен был спрятаться в подвалы и бомбоубежища и думать только о том, как бы выжить. Гибли люди, разрушались здания. Улицы опустели. Но Донецк жил. Так же, как он живет и сейчас. И вышла эта книга – «Словарь русского языка X-XVIII веков». Словарь! Русского языка! X-XVIII веков! В уничтожаемом, расстреливаемом городе!

Когда мой город обвиняют во всех смертных грехах, в том, что он какой-то не такой, что в нем живут какие-то необразованные маргиналы, бомжи и негодяи, я вспоминаю об этом Словаре. Я вспоминаю о филологическом факультете Донецкого университета, о Евгении Степановиче Отине, авторе этого словаря. Дай Бог кому-нибудь из тех, кто обвиняет, чтобы в их жизни был такой филфак, такой Е. С. Отин. Хотя им, наверно, уже ничего не поможет. Не нужен им этот Словарь...

Он нужен нам – «птенцам филфака», «крестникам» Е. С. Отина, он нужен нашему городу, он нужен всем, кому небезразлична история нашего языка, он нужен тем, кто хочет ее знать. А что нужно этим «порицателям и обвинителям»? Да и нужно им еще что-либо кроме их напыщенного и постыдного самодовольства?

К несчастью, 14 января 2015 года профессора, доктора филологических наук Евгения Степановича Отина не стало.

Здесь можно было бы поставить точку. Потому что эта фраза содержательно значительно насыщеннее, чем полное собрание сочинений какого-нибудь писателя средней руки. Так, наверно, можно описать

окончание эпохи. Эпоха Е. С. Отина на филфаке ДонНУ длилась 29 лет. В 1986 году он был назначен деканом факультета и оставался им до последнего своего дня. Несмотря на то, что в 2013 году формально перестал им быть. А если вспомнить о том, что Евгений Степанович работал на факультете с 1962 года, то временные рамки отинской эпохи расширяются до 53 лет.

Я был студентом, когда Е. С. Отин стал деканом. Я не думаю, что его жизнь после получения им новой должности стала легче. Он уже тогда был известным ученым. Административная работа отвлекает от ремесла. Когда хочется поработать, например, со Словарем гидронимии Дона или со словарем «Все менты – мои кенты», тебе приходится разбираться с отстающими студентами, ремонтом крыши, уборкой территории, учебными планами и т.д. Это, конечно, важно, но это так обременительно для Ученого. Правда, у Евгения Степановича получалось совмещать. Многие помнят, что, когда заходили на прием к декану, становились свидетелями акта мгновенного переключения: Евгений Степанович откладывал карточки, с которыми работал за секунду до входа посетителя, и становился Деканом, готовым выслушать и решить проблему. И решал. Несмотря ни на что.

Говорят, что вуз – это не стены, а люди. Это неправда. Вуз, факультет – это и стены и люди одновременно. Есть такое понятие «намоленная церковь». Это церковь, стены которой впитали молитвы людей, их страдания и радости. Филфак ДонНУ благодаря отинской заботе стал таким «намоленным храмом». Под его «крылом» расцвела Донецкая филологическая школа, ставшая известной во всем мире. Здесь проходили конференции и концерты, конкурсы и семинары. Здесь стали издаваться такие авторитетные издания, как «Восточноукраинский лингвистический сборник», «Филологические исследования». Здесь читали лекции такие личности, как М. М. Гиршман, В. В. Федоров, А. А. Кораблев, Г. П. Цыганенко, Н. А. Луценко, О. А. Кравченко и многие другие. Потому что Е. С. Отин подбирал людей на факультет по своему вкусу, и этот вкус оказался отменным и точным. И я помню, как я хотел ходить на занятия. Потому что интересно. Потому что нужно. Потому что по-другому нельзя.

Я говорю нынешним студентам о том, что время на филфаке – лучшее время их жизни. Не все мне верят. Напрасно. Я прожил достаточно много лет. Мне есть с чем сравнивать. В моей жизни было много радостных событий. Но лучшего промежутка времени, чем 1983-1988 годы, у меня не было. И я думаю, что это благодаря Е. С. Отину. Он сделал мою жизнь яркой и разнообразной. И своими делами и словами, и словами и делами тех, кто «проводил в жизнь» отинскую идеологию филфака.

Он был «легким» человеком. Никогда рядом с ним я не испытывал никакого поведенческого дискомфорта. Даже когда он меня ругал. За некоторые студенческие глупости. Я не помню, чтобы он меня ругал за что-то в те годы, когда я уже перестал быть студентом. Когда я работал в Горловском институте иностранных языков, он мне всё повторял: «Ты у нас персона грата, Слава». Когда он предложил мне перейти на работу в ДонНУ,

я долго не думал. Я хотел работать с ним. И я стал работать. Не мне судить – хорошо или плохо. Но я старался. Потому что не хотел разочаровывать его.

Наука Е. С. Отина – ручная работа. Он никогда не пользовался компьютерными системами поиска материала. Профессор искал все вручную. Любая книга в его руках существовала в двух пространствах – пространстве наслаждения от чтения и пространстве научной обработки. Все примеры в его словарях – результат совмещения этих двух пространств. И поэтому словари Отина читабельны. Это не только справочники, но и увлекательная беллетристика. Возьмите «Словарь коннотативных онимов» или «Все менты – мои кенты». Гарантирую: чтение Вас увлечет. Вам просто захочется прочитать «от корки до корки» эти уже не только словари, но захватывающие лингвистические романы.

Е. С. Отин был великолепным ироническим поэтом. Он сочинял стихи «по поводу», писал эпиграммы, скетчи. Сейчас лучший ученик Евгения Степановича В. М. Калинин готовит к изданию серию книг Е.С. Отина и об Е. С. Отине – собрание трудов, сборник статей ученых из разных стран, посвященный Евгению Степановичу. Отдельным томом предполагается выпуск отинских литературных опытов, писем и воспоминаний. Думаю, что это будет значимо. Это будет интересно.

Когда мы прощались с Евгением Ивановичем, почему то все выступавшие отказались от обычных в этом случае слов скорби и стали вспоминать веселые случаи, случаи, когда блистательно звучал легкий отинский юмор. Такие истории нашлись и у В. В. Федорова, и у П. Т. Тимофеева, и у Н. Е. Касьяненко и у многих других. Значит, это важно, значит, наша жизнь без этого неполноценна. И дай нам бог, чтобы при прощании с нами люди вспоминали, как мы шутили.

Умер Е. С. Отин. Он до последнего дня не прекращал работать. За час до смерти он позвонил на кафедру и сообщил, что закончил статью. Эту статью мы сможем скоро прочитать. Она так же интересна, как и все то, что вышло из-под его пера. Как и тот словарь, о котором я просто обязан рассказать. Для простоты повествования я буду называть его «Словарь Отина».

Словарь Е. С. Отина уникален. Это, наверно, единственный вышедший отдельным томом учебный исторический словарь, охватывающий такой обширный период – X-XVIII века. В первую очередь он должен быть использован на практических занятиях по дисциплинам исторического цикла – Исторической грамматике русского языка и Истории русского литературного языка. Неслучайно поэтому то, что источниками для словаря (а их 198) стали те произведения, которые составляют материальную базу означенных курсов. Это и берестяные грамоты, и летописи, и грамотки разных периодов, и официальные акты, и произведения анонимных и известных литераторов.

Словарь Е. С. Отина удобен для использования при работе в аудитории именно потому, что издан, в отличие от большинства исторических словарей

русского языка, в одном томе и включает только те слова и коллокации, которые либо отсутствуют в современном русском языке, либо употребляются в нем в ином значении. Примером первого является, например, слово БАСНОЗИЖДЕЦ «Сочинитель сказок, мифов», а второго – слово БАСНИ, для которого Словарь Е. С. Отина даёт значение «Заклинания, заговоры», отсутствующее в семантической структуре современного БАСНЯ. Это, как и настроенность на большой, но все-таки ограниченный материал, необходимый в первую очередь в учебный аудитории, позволило количественно сократить словник. Но это же и сделало словарь эффективным средством обучения – студенту легче найти искомое слово в Словаре Отина, чем, например, в Словаре И. И. Срезневского, в котором он вынужденно будет просматривать в процессе поиска и те слова, значение которых ему известно, и те, которые не нужны ему в актуальной ситуации выполнения практического задания. Конечно, это тоже необходимо – освежать свои знания. Но поверьте практику – на практическом занятии это иногда становится причиной «сбоя темпа»: поиск неизвестного в известном забирает много времени. Словарь Е. С. Отина позволяет от этого избавиться.

Толкование слов осуществляется в словаре по схеме: заглавное слово или устойчивое словосочетание (для прилагательных – в форме мужского рода, для глаголов – в инфинитиве), толкование его значения и иллюстративный материал. Последний компонент требует дополнительных разъяснений. Впервые в словаре используется прием попутного имплицитного толкования слов. Это значит, что если в самом примере употребления слова обнаруживаются лексически или семантически неясные номинативные единицы, рядом с ними в скобках дается их толкование, например:

АЛКОТА. Голод. // И пленники в работе (неволе. — Е. О.) суцая свободы и в темницах и в узах (в оковах. — Е. О.) и в *алкоте* (Сборник Чудова монастыря, ко- нец XIV в.).

ЗЛЕ. Плохо. // Яко же добре глаголати и хвалити начало лубьве (любви. — Е. О.), тако зле глаголати и клеветати вражды и ненависти рати (описка, надо ради. — Е. О.) начало вина (причина. — Е. О.) бывает (Изборник Святослава, 1076 г.); И летом зле есть прививати ради (из-за, по причине. — Е. О.) солнечного горяча (жара. — Е. О.), которое высушивает все мокротные силы в древесине (Назиратель, XVI в.).

Это очень удобно – студент, да и тот человек, который просто интересуется историей нашего языка, работает, как бы мы сейчас сказали, в режиме гиперссылок. Он постоянно получает новую лексико-семантическую информацию.

Словарь Е. С. Отина эффективен ещё и потому, что в нем показано, как его можно использовать в аудитории. В качестве приложения в нем дано несколько текстов, главный из которых – текст «Жития» протопопа Аввакума. Е. С. Отин предлагает модель работы с текстом при помощи словаря: «1) Перевести на современный язык стихотворения писателя

XVII века Симеона Полоцкого «Жизнь» и «Истинна». 2) Дать классификацию содержащихся в них устаревших слов (они выделены): а) слова, полностью утраченные русским языком; б) слова, сохранившиеся в нём с изменившимся значением; в) слова, отличающиеся от соответствующих современных слов по словообразовательному признаку» (с. 4).

Я думаю, что Словарь русского языка X-XVIII веков будет должным образом оценен как преподавателями истории языка, так и студентами. К сожалению, не очень большой тираж – всего 100 экземпляров – не способствует широкому распространению Словаря Отина. Но это ведь дело поправимое.

В заключение скажу и о том, что примерно в то же время вышел еще один словарь Евгения Степановича – «Частотный словарь “Жития” протопопа Аввакума». Тоже, кстати, уникальное произведение – много ли вы назовёте частотных словарей произведений того времени? Евгений Степанович умел придумывать новые лексикографические направления. И он еще много лет будет с нами. Пока мы живы.

THE LATEST DICTIONARY BY E. S. OTIN

Terkulov V.

The article is devoted to E. S. Otin as the founder of Donetsk philological traditions. The description of the last scientist's lifetime edition – the «Dictionary of Russian language X-XVIII centuries» is presented. The uniqueness of the dictionary as the first lexicographical practice of educational historical dictionary of the Russian language is stated.

Keywords: Donetsk philological school, E.S. Otin, historical dictionary, X-XVIII century.

ОСМЫСЛЕНИЕ КРИЗИСА КУЛЬТУРЫ В ТРАКТАТЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО «ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ САМОСОЗНАЮЩЕЙ ДУШИ»

Оксана Кравченко

доктор филологических наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Донецк

e-mail: 1234oksna@bk.ru

В статье исследуются культурологические идеи, изложенные в трактате Андрея Белого «История становления самосознающей души». Самосознание как ключевое понятие Белого осмыслено в свете диалогической взаимообращенности культур, осуществляющейся в опыте индивидуального «Я».

Ключевые слова: культурология, Андрей Белый, реализм, кризис культуры, душа, тело.

Трактат «История становления самосознающей души» [3] до настоящего времени достаточно не изученный и не прокомментированный, содержит в себе ключевые идеи Андрея Белого-культуролога и литературоведа. В силу своей антропософской направленности трактат не мог быть опубликован при жизни автора, но многие его положения мимикрировали и в завуалированном виде проникали в публикации советского периода. Таким образом, данное сочинение играет роль своеобразного претекста, содержащего ключ к исследованиям Белого, посвященным проблемам реализма и символизма, к разработке проблематики ритма как диалектического процесса, к оценкам творчества и культурной миссии Гоголя, Достоевского и Толстого.

Три названных писателя предстают в трактате как «титаны реализма», первыми принявшими на себя волну глобального кризиса, лишь позднее докатившуюся в жизнь. Собственно, кризис и задает тот принципиальный для Белого ракурс прочтения указанных писателей и понимания реализма как особого этапа становления культуры.

Примечательны в этой связи начальные строки выступления Белого на открытии московского отделения Вольной философской ассоциации в октябре 1921 года: «Достоевский и кризис культуры. Стало быть, с культуры следует начинать, с кризиса ее, ибо кризис культуры и есть факт появления на мировой арене личности Достоевского и образов его героев. Это уже осуществившийся факт разрыва старых форм индивидуальной жизни, разрыв замкнутого сознания человека» [Цит. по: 6, с. 124]. Разрыв «старых форм жизни» и «замкнутого сознания» есть не просто переход к очередной культурной эпохе, но кризисный порог «смерти души», за которым, согласно положениям «Истории становления...», либо «возрождение в духе ее», либо «смерть души в тело: восстание в нас тела, разрыв снизу личности, отданной

на растерзание диким зверям...» Таким образом, определяющими моментами трактовки творчества Достоевского еще за несколько лет до написания трактата о самосознающей душе оказываются центральные категории культурологической доктрины Белого: «тело», «душа» и «дух».

Сущность человека и порождаемой им культуры представляется Белому тройственной: триединство тела, души и духа служит для философа основанием для построения модели всей истории человеческой культуры как сменяющих друг друга эпох души ощущающей, души рассуждающей и души самосознающей. В письме к Иванову-Разумнику от 6 марта 1926 года Белый писал: «...Эти месяцы в шутку почти начал записывать один ход своих мыслей, ввязался в него и теперь заканчиваю черновик рукописи (что с ней делать – не знаю); рукопись на 400 писанных страниц, а все не могу кончить. Тема – *«История становления самосознающей души»* (аэропланый пробег над историей культуры последних пяти столетий)» [1, с. 341]. В конкретизации темы рукописи Белый значительно сузил хронологические рамки собственного сочинения. Действительно, «пять последних столетий» – это описанная Белым история души самосознающей. Но становление ее подготовлено двумя предшествующими эпохами. Так «время рождения души рассуждающей – 6-ой, 5-ый века до Р.Х.; время *«беременности»* ею души ощущающей – приблизительно эпоха четырех предыдущих столетий» [здесь и далее – курсив автора. – О. К.] [3, с. 75]. Комментируя указанный факт, Л. Силард отмечает: «... я бы назвала его труд ракетным полетом над историей по крайней мере 25-ти столетий, поскольку он включает и стремительный разгляд предшествовавших доминионов культуры, создававшихся деятельностью души ощущающей (в античности), и души рассуждающей (в Средневековье) и, наконец, души самосознающей (в Новое время), т.е. охватывает несравненно более долгий период» [5, с. 604].

Механизм смены эпох обусловлен возрастанием человеческой природы, ее медленного одухотворения, обеспечивающего переход от личности к индивидуальности, от “я” к “Я” как «со-личию личностей», «пленуму личностей» в человеке. Показательна в этой связи оценка Белым индивидуальности Гете: «Удивительность Гете в том, что нет Гете в Гете: есть многие Гете: Гете-ученый Гете-художник; романтик и классик; физиолог, зоолог, ботаник, метеоролог, поэт, драматург, философ во вне открытый и вместе замкнутый, себя берущий в руки и безрассудно себя отдающий <...> Гете скольких еще противоречивейших ситуаций, – есть индивидуум в личностях; он – самосознающее “Я”, изживающее конкретное многообразие свое <...> в мистерии жизни, в мистериях всех своих жизней, пережитых в одной жизни» [3, с. 163-164].

Процесс перехода от “я” к “Я” инициирован импульсом Христа, отразившимся в изречении апостола Павла: «Не я, но Христос во мне Я». Собственно, с Павла начинается история самосознающей души: «между рассудком и сферой Духа у Павла есть им осознанный новый душевно-духовный орган – самосознающая душа <...> так сказать, разумный свет,

свыше озаряющий личность и прозаряющий ее сверху вниз, отчего личность, как семя, умирая, становится колосом, становится пленумом личностей». Конец же этой истории (как и всей истории собственно) – есть смерть души, также подобная семени, из которого произрастет «возрождение в духе». За этим возрождением следует «решительный поворот судеб культуры»: торжество человека как «Чела века» «Само», как всецело духовного существа, преображенного не только душевно, но и телесно [3, с. 169].

Концепция культуры Белого, кризисная в самих мировоззренческих основаниях своих, является в то же время оптимистическим утверждением духовных перспектив человечества. В отличие от Шпенглера, Белый видит в кризисах не «закат», а «перевал», переход от одного типа культурного развития к другому. При этом культурное творчество предстает как развертывание единой программы, некоего «мирового плана» – понятия, актуализированного в историософском наследии Фихте как своеобразного первопринципа, «из которого можно <...> полностью вывести главные эпохи человеческой земной жизни и выяснить их происхождение и связь друг с другом» [7, с. 363]. В. Г. Белоус подчеркивает: «Завету Фихте Андрей Белый следует практически буквально. “Мировой план” объективируется им в виде так называемого “Христового импульса”» [2, с. 615]. Обретаемая человеком духовно-телесная цельность на новом витке спирали воспроизводит Священную историю. Нарождающееся самосознание запечатлевается Белым в образах «животных яслей» и помещаемого в них младенца: «лежание в яслях – пробуждение самосознания на рубеже меж 4 и 5 периодом; выходение из яслей, умение носить свои ясли – история роста самосознания (период культуры, еще предстоящим нам, Над – религия, Культура, понятие до конца христианство» [3, с. 54]. По отношению к пробуждающемуся самосознанию современное сознание характеризуется как «сознание душевной сферы», сознание «буржуазное» или «историческое» [3, с. 331], но в то же время оно есть предвестие духа, которому, по словам Белого, «вплотную приблизились мы в наши дни (в России особенно)» [3, с. 324].

В подобной культурфилософской логике реализм порождается на «крестном пути души самосознающей <...> для восстания ее в духе» [3, с. 168]. Белый отказывается от реализма в его «обыденном изжитии» и рассматривает литературу русского реализма как активное предварение духа, как «отыскание “царства духовного”» [3, с. 439]. В понятийный круг реализма у Белого входит выражение «реал астрала». Речь идет о высшей ипостаси тела – теле астральном как своеобразном зените телесности, возвышающемся над низшим (физическим) и средним (эфирным) телесными уровнями. Вхождение духа в пределы астрала описано как вложение Духа-младенца в скотьи ясли. Кризисностью данного момента мировой истории и определяется сущность реализма: «В *реализме* действительном катастрофически сброшены вместе: *астральное тело* и “Я”; скотьи ясли и новорождаемый в ясли “младенец”, которому вырасти нужно в духовное

“Я”; и по-разному Гоголь, Толстой, Достоевский в творениях нам отражают случившееся *мировое событие*» » [3, с. 257].

Характерным для Белого-культуролога и литературоведа является рассмотрение взаимосвязи и внутренней зависимости указанных писателей. В данном случае перед нам – новый этап осмысления заявленной еще в статье 1910 года «Кризис творчества. Достоевский и Толстой» проблемы религиозной сути творчества. Поэт-мыслитель убежден, что «художественное творчество вступает в борьбу с собой, отрицая себя как деятельность, направленную к созданию прекрасных форм; форма оказывается идолом: в этой борьбе художник или разрушается как художник (Толстой), или он разрушается как человек (Достоевский), или он гибнет и как художник, и как человек (Гоголь)» [4, с. 399].

Трактат Белого «История становления самосознающей души» раскрывает специфические грани не только мировоззрения писателя-философа, но и кризисной сущности творчества Гоголя, Достоевского и Толстого. Уникальность их миссии в том, что все трое оказались чуткими к сейсмическим процессам культуры. В отличие от реализма европейского, сводимого Белым к натурализму, русский реализм осуществил переход от личностного измерения человека к «индивидуалу» человека, утвердив событийность как основу экзистенции. Самосознание в этой трактовке выведено за социально-исторические и пространственно-временные рамки, оно заряжено внутренней диалогической напряженностью взаимообращенных эпох и культур.

Список литературы

1. Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка [публ., вступ. ст. и коммент. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада; Подг. текста Т. В. Павловой, А.В. Лаврова, Дж. Мальмстада]. – СПб.: Athenum, Феникс, 1998.
2. Белоус В. Г. «История становления самосознающей души» Андрея Белого: историко-философские параллели // Миры Андрея Белого. – Москва-Белград, 2011. – С. 610- 617.
3. Белый А. История становления самосознающей души // Белый А. Душа самосознающая [сост. и статья Э. И. Чистяковой]. – М.: Канон +, 1999.
4. Белый А. Трагедия творчества. Достоевский и Толстой // Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма: В 2т. [вступ. статья, составление А. Л. Казин, комментарии А. Л. Казин, Н. В. Кудряшева]. – Т.1. – Москва: Искусство, 1994.
5. Силард Л. Культурологическая концепция Андрея Белого в трактате «История становления самосознающей души» // Миры Андрея Белого. – Москва-Белград, 2011. – С. 594 – 609.
6. Сугай Л. А. Андрей Белый о Достоевском, Гоголе, Мейерхольде и кризисе культуры (Из архивных материалов) // Литературная учеба. – 2001. – Книга 1.
7. Фихте И. Г. Основные черты современной эпохи // Фихте И.Г. Сочинения в 2т. – Т.2. – СПб, 1993.

COMPREHENSION OF CULTURE CRISIS IN THE TREATISE «THE HISTORY OF THE FORMATION OF SELF-CONSCIOUS SOUL» BY ANDREJ BELYJ
Kravchenko O.

The article explores the culturological ideas set forth in Andrei Belyj's treatise "The History of the Emergence of the Self-Conscious Soul". Self-consciousness as the key concept of the Belyj is comprehended in the light of the dialogic mutuality of cultures, which is realized in the experience of the individual "I".

Keywords: culturology, Andrej Belyj, realism, crisis of culture, soul, body.

УДК 009

КОНСТРУИРОВАНИЕ ДОМИНАНТНОГО КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Людмила Штомпель

доктор философских наук, профессор

Южный федеральный университет

Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: lashtompel@gmail.com

В статье прослеживается формирование в рамках одной и той же полистилистичной культуры различных человеческих типов, ориентирующиеся на различные ценностные установки, идеалы и представления. В связи с этим вводится понятие «культурно-антропологический тип» человека, под которым подразумевается свойство конкретной личности «представлять собой» определенную культурную систему. Выделяются конкретные культурно-антропологические типы в России XIX-нач.XXI вв.

Ключевые слова: культура, культурно-антропологический тип, язык.

Современная культура даже в пределах одной страны весьма неоднородна: в ней уживаются разные (порой разнонаправленные) ориентации, тенденции, системы духовных ориентиров. На уровне отдельных индивидов эта неоднородность становится ещё более ощутимой. Действительно, каждый человек отличается от других людей не только соматически и психологически, но и культурно. В результате процессов социализации и инкультурации, усвоения определённых знаний, норм, верований, ценностей и т.д., преломления в сознании истории своего народа и собственного жизненного опыта люди становятся приверженцами различных ценностных ориентаций, этических систем, обладают разной степенью рефлексивности по поводу цели и смысла своего существования. Поэтому в рамках одной и той же культуры сосуществуют носители разных культурных систем: официальной и неофициальной; явной и латентной; городской и аграрной; культуры, уже исчерпавшей свой потенциал, но еще не исчезнувшей до конца и культуры нарождающейся, которая, однако, уже формирует свои ценностные предпочтения и установки. В данном случае мы имеем в виду не маргинала – человека, находящегося "между" – между различными культурными системами, но не принадлежащего ни к одной из них, а свойство конкретной личности представлять собой, воплощать в

особенностях своей жизнедеятельности, ценностных ориентациях, установках, моделях поведения и т.д. определенную культурную систему.

На мегауровне культура может находиться в состоянии становления, трансформации, разрушения, поэтому при одинаковом названии (например, французская, русская, индийская и т.п.) в один и тот же момент времени культура в целом будет различна, плюралистична, неоднородна. На индивидуальном уровне происходит "отбор" (не всегда эталонных) образцов и с мега-, и с макроуровня культуры. Одновременно происходит и создание новых образцов, их апробация и опривычивание. Изменения социокультурных ориентаций представителей одной и той же культуры существенным образом влияют не только на их видимую повседневную жизнь, но трансформируют их внутреннюю человеческую организацию.

Другими словами, в рамках одной и той же культуры (в том случае, если она полистилистична или если она находится в состоянии перехода от одного состояния к другому) не только выделяются разные субкультуры, но формируются человеческие типы, ориентирующиеся на различные ценностные установки, идеалы и представления. В связи с этим мы предлагаем ввести понятие «культурно-антропологический тип» человека, под которым подразумевается свойство конкретной личности «представлять собой» определенную культурную систему. Культурно-антропологический тип определяется посредством внутренней приверженности определенной системе ценностей и нравственных ориентиров, а также в способности действовать в соответствии с ними.

Новые антропокультурные типы проявляют и утверждают себя и в бытовой, и в общественно-политической, и в экономической сферах жизни общества. Особенно наглядно их "завоевательные стратегии" проявляются в стиле поведения, в одежде (в целом – во вкусовых пристрастиях) и в речи. Новые антропокультурные типы не только вырабатывают «свои языки» (лексику, интонации, стереотипы и шаблоны), но через них стремятся захватить более высокие статусные позиции и утвердить свое господство в обществе. В связи с этим хочется обратиться к весьма тонкому замечанию У. Эко по поводу вавилонского смешения языков: «...именно с этого момента (имеется в виду труд ирландских грамматистов VII в. «Предписания поэтам», в котором была предпринята попытка выявить преимущества народного гэльского языка перед латинской грамматикой – прим. авт.) эпизод смешения языков осмысливается уже не только как пример гордыни, которую постигла небесная кара, но и как начало некоего исторического (или метаисторического) изъяна, который должно ликвидировать» [2, с. 27].

На протяжении истории России сосуществовало много культурно-антропологических типов: обыватель, революционер, "маленький человек", аристократ, фланёр и т.д. В эпоху революций XX века родился новый антропологический тип, описанный М.А. Булгаковым в «Собачьем сердце» в образах Шарикова и Швондера. Для этого типа характерны способность к «прихватизации» (возрожденная затем в эпоху перестройки); готовность к

разрушению, а не созиданию; деиндивидуализация; агрессивное противопоставление «своих» и «чужих». Этот новый тип противоположен «классическому» культурно-антропологическому типу русского человека, для которого, как писал Н.А. Бердяев, характерна «исключительная отрешенность ...от земных благ». Отсюда проистекает «слабость правосознания» и «недостаток буржуазной честности».

В работе «Размышления о русской революции» Н.А. Бердяев пишет: «...в России образовался новый слой, не столько социальный, сколько антропологический слой. В русской революции победил новый антропологический тип (выделено авт.). Произошел подбор биологически сильнейших, и они выдвинулись в первые ряды жизни. Появился молодой человек в френче, гладко выбритый, военного типа, очень энергичный, дельный, одержимый волей к власти и проталкивающийся в первые ряды жизни, в большинстве случаев наглый и беззастенчивый. ... Это - новый русский буржуа, господин жизни, но это не социальный класс. Это прежде всего новый антропологический тип (выделено авт.). В России, в русском народе что-то до неузнаваемости изменилось, изменилось выражение русского лица». Рассуждая о дальнейшем существовании этого нового культурно-антропологического типа, Н. А. Бердяев предрекает его тяготение к утверждению технической цивилизации и отказ от высшей культуры (всегда аристократической). К существенным характеристикам этого типа относится также «внешнебытовое и корыстно-утилитарное отношение к православной Церкви» [1].

В послереволюционный период появляются такие антропокультурные типы, как: «человек труда» (в социалистическом варианте – «простой советский человек» – это, скорее, идеальный тип, однако он был доминирующим в советское время), важнейшим признаком его являлась коллективистская устремленность, готовность к труду и лишениям, социальный оптимизм; «совбюр» (советский бюрократ-«аппаратчик»); шестидесятники.

В перестроечную эпоху на авансцену выдвигается новый антропокультурный тип. Для него характерен крайний индивидуализм; потребность к неограниченной «прихватизации», некритическое восприятие новой информации (особенно если она поступает через аудио- и визуальный каналы); развитие способности в погоне за сиюминутной выгодой к быстрому переходу от одного вида деятельности к другому, что предполагает примат поверхностности, а не содержательности; легкость при смене идентичности; псевдоинтеллектуализм; сворачивание эмоциональных реакций на происходящее в социуме «здесь и сейчас», «размывание» языковых дискурсов («смешение французского с нижегородским», сниженная лексика, «англояз» – употребление американизированных слов и выражений) и др.

Глубинные изменения в экономической, политической и социальной жизни, в современной культуре в целом трансформируют жизненные

сценарии, стратегии и тактики поведения, религиозные нормы, семейные ценности, установки политических партий и государственных лидеров, экономические ориентации, способы и средства межличностной коммуникации, языковые нормы, речевую практику. Результатом этих трансформаций является возникновение новых черт современного человека, осмысление которых в научном дискурсе осуществляется и с помощью ряда понятий (идентичность, маргинал и т.д.), и с помощью новых характеристик и определений человека: «одномерный человек» (Г. Маркузе), «человек играющий» (Й. Хейзинга), Homo digitalis (Н. С. Ларионова.), «человек разорившийся» (в разнообразных публикациях перестроечной эпохи), «человек отдыхающий» (Р. Инглхарт), «человек бегущий» (О. Э. Душин), «постчеловек», «человек организации или корпоративный человек» (У. Х. Уайт) и т.п. У. Х. Уайт ещё в 1956 г. описал новое – послевоенное – поколение. Для него характерно стремление к конформизму, готовность променять собственную индивидуальность на участие в осуществлении корпоративной мечты, приверженность идеалам защищенной жизни, накопительство ненужных вещей. У. Х. Уайт приходит к выводу, что культура "человека организации" прямо противоположна ранее типичному для Америки типу – энергичному индивидуалисту [3].

Но вернёмся к отечественным реалиям. Новый для революционной России антропокультурный тип, репрезентированный в образах Шарикова и Швондера, оказался удивительно живучим и возродился в эре "красных пиджаков". Особенно убедительно этот новый культурно-антропологический тип выражает себя в языке. Сегодня мы с тревогой наблюдаем проникновение в широкую речевую практику сниженной лексики, языка зоны, простонародного языка, матерных выражений и т.п. Эти явления есть не просто сугубо филологическая проблема, вполне безопасная для общества, нет: вытеснение литературного языка есть средство и, одновременно, симптом вытеснения одних антропокультурных типов человека другими. Именно поэтому борьба так неравна: ведь каждый язык создается для выражения определенного реального опыта и особой жизненной ориентации: «...всякий язык организует универсум, о котором можно сказать и помыслить в определенной форме *содержания*. ... Согласно некоторым теориям, естественный язык приспособлен для выражения *определенного реального опыта, но не опытов, реальных для других естественных языков*» [2, с. 30, 31]. Конечно, это жёсткое утверждение, однако применительно к опыту, интенциям и смыслу существования разных культурно-антропологических типов данная позиция представляется вполне уместной. Поэтому в революционную эпоху превалирует военная лексика, в обществе тоталитарном – новояз, а в кризисном – тюремная и матерная.

Таким образом, в современной культуре возникает и получает широкое распространение своеобразный «усредненный» антропокультурный тип человека, что на уровне языка проявляется прежде всего в сниженной лексике, возникновении языковых дискурсов, не требующих особых

интеллектуальных усилий для овладения ими. Это не просто «человек массы», эрзац-продукт массовой культуры. Это «зоологический» индивидуалист, уверенный в своем праве на сугубо эгоцентрическое толкование границ своей свободы и выдающий примитивизм за истину своего бытия. С проявлениями этих «зоологических» индивидуалистов, "продуктов" «опрошения» смыслового центра культуры, деградации ее ценностного ядра мы сталкиваемся каждый день. Представляется, что изучение культурно-антропологических типов обогатит гуманитарное знание, поскольку позволит более конкретно моделировать существенные характеристики человека XXI века.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Размышления о русской революции / Н. А. Бердяев. - Доступно: http://www.vehi.net/berdyaev/rus_rev.html. Проверено: 29.10.2016.
2. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. – СПб.: «Александрия», 2007. 423 с. С.30, 31.
3. Whyte William H. The Organization Man. N.Y.: Simon&Schuster, 1956. 429 p.

CONSTRUCTION OF THE DOMINANT CULTURAL-ANTHROPOLOGICAL HUMAN TYPE IN THE MODERN SOCIETY

Shtompel L.

The article traces the formation within one and the same culture different human types that focus on various value attitudes, ideals and views. In connection with this, the concept of "cultural-anthropological type" of man is introduced, by which is meant the property of a particular person to represent a certain cultural system. Specific cultural-anthropological types in Russia XIX- XXI centuries are allocated.

Keywords: culture, cultural-anthropological type, language.

УДК 821.161.1.0

НАША ПУШКИНИАНА (к 80-летию профессора С.А. Фомичёва)

Наталья Закирова
кандидат филологических наук, профессор
Глазовский государственный
педагогический институт им. В.Г. Короленко
Глазов, Россия
e-mail: natnik50@rambler.ru

Статья посвящена пушкиноведению в региональном аспекте и 80-летию юбилею известного филолога С.А. Фомичёва. Даны сведения биографического характера, отмечена связь профессора Пушкинского Дома с Глазовским пединститутом, выпускником которого является С.А. Фомичёв. Освещены факты научных, деловых и личных связей учёного с глазовчанами, его пребывание в 21 веке в городе студенческой юности, представлены труды пушкиниста и литература о нём.

Ключевые слова: русская литература, А. Пушкин, С. Фомичёв, Глазов, Глазовский пединститут имени В.Г. Короленко.

«Всю жизнь читаю Пушкина и люблю, как самое святое, что есть у России!..» – эти слова народного поэта Удмуртии О.А. Поскрёбышева, выпускника Глазовского пединститута, десятилетия проработавшего словесником в сельских школах нашей республики. Поэт и педагог с краеведческой «закваской», он признавался: «Считаю, счастьем побывать в пушкинских местах и смотреть на что-то вслед за Пушкиным...» [1]

Для моей педагогической и научной деятельности, литературного и театрального творчества диалог с Пушкиным тоже имеет колоссальное значение! Много лет читаю курс истории русской литературы первой трети XIX века, готовлю со студентами пушкинские литературно-музыкальные композиции, а играя роль Натальи Гончаровой на сцене камерного литературного театра, я стремилась уловить связь Натали и Поэта, как близких прежде всего духовно личностей, пыталась представить Н.Н. Ланскую в вятских пределах, и не случайно в постановке «А душу твою люблю...» моя героиня даже музицировала «Октябрь» из «Вре́мён года» нашего гениального земляка – П.И. Чайковского.

Среди выдающихся современных пушкинистов особое место занимает имя Сергея Александровича Фомичева, поддерживающего тесные связи с Глазовом, и этот факт – одна из ярких страниц глазовской пушкинианы.

Родился С.А. Фомичев в 1937 г. в Горьком, а с 10-летнего возраста вместе с родителями он жил и учился в г. Пушкине (Царском Селе). Высшее филологическое образование он начал получать в Ленинградском государственном пединституте им. А.И. Герцена (1954-1957), а закончил в Глазовском пединституте им. В.Г. Короленко (1957-1961). Окончив аспирантуру Пушкинского Дома, С.А.Фомичев в 1969 г. защитил кандидатскую диссертацию «Проблема национальной самобытности в творчестве А.С. Грибоедова». Докторская диссертация учёного посвящена творческой эволюции поэзии А.С.Пушкина (1984). Крупнейший из современных исследователей истории русской литературы, пушкиновед, текстолог С.А. Фомичев – автор более 300 работ. Часть из них носят краеведческий характер, например, воспоминания об удмуртском поэте Флоре Васильеве, об учёбе в ГГПИ в конце 1950 - начале 1960-х годов, книга «Грибоедов в Петербурге» [2-3], статьи о пушкинских и гоголевских местах.

1 июля 1989 г. ленинградский профессор, доктор филологических наук во время приезда на встречу выпускников филфака выступал перед глазовскими учителями и студентами в ГГПИ. С тех пор с гордостью демонстрирую своим студентам его книгу «Комедия А.С. Грибоедова «Горе

от ума»: комментарий» с автографом: «Дорогой Наталье Николаевне. 1.07.1989» [4].

С.А. Фомичев – ученик и коллега академика Д.С. Лихачева. А сегодня у него самого уже множество учеников и последователей как в России, так и за рубежом, он читает лекции в Санкт-Петербурге и Новгороде, в Иркутске и Пскове, Оренбурге и Владивостоке, в Медисоне (США) и Ювяскюле (Финляндия). Для нас же очень важно и знаково то, что столичный профессор не забывает наш провинциальный Глазов.[5-6]

С.А. Фомичев – человек самодостаточный, личность оригинальная и независимая. Однако, отличаясь оригинальностью суждений, он обладает обостренным чувством справедливости – отсюда его почтительность и корректность в отношениях с коллегами, уважение к научным достижениям предшественников и современников. А цикл телепередач профессора С.А. Фомичева, его присутствие на экране художественного фильма «Храни меня, мой талисман...» приглашают нас, находящихся на берегах Чепцы, вдали от архивов и рукописных подлинников, поразмышлять над пушкинскими строками, приобщают к миру высокой поэзии и подлинной науки.

В 2005 г.в Глазове вышло дополненное издание книги о С.Фомичеве в серии «Творческие биографии выпускников ГГПИ» [7], а в 2007 году его имя нашло достойное место в книге «Наше культурное достояние» [8].

В 2008 г. с автографом «В библиотеку ГГПИ им. В.Г. Короленко от бывшего студента – С. Фомичёва» в Глазов из Санкт-Петербурга пришла новая монография «Пушкинская перспектива» [9]. В ней ученый, со свойственным ему стремлением служить Истине, выступает гарантом подлинной научности пушкиноведения. А первыми «слушателями» в авторском исполнении этой работы были глазовчане.[10-11]

В лице С.А. Фомичева можно увидеть пример сложного и славного пути формирования личности крупного учёного – от студенческой скамьи в провинциальном вузе до покорения вершин науки, многолетней плодотворной деятельности в одном из центральных институтов мировой литературы – в Пушкинском Доме. Небо над Невой оказалось благосклонным для бывшего глазовского студента, хранимого доброй памятью однокурсников, друзей, учителей, нескольких поколений студентов и преподавателей *alma mater* в удмуртском родниковом крае.

Список литературы

1. Поскрёбышев О.А. Анкета «Луча». – Луч, 1999. – № 3-4. – С. 49.
2. Фомичёв С.А. Грибоедов в Петербурге. – Л.,1982.
3. Фомичёв С.А. О Флоре Васильеве // Флор Васильев – поэт со свечой в душе: Серия «Творческие биографии выпускников ГГПИ». – Глазов, 2005. – Вып.4. – С.24-26.
4. Фомичёв С.А. Комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума»: Комментарий: Книга для учителя. – М.,1983.
5. Закирова Н.Н. Профессор из глазовской *alma mater* // Флор Васильев и современность: Матер. Всероссийской конференции «Вторые Флоровские чтения», посвященной 70-летию со дня рождения удмуртского поэта Ф.И.Васильева. – Глазов, 2005. – С.130-132.

6. Закирова Н.Н. Методическое наследие С.А. Фомичева (школа педагогического мастерства) // Проблемы школьного и дошкольного образования. – Глазов, 2005. – С.11-13.
7. Профессор С.А. Фомичев. Страницы жизни и творчества: Серия «Творческие биографии выпускников ГГПИ» / Сост. Л.Б. Шмыгина.– Вып. 1.–Глазов, 2003.– 84 с.; То же.– Издание 2-ое исправленное и дополненное.– Глазов, 2005.–103 с.
8. Закирова Н.Н. С.А. Фомичёв. // Закирова Н.Н. Наше культурное достояние: учебно-методическое пособие. – Глазов, 2007. – С.197-198, 331-337.
9. Фомичёв С.А. Пушкинская перспектива. – М.: Знак, 2007. – 536 с.
10. Гущина-Закирова Н.Н. Над пушкинской строкой // Вятский библиофил: Альманах. – Киров-на-Вятке, 2009. – Вып.2. – С. 69-72.
11. Закирова Н.Н. Наш Фомичёв из Северной Пальмиры // Быть учителем – высшее назначение: Биографический справочник о выпускниках Глазовского учительского и государственного педагогического института имени В.Г. Короленко, удостоенных государственных наград, почётных званий и нагрудных знаков: К 75-летию института. – Глазов: ГГПИ, 2013. – С.164-165.

OUR PUSHKINIANA (to professor S. A. Fomichev's 80th anniversary)
Zakirova N.

Article is devoted to Pushkin studies in regional aspect and to 80-year anniversary of the famous philologist S. A. Fomichev. The information of biographic character is supplied, communication of professor of the Pushkin House with the Glazov State Pedagogical Institute which graduate is S. A. Fomichev is noted. The facts of a scientific, business and personal contact of the scientist with residents of Glazov, his stay in the 21st century in the city of student's youth are considered, works of the Pushkin scholar and literature on him are presented.

Keywords: Russian literature, A. Pushkin, S. Fomichev, Glazov, Glazov State Pedagogical Institute named after V.G. Korolenko.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ

УДК 008

ИДЕИ ДУХОВНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ КУЛЬТУРЫ В КОНЦЕПЦИИ В. В. ЗЕНЬКОВСКОГО («РУССКИЕ МЫСЛИТЕЛИ И ЕВРОПА»)

Диана Берестовская
доктор филологических наук, профессор
Таврическая академия
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Симферополь, Россия
e-mail: verynua.58@gmail.com

В статье рассматриваются основные положения концепции В. Зеньковского, посвященной анализу духовной целостности русской культуры, противопоставленной позиции О. Шпенглера о «закате» культуры в эпоху цивилизации. Опираясь на творчество Н. Я. Данилевского, великих писателей Н. Гоголя, Л. Толстого, Ф. Достоевского, религиозных мыслителей Вл. Соловьева, Н. Бердяева, В. Эрн и других, Зеньковский утверждает положение о «теургической» функции русской культуры и несостоятельности претензии Запада на обладание «общечеловеческой культурой».

Ключевые слова: культура, духовная целостность, теургическая функция русской культуры.

Начало XX века в культурной жизни Европы было отмечено сложными социокультурными процессами, связанными с социальными взрывами, научно-технической революцией, локальными и Первой мировой войнами, другими судьбоносными явлениями, что нашло отражение в формировании идей кризиса классической культуры. Наиболее категорично они прозвучали в труде немецкого мыслителя О. Шпенглера «Закат Европы», где был обоснован термин «душа культуры» и предсказана её гибель под воздействием «цивилизации»: «Воцаряется мозг, так как душа вышла в отставку» [6, с. 264, 265].

Ответом Шпенглеру явились работы российских мыслителей, в частности, Василия Васильевича Зеньковского, философа и богослова, который так определял свою культурную идентичность: «Принадлежа по своему происхождению на 7/8 к украинцам, я по воспитанию и чувствам всецело и абсолютно принадлежал России» [1, с. 11].

Свои идеи В. Зеньковский обосновал в труде «Русские мыслители и Европа» (издан в Париже в 1926 г., второе издание – там же, в 1955 г.), где дано глубокое исследование истории русской мысли, связанной с проблемой взаимоотношений России и Европы, не теряющих своей актуальности и в XXI веке.

Следует отметить, что в России начала XX столетия особое значение приобрела теория Вл. Соловьёва, изложенная в работе «Философские начала цельного знания», к анализу которой обратился В. Зеньковский [2].

«Цельное знание», «положительное всеединство» в жизни, знании, творчестве – константы, которые выделяет В. Зеньковский в учении Вл. Соловьёва, сообщали его мысли «чрезвычайную широту и значительность» [2, с. 127].

Обратим особое внимание на характеристику культуры, обусловившую особенность концепции Вл. Соловьёва: «цельное знание», «цельное творчество, «цельное общество», «цельная жизнь». В. Зеньковский определяет данную категорию как высшую форму организованности, святости и упорядоченности предмета в сфере материи и духа. Он отмечает, что для Вл. Соловьёва это означает «слияние с Абсолютом» [2, с. 280]. Соотнесение понятия Абсолюта с художественным творчеством мыслитель обосновывает возможностью существования «теургической функции» и «теургической природы искусства», что характеризует способность «эстетической сферы» влиять на «преображение бытия».

Именно это свойство русской культуры, русского искусства создало основу для возможного преобразования действительности при вхождении в эстетическую сферу. Таким образом, Зеньковский связывает мысли Вл. Соловьёва с идеями космизма (мечта о «космическом художнике», «космическом уме», преобразении космоса). Отметив, что в основе природного бытия лежит «хаос», он видит задачу искусства в «превращении физического бытия в духовное», что в концепции Вл. Соловьёва, по утверждению автора работы «Россия и Европа», связано с теургической деятельностью «космического ума» и «космического художника» [2, с. 282]. Эти задачи В. Зеньковский соотносит с началами православия и его духом.

Обращаясь к кризису европейской культуры, к тому, что С. Л. Франк назвал «крушением кумиров», Н.А. Бердяев – «кризисом гуманизма», а О. Шпенглер, как мы отметили, «закатом Европы», В. Зеньковский определил как «секуляризацию культуры». Через призму этой категории он произвел «реконструкцию» отечественной философии.

В работе «История русской философии» В. Зеньковский отметил её нравственный пафос, «чувствительность» к проблемам добра и зла, являющимся одновременно и общезначимыми, и теоретическими, и жизненными. Для нас чрезвычайно важно утверждение идеи целостности и «великого синтеза традиционного творчества, церковности и свободы» [2, с. 117].

Знаменательно, что подобные мысли в начале XX в. высказал П. А. Флоренский, мыслитель, физик, искусствовед, в то же время богослов и православный священник: им движет стремление «произвести синтез церковности и светской культуры, вполне соединиться с Церковью, но без каких-нибудь компромиссов, четко воспринять всё положительное учение Церкви и научно-философское мировоззрение вместе с искусством [5, с. 6].

Анализируя проблемы русской культуры, В. Зеньковский связывает взгляды Вл. Соловьёва с эстетическими воззрениями русских писателей: Н. С. Лескова, Н. С. Михайловского, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева и других. Особое внимание он уделяет Н. В. Гоголю, посвящает ему отдельную книгу, состоящую из трех частей:

- Гоголь как художник,
- Гоголь как мыслитель,
- Гоголь как человек.

Мысли Зеньковского о своеобразии гоголевского реализма, связанного с «религиозным романтизмом», дают возможность глубже понять процесс, названный философом «религиозным возрождением» великого писателя. Глубоко проникает мыслитель в суть принципа типизации характеров гоголевских героев, названного «художественным платонизмом», – восхождение от живой конкретности к ... типу» («идее», по Платону), названному Зеньковским «ядром» личности [2, с. 177].

Все эти положения обоснованы анализом характеров гоголевских героев «Мертвых душ», «Ревизора», «Тараса Бульбы» и других произведений, отмечена «многоплановость творчества Гоголя – художника, которому подвластна «стихия слова». Стоя на позициях целостного анализа («цельное творчество», «цельная жизнь»), В. Зеньковский утверждает единство Гоголя-художника и Гоголя-мыслителя, что обозначено термином «эстетическая антропология» [2, с. 193].

Обращаясь к анализу творчества философов, занимавшихся проблемами культуры, и к авторам – создателям художественных произведений образных систем, В. Зеньковский рассматривает проблему взаимодействия, соотношения «между духовным и вещественным бытием». В творчестве Вл. Соловьёва он выделяет мысль о природном бытии и духовном: физическое, природное «превращается» в *духовное*, совершая путь от Хаоса к Космосу.

В наши дни (XXI в.) эти интенции В. Зеньковского получили свое воплощение в синергетическом мировидении И. Пригожина. Синергетика как теория самоорганизации представляется междисциплинарным подходом к изучению генезиса культуры. Осуществляется связь естественных наук с гуманитарными, в частности, культурологией. Сегодня это направление исследований носит название «Science Art» (Сайнс Арт). В рамках синергетики исследуются процессы перехода от хаоса к порядку (космосу) и обратно, направление вектора развития определяется аттрактором (устойчивое состояние системы, которое как бы «притягивает» (лат. *attrahere* – притягивать) к себе все множество «траекторий» системы [4, с. 199].

В роли attractor(a) могут выступать некие «пассионарии», определяющие силой своего воздействия направление развития. В концепции Зеньковского – это великие русские писатели, действительно определявшие вектор развития русской культуры: Н. В. Гоголь, А. И. Герцен, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, среди них мыслители: Н. Я.

Данилевский, Вл. Соловьёв и другие. Искусству придавалась надежда, что «красота спасет мир». Эта теургическая функция искусства у Вл. Соловьёва была тесно связана с символизмом. В статье «Эстетические воззрения Вл. Соловьёва» В. Зеньковский утверждает, что философ глубоко убежден в «творческой природе красоты»: красота есть свидетельство «преображающей силы идеального начала». Хаос, лежащий в основе природного бытия, вступает в борьбу с «идеальным началом», что способствует «превращению физического бытия в духовное», связанное, в понимании Вл. Соловьёва, с теургической деятельностью «космического ума» и «космического художника» [3].

В контексте темы «Россия и Европа» представляют глубокий интерес размышления В. Зеньковского о культурно-исторических типах Н. Я. Данилевского. В V главе книги «Русские мыслители и Европа» автор обращается к анализу концепции Н. Я. Данилевского, которую Зеньковский называет «оригинальным и очень продуманным учением». Мыслитель выступает против «мнимого», «претенциозного универсализма европейской культуры» и отстаивает «сознание своеобразия русской культуры», которое достигает «такой силы, такой ясности» в концепции культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского.

В. Зеньковский цитирует слова Н. Данилевского, утверждающие право народа на свой «культурно-исторический тип», являющийся «самостоятельным и своеобразным планом «религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного, одним словом – исторического развития» [3, с. 71]. Опираясь на мысли Н. Данилевского, В. Зеньковский доказывает неосновательность претензий Запада на обладание «общечеловеческой культурой».

Таким образом, наследие выдающегося русского мыслителя Василия Васильевича Зеньковского является важным вкладом в отечественную философию, культурологию, литературоведение, эстетику, этику и другие науки, в изучение Русского мира, проблем человека и истории. Мы не касались религиозной деятельности В. В. Зеньковского, который в 1962 г. принял сан священника, создал работы по богословию («Апологетика», 1957). Эта тема требует особого освещения.

Список литературы

1. Зеньковский В. В. Россия и Европа / В. В. Зеньковский. – М. : Республика, 2005. – 368 с.
2. Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа / В. В. Зеньковский // Зеньковский В. В. Россия и Европа. – М. : Республика, 2005. – С. 278-287.
3. Зеньковский В. В. Воспоминания / В. Зеньковский. – М., 1995.
4. Князева Е. Н. Основания синергетики. Синергетическое мировидение / Е.Н. Князева, С. П. Курдюмов. – М. : Кон. Книга, 2005. – 238 с.
5. Флоренский П. А. Иконостас / П. А. Флоренский. – М. : Искусство, 1995. – 256 с.
6. Шпенглер О. Закат Европы / Освальд Шпенглер. – М. : Мысль, 1993. – 636 с.

THE IDEAS OF THE SPIRITUAL INTEGRITY OF CULTURE IN V. V. ZENKOVSKY'S CONCEPT («RUSSIAN THINKERS AND EUROPE»)

Berestovskaya D.

The article deals with the basic provisions of V. Zenkovsky's concept devoted to the analysis of the spiritual integrity of the Russian culture opposed to O. Spengler's position about the "decline" of culture during a civilization era. Relying on N. Danilevsky's creativity, the great writers N. Gogol, L. Tolstoy and F. Dostoyevsky, religious thinkers Vl. Solovyov, N. Berdyaev, V. Ern and others, Zenkovsky approves the "theurgic" function statement of the Russian culture and the inconsistency of the claim of the West for possession of "the universal culture".

Keywords: culture, spiritual integrity, theurgic function of the Russian culture.

УДК 130.2

КУЛЬТУРОЛОГИЯ В ТРАКТОВКЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО

Лариса Сугай

доктор филологических наук, профессор

Университет им. Матей Бела

Банска Быстрица. Словакия

larisasugay@yandex.ru

*Чем дальше, тем искусство становится более научным, а наука –
более художественной; расставшись у основания, они встретятся когда-
нибудь на вершине.*

Гюстав Флобер

Автор анализирует теоретические воззрения Андрея Белого на культуру, а также исследует историю терминов *культурология*, *культуролог*, рассматривает значения этих категорий на Западе и в России, поднимает вопрос о русском символизме как культурологической школе. Согласно определению Андрея Белого, истинными культурологами были те люди, у которых было переплетение редко переплетающихся линий: поэзии, философии, истории, этнографии.

Ключевые слова: Андрей Белый, культурология, культуролог, поэтическая культурология, символисты, Вильгельм Оствальд, Лесли Уайт.

К началу XXI столетия изучение истории культурологической мысли выделилось в самостоятельное направление науки. Исследования в этой области нередко относят к числу наиболее приоритетных, актуальных и интересных. «В последние годы, — читаем, например, в монографии С. С. Минц, — необходимость осмыслить происхождение культурологии осознается как одна из настоятельных потребностей современного научного знания» [18, с. 5]. Характеризуя весьма длительную историю становления и развития воззрений на культуру, профессор С. Н. Иконникова пишет: «Ученые и писатели, философы и религиозные деятели в своих трудах стремились понять сущность культуры и тенденции ее развития, найти

главные и второстепенные факторы, которые способствуют духовному росту человека. Изучение этих подходов, поисков, трактатов и концепций — занятие не менее увлекательное, чем исследование истории мировой культуры» [16, с. 47]».

Однако нужно признать, что и в работах вышеназванных авторов [см.: также: 15], и в многочисленных антологиях, хрестоматиях, научных сборниках и учебных пособиях русским писателям, внесшим свой вклад в становление и развитие культурологии, практически не уделяется никакого внимания. В корпус исследуемых текстов входит очень устойчивый круг жанров: это теоретические трактаты, философские эссе, исторические, этнографические и социологические труды, отдельные аспекты работ по филологии, семиотике и эстетике. Но, как справедливо отмечает Л. Я. Незамова, «самосознание русской культуры достигает осуществления не только в историософской мысли, но в значительной степени и в художественной литературе» [19, с. 26]. Впрочем, в своем диссертационном исследовании автор приведенных строк не касается, например, художественных произведений (поэтической культурологии) русских символистов [см.: 20].

На специфику русского синтетического миропостижения и поэтического мироотражения указывал Александр Блок: «На Западе никто не стал бы строить философских теорий на лирических основаниях, и писатель-публицист никогда не стал бы писать лирических драм. А в России все — не так» [12, с. 168]. К сожалению, не только произведения художественной словесности, но и «пограничные» жанры на стыке науки и искусства, например, богатейшие материалы литературы «путешествий» практически не рассматриваются как источник истории отечественной культурологии. Между тем, осмысление культурологии как особого типа творческой деятельности, определение статуса и задач культуролога и само введение в русский научный лексикон термина «культуролог» — всё это впервые было представлено не в научно-философском трактате и даже не в критической статье, но в путевых записках поэта и прозаика, философа, теоретика и практика русского символизма Андрея Белого.

В отличие от 90-х годов ушедшего века, когда в монографиях, многочисленных учебных пособиях, антологиях и хрестоматиях, дающих характеристики научных направлений и творческие портреты выдающихся культурологов, в числе последних не доводилось встречать имен представителей русского символизма, в новом столетии культурологические сочинения символистов стали предметом серьезного научного исследования. Достаточно перечислить диссертационные работы, защищенные в последние десятилетия: И. Ю. Искржицкая «Эстетико-культурологические проблемы литературы русского символизма» (М., 2000); А. В. Малафеев «Философия культуры русского символизма: онтологический аспект» (М., 2002); З. Р. Жукоцкая «Культурфилософия русского символизма: теургия и откровение» (М., 2003), Ю. В. Аленькова «Культурологическая концепция

русского философского символизма первой четверти XX века» (Минск, 2004), Н. В. Ильина «Генезис и духовно-содержательный аспект художественно-философской концепции символизма» (Ростов-на-Дону, 2007), А. В. Корнюхина. «Проблема взаимосвязи философии и искусства в идейном наследии русского символизма» (Тверь, 2007); Н. В. Александрова «Культурологические идеи в творчестве Андрея Белого» (СПб., 2012). Исследователи анализируют широкий спектр теоретических воззрений символистов на культуру (проблемы культуры и цивилизации, культурогенеза, прогресса, духовной и материальной культуры, места России во всемирном культурно-историческом процессе и др.), характеризуют символистскую культурософию в целом и сопоставляют культурологические концепции отдельных представителей направления. Однако важнейший вопрос трактовки символистами культурологии, ее задач и методов остается вне рамок исследований.

Высказанные мной критические замечания в адрес Ю. А. Асояна и А. В. Малафеева, авторов исследования «Открытие идеи культуры (Опыт русской культурологии середины XIX – начала XX веков)», остались незамеченными, вероятно, в силу малотиражности и ограниченного доступа издания, опубликовавшего мою работу [см.: 25], либо по причинам, более существенным. Дело в том, что предложенное столетие назад Андреем Белым толкование культурологии, а также его предостережения о возможных путях ее развития оказываются не очень удобными для современных «специалистов по культуре», противоречат их концепциям.

В вышеназванной книге Асояна и Малафеева, вторая часть которой посвящена культурологии русского символизма, об Андрее Белом узнаем, что «явное неприятие вызывает у него и сама идея культурологии» [5, с. 119] и что «несмотря на все усиливающийся интерес к истории, теории и философии культуры, в последующих сочинениях (после статьи «Круговое движение», 1912 — Л. С.) А. Белый понятием “культурология” не пользуется» [5, с. 303]. Так как мои возражения против подобных заявлений и общей трактовки культурологических взглядов Андрея Белого остались без внимания, а в ряде новых работ наши позиции с критикуемыми мною авторами уравниваются¹, считаю необходимым вернуться к вопросу о характеристике культурологии и задачах культуролога, сформулированных Андреем Белым.

Появление термина «культурология» традиционно соотносят с именем американского антрополога Лесли Уайта. Вот, например, типичная характеристика: «Следует, однако, заметить, что сам термин “культурология” употребляется еще с начала XIX столетия. Второе “дыхание” ему придал крупный американский культуролог Лесли Уайт (1900–1975), который осуществил попытку систематического обоснования общей теории культуры» [14, с. 8-9]. Думается, прежде, чем рассуждать о «втором дыхании» термина, недурно было бы полюбопытствовать, кто дал слову «первое дыхание»? Если термин, действительно, употреблялся еще в начале

XIX в. (когда, замечу, даже слово «культура» только входило в научный лексикон европейских языков), то приведите примеры сего употребления: в каких работах, в каких странах, в каком написании лексема зафиксирована. На самом деле перед нами результат допущенной Э. С. Маркаряном в книге «Теория культуры и современная наука» (М., 1983) ошибки (или опечатки), бездумно растиражированной коллегами в ряде статей и учебных пособий. «Свою теорию Уайт назвал культурологией, — читаем в вышеназванной книге, — и хотя этот термин употреблялся еще *в начале прошлого столетия*², он приобрел широкое распространение именно после выхода в свет его основных публикаций, посвященных изложению культурологической системы взглядов» [17, с. 9, курсив мой – Л. С.].

История термина «культурология» в исследовании Асояна и Малафеева рассматривается подробно, причем, цитируя книгу Лесли Уайта «The Science of Culture» (1949), авторы не только отмечают, что американский ученый признавал первенство введения названия науки о культуре (Kulturologie) за немецким химиком и философом Вильгельмом Оствальдом (1853-1932), но и выдвигают положение, что русский писатель Андрей Белый опередил последнего в употреблении термина «культурология»³.

Действительно, по прошествии десяти лет, как Лесли Уайт «ввел в употребление» название новой науки, он обнаружил, что термин давно уже существует. В указанной выше работе он писал: «Термин “культурология” относительно мало использовался, но он применялся более чем треть века тому назад в том точном и особенном смысле, в котором используем его мы, и сегодня им пользуются по меньшей мере на трех континентах» [3, с. 153]. Кроме Европы и Америки, Л. Уайт имел в виду Азию — работы китайского профессора Хуань Вэн Шана (Huang Wen Shan); упоминал он также изданную в Буэнос-Айресе книгу Й. Имебеллони (Imbelloni) «Epitome de Culturologia» («Воплощение культурологии»). Российского поэта-исследователя Андрея Белого американский культуролог, увы, не упоминал. Конкретно Уайт остановился на работе своего немецкого предшественника: «В своем сочинении “Система наук”, созданном в 1915 г., выдающийся немецкий химик и Нобелевский лауреат Вильгельм Оствальд говорил: “Я, следовательно, много лет назад предложил <...> именовать обсуждаемую область наукой о цивилизации, или культурологией (Kulturologie)”. Нам не удалось обнаружить у него это более раннее употребление данного термина» [3, с. 153].

Не перепроверив данные о публикациях Оствальда и считая вслед за Уайтом «первым надежно зафиксированным случаем употребления термина “культурология”» использование его в работе «Система наук», Асоян и Малафеев указывают, «что ранее установленной границы (т. е. 1915 года — Л. С.) слово “культурология” можно встретить у одного из русских писателей — у поэта и теоретика символизма А. Белого» [5, с. 118-119]. Правда, употребление этого слова в статье «Круговое движение» (1912) они

рассматривают как ироническое, по их словам, «Белого влечет не “наука о культуре” (культурология), а философия культуры – культурософия» [5, с. 303]. В специальной главе «Культурософия Андрея Белого» авторы вновь затрагивают вопрос о первенстве русского писателя-символиста в употреблении термина «культурология» и вновь отрицают характеристику Белого как культуролога: «Между прочим, Андрею Белому мы обязаны, кажется, первой фиксацией в русском языке слова *культурология* (современниками, впрочем, не замеченному и тотчас — до времени — забытому). Так же как и другие русские символисты, культурологом в современном смысле этого слова А. Белый, конечно, не был» [5, с. 138].

Подобный подход — результат поверхностного и фрагментарного изучения культурологического наследия поэта-философа, причем только по появившимся в 90-е годы XX века перепечаткам его работ.

Что касается 1915 года как рубежа, раннее которого Лесли Уайту не удалось обнаружить употребление термина «культурология», то современным исследователям не следовало бы полагаться на заверения американского ученого. Вильгельм Оствальд ввел термин в научный обиход еще в 1909 году — в статье «Классификация наук» и докладе «Наука и культура». Работы немецкого философа в 1912–1913 гг. были изданы в России на русском языке, и термин «культурология» утвердился в русском написании.

В работах 1909 г. В. Оствальд предпринял вторую попытку создать полную классификацию наук, представить целостную систему знаний. В отличие от первой классификации, намеченной в работе 1904 года «К теории науки», Оствальд приходит к идее поставить над всеми другими науками науку о культуре и обосновывает необходимость нового термина — «культурология».

Все науки Оствальд разделил на три группы. К первой он отнес математические науки, ко второй — «физические» (механику, физику, химию). «В третью группу, — утверждал философ, — входят *физиология, психология* и *культурология*. Последнюю до сих пор называли социологией, но название это оказывается слишком узким с нашей теперешней общей точки зрения, так как обобществление является лишь одним из орудий культуры. Все эти науки могут быть объединены в одну группу *биологических* наук или наук о жизни. При этом физиологии отводится область самых общих, и потому самых низких жизненных явлений, тогда как психологии приходится иметь дело с душевными явлениями, как у человека, так и у животных. Последней и наивысшей наукой является, наконец, наука о человеке и его особых проявлениях. Ее лучше всего следовало бы назвать антропологией, если бы это название не было уже приложено к одной из небольших областей всей совокупности наук о человеке. Может быть, ее следовало бы, по аналогии с физикой, назвать *антропикой*» [23, с. 92].

Итак, культурология оценивается как *последняя и наивысшая наука* в пирамиде знаний. Что же касается ее наименования, то единственный

недостаток, впрочем, только внешнего характера, по мнению Оствальда, состоит в том, что «слово *культурология*, хотя и сходное со словом социология даже по своему гибриднему происхождению, все же звучит на первый раз немного комично» [22, с. 203]. «Но этот комический оттенок, – признается автор, – скоро исчезнет, и потому я не буду бояться рядом с наукой о культуре, ради формального согласования с другими названиями, как физиология и психология, употреблять и слово культурология» [22, с. 203]. В подстрочной сноске исследователь, вводящий в научный обиход новый термин, добавляет: «В то время как я пишу эти строчки, я могу наблюдать, как у меня самого исчезает первоначальный протест чувства против этого слова» [22, с. 203]. Итак, в таблице *чистых наук* Оствальда культурология заняла вершинное положение.

Работы Вильгельма Оствальда по классификации наук, введившие в обиход и подробно комментировавшие новый термин, на несколько лет опередили статью «Круговое движение» русского поэта-исследователя. Более сложный вопрос — можем ли считать публикацию выше названной статьи Белого в журнале «Труды и дни» первой фиксацией слова «культурология» в русском написании?

Спаренный «двухмесячник издательства “Мусагет”» приходился на целых четыре месяца: июль–октябрь. Но известно, что статья «Круговое движение» была написана Белым между первым и двадцать шестым октября 1912 г. [2, с. 312], то есть относилась к самым последним материалам номера (журнал вышел в конце года). Книгу В. Оствальда «Насущная потребность», включившую в свой состав статью «Классификация наук», в переводе С. Алексеева московская типография Торгового дома «Мысль» выпустила в том же 1912 году (месяц установить не удалось). Но даже если «Труды и дни» опередили публикацию указанной книги, нет сомнения, что Белый опирался на работы Оствальда, читая их в оригинале.

Для Белого Вильгельм Оствальд был на протяжении долгого периода одним из непререкаемых авторитетов. Многие сближало данных исследователей: во-первых, «двуосновное» мировоззрение — естественнонаучное и гуманитарное. Белый, вспоминая студенческие годы, отмечал свои беседы с отцом «об энергии в понимании Оствальда» [8, с. 51], признавался, что свою собственную раннюю статью «Формы искусства» построил «на своеобразном преломлении взглядов Оствальда и Шопенгауэра» [8, с. 54]. Андрей Белый называл Оствальда в числе философов, в результате чтения которых складывался у него «методологический костяк» [8, с. 421]. Поэт ссылаясь в своих сочинениях и на труды Оствальда по химии, и на его искусствоведческие работы. Прямых ссылок на классификацию наук Оствальда и его оценку культурологии у Белого не находим, но мог ли «эстетико-натуралист, натуро-эстетик» [8, с. 383] (как называл себя Белый), человек, который еще на студенческой скамье «прислушивался к энергетической позиции Оствальда» [8, с. 434], пройти мимо его «Энергетического императива» («Energetische Grundlagen»,

Leipzig, 1909), включившего в свой состав доклад «Наука и культура»? То, что Андрей Белый употребляет слово «культурология» как не требующий комментариев, общеизвестный термин, весьма показательно. В использовании термина Андрей Белый шел за Вильгельмом Оствальдом. Другой вопрос, следовал ли за немецким предшественником русский поэт в толковании понятия «культурология» и шире — в вопросе о культуре и методах ее познания и интерпретации?

К *идее культурологии* Белый шел параллельно с Оствальдом и другими философами рубежа XIX–XX вв. В сентябре того же 1909 года, когда немецкий ученый создавал работы по классификации наук, поэт-символист написал свои теоретические статьи «Проблема культуры» и «Эмблематика смысла» (обе опубликованы в книге А. Белого «Символизм» – М., 1910). В первой из названных работ автор констатировал: «Вопрос о том, что такое культура, есть вопрос наших дней...»; «культура оказывается местом пересечения и встречи вчера еще разделенных течений мысли; эстетика здесь встречается с философией, история с этнографией, религия сталкивается с общественностью...» [11, с. 26]. По мнению поэта-мыслителя, «разрешение этого вопроса не может не внести переоценки в постановку вопросов философии, искусства, истории и религии» [11, с. 26]. В соединении, слиянии, в нераздельности *течений мысли* ищет поэт пути к культурологии.

С Оствальдом автора «Символизма» сближает осознание особой роли в современном мире вопросов культуры и стремление выстраивать систему знаний, опираясь именно на эти вопросы. Но подход Белого значительно шире: его волнует классификация не только наук, но и течений мысли во всей совокупности (наука, философия, искусство, религия, политика...). В своей статье «Эмблематика смысла» теоретик символизма, как и Оствальд, конструирует свою пирамиду, но не наук, а «со-мыслей». В его схеме механика соседствует (на нижнем уровне) с психофизикой и описательной психологией, идолотворчество и мифотворчество — с творчеством техники, творчество быта — с правовым и эстетическим творчеством... На подъеме к вершине встречаются гносеология и теория знания, творчество догматов, религиозное творчество и этика, метафизика, теургия, образ логоса, метафизическое единство, наконец, теософия и ценность. Венчает все Символ воплощений [11, с. 81].

Рамки познания, рационализма, Логоса всегда тесны для Белого — мыслителя и художника. Научный и философский дискурсы недостаточны русской культурологии — ей необходимы разные языки самой культуры. Как пишет Белый в работе «Основы моего мировоззрения» (1922), «понятие о культуре необыкновенно сложно, и оно *невыговариваемо в терминах той или иной науки*. Культура не имеет прямого отношения ни к какой науке: *научными понятиями (рассудочно) не построишь идей культуры никак*; и это потому, что культура — идея целого: многообразия принципов как частей,

она идея, частями руководящая, их определяющая и в них не содержащаяся...» [9, с. 24, курсив мой – Л. С.].

Идея целого — культура — *невыговариваема* в терминах, в научных понятиях, но это вовсе не значит, что Белый отвергает культурологию: для него культурология не равна *науке о культуре* — в этом коренное отличие его воззрений от позиции и Вильгельма Оствальда, и представителей немецкой неокантианской школы, и от Лесли Уайта, и от большинства современных культурологов. Неправомерно, когда речь идет об Андрее Белом, противопоставлять культурологии культурософию, ибо в его представлении вторая (как и наука о культуре) — только один из аспектов первой. О том, кто такой культуролог, о его задачах и творческих ипостасях, об отличиях культуролога от философа культуры в традиционном смысле слова Белый подробно писал в своих путевых заметках по Сицилии и Тунису.

Путешествие состоялось в 1910–1911 гг., тогда же и создавались путевые очерки (закончены в сентябре 1911 г., отдельные очерки появлялись в периодической печати). Почти восемь лет спустя, в апреле 1919 года, писатель принялся за переработку заметок. В феврале 1922 г. они выходят в «Книгоиздательстве писателей в Москве» под названием «Офейра. Путевые заметки. Ч. 1» (годом издания обозначен 1921). Другой вариант данной книги — «Путевые заметки. Том 1: Сицилия и Тунис» — выпускает московско-берлинское издательство «Геликон» в том же 1922 году. Данное издание в отличие от «Офейры» включило в свой состав очерки «Население Тунисии» и «Проблемы культуры», второй из которых имеет принципиальное значение для истории культурологии, но до сих пор, видимо, в силу жанровой специфики книги так и не привлек внимания теоретиков культуры, даже тех, кто специально занимается историей культурологии и собственно культурологией русского символизма.

Поток ярких импрессионистских зарисовок путешественника неожиданно перерастает под пером Белого в методологические рассуждения о культуре и ее восприятии и постижении. «Я — перекидываюсь: от блистающих, великолепных предметов арабского быта к меня посещающим мыслям; от мыслей к целебному воздуху (пью его!) и от воздуха перехожу к этим воздухом дышащим людям. Из пестротканых узоров, причудливых переплетов, где камень, цветок, мысль, животное, человек, — только вкраплены арабски, — из этих узоров мне строилась мысль о культуре, которую я впервые здесь понял: в ее становлении» [10, с. 254], — пишет автор заметок и тут же переходит к характеристике предшественников-теоретиков, как бы противопоставляя им свои принципы осмысления культуры в единстве ее феноменов: «Обратите внимание: философ культуры в прошлом — это угрюмый педант, отвлеченный от жизни культуры, которая — в многообразии проявлений; он ищет *единства* в культурах, или — он ищет *культурных единств*, не понимая, что само понятие о *единстве* — культурный продукт, предполагающий историю мысли, живую культуру ее;

сама философия есть — достояние культуры греков; как таковая, должна она быть в культуре осознана; и философия отвлеченная, от этой культуры — всегда искаженное отрицание чего-то живого в понятиях» [10, с. 254].

Рассуждая о культурфилософах *прошлого*, А. Белый, признаемся, начертал легко узнаваемый портрет нашего современника, «теоретика культуры», пишущего тома о структуре и функциях культуры, выстраивающего бесконечные схемы, предлагающего всевозможные приемы типологизации культур и забывающего за абстрактным теоретизированием *живую культуру*. Но поэт-исследователь уловил и вторую пагубную тенденцию — превращение культурологии в описательную дисциплину, в «ведение предметов культуры»: «В противовес теоретическим соображениям о культуре естественно развивается культуроведение, ведение предметов культуры; ища свои принципы в номенклатуре предметов. Культуроведение переходит в простое музееведение; здесь культура — нагромождение многообразных тяжелых предметов...» [10, с. 254] Так вырастает перед исследователем культуры, казалось бы, неразрешимая дилемма: «на *множестве* не постоишь теории культуры; с *единством* не прикоснешься к живой конкретности...» [10, с. 254-255].

Теоретик и практик культуры, ее творец, Андрей Белый не только указывает пути решения дилеммы, но и формулирует главную задачу *культуролога* (он использует именно этот термин, и правомерно признать первенство автора «Путевых записок» в употреблении данной лексемы): «*Но единство во множестве* есть лишь абстракция понятия *целого*; культура есть целое; Ницше понял культуру как *стиль*; культуролог должен схватывать целое многообразия проявлений культуры; он должен и видеть и слышать в стремительных переплетениях линий культуры — то целое, которое не отоляется в понятие о нем. Потому-то подлинными философами культуры были те люди, в которых существовало сплетение редко сплетаемых линий: поэзии, философии, истории, этнографии; собственно: и не было философов культуры в обычно понимаемом смысле» [10, с. 255].

Таким образом, культурология в понимании Белого становится тем синтезом наук и искусств, о котором мечтали и к которому стремились символисты. Это поэзия, история, философия, этнография (а если вспомнить рассуждения Белого 1909 года, то еще и богословие, о котором в Советской России он предпочитает умолчать) в своем неразложимом на составляющие единстве, это та область Духа, где слиты научное и художественное творчество, познание и провиденье, Логос и поэтические прозрения. При всем этом из всех *редко сплетаемых линий*, составляющих творческие ипостаси культуролога («подлинного философа культуры»), на первое место Андрей Белый поставил *поэзию*. В этом и есть русская специфика понимания предмета культурологии: только Поэт, Художник способен к истинному вхождению в культуру — не к выстраиванию мертвых схем, не к составлению каталогов «культурных предметов», но к творческому ее освоению. Он, наделенный художественной интуицией и талантом творца,

преодолевают временные и пространственные границы, постигает далекую культуру как родную, готов познать, вместить в себя культурное прошлое и предугадать будущее. Белый мечтал осуществить «прогноз Гёте о пересечении науки с искусством», «соединить формулы с ладами поэм, мысль с поэзией» [6, с. 271]. В рукописных материалах к процитированному докладу «Культура краеведческого очерка» (1932) находим еще более четкую формулу: «Ученый — пусть даст свою науку художнику, художник — свои краски ученому...» [7, л. 21 об.-22].

Еще Аристотель утверждал, что «поэзия философичнее и серьезнее истории, ибо поэзия больше говорит об общем, история – о единичном» [4, с. 655]. Поэзия говорит об общем, о всеобщем, о *Вечном*. Для символистов «поэзия есть наука о Вечности, как физика и химия — наука о природе» [24, с. 54], она «верховный акт мысли», выражение «синтезирующей способности интеллекта», проявление мысли не в «отвлеченной схеме, а в живом образе» [13, с 167].

Русское миросозерцание вообще предпочитает силлогизму художественный образ, не случайно отечественная философия представлена именами великих творцов слова. О том, что «по несовершенству слова силлогизм есть не что иное, как умерщвление мысли», что «силлогизм не удовлетворяет души человеческой, не наполняет ее» и что «наука должна быть поэтической» [21, с. 81], еще в 20-х годах XIX века писал князь В. Ф. Одоевский в «Психологических заметках» (впервые опубликованы в 1843 г.).

Ранняя самоиндификация русской культурологии оказалась неузнанной не только за рубежом (российские открытия во многих областях в силу языкового барьера нередко оставались непризнанными мировой научной общественностью), но и прочно забытой в своем Отечестве. Воссоздавая историю культурологии, нельзя не обратиться к поэтическому наследию Серебряного века, нельзя забывать о литературоцентристском характере русской культуры, наложившем свою печать и на формирование культурологии. Русская поэтическая культурология начала XX столетия — это философско-художественно-научное единство, это синтез высшего порядка. «*Не выговариваемые в терминах той или иной науки*» идеи культуры не раз находили на рубеже столетий свое выражение в науке о Вечности — в поэзии. Яркими примерами школы русской поэтической культурологии могут служить такие произведения символистов, как «Отзвуки Атлантиды» (1916–1917) и венок сонетов «Светоч мысли» (1918) Валерия Брюсова, поэма Максимилиана Волошина «Путями Каина» (1915-1926) с ее подзаголовком «Трагедия материальной культуры», первая глава поэмы Александра Блока «Возмездие» (1910-1921), поэма Андрея Белого «Первое свидание» (1921).

Примечания

¹Так, в диссертационном исследовании Н. В. Александровой читаем: «Особое значение для изучения культурологических идей Андрея Белого имеет труд Ю. Асояна и

А. Малафеева „Открытие идеи культуры (Опыт русской культурологии середины XIX – начала XX веков)“ (2001), где творчество Белого-культуролога анализируется в контексте становления отечественной культурологической мысли. В этом же направлении культурологические взгляды А. Белого рассматриваются в статьях Л. А. Сугай...» [1, с. 7].

²То есть девятнадцатого столетия, так как цитируемая книга писалась в 80-е годы XX века.

³О том, что А. Белый употреблял слово «культуролог» задолго до Лесли Уайта, я писала еще в 1996 г. [см.: 26, с. 31].

Список литературы

1. Александрова Н. В. Культурологические идеи в творчестве Андрея Белого. Автореф дис. ... канд. культурологии. СПб, 2012. – 22 с. (Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств).
2. Андрей Белый: Хронологическая канва жизни и творчества / Сост. А. В. Лавров // Лавров А. В. Андрей Белый в 1900-е годы: Жизнь и литературная деятельность. – М.: Новое лит. обозрение, 1995. – С. 301-327.
3. Антология исследований культуры. – Т. 1. Интерпретация культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. – 728 с. (Культурология XX век).
4. Аристотель. Поэтика / Пер. М. Л. Гаспарова; Общ. ред. А. И. Доватура // Аристотель. Соч.: В 4 т. – М.: Мысль, 1984. – Т. IV. – С. 645-680.
5. Асоян Ю., Малафеев А. Открытие идеи культуры (Опыт русской культурологии середины XIX – начала XX веков). – М., 2000. – 344 с.
6. Белый А. Культура краеведческого очерка // Новый мир. – 1933. – № 3. – С. 257-273.
7. Белый А. Культура краеведческого очерка: Статья и тезисы доклада; Тексты прений по докладу: Автогр. 1932; Первонач. текст доклада: Диктант с авт. испр. // РГАЛИ. – Ф. 53. – Оп. 3. – Ед. хр. 5. – 45 л.
8. Белый А. На рубеже двух столетий. Воспоминания: В 3 кн.: Кн. 1 / Редкол.: В. Вацуро, Н. Гей, Г. Елизаветина и др.; Вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. Лаврова. – М.: Худож. лит., 1989. – 543 с. .
9. Белый А. Основы моего мировоззрения / Вступ. ст., публ. и примеч. Л. А. Сугай // Лит. обозрение. – 1995. – № 4–5. – С. 10–37.
10. Белый А. Путевые заметки: Сицилия и Тунис. Том 1. – Москва; Берлин: Геликон, 1922. – 310 с.
11. Белый А. Собр. соч. Символизм. Книга статей / Общ. ред. В. М. Пискунова. – М.: Культурная революция; Республика, 2010. – 527 с.
12. Блок А. А. О драме // Собр. соч. и писем: В 8 т. / Под общ. ред. В. Н. Орлова, А. А. Суркова, К. И. Чуковского. – М.; Л.: Худож. лит., 1962. – Т. V. – С. 164-193.
13. Брюсов В. Я. Литературная жизнь Франции. Научная поэзия // Брюсов В. Я. Собр. соч.: В 7 т. – М., 1973. – Т. VI. – С. 160-175.
14. Введение в культурологию: В 3 ч. / Под общей ред. В. А. Сапрыкина. – Ч. I. – М.: МГИЭМ (ТУ), 1995. – 210 с.
15. Иконникова С. Н. История культурологических теорий. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Питер, 2005. – 474 с: ил. (Сер. «Учебное пособие»).
16. Иконникова С. Н. Контуры исторической культурологии // Сер. «Symposium». Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. Вып. 12. / К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана: Материалы Междунар. науч. конф. 18 мая 2001 г. – СПб., 2001. – С. 42-51.
17. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука. – М.: Мысль, 1983. – 284 с.
18. Минц С. С. Рождение культурологии. – СПб.: Нестор, 1999. – 265 с.

19. Незамова Л. Я. История русской культуры 19–20 веков: Учеб. пособие по культурологии для вузов – Самара: б. и., 1998. – 235 с.
20. Незамова Л. Я. Русская культурологическая мысль 19–20 веков: опыт типологического осмысления: Дис... канд. культурологии. – М., 1997. – 311 с. (РГГУ).
21. Одоевский В. Ф. О литературе и искусстве. – М.: Современник, 1982. – 224 с.
22. Оствальд В. Насущная потребность: Вып. I: Наука и философия (Die forderung des tages) / Пер. с нем. С. Алексеева; Под ред. проф. А. В. Сапожникова. – М.: Тип. Торгов. дома «Мысль», 1912. – 332 с.
23. Оствальд В. Энергетический императив / Пер. с нем. В. М. Познера; Вступ. ст. В. Вернера. – СПб.: Т-во «Екатерингоф. печ. дело», 1913. – 160 с.; 21.
24. Соловьев С. М. Символизм и декадентство // Весы. – 1909. – № 5. – С. 53–64.
25. Сугай Л. А. Идея культуры и задачи культуролога в концепции Андрея Белого // Русская художественная культура первой трети XX века: Проблемы межвидовой поэтики: Материалы межвуз. науч.-теор. семинара «Теория и практика художественных направлений в русской культуре первой трети XX века». («Культурологические штудии». Вып. 2). – Киров: ВПГУ, 2001. – С. 8-17.
26. Сугай Л. А. Культурология русского символизма // Культура и творчество: Материалы конф. кафедры теории и истории культуры МГОПУ. – М.: МГОПУ, 1996. – С. 30-50.

CULTUROLOGY IN THE EXPLICATION OF ANDREJ BELYJ

Sugay L.

The author analyses Andrei Bely's theoretical concepts of Culture, as well as investigates the history of terms: culturologist, culturology, considers the meanings of these categories in the West and in Russia, and brings up a question of Russian symbolism as an early culturological school. According to the definition of Andrei Belyj, the true culturologists were those people who had a weaving of rarely interwoven lines: poetry, philosophy, history, ethnography.

Keywords: Andrej Belyj, culturology, culturologist, poetic culturology, symbolists, Wilhelm Ostwald, Leslie White.

УДК 130.2

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ВЕРСИЯ КУЛЬТУРОТВОРЧЕСТВА: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Дмитрий Муза

доктор философских наук, профессор

ГОУ ВПО «Донецкий педагогический институт»

Донецк

e-mail: dmuza@mail.ru

В статье с учетом сложившейся ситуации в современной философской и культурологической мысли предложен анализ отечественных цивилизационных исследований (Б. С. Ерасов, А. С. Панарин, В. Л. Махнач). Их транскрипция показала: культурные основания цивилизационного бытия могут конвертироваться не только в цивилизационную структуру, соответствующие институты, но и в ценностно-целевые координаты. Эти представления характерны для русской и иных цивилизаций, как субъектов цивилизационного культуротворчества.

Ключевые слова: цивилизационная парадигма, междисциплинарность, культурная интеграция, русская цивилизация.

В современной культурологии сложилась весьма парадоксальная ситуация: с одной стороны её предметная область (за счет методологических целого ряда отечественных и западных интервенций) очерчены и обрели свою фактуальность / законосообразность; с другой стороны пост-постмодернистская ситуация релятивизировала многие благие её начинания, поскольку «уход» мета-рассказов стал моментом проверки многих (если не всех) прежних и актуальных наработок.

Признание этого обстоятельства влечет за собой ряд следствий. Во-первых, мир – суть плюральность культурно-цивилизационных целостностей, живущих в режиме конфронтации [1, с. 185 - 278, 288 - 431] и не опосредованных глобализацией [2]; Во-вторых, на этом фоне было показано, что культуры не представляют собой четко очерченных целостностей, они не тождественны группам населения и невозможно непротиворечивое их описание, а за счет внутренней дифференцированности составляют серьезную проблему для политического процесса и государственной политики [3, с. 4 - 5]; культурология якобы не может претендовать на статус материнской науки в виду отсутствия в её арсенале инструментов предельной генерализации, а значит, выхода к уровню универсально-всеобщего, в частности не решив проблему Другого и связанных с нею символических констелляций [4 а, б].

Правда, в российской науке ещё в 90-е годы усилиями нескольких крупных теоретиков – академика Б. С. Ерасова, профессоров А. С. Панарина и В. Л. Махнача, эта проблемная ситуация была преодолена. Причем с опорой на воссоздание целой нити культурно-цивилизационных исследований: Н. Я. Данилевский – К. Н. Леонтьев – О. Шпенглер – евразийцы – А. Д. Тойнби – П. А. Сорокин – С. Эйзенштадт – школа «Анналов»¹. Именно в их работах категория «цивилизация» (и сама проблематика с нею связанная) стала ориентиром в деле выработки комплексного представления о культурно-историческом процессе. В том числе, в его локальных / региональных формациях, включая Россию, синтскую, индо-буддийскую, исламскую, западную, латиноамериканскую и африканскую цивилизации.

Поэтому ниже будет предложена транскрипция их представлений о культурном базисе цивилизационного развития, плюс цивилизационном культуротворчестве с учетом сегодняшних проблем и перспектив бытия русской цивилизации.

Так, востоковедом, культурологом и философом Б. С. Ерасовым был создан задел по конституированию междисциплинарной области знаний –

¹ Сегодня, разумеется, развивается и западная традиция цивилилогии, представленная именами Ф. Фернандо-Арместо, Р. Осборна, Дж. Сакса, Н. Фергюсона, Й. Тернборна, А. де Бенуа и мн. др.

социальной культурологии, способной к «применению методов социальных наук к предмету, воплощающему, казалось бы, чисто гуманитарное содержание» [5, с. 31]. Так, им было предложено на основе духовных факторов прочтение социального содержания, принципов и структуры коллективной деятельности, дано объяснение воздействия культурных факторов на экономическую активность и политику, на типы социальной организации, место слоев и страт в социальном бытии, развернутых в пространственно-временных региональных социокультурных интервалах. По этому же пути, хотя и с разными промежуточными результатами последовали М. В. Заковоротная, Н. Н. Зарубина, О. М. Штомпель, А. Я. Флиер и др.

Сам же Б. С. Ерасов, нужно подчеркнуть особо, эту дисциплинарную новацию связывал с расширением и уточнением возможностей цивилизационной теории (парадигмы), которая у него имеет две составляющие: 1) понимающее культуроведение и аналитическая (социальная) культурология, ищущие индивидуализирующего описания явлений и фактов культуры, воссоздающие объект в его подлинности и уникальности; 2) социальные науки, нацеленные на отыскание общих закономерностей социокультурного развития крупных человеческих сообществ или цивилизационных систем. В знаменателе же значится путеводная нить: содержательная теория цивилизаций предстает как совокупность «частных» сюжетов порождения культурой цивилизационного уровня бытия [6, с. 41 - 42].

В этом направлении им были реализованы инициативы по изданию предметно-ориентированных сборников «Цивилизации и культуры. Россия и Восток» (с 1994 по 2002 гг.), хрестоматии «Сравнительное изучение цивилизаций» (1998, 2001 гг.) и многое другое.

Следующий крупный вклад в освоение цивилизационной проблематики в культурологическом и политологическом ракурсах, предпринял философ и политолог А. С. Панарин. В нескольких его работах: «Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством)» (1994), «Реванш истории» (1998), «Россия в циклах мировой истории» (1999), «Искушение глобализмом» (2000), «Глобальное политическое прогнозирование» (2000), «Православная цивилизация в глобальном мире» (2002), «Стратегическая нестабильность в XXI веке» (2003), и изданной посмертно книге «Русская культура перед вызовом постмодернизма» (2005) он нащупал и зафиксировал важнейшие константы цивилизационного бытия России и контрадикторного ей Запада.

Но его концепция наиболее презентантна в плане артикуляции культурно-цивилизационной природы России. Так, в рамках поиска таковой он отмечал: «Споры о том, чем является Россия – империей (насильственным объединением этносов), нацией или цивилизацией, имеют прямое отношение к методологии государственного строительства. Сегодня этот вопрос решен в духе европейской модели прошлого века – понятия России как нации.

Отсюда выход из СССР. Мне это решение представляется неадекватным цивилизационной природе России. Не случайно ему сопутствует не национально-государственная стабилизация, как можно было бы ожидать, а усугубляющаяся дестабилизация и угроза распада самой России.

По-видимому, Россия скреплена тем же сплавом, который держал наше государство в границах царской империи, а затем СССР. Когда этот сплав теряет силу, то государство рушится. В зависимости от того, определяем ли мы Россию как империю, как национальное государство или как цивилизацию, решается вопрос и об основном политическом субъекте, на котором лежит ответственность за целостность и безопасность страны. *Имперская интерпретация дает нам государственническую (этатистскую) парадигму*, ориентирующую на жесткие политические технологии "сборки" российского пространства, на централизм и униформизм.

Во втором случае предстоит уповать на *технологии «плавильного котла»*, постепенно растворяющего этносы в единую суперэтническую общность. Главным принципом, на котором работает «плавильный котел», является неуклонное снижение зависимости между этническим происхождением индивида и возможностями его вертикальной мобильности. Когда такая зависимость падает едва ли не до нуля, индивиды начинают идентифицировать себя не с этнической группой, а с политической нацией, пространство которой выступает как место осуществления «американской мечты», «советской мечты» и т.п.

В третьем случае, когда *Россия выступает как особый тип цивилизации*, не растворяющей этносы, а объединяющей их в общем суперэтническом пространстве, каждому гражданину предлагается сочетать двойную идентичность: национальную и цивилизационную. Коды цивилизационного единства не совпадают с технологиями плавильного котла, *задача цивилизации – наладить тесную коммуникацию отдельных этнических культурных миров, поместить их в общее духовное, экономическое, информационное пространство, в котором существовал бы единый метаязык, а специфические этнокультурные импульсы конвертировались в форму универсального цивилизационного творчества»* [7, с. 109] (курсив мой – М. Д.).

При этом мыслитель выделил в качестве культурного фундамента «пушкинскую парадигму» как культуротворческую программу А. С. Пушкина по упразднению *цивилизационного раскола* России в эпоху Петра I. Она подразумевала не только соединение «большой», письменной (восточнохристианской) и «малой», устной (народной) традиций, но и диалог с Западом о проекте Просвещения. В этом актуальной задачей для А. С. Панарина являлась задача по нахождению формулы преодоления нового раскола, обнаружившегося в нашем обществе в 90-е годы XX века. Герменевтика «Бориса Годунова», сделанная им, говорит о том, что «народ безмолвствует» в силу того, что ему предлагают два заемных, «то есть оторванные от нашей действительности, учения – коммунизм и

либерализм». Напротив, пушкинский «завет» гласит: наша собственная духовная традиция выработала смысловой культурологический экстракт: правда-справедливость [8, с. 57].

Только в этом створе выхода из «вавилонского пленения западничества» и инверсии к восточнохристианской суперэтнической традиции ему виделся путь преобразования русской цивилизации.

В свою очередь, при рассмотрении интересующей нас проблемы (как в плане её экспозиции, так и в плане варианта решения) заслуживает внимания позиция историка и культуролога В. Л. Махнача. Между прочим, он предложил (в ряде своих спецкурсов – «История отечественной культуры», «Введение в историю мировых культур», «Историко-культурное введение в политологию», читанных в вузах Москвы в конце 80-х – начале XXI века) рассматривать таковой в очень нестандартном ключе, исходя из трех сценариев будущего.

«Можно стать на путь *изоляции* и породить, скорее всего, пренеприятнейшее государство, отпихивающее всех. Тогда большой культуры у нас впереди нет. Державин, Карамзин, Пушкин, Достоевский (ставлю многоточие), наконец, Бунин и Шмелев принадлежат имперской культуре. Если взять другие области, результат получится тот же самый. Мы порвем с собственной традицией. Это возможный путь – он, кстати, спокойный.

Возможно *возвращение к имперскому самосознанию*. Это вовсе не означает, что народ в обязательном порядке должен за столбить границы бывшего Советского Союза или Российской империи на 1913 год вместе с царством Польским и великим княжеством Финляндским. Это – готовность решительно сказать, что империя существует, мы ее сохраняем и готовы принять всех, кто желает остаться. Но исходить мы будем из приоритета существования империи, а не существования республиканских границ в Советском Союзе. Если есть желающие жить в составе исторической России, то они получают необходимую поддержку, любую. Но та территория будет частью империи.

Есть третий путь, не исключаяющий второго. Я бы его назвал *культурологическим*. Он наиболее продуктивен и возможен только в варианте подлинного культурного подъема. Прецедентов было полно в мировой истории, в том числе и в нашей. Я имею в виду ориентацию на верность органичной для нас культуре – *восточнохристианской*. Тогда нас интересуют, безусловно, все восточнохристианские дела, а это обременительно. Хочу подчеркнуть, что имею в виду не конфессиональную верность. Если вероисповедание – это личное дело каждого отдельного человека, проблема его отношения к Творцу, то вопрос о принадлежности к культуре – дело не человека, это дело народа. Будет культурный подъем – мы можем воссоздаваться в таком ключе» [9, с. 170 - 171] (выделено мной – Д.М.).

Соглашаясь с возможностью второго пути (необходимости возвращения к имперскому мышлению и соответствующей ценностной рефлексии), хотелось бы не согласиться с Махначем в третьем пункте, в обеспеченности имперского возрождения лишь частичным «культурным подъемом», при слабой реализуемости «конфессиональной верности»¹ в сегодняшней российской общественности и в поствизантийском пространстве в целом. Об этом к тому же говорит и состоявшийся 16 по 26 июня 2016 года в «урезанном» формате на о. Крит Вселенский Собор Православной Церкви. В том числе, из-за мотивированного отказа Антиохийской, Болгарской, Грузинской и Русской Церквей, а его решения не отражают полноты соборного разума и воли всей Православной Церкви.

Конечно, общеизвестно, что логика жизни Церкви и цивилизации совпасть не могут, но именно первая стоит у истоков и порождает реальность «универсального государства». В том числе, в проективном и деятельностном планах цивилизационной самореализации [10].

Поэтому, по моему мнению, системная мета-уровневая развертка цивилизационного культуротворчества будет включать в себя не только *пространственно-материальные* («месторазвитие», ойкос, население, техносфера), *временные* аспекты (циклы культурно-политического бытия и кристаллизовавшуюся в драмах и трагедиях русской истории традицию), но и *субъектно-волевые, деятельностные* (имперско-цивилизационное «общее дело»!) и собственно *идеократические (ценностные и целевые) доминанты* (сотериологически-социальная «идея-правительница» в виде правды-справедливости и её аксиологическое обрамление).

Список литературы

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603, [5] с.
2. Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; Пер. с англ. В. В. Сапова под ред. М. М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 379 с.
3. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эпоху / С. Бенхабиб / Пер. с англ.; под ред. В. И. Иноземцева. – М.: Логос, 2003. – 350 с.
- 4 а. Жижек С. Накануне Господина: сотрясая рамки / С. Жижек. – М.: Издательство «Европа», 2014. – 280 с.
- 4 б. Жижек С. Метастазы удовольствия. Шесть очерков о женщинах и причинности / С. Жижек; пер. с англ. Ш. Мартыновой. – М.: Издательство АСТ, 2016. – 320 с.
5. Ерасов Б. С. Социальная культурология: Пособие для студентов вузов. 2-е изд. испр. и доп. / Б. С. Ерасов. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 591 с.
6. Ерасов Б. С. Цивилизации: универсалии и самобытность / Б. С. Ерасов [отв ред. Н.Н. Зарубина]. – М.: Наука, 2002. – 524 с.
7. Панарин А. С. Расколы и синтезы: конкурс цивилизационных проектов в Евразии / А. С. Панарин // Панарин А. С. «Вторая Европа» или «Третий Рим»? Избранная социально-философская публицистика. – М.: ИФ РАН, 1996. – С.106 – 118.
8. Панарин А. С. Русская культура перед вызовом постмодернизма / А. С. Панарин. – М.: ИФ РАН, 2005. – 188 с.

¹ Чего стоит хотя бы реакция либерально настроенной общественности при передаче РПЦ собора святого Исаакия Далматского в Санкт-Петербурге (!).

9. Махнач В. Л. Империи в мировой истории / В. Л. Махнач // Махнач В. Л. Очерки православной традиции. – М.: Хризостом, 2000. – С. 140 – 172.

10. Муза Д. Е. Восточнохристианская цивилизация: социокультурное устройство и идентичность / Д. Е. Муза. – Донецк: Издательство «Вебер», 2009. – 476 с.; Муза Д. Е. РОССИЯ в системе координат глобального мира: метафизика, идеология, прагматика / Д. Е. Муза / Предисл. С. Ю. Житенёва; Центр стратегической конъюнктуры. – М.: Издатель Воробьев А. В., 2016. – 232 с.; Муза Д. Е. Актуальность глобальной войны и русская цивилизационная альтернатива / Д. Е. Муза / Предисловие Э. А. Попова / Центр стратегической конъюнктуры. – М.: Издатель Воробьев А. В., 2017. – 240 с.

CIVILIZATION VERSION OF CULTURAL CREATION: TOPICAL QUESTIONS AND PROSPECTS

Muza D.

In the article, taking into account the current situation in contemporary philosophical and cultural studies, an analysis of domestic civilizational research (B.S. Erasov, A.S. Panarin, V.L. Makhnach) is proposed. Their transcription showed that the cultural foundations of civilizational existence can be converted not into the civilizational structure, the corresponding institutions, but also into value-target coordinates. These representations are characteristic of Russian and other civilizations, as subjects of civilizational culture-creativity.

Keywords: civilizational paradigm, interdisciplinarity, cultural intension, Russian civilization.

УДК 008: 355.019

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ «ВОЙНА КУЛЬТУР» И «КУЛЬТУРНЫЕ ВОЙНЫ»

Александр Рогожкин

кандидат филологических наук, доцент

Донбасская юридическая академия

Донецк

e-mail: avrogozhkin@mail.ru

Статья посвящена теоретической конкретизации культурологических концептов «война культур» и «культурная война». Концепты рассматриваются, с одной стороны, с точки зрения терминологической этимологии, а с другой, в современном политико-правовом контексте. Отдельное внимание уделяется анализу такого явления, как национал-патриотизм и его влиянию на гражданское противостояние в пределах конкретных государственных образований. При этом автор приходит к выводу, что локальные общественно-политические и цивилизационные кризисы и войны в современном мире могут принимать глобальный характер.

Ключевые слова: концепт, национализм, культурная война, война культур, национал-патриотизм, культурные смыслы.

В книге французского писателя и публициста Жюльена Бенда «Предательство интеллектуалов», опубликованной ещё в 1927 году и

переведённой на русский язык только в 2009-ом, сказано: «Политическая война, подразумевающая войну культур, в сущности, изобретение новейшего времени. Уже по одной этой причине современная эпоха представляет собой важный этап в моральной истории человечества» [1, с. 99].

При этом автор, усматривая искомое «предательство» в том, что западные интеллектуалы забыли «свою моральную ответственность перед обществом», указывает и на возрождение национализма как на основную причину современных войн. Причину более декларативную, нежели настоящую, прикрывающую истинные основания и резоны стран-инициаторов.

Между тем, события первого двадцатилетия XXI века со всей очевидностью демонстрируют открытое противостояние как минимум трёх «хантингтоновских» цивилизаций: цивилизации «западной», «православной» и «исламской» [7]. И противостояние это всё чаще квалифицируется как «культурная война», которая может захлестнуть Америку, Европу и, по всей видимости, Россию [5, с. 57].

Но сам концепт «война культур» не определён ни в смысловой, ни в дискурсивной парадигме. Чаще всего он соотносится с концептом «культурные войны». Что, на наш взгляд, учитывая современные реалии, небезосновательно. Поскольку под понятие культурных войн большинство культурологов и политологов-международников подводят и хантингтоновское столкновение цивилизаций, и культурные конфликты на Западе времён студенческих революций 60 – 70-ых годов, и современные гендерные споры, и даже выяснение отношений цифровой и аналоговой цивилизаций.

Между тем, если отталкиваться от терминологической этимологии, то понятие «культурная война» должно трактоваться как борьба между двумя противоречащими наборами культурных смыслов и ценностей.

В терминологическом значении «культурная война» является заимствованием от немецкого слова **Kulturkampf** – «борьба за культуру», которое обозначало столкновения культурных и религиозных групп во время кампании канцлера Германской империи Отто фон Бисмарка в 1871 – 1878 гг. против влияния Римско-католической церкви [3, с. 120]. Сначала Бисмарк, который был яростным протестантом и не верил в лояльность Святого Престола к только что созданной Германской империи, запретил деятельность Комитета Римской католической церкви в сфере компетенций министерства культуры Пруссии. Потом были уволены все учителя религии из государственных школ, затем была запрещена деятельность Ордена иезуитов в границах объединённой Германии, были разорваны дипломатические отношения с Ватиканом. И, наконец, было прекращено государственное финансирование деятельности как католической, так и евангельских церквей.

То есть, первый отмеченный в культурологии прецедент активного противостояния двух цивилизационных идеологических полюсов в рамках

одного государственного образования осуществлялся в форме борьбы новой светской национальной и старой религиозной вселенской основ жизнедеятельности общества.

В молодой Германии этот прецедент породил целую теорию национал-государственности, утвердившей впоследствии идеологию национал-социализма и торжество немецкого духа над всем и вся. Основы этой идеологии заложит немецкий историк и литературный критик Генрих фон Трейчке (1834 – 1896), который, по мнению исследователей Холокоста, «является предтечей национально-государственной школы антисемитизма» [6, с. 79]. Трейчке соглашался, что иудаизм можно не уничтожать, но: «наше требование к согражданам-евреям просто и элементарно: пусть они станут немцами, просто и истинно будут чувствовать себя немцами, не искажая при этом свои старинные, святые для них воспоминания и веру, уважаемую всеми нами. Мы не хотим, чтобы на смену тысячелетней культуре Германии пришла эпоха смешанной еврейско-немецкой культуры». Но абсолютную ассимиляцию считал невозможной, поскольку: «евреи всегда останутся людьми восточного склада, лишь разговаривающими по-немецки» [Там же, с. 23].

От Германии в решении культурно-цивилизационных внутригосударственных проблем не отставали и США. Но не отставали по-своему. Здесь «культурная война» в терминологическом значении актуализируется не в период активного истребления автохтонных индейских племён представителями западноевропейской цивилизации, уже усвоившей и переварившей идеи гуманизма, равенства, свободы и братства, а в относительно стабильные периоды развития американской государственности в связи с эмиграционными волнами из Старого Света. В 1882-ом году XIX века принимается особый закон Конгресса США «Акт об исключении китайцев», запрещающий въезд на территорию Страны равных возможностей эмигрантов из Поднебесной. Закон этот отменили только в 1943 году. Но по иронии судьбы этнические китайцы ныне составляют одну из наиболее многочисленных и влиятельных общин в США. Потом, вплоть до настоящего времени, принимались законы о запрете въезда преступников, проституток, многожёнцев, инфекционных больных, анархистов, эпилептиков, коммунистов и членов организаций, борющихся со своими правительствами.

То есть, второй прецедент цивилизационного противостояния тоже связан с развитием молодого государства, но основан на недопущении какого бы то ни было либерализма в отношении любого «инородного проникновения в государственную систему, выработавшую и утверждающую свои принципы и основные смыслы национального самосознания» [2, с. 167]. В молодых североамериканских штатах это стремление к самоутверждению и обеспечению национальной безопасности, как и в Германии, породило идею о национальной исключительности. И началось это не в 2013-ом, когда 44-ый президент Барак Обама в своём

обращении к американской нации прямо сказал: «Я считаю, что США – исключительная страна, отчасти потому, что мы продемонстрировали готовность защищать не только свои интересы, но и интересы всех государств». По его же словам, Америка, беря на себя бремя лидерства, заполняет пустоту, которую ни одно другое государство не может заполнить.

Начало утверждения American exceptionalism в мировом культурно-цивилизационном пространстве следует отнести к далёкому 1630 году, когда вышла книга первого губернатора колонии Массачусетского залива, пуританина Джона Уинтропа (1588 – 1649) «Модель христианского милосердия». Говорят, что именно он привёз в Америку первую вилку. Может быть, именно это позволило ему написать, что ни кто иной, как сам Бог направил «всего несколько человек избранных на лодках, чтобы отправиться в Америку и исполнить божественную миссию. И следовать за ними будет весь мир» [8, с. 16].

С тех пор эта идиологема в США повторялась многими. И даже сравнительно недавно – в 2008 году кандидат в Президенты США, священнослужитель Баптистской церкви, пастор и президент Союза баптистов Арканзаса Майкл Дейл Хакаби в статье «Новая битва: что значит быть американцем» в журнале Politico утверждал, что «отрицание американской исключительности означает, по сути, отрицание сердца и души этого народа» [9, с. 70].

Понятно, что концепты «культурная война» и «война культур», столь часто актуализирующиеся в современном политико-правовом поле, могут спровоцировать войну настоящую. Что, кстати, и произошло в 1914-ом и в 1939-ом в цивилизованной Европе. В Афганистане в 1979-ом с элементами гражданской войны. С 2014 года в Ливии, где вспыхнула и продолжается гражданская война. В этом же ряду нужно назвать гражданскую войну в Сирии, а по сути – многосторонний вооружённый конфликт с иностранным вмешательством, начавшийся весной 2011 года. По этой же причине в течение 20-ти лет XXI века разрушены Ирак и Йемен, Судан и Сомали. И, конечно же, нельзя не сказать о гражданской войне на юго-востоке бывшей Украины, развязанной национал-патриотами при попустительстве государственной власти. Как предыдущей, так и совершившей государственный переворот и быстро трансформировавшей Украину в террористическое государство в 2014-ом. И тоже с помощью иностранного вмешательства.

Украина в очерченном нами концепте представляет классический пример войны культур в цивилизационном пространстве одного государства. Как на общегосударственном политико-правовом уровне, так и на уровне общественного и обыденного сознания.

Существование двух противоположных культурных миров здесь ощущалось всегда. В одном из них русский язык был общенародным языком, День Победы был общенародным праздником, и наступление Нового года знаменовалось боем кремлёвских курантов. Люди в этом мире

идентифицировали себя с историей Руси, Российской империи и Союза Советских Социалистических Республик. В этом мире в школах изучали русский и украинский язык и литературу, строили города, электростанции, заводы, корабли, самолёты и космические ракеты. В этом мире в каждом селе была школа, библиотека, больница или медицинский пункт. В этом мире было само собой разумеющимся, что фашизм побеждён навсегда, что нацизм никогда не возродится, что Бандера и бандеровцы – это преступники.

Люди в другом культурном пространстве пользовались всеми преимуществами и достижениями первого, получали образование, служили в Советской Армии, продвигались по карьерной лестнице, занимали ответственные должности и государственные посты, и были себе на уме. В этом мире героями были воики из ОУН-УПА, здесь исповедовали свою веру и ходили в униатскую церковь. И когда первый мир зашатался, и развалилась государственная система, именно в этом мире актуализировалась идея о том, что пришло время убрать, уничтожить «всё чужое, москальское» во имя возрождения национального духа и национальной государства: сначала «Бандитам – тюрьмы», потом «Україна – це Європа», и, наконец, самое заветное «Москаляку на гілляку» и «Москалів – на ножі» [4].

Так современный украинский национализм перестал быть маргинальным явлением, приобрел массовый характер; охватил, по разным оценкам, от четверти до половины населения и ныне абсолютно доминирует в украинской политике, путём репрессий жёстко подавляя своих оппонентов. В этом отношении украинский национализм является экстраординарным явлением для современной Европы и имеет некоторые аналоги лишь в ряде стран Африки и Азии.

В целом же все отмеченные нами прецеденты культурного противостояния в начале XXI века перестали быть отдельными, частными явлениями, актуализирующими национал-патриотизм западной, она же – атлантическая, цивилизации и приобрели глобальный характер. Причём, культурные войны, возникающие внутри государственных образований, только за последние 20 лет спровоцировали разрушение нескольких государств в Европе и Азии и породили на евразийском континенте два террористических анклава: квазигосударственное образование ИГИЛ-ДАИШ и пока ещё государство Украина. Но это только первые и видимые последствия культурных войн. Если вспомнить первую конференцию избранного президента Трампа и его заявление о том, что он намерен «сделать Америку снова великой», то сопротивление, которое оказывается этому намерению в самих Соединённых Штатах, может распространиться на весь мир. И тогда это сопротивление неизбежно примет форму «войны культур». Самого опасного вида гражданских войн.

Список литературы

1. Бенда Ж. Предательство интеллектуалов / Жюльен Бенда; пер. с франц. В.П. Гайдамака и А. В. Матешук. – М.: ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2009. 310 с. (Серия

«Политическая наука»). – ISBN 978-5-91066-032-2 (ИРИСЭН), ISBN 978-5-224-01122-7 («Мысль»), 978-5-91603-024-2 («Социум»)

2. Гаджиев К. С. Американская нация: национальное самосознание и культура. / К. С. Гаджиев. – Наука, 1990. – 239 с. – ISBN 5020105147, ISBN 9785020105140.

3. Данканич А. В. «Культуркампф» в Германии времён «либеральной эры» канцлерства Отто фон Бисмарка. // Всемирная история и актуальные проблемы международных отношений. Статьи и материалы научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Г.Л. Бондаревского (1920 – 2003 гг.). – Луганск, 2011. – С. 119 – 123.

4. Заборин Дмитрий. Культурная война всегда приводит к войне настоящей. – <http://mignews.com.ua/avtor/blogs/4841668.html>

5. Ионин Л. Г. Восстание меньшинств / Л. Г. Ионин. – М.: Университетская книга, 2012. – 240 с. – ISBN: 9785987121351

6. Михман Д. Катастрофа европейского еврейства. [Текст]: В 6-ти частях (3 книгах) – Т. 2. – Катастрофа европейского еврейства: – Часть 3 – Истребление евреев. Нацистская индустрия смерти; Часть 4 – Еврейские лидеры и еврейское сопротивление / Автор Д. Михман; ред. русск. текста А. Волков. – Открытый университет – Тель-Авив: Открытый университет, 1995. – 474 с. – ISBN 965060233X.

7. Хантингтон Самюэль. Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон – М.: ООО Издательство АСТ, 2003. – 603 с.

8. Henry Petroski. The Evolution of Useful Things: How Everyday Artifacts-From Forks and Pins to Paper Clips and Zippers-Came to be as They are. – Vintage Books, 1992. – С. 16. – 288 с. – ISBN 0679740392.

9. Michael Dale Huckabee. The new battle: What it means to be American. – Politico. – 20 August, 2010. – P. 69 – 74.

CULTUROLOGICAL CONCEPT «WAR OF CULTURES» AND «CULTURAL WARS»

Rogozhkin A.

The article is devoted to theoretical concretization of cultural concepts of «war of cultures» and «cultural war». The concepts considered, on the one hand, from the point of view of terminology, etymology, on the other hand, in the modern political and legal context. Special attention is paid to the analysis of such a phenomenon as national patriotism and its impact on civil confrontation within specific state entities. The author concludes that the local socio-political and civilizational crises and wars in the modern world can take a global character.

Keywords: concept, nationalism, cultural war, war of cultures, national-patriotism, cultural meanings.

«ЗАПАД – РОССИЯ – ВОСТОК» В ТРУДАХ П. М. БИЦИЛЛИ

Юлия Курамшина

кандидат культурологии, доцент

Таврическая академия

Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Симферополь, Россия

e-mail: jvt79@rambler.ru

Статья посвящена рассмотрению вопроса о месте и роли России во всемирной истории в творчестве выдающегося отечественного мыслителя П. М. Бицилли (1879-1953). На материале статей ученого, написанных в 20-30-х годах XX столетия, автор приходит к выводу о сложении оригинальной концепции П. М. Бицилли, которая может быть представлена в виде схемы «Восток–Россия–Запад», где за Россией закрепляется роль связующего синтезирующего звена между двумя ее полюсами и воссоздания культурной целостности Евразии.

Ключевые слова: культура, цивилизация, Восток, Запад, Россия, П. М. Бицилли.

Последнее десятилетие XX столетия ознаменовалось, по словам В. В. Путина, «крупнейшей геополитической катастрофой века» – крушением СССР. Последовавшие за этим сложные экономические, культурные, социальные и политические процессы в стране потребовали концентрации на решении внутренних проблем, ослабили позиции России на международной арене. Сегодня мы наблюдаем постепенное возвращение и укрепление влияния Российской Федерации на международной арене, попытки преодолеть установившуюся парадигму однополярного глобализма. Как и 100 лет назад, современная Россия стоит на пороге нового выбора, обусловленного осознанием места, роли и исторической миссии нашего государства в меняющемся мире. От ответов на эти вопросы будет зависеть ее судьба и пути дальнейшего развития.

С этой точки зрения представляется актуальным обратиться к трудам отечественных мыслителей начала XX века, жизнь которых так же выпала на эпоху глобальных перемен. Одним из них был Петр Михайлович Бицилли – выдающийся русский историк культуры, филолог и литературовед. П. М. Бицилли (1879-1953) родился в Одессе в состоятельной семье потомственных дворян, что позволило ему получить хорошее образование на историко-филологическом факультете Императорского Новороссийского университета. После окончания учебы он остался в университете «для приготовления к профессорскому званию» и начал активную преподавательскую деятельность. По своим политическим взглядам П. М. Бицилли был левым либералом и с радостью встретил Февральскую революцию. Затем, опасаясь возможных последствий разгула революционной стихии, в годы Гражданской войны он оказался в лагере,

враждебном Октябрьской революции. В 1920 г. ученый с семьей вынужден был покинуть страну. Оторванность от родины и потребность в осмыслении происходящих в России событий способствовали обращению ученого к анализу русской истории и культуры, поиску возможных путей ее возрождения. Воззрения ученого вносят свой вклад в разработку проблемы исторических судеб России.

Рассматривая вопрос о месте России во всемирной истории, мыслители зачастую прибегают к устоявшейся философско-исторической парадигме Восток-Запад, основанной на их противопоставлении. Деление культур на восточные и западные подразумевает не только их территориальное расположение, но и особенности мировоззрения, ценностной ориентации и познания мира, общественных и политических структур. К «Западу» обычно относят европейскую и американскую культуру, для которых характерны динамичность, приоритет деятельностного личностного начала, стремление к технологическому развитию. Относящимся же к «Востоку» странам Ближнего Востока и Северной Африки, Центральной и Юго-Восточной Азии присущи традиционность, погруженность во внутренний мир человека, стремление к гармонии с природой.

В статье «Восток» и «Запад» в истории Старого света» (1922), П. М. Бицилли указывает на то, что антагонизм Востока и Запада в Старом Свете может значить не только антагонизм Европы и Азии: у самого Запада имеются «свой Восток» и «свой Запад» (романо-германская Европа и Византия, потом Русь) и это же применимо к Востоку («Иран» и «Туран», Центральная Азия и Ближний Восток, степной мир в центре Евразийского материка и Китай). Кроме того, П. М. Бицилли показывает, что история Старого Света не исчерпывается борьбой этих двух начал, и указывает, опираясь на факты политической и культурной истории, религиозно-философского развития, на синхронное развитие в древности общих для Запада и Востока тенденций. Концепции истории Старого Света, как истории дуэли Запада и Востока, Бицилли противопоставляет «концепцию взаимодействия центра и окраин». Он выделяет четыре обособленных от главной массы материка «окраинно-приморских центра» – Европа, Иран, Индостан и Китай. Именно им, по мнению ученого, всегда принадлежала творческая, созидательная роль в Старом Свете. Местом скрещения «окраинно-приморских культур», а также фактором их распространения и внешним условием для выработки культурного синкретизма становится лежащий между ними особый мир кочующих степняков – Средняя Азия – «прекрасная, нейтральная, передаточная среда» [2, с.30]. Эпоха синхронизма и внутреннего единства Старого Света закончилась около 1500 г. н. э. после смерти Тимура и «распада» Средней Азии: торговые пути надолго переместились с суши на море, прервались связи Запада с Востоком. «...Из четырех великих центров культуры один – Иран – духовно и материально поникает, три остальных изолируются друг от друга. Китай застывает в своей религии социальной морали, вырождающейся в бессодержательную

обрядность; в Индии религиозно-философский пессимизм, в соединении с политическим порабощением, приводит к духовному оцепенению» [2, с.30]. В Западной Европе, оторвавшейся от источников своей культуры, утратившей связь с центрами возбуждения и обновления ее мысли, «совершается последовательная деградация великих идей, завещанных Востоком» [2, с.30]. Соответственно, «Восток» и «Запад» рассмотрены Бицилли как два пути развития мировой культуры, взаимодействие которых необходимо для прогресса всего человечества.

Возможность возрождения Старого света историк видит в восстановлении нарушенного культурного единства, доказательству чему он находит в возрождении Востока в результате его «европеизации» (т.е. усвоения того, чего не доставало ему и чем силен Запад, – технических средств, того, что относится к современной цивилизации) без утраты индивидуальности. Культурную задачу нашего времени ученый представляет себе как «взаимное оплодотворение, нахождение путей к культурному синтезу, который бы, однако, проявлялся всюду по-своему, будучи единством в многообразии» [2, с.31].

Особую роль в этом процессе П. М. Бицилли отводит России, дополняя традиционное истолкование русской «мировой миссии» как «щита» между Европой и Азией символом «пути». Россией не столько отделяется, сколько связывается Азия с Европой: «Она не только посредница в культурном обмене между отдельными азиатскими окраинами. Вернее, она меньше всего посредница. В ней творчески осуществляется синтез восточных и западных культур...» [2, с. 31]. Так, влияние Востока сказалось в глубокой религиозности, склонности к мистицизму, иррационализме, неустанных духовных томлениях и борениях русского народа. С другой стороны, «... потенциально русский народ принадлежал всегда к европейскому культурному кругу, будучи связан с ним единством веры, основой и источником культуры...» [4, с. 301]. Отстав от Европы в цивилизационном развитии, Россия выиграла в развитии культурном. Это явилось для нее «величайшим даром судьбы», ибо прогресс культуры, в отличие от цивилизации, лишен закономерностей и состоит «в накоплении результатов духовного опыта, в обогащении запаса духовных стимулов и творческих возможностей» [4, с. 297]. Ученый считал, что оказавшись в роли наследницы европейской культуры, засасываемой цивилизацией, русская культура стала ее апогеем.

Отстаивая идею единства мирового исторического процесса, П. М. Бицилли в статье «Новые синтезы русской истории» (1927) критиковал сложившуюся систему изучения истории, не изжитую до конца и сегодня: «Мы учили уже в гимназии две как бы отдельные, словно на двух разных планетах протекавшие, истории – русскую историю и «просто» историю, т. е. историю Западной Европы... В сознании нашем эти две истории все же как-то, худо ли, хорошо ли, склеивались. Но ... мы даже как-то не замечали, какой нелепо-уродливый образ русского исторического мира при этом

получался, образ, так сказать, конкретно-абстрактный, логическое чудовище, – ибо со стороны Востока, по-прежнему, зияла какая-то пропасть... Откуда-то, из мест, обозначавшихся весьма суммарно («из Азии»), неведомо почему, как-то стихийно, подобно урагану или саранче, налетали татары; затем устанавливалось татарское иго, представлявшееся чем-то вроде равномерного давления мертвой материи ..., затем иго свергалось примерно так, как сбрасывается с плеч тяжелая ноша...» [цит. по: 1, с. 160]. Таким образом, Бицилли подводит нас к мысли о необходимости изучения отечественной истории в контексте и тесной связи с процессами, протекавшими единовременно в Европе и Азии.

Таким образом, концепция П.М. Бицилли отличается глобальным видением проблемы и может быть представлена в виде схемы «Восток–Россия–Запад», где за Россией закрепляется роль связующего и, что важнее, синтезирующего звена между двумя полюсами. Новейшие же судьбы России ученый рассматривал как грандиозную попытку восстановления центра и, тем самым, воссоздания культурной целостности Евразии, от исхода которой зависит будущее.

Список литературы

1. Ашурова Н. И. Культурно-историческая концепция П. М. Бицилли [Электронный ресурс] : Дис. канд. ист. наук : 07.00.09 / Ашурова Наталья Игоревна. – М.: РГБ, 2005. – 193 с.
2. Бицилли П. М. «Восток» и «Запад» в истории Старого света / П. М. Бицилли // Бицилли П. М. Избранные труды по филологии / Ответственный редактор В.Н. Ярцева. – М.: Наследие, 1996. – С. 22–35.
3. Бицилли П. М. Новые синтезы русской истории / П. М. Бицилли // Современные записки. – 1928. – № 34. – С. 514–522.
4. Бицилли П. М. Трагедия русской культуры / П. М. Бицилли // Современные записки. – Париж, 1933. – Кн. 53. – С. 297–309.

«THE WEST – RUSSIA – THE EAST» IN THE WORKS BY P. M. BITSILLY

Kuramshina Yu.

The article is devoted to the analysis of the place and role of Russia in the World history in the works of the outstanding thinker P. M. Bitsilly (1879-1953). On the material of the scholars articles, written in the 20th-30th years of the 20th century, the author comes to conclusion that the Bitsilly original conception had been emerged, in which Russia consolidated the role of the synthesizing link between its two poles and in recreation Eurasian cultural integrity.

Keywords: culture, civilization, the East, the West, Russia, P. M. Bitsilly.

ИЕРАРХИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАК СРЕДСТВО ВЫЯВЛЕНИЯ ВЕДУЩИХ ХАРАКТЕРИСТИК ПОНЯТИЯ «КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ»

Ирина Челышева
аспирант

*ГБУ ДПО «Санкт-Петербургская академия
постдипломного педагогического образования
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: chelishonok@yandex.ru*

В статье с учетом актуальности культурологического подхода в российском образовании и запросов педагогического сообщества предлагается ряд принципов разграничения в современной педагогической науке близкородственных понятий компетентностей, связанных с изучением культур. Обосновывается место «культурологической компетентности» среди них. Приводятся различные авторские толкования составных понятий. Делаются предварительные выводы о тождественности таких понятий, как «культурная компетентность» и «культурологическая компетентность».

Ключевые слова: культурная компетентность, культурологическая компетентность, межкультурная компетентность, социокультурная компетентность, культуроведческая компетентность.

Актуальность и востребованность работ в области определения места культуры в образовании на данный момент неоспоримы. К концу XX в. российское (и не только) общество утратило тягу к сохранению и передаче традиционных универсальных духовных ценностей, за счет чего появился «культурный провал», нанесший серьезный урон психологическому здоровью общества. Образование как социальный институт было призвано для того, чтобы заняться соединением места разрыва. Поэтому в процессе его реформирования в конце XX – начале XXI вв. появляется ряд жизненно необходимых нормативных документов: Закон «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (1992 г.), Концепция исторического образования (2000 г.), Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России (2009 г.), Федеральные государственные образовательные стандарты (2010 г.), Концепция преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации (2016 г.) и другие.

Такие ученые, как А. Г. Асмолов, А. Я. Данилюк, Н. Б. Крылова, И. Е. Видт, Л. М. Ванюшкина, Е. Н. Коробкова, решают вопросы взаимодействия в российской действительности культуры и образования на современном этапе, разрабатывают основы культурологического, культуросообразного подхода в образовании.

В своей докторской диссертации 2000 года В. А. Доманский утверждает, что «за годы учебы выпускник должен не только подготовиться к

взрослой жизни, но и догнать человечество в его культурном развитии, «обжить» дом культуры как родной дом, а затем создать себя по законам культуры» [2]. Однако каким образом, кроме классического предметного обучения, учащийся может это сделать? К какому конкретному измеримому результату он должен прийти? Изучение данного вопроса российскими учеными привело к возникновению ряда обязательных компетенций/компетентностей в образовании. Так, в 2002 г. А. В. Хуторской в статье «Ключевые компетенции и образовательные стандарты» рассуждает в том числе и об общекультурной компетенции как об одной из ключевых общеобразовательных компетенций: «Общекультурные компетенции. Круг вопросов, по отношению к которым ученик должен быть хорошо осведомлен, обладать познаниями и опытом деятельности, это – особенности национальной и общечеловеческой культуры, духовно-нравственные основы жизни человека и человечества, отдельных народов, культурологические основы семейных, социальных, общественных явлений и традиций, роль науки и религии в жизни человека, их влияние на мир, компетенции в бытовой и культурно-досуговой сфере, например, владение эффективными способами организации свободного времени. Сюда же относится опыт освоения учеником научной картины мира, расширяющейся до культурологического и всечеловеческого понимания мира». (Под компетентностью им подразумевается «владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности») [4].

В качестве ответа на запросы общества наукой предлагается спектр разработанных компетентностей, которые направлены на формирование высококультурного члена общества, умеющего установить «диалог культур» и обладающего для этого определенными знаниями и навыками: культурная, общекультурная, культурологическая, социокультурная, межкультурная, интеркультурная и другие. Таким образом, термин «культурологическая компетентность» в научной литературе попадает в ряд паронимов (слов, сходных по звучанию, но различающихся лексическим значением). Анализ использования однокоренных терминов в научной речи позволяет сделать вывод об их многообразии, периодической взаимоподмене (лексической ложной тождественности) [3, с. 170-171] и широкой вариативности.

В этом многообразии терминологии возникает потребность разграничения научных понятий. Поэтому целью статьи является определение места, занимаемого «культурологической компетентностью» в ряду паронимичных понятий. Вопросом определения понятия «культурологическая компетентность» и его внедрением в педагогическую практику с 1997г. занимался ряд ученых: М. В. Булыгина, О. А. Лукина, В. Л. Бенин, Е. Д. Жукова, Н. В. Чигина, В. В. Медведева, С. В. Харитонова, Н. В. Поморцева, В. А. Бабаянц, Ю. Е. Петрович и др.

Каждая из компетенций/компетентностей занимает свою лакуну в научном и образовательном пространстве. Результатом «присвоения»

компетенции является компетентность. Так, например, у некоторых ученых *культуроведческая* основывается на формуле «учащийся + знание русской языковой картины мира как отражения русской культуры» (Примерные программы, 2010 г., Л. И. Новикова и др.); *социокультурная* – «учащийся + культура + опыт + ситуация общения + язык» (Е. Е. Соколова, С. И. Федорова и др.); *межкультурная* – «учащийся + установление взаимоотношений + способность передавать информацию с минимальными потерями и искажениями + способность достигать уровня согласованности (взаимопонимания) с участниками коммуникационного процесса» в мире культур (О. В. Большакова, Т. А. Терехова) [1]; *культурная* – «учащийся + развитие личностного и межличностного осознания + овладение специфическими культурными знаниями, набором навыков, которые в совокупности лежат в основе кросс-культурного обучения» (Д. Маул) [5], «учащийся + достаточная степень социализированности и инкультурированности индивида» (А. Я. Флиер); *культурологическая* – «учащийся + способность эффективной межкультурной (межъязыковой) коммуникации с сохранением и трансляцией общечеловеческих ценностей + понимание основ культурно-исторического процесса в современном мире, закономерностей развития культуры + обладание знаниями в разнообразных областях науки и искусства, духовной культуры человечества + способность к рефлексии» (Н. В. Чигина).

В связи с вышесказанным нами представляется иерархия понятий следующей (рис. 1).

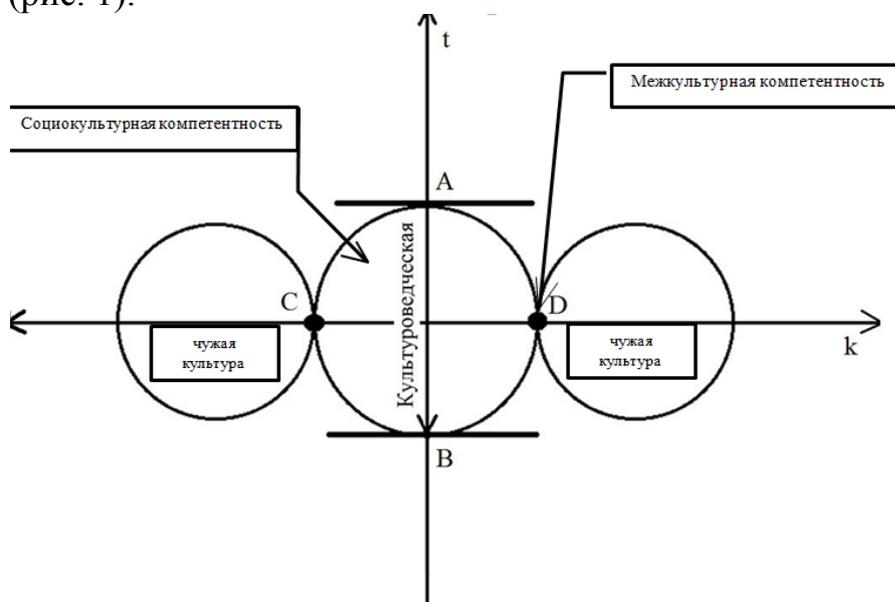

Рис.1. Иерархия понятий

На рисунке прямая k обозначает развитие культур в настоящем, прямая t – вектор движения времени; окружности – различные культуры настоящего; окружность в центре – имманентная культура учащегося. При этом место социокультурной компетентности будет внутри культуры-окружности; межкультурная компетентность будет располагаться на пересечении культур-окружностей - в точках C и D . Зона действия культуроведческой

компетентности – вглубь времени, углубление в историю собственной культуры: от точки А до В и ниже. Вся система координат будет зоной культурной компетентности. Отличие же культурологической компетентности от культурной будет заключаться наличием в ней вектора движения в будущее – рефлексии и оперантного (творческого) поведения.

Таким образом, *культуроведческая* компетентность, исключает как основную задачу знание о других культурах, *межкультурная* - «изучение культурного многообразия мира», не обеспечивает всего спектра знаний, умений и действий в незнакомой обстановке; *социокультурная* базируется на впитывании социального опыта предыдущих поколений, но не прогнозирует, а *культурная* (используется в зарубежной практике) во многом тождественна *культурологической* (сугубо отечественный термин). Однако нам представляется нецелесообразным использование данного термина в российской науке в связи с его объемностью и лингвистической многозначностью.

Учитывая лишь культуроведческую, межкультурную, социальную компетентности, мы изучаем результат: сохраненные на данный момент культурные ценности, особенности, традиции, не учитывая сам процесс формирования культур, закономерности их развития, взаимовлияния и систематизации этих самых ценностей, т.е. мы, с «медицинской точки зрения», воспринимаем и лечим последствия: пытаемся учесть вызовы современного мира, но не видим причин болезни общества, не можем их предотвратить, принять профилактические меры, не просчитываем риски, основывающиеся на изучении закономерностей прошлого и не можем спрогнозировать будущее. Именно для общего высокого уровня осознания устройства мира и цели жизни, ответственного отношения к жизни и последующим поколениям, уважительного отношения к предыдущим нужно формировать культурологическую компетентность уже в школе.

С нашей точки зрения, перспективным является дальнейшее изучение наличия тождественности (или относительной тождественности) понятий «культурная компетентность» и «культурологическая компетентность» и изучение в данном направлении зарубежного опыта.

Список литературы

1. Большакова О. В., Терехова Т. А. Зарубежные концептуальные модели межкультурной компетентности (часть 1) // Психология в экономике и управлении. – 2011. – №2.
2. Доманский В. А. Культурологические основы изучения литературы в школе : Дис. ... д-ра пед. наук: Томск, 2000. – 403 с. [электронный ресурс] / URL: <http://www.dslib.net/teoria-vospitania/kulturologicheskie-osnovyizuchenija-literatury-v-shkole.html> (дата обращения 08.03.2017).
3. Плотникова С. В. Формирование культуроведческой компетенции младших школьников в процессе обучения русскому языку / С. В. Плотникова, И. А. Чиликова // Педагогическое образование в России – 2013. – №5. – С.170-171

4. Хуторской А. В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты // Интернет-журнал «Эйдос». – 2002. – 23 апреля. [электронный ресурс] / URL: <http://www.eidos.ru/journal/2002/0423.htm> (дата обращения 08.03.2017).

5. Jean Moule. Cultural Competence : A Primer for Educators, Second Edition. – Belmont : Wadsworth, Cengage Learning, 2012. – 368 p.

HIERARCHICAL ANALYSIS AS A MEANS TO EXPOSURE THE LEADING CHARACTERISTICS OF THE CONCEPT «CULTURAL COMPETENCE»

Chelysheva I.

In the article taking into account the importance of cultural approach in Russian education system and current requests of the teaching community a number of principles of differentiation of closely related concepts in modern pedagogical science in the field of the competencies related to the study of cultures is offered. The place of «cultural competence» among them is also grounded. Various author's interpretation of compound concepts are offered. Preliminary conclusions about the identity of concepts «cultural (culturological) competence» and «cultural competence» is made.

Keywords: cultural competence, cultural (culturological) competence, intercultural competence, sociocultural competence.

ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ

УДК 111.852: 364.22

ПАРАДОКСЫ КУЛЬТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМА: СОВЕТСКИЙ ОПЫТ КАК ФАКТОР ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ДОНБАССА)

Анна Агаркова

кандидат культурологии, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий педагогический институт»

Макеевка

e-mail: Agarkova.Anna3710@gmail.com

В работе рассматриваются причины, формы и роль реактуализации ряда советских культурных традиций (в частности, эстетической составляющей) для исторического переосмысления и пересобирания региональной идентичности Донбасса на настоящем этапе развития. Катастрофические социально-исторические трансформации активизируют космогонические мифологемы с идеей разрыва, хаотизации, из которых должна появиться новая конфигурация регионального культурного пространства. Некоторые советские культурные традиции и элементы русской архаики становятся условием созидательного преобразования. Знаки советской эстетики проходят этап вторичной семантизации, переподчиняясь задачам оформления нового образа Донбасса.

Ключевые слова: региональная культурная идентичность, Донбасс, неотрадиционализм, эстетический, советский культурный опыт, вторичная семантизация

Не секрет, что *ценностно-идентификационный кризис*, отчетливо проявившийся в постсоветский период развития ряда стран-неофитов, до сих пор не преодолен, что особо значимо в региональной системе координат. Межрегиональные противоречия, приобретшие, как в Донбассе, облик кровопролитной гражданской войны, еще более актуализируют потребность в комплексном (политологическом, социологическом, культурологическом, этико-эстетическом и пр.) интегративном изучении региональных культурных ландшафтов и, определяющих их духовное своеобразие, территориальных идентичностей.

Среди наиболее значимых научных разработок последних лет особо выделим труды Г. А. Коржова, Т. В. Евгеньевой, В. В. Титова, Н. Е. Абалмасовой, А. А. Гончарик, В. В. Черниковой [1, 4-5, 7, 10].

При этом, культурологический пласт рассмотрения феноменологии идентичности остается одним из наиболее многогранных и перспективных, особенно это касается выявления духовной специфики ряда регионов, которые парадоксально выступали в разных идеологических контекстах, то в виде «образцово-показательных» (в советской системе), то нарочито «неправильных» и «ущербных» (в этнократических постсоветских системах) регионов.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет феномен культурно-эстетического неотрадиционализма (как своего рода «культурно-исторической инверсии»), в той или иной форме участвующего в развитии стран и регионов и влияющего на периодическую трансформацию их образов и символов. Одним из характерных источников подобного неотрадиционализма стал советский период, уже переживший волну всеобъемлющего отрицания (или художественной «издевки», как в соц-арте) и все еще нуждающийся в объективной и беспристрастной оценке.

В целом роль и влияние советского этапа культуротворчества многогранно рассматривается в разных научных дискурсах настоящего времени [3, 6, 8, 9]. Представляется, однако, что значимость советских культурных парадигм для ряда региональных пространств (особенно, «бунташных», подобно Донеччине), предпринимающих историческую попытку самоопределения, еще вполне не выявлена.

Цель настоящей работы – обозначить некоторые причины, формы и роль *реактуализации ряда советских культурных традиций* (в частности, их эстетической составляющей) для осуществляющегося в настоящее время исторического «пересобирания» региональной идентичности и образа Донбасса.

Как известно, *региональная идентичность* – важнейшая часть социальной идентичности человека, характеризующая комплекс его представлений, мыслей и чувств относительно своей, жизненно переживаемой, ойкумены бытия. Единство региональной общности базируется на «единстве территориального происхождения, социокультурного опыта, ценностных ориентаций и образа жизни» [7, с. 38] В становлении идентификационной составляющей региона наряду с естественно-стихийным (адаптивным) фактором развития, может быть задействован и фактор сознательного моделирования, активирующего задаваемые данной идеологической моделью образы и символы («символический менеджмент» [1]).

Кроме того, в оформлении культурной идентичности, по мнению исследователей, взаимодействуют как неосознаваемые компоненты культурной матрицы (менталитет, стереотипы, неререфлексируемая сознанием система коллективных представлений о самих себе), культурно-символические компоненты (сложившиеся образно-символические доминанты) и рационально конструируемые компоненты, отражающие возможность внешнего воздействия на идентификационный выбор через концептуализацию актуального на данный момент идеологического поля [5, с. 122-123].

Очевидно, что в истории Донбасса проявились 3 волны «перезагрузки» территориально-культурной идентичности: в рамках советского, самостийно-украинского и современного («пост-украинского») государственных проектов. Тогда все 3 указанные группы компонентов вступали в активное взаимодействие, образуя то устойчиво-гармонизирующее («подъёмная сила»

советского мифотворчества на раннем этапе), то внутриконтрактное состояние (разбалансирование государственных мифоидеологием «Незалежной Украины» и сложившейся донбасской территориально-культурной матрицы). Нынешний драматический этап (совпадая с поколенческим 25-летним интервалом) запускает новую программу переосмысления региональной идентичности.

Чередой катастрофических для местного населения социально-исторических трансформаций («великих скачков», революций), столь характерных для рубежных вех отечественной истории XX века, отзывалась символическим «возвращением домой», в пределы регионального жизненного круга. Периодически проявляла себя космогоническая мифологема «нового рождения мира», традиционно сопровождаемая дезинтеграцией, разрывом, возвращением в стихию хаоса, из которого должна была появиться новая конфигурация культурного пространства.

В целом актуализация мифотворчества в периоды культурных сломов (и реконструирования государственности) всегда знаменует собой исчерпанность прежних социодуховных механизмов воспроизводства культурной идентичности. Возврат к неким духовным первоисточкам важен для самообновления культуры. М. Бахтин отмечал: «Всякий действительно существенный шаг вперед сопровождается возвратом к началу, точнее к обновлению начала. Идти вперед может только память, а не забвение. Память возвращается к началу и обновляет его» [2, с.533].

Россия 90-х годов – очередного витка в исторической спирали отечественного развития, характерного предельной экстрактивностью мотивов рубежа, «концов и начал» - уже прошла свою активную фазу *неоархаики*. Тогда мифологизированная культурная парадигма «русскости» стала активно прорастать едва ли не во всех областях культуры: искусстве, литературе, дизайне товаров и интерьеров («Таверны», «Трактиры»), в стилизованной топике названий («Добрыня», «Перун», «Живица») и даже шоу-бизнесе («Балаган-лимитед») и пр.

Переходные времена оживляют все уровни «Древа культуры» в поисках подлинно значимого, укорененного, прошедшего проверку временем для последующего развития.

Для сегодняшнего Донбасса (как образцового «соцрегионального» большевистского проекта XX века), не имевшего своей давней истории и развитых городских традиций, именно *советский культурный опыт* во многом оказался тем созидательным «началом», опора на который создает возможность его исторического преобразования. В условиях развенчания мифов о «процветающем Западе» и «прогрессивном человечестве» определенные симптомы инверсии к своему – пусть и недавнему прошлому – после периода украинского антитезиса становится условием качественно нового синтеза («*отрицания отрицания*»?) в исторической логике развития. Парадигма некоторого отступа-возврата для последующего этапного рывка подобна апелляции «сыновей» к «дедам» для разрешения их неизбежных

межпоколенческих исторических конфликтов с «отцами». Сам советский период не избежал подобных возвратов: известно, что классики шестидесятничества, отрицая наследие сталинизма и провозглашая чистоту изначальных революционных помыслов, апеллировали к 20-м гг. XX в. – «Золотой эре» советской власти.

Опора на советскую этико-эстетическую семиосферу стала культурной антитезой как украинскому этноцентризму, так и глобальной западнизации, о чем свидетельствуют не только сохранные памятники вождям и героям (Ленину, Кирову, Артему) «прежнего режима», старая топонимика, но и их новая семантика. Так, памятники советским вождям становятся знаками сопротивления, непокоренности, противодействия мифотворчеству истории (столь свойственного всему постсоветскому пространству), *принятия* последней во всей ее противоречивости и неоднозначности. Понятно, что советская скульптурная Лениниана, в свое время идеологически собирала воедино государственное целое, все его малые и большие локусы, обозначая повсеместное присутствие Власти и Доктрины. Советская же смеховая народная культура уже давно отрефлексовала подобное «артпроизводство», артикулируя в анекдотах указующую ленинскую длань то, как «часовую стрелку» (11 часов – время открытия винно-водочных отделов периода борьбы с пьянством), то как «путь-направление» на вожделенный Запад (после падения «Железного занавеса»). В контексте же новой космогонической дихотомии «мы-они», «тогда-теперь», давно десакрализованный монумент обрел новую смысловую интерпретацию.

Тем самым, в рамках новой региональной культуры осуществляется «вторичная семантизация», казалось, уже «отработанных» историей культурных фактов, хотя и вне прежнего идеологического содержания.

Характерные приметы советской повседневности, советской эстетики, как уже давно отмечают исследователи [8], вообще, «мода на советское», стали активно прорастать на последующем этапе, в самых разных, вплоть до самых китчевых вариантов (в частности, в виде имитации известных товарных брендов), рассчитанных, в целом, на положительную реакцию людей. Современный быт провинциального обывателя по-прежнему во многом заполнен советскими вещами, вроде югославских стенок и ковров, хрусталя и пианино, фарфоровых статуэток, набора жестяных баночек в кухонном шкафу, или тканых торшеров. «Советскость» сохраняется в наличии больших домашних библиотек, сложившемся быту, образе жизни. Конечно, в этом сказывается свойственные русской ментальной традиции консерватизм («раньше было лучше») и инерционность развития.

Эстетические знаки советской культуры проявляются в перезапуске ее праздничной системы, в характерных театрализованных праздничных шествиях («демонстрациях») трудящихся, репрезентирующих специфику своих малых локусов (городов, районов) в общем региональном «сюжете», в уличной визуализации «судьбоносных» изречений местных лидеров, в возрождении ряда школьных традиций прежних лет, в сохранении

привычной советской культурной инфраструктуры. Характерна в этой связи и государственная символика: к примеру, в гимне ДНР (массовое ухо легко улавливает в нем сходство с советским и нынешним российским аналогом) ключевые архетипические мотивы советского образа Донбасса («шахтерский Донбасс», «край трудовой», «победное знамя» и пр.) дооформлены аллюзиями в сторону важнейших парадигм православно-русской цивилизации («Донецкая Русь», «Держава», «хранимая Богом»).

Пересобираание новой региональной культурной идентичности и образа края осуществляется уже без прежней идеологизированной гипертрофии *рабочей* доминанты (советская идеологема «освобожденного труда»). Гражданская и одновременно *Малая отечественная война*, выступила важным фактором саморефлексии, явления типичного для всех рубежных и переломных вех российской истории.

Ключевыми идентификационными маркерами республики остаются русский язык, традиционное православие, уже отмечаемая нами прежде, пространственно-географическая образность (сакральная триада) и пр.

В условиях информационных манипуляций западной и украинской прессы вновь активизируется низовая смеховая традиция – анекдот, как самый демократический из видов фольклора. В советский период на каждую акцию официальной пропаганды возникал анекдотический ответ, высмеивающий эту акцию, что означало ее нейтрализацию и «восстановление действительности» (по выражению советского диссидента А. Синявского). В этом видится одно из проявлений компенсаторной функции культуры.

Продолжаются и еще более обостряются процессы *перенастройки и внутрорегиональной реинтеграции* территориального социума через укрепление местных социальных связей, через атмосферу драматического коллективного соучастия и живой к новому сопричастности, новому историческому общему деянию. В условиях тревожной неопределенности еще более обозначился внутренний раскол земляков по вопросу дальнейшей исторической судьбы и собственного личностного самоопределения («кто Я?»: «русский»; просто «донецкий», вне определенной, «титульной» этнической привязки; все-таки «укродонецкий»; или гипотетический «новоросс»).

Драматические события последних 3-х лет «вспенили» все слои регионального, изначально этнически-полихромного, культурного пространства (высокого и низового, официального и повседневного, профессионального и самодеятельного и пр.), подвергаемого новой смысловой интерпретации. Параллельно происходит апробирование и адаптация культурных новообразований (например, патриотическая тематика в повседневной культурной практике молодежных объединений). Тем самым, активно пополняется образно-семантический словарь текущего исторического периода, в котором участвуют разные контексты, циркулирующие в многоликих социокультурных средах региона.

Таким образом, характерные для исторической динамики, механизмы «культурных инверсий» выполняют важную роль в осмыслении региональной идентичности разных территориальных локусов в рубежные периоды развития.

В целом, специфика и роль неотрадиционализма остается «классикой жанра» в изучении феноменов «духовной природы» человека, предоставляя широкое и многогранное поле для дальнейших кросс-культурных исследований региональных культур и идентичностей.

Список литературы

1. Абалмасова Н. Е., Паин Э. А. Опора на символы в формировании региональной идентичности / Н. Е. Абалмасова, Э. А. Паин // Вестник института географии РАН. – 2011.
2. Бахтин М. М. Творчество Ф.Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М.Бахтин. – М.. 1965.
3. Восканян М. В. Эстетика советского в современной России / М. В. Восканян // Человек постсоветского пространства. Вып.3 / Сб. матер. конференции: СПб. Филос. общество, 2005.
4. Гончарик А. А. Теоретические проблемы изучения формирования региональной идентичности / А. А.Гончарик // Идентичность как предмет политического анализа: сб.ст. – М.: ИМЭМО РАН, 2011.
5. Евгеньева Т. В., Титов В. В. Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи / Т. В. Евгеньева, В. В. Титов // ПОЛИС. – 2010. - №4.
6. Кара-Мурза С. Советская цивилизация / С. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2001.
7. Коржов Г. А. Региональная идентичность Донбасса: генезис и тенденции развития в условиях общественных трансформаций / Г. А. Коржов // Социология: теория, методология, маркетинг. – 2006. – №4.
8. Лебина Н. Б. Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: контуры, символы, знаки / Н. Б. Лебина. – СПб, 2006.
9. Некрасова Е. С. Мифологические конструкции в советской культуре и искусстве / Е. С.Некрасова // Studia cultural. Вып.2. Альманах кафедры культурологии и Центра изучения культуры философского факультета Санкт-Петербургского гос. Университета, 2002.
10. Черникова В. В. Символическое пространство региональной идентичности / Черникова В. В. // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2014. – №4.

PARADOXES OF CULTURAL AND AESTHETIC NON-TRADITIONALISM: SOVIET EXPERIENCE AS A RECONSIDERING FACTOR OF REGIONAL IDENTITY (ON THE DONBASS MATERIAL)

Agarkova A.

In this paper an attempt is made to consider some of the reasons, forms and role reactualization number of Soviet cultural traditions (for example, the aesthetic sphere) for a historical rethinking and re-creation of Donbass regional identity, its image at the present stage of development. The disastrous social and historical transformations activate cosmogonic myths with its idea of discontinuity, chaos, out of which the new configuration of regional cultural space should appear.

Some soviet cultural traditions and elements of Russian archaic become creative transformation conditions. Soviet aesthetic signs through the stage of secondary semantization, reassign tasks of making a new image of Donbass.

Keywords: regional cultural identity, Donbass, neotraditionalism, aesthetic, Soviet cultural experience, secondary semantization.

УДК 7.01 + 130.2: 004.946

ПОНЯТИЕ ЛАБИРИНТА В КОНТЕКСТЕ ВИРТУАЛИЗАЦИИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОПЫТА

Маргарита Корсак

кандидат философских наук, доцент

Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко

Бендерский политехнический филиал

Бендеры, Приднестровская Молдавская Республика

e-mail: margoshacu@mail.ru

В статье обосновывается значение понятия лабиринта в изучении культурных и эстетических феноменов современности. Показана актуальность обращения к понятию лабиринта в период массовой компьютеризации и информатизации, перенесения многих арт-практик в виртуальное пространство. Сложность и многоуровневость мировосприятия постмодерна, разнообразие его культурных практик естественным образом направляют к анализу сложившейся ситуации сквозь призму понятия лабиринта, его художественно-эстетических, семиотических качеств. Таким образом, реализуется возможность более глубокого осмысления разворачивающихся в современном социуме культурных процессов, путей выхода общества из духовного кризиса.

Ключевые слова: лабиринт, виртуализация, компьютеризация, сеть, киберпространство, коммуникация, эстетический опыт.

Каждая новая эпоха, качественные изменения образа жизни, рывки в научно-техническом развитии ставят перед обществом круг проблем нового уровня сложности. Для их решения обществу необходимо непрерывно видоизменяться, создавая новые социальные конструкты, меняя духовные и ценностные приоритеты, систему взглядов на мир, в целом – перестраивая взаимоотношения в обществе и принципы функционирования многих социальных институтов. Такие масштабные трансформации разворачиваются в эру компьютерных и интернет-технологий, прогрессирующей виртуализации социальности.

Феномен виртуализации вызывает интерес множества исследователей разнообразных направлений научного знания. В научном и философском дискурсе раскрываются различные стороны феномена виртуализации – в социальной, культурной, образовательной сферах. По мнению ряда исследователей, одной из ключевых проблем в современной эстетике является выявление характера и уровня влияния виртуальности на становление эстетического опыта личности, формирование его эстетических

идеалов, вкусов, потребностей и суждений. В процессе своих исследований, что интересно, некоторые авторы приходят к выводу о том, что виртуализация и виртуальность – явления отнюдь не новые в нашем мире. Наша реальность формируется во многом под влиянием созданных человеческим сознанием дискурсов, таких как идеология, религия. По словам В. Руднева, каждая реальность имеет качество виртуальности, так как она непрерывно соприкасается с виртуальными реальностями сознаний людей и видоизменяется в результате этого взаимодействия [6]. Образовательный процесс, будучи по сути своей видом социального взаимодействия, может также восприниматься как процесс виртуальный. Образовательное пространство моделируется искусственно, по определенным требованиям и условиям, оно качественно отличается от пространства повседневной жизни. Произведения искусства, будь то литература, музыка, живопись, вызывают в сознании воспринимающего их целую гамму ассоциаций и образов, рождают сильные чувства. Реципиент оказывается вовлеченным в некий самодостаточный, обособленный, существующий по своим законам мир художественного произведения. Исследователи В. Бычков и Н. Маньковская обращают внимание на то, что «весь образно-символический мир, создаваемый искусством, может быть понят как своеобразный космос виртуальных сфер, каждая из которых уникальна и полностью реализуется только в акте эстетического восприятия конкретного произведения конкретным реципиентом» [2, с. 9].

Виртуализация в любом своем проявлении закономерна, так как отвечает необходимости реализации одной из важнейших потребностей человеческой психики – потребности прорыва за границы обыденной реальности в мир формируемых сознанием образов и символов, в область виртуального. До появления компьютерных, телекоммуникационных технологий возможность реализации данной потребности человеку давало искусство. Однако в настоящее время классическое искусство утрачивает свои позиции, традиционные ценности и эстетические категории лишаются прежнего значения. При этом, бурно развивающиеся технологии предлагают человечеству новую сферу и новые возможности творческого самовыражения, коммуникации, свободной игры образами, символами, сюжетами. Современные технологии дают человеку в его эстетической деятельности именно те возможности, которые являются приоритетными для нашего времени – свободу, многовариантность, мобильность. Поэтому сам феномен виртуализации, в том числе и в сфере искусства, а также в сфере эстетического в целом, следует воспринимать, скорее, как тенденцию, чем как проблему нашего времени. Неоднозначность проявлений виртуализации, а также и противоречивость ее оценок как со стороны ученых, так и рядовых членов общества связаны с тем, что она имеет совершенно иную, чем ранее, основу. Это виртуализация не антропогенная, опосредованная человеком, а техногенная – опосредованная машиной. Таким образом, в компьютерно-сетевом искусстве, создаваемом в виртуальном пространстве, продолжает

свое развитие процесс его дегуманизации, постепенно развертывающийся на протяжении всего XX века. Намеренно бессодержательная игра образов и смыслов в современных популярных арт-практиках, будучи средством развлечения, самовыражения без каких бы то ни было эстетических, моральных и художественных принципов, оказывает неоднозначное влияние на становление мировоззрения человека общества постмодерна – и здесь уже следует говорить и о проблемах виртуализации эстетического опыта. Возможности массового тиражирования, распространения искусства, разносторонней корректировки (цифровая живопись), вариативность, мультимедийность сетевого арт-пространства, позволяющая рецепиенту быть полноценным участником творческого процесса, полностью в него погружаться, все же не могут быть правомерной альтернативой теплу рук мастера, оставляющего часть себя в каждом своем творении. Виртуальное творчество предельно доступно и понятно, может свободно моделироваться в соответствии с желаниями участников творческого процесса. Значение его – в самом непосредственном переживании акта творчества, а не в создании принципиально нового или материальной фиксации духовных изысканий автора. Как справедливо замечает И. Н. Дубина, в ходе изучения влияния коммуникационных технологий на творческий процесс и восприятие произведений искусства «исследователи обратили внимание на интересную особенность: с развитием коммуникативной техники креативный процесс все в большей степени приобретает открытость для продолжения; художник создает «полуфабрикат», с одной стороны, законченный, но, с другой стороны, требующий в дальнейшем продолжения» [4, с. 126]. Такое явление и есть результат открытости и интерактивности виртуального искусства. Становится закономерным вопрос, имеет ли это искусство некий духовный смысл, кроме того, что оно вызывает непосредственные эмоции у участников творческого процесса и воспринимающих его результаты. Оказываясь лицом к лицу с бесконечным множеством и разнообразием бессодержательного, бездуховного и дегуманизованного искусства, человек, не осознавая того сам, попадает в необыкновенно сложный, запутанный лабиринт, выход из которого неизвестен, но жизненно важен. Подобная ситуация в современном искусстве, обесценивание классических культурно-эстетических идеалов имеет под собой объективную социокультурную основу. Общество постмодерна остро переживает переполненность человеческого универсума художественными образами, идеями, смыслами и творческими направлениями. В этом отношении уместна мысль Ж. Бодрийара о том, что мы обречены проигрывать все когда-либо разыгранные сценарии. Эти сценарии, развертывающиеся как в обыденной реальности, так и в виртуальных реальностях человеческих сознаний, в киберпространстве, формируют своего рода лабиринт. Кроме того, современный социальный мир, сложно структурированный, многоуровневый, мобильный, отличающийся сложными взаимосвязями систем элементов, является со всем своим многообразием проявлений антуражем разыгрываемых

сценариев, что создает еще большие трудности на пути к истине, познанию себя и мира в этом лабиринте.

Поэтому для настоящего времени понятие лабиринта особенно актуально, обретает новое звучание и значение. Для постмодерна характерно и такое явление, как лабиринтность мышления, основанное на стремлении к преодолению всех возможных проявлений центризма, теорий, дающих основу универсальному пониманию мира, созданию единого смысла. Постмодерн отстаивает правомерность мозаичного, фрагментарного знания, множественность интерпретаций произведений искусства. Наличие способности образовывать линейные множества, где субъект и объект отсутствуют, становится знаковой особенностью понятия ризомы (корневища), не поддающейся структурированию. Следует заметить, что Ж. Делёз и Ф. Гваттари рассматривали понятие ризомы как символ современной, а также грядущей культуры [3]. Понятие лабиринта необычайно сложно и многозначно. Оно известно в культурных традициях различных народов мира с незапамятных времен. В течение тысячелетий понятие лабиринта жило в культуре, сознании человека, развиваясь и трансформируясь, обретая новые грани смысла. Кроме того, сложность понимания сущности лабиринта заключается и в том, что это своего рода ментальная константа, архетипический образ, который изначально присутствует в человеческом сознании.

Для XX века характерно восприятие лабиринта как символа сложности и многоаспектности культуры и самого человеческого бытия [5]. В настоящее время понятие лабиринта, которое воспринимается как позитивно, так и негативно, связывается, прежде всего, со следующими значениями. Лабиринт представляет собой символ Пути, выражая, таким образом, идею сложного движения к истине. Лабиринт вынуждает двигаться, выводит сознание из состояния инертности. Само же прохождение лабиринта воспринимается как преображение и обновление. Лабиринт воспринимается и как пространственный символ человеческого духа, блуждающего в смысловых коридорах бытия, находящегося в состоянии экзистенциального кризиса, когда утрачены важнейшие нравственные, духовные, эстетические ориентиры и душа не может пробиться к свету. Лабиринт ассоциируется с запутанностью жизненного пути, сложностью или даже невозможностью выхода из сложившихся жизненных ситуаций. В качестве примера можно привести лабиринт судьбы Эдипа, в котором несчастный сын Лая и Иокасты проплутал всю свою жизнь, совершив в бесконечных и темных его переходах страшные преступления – убив отца, женившись на матери, родив детей, являвшихся ему братьями и сестрами и, наконец, выколов себе глаза, которые не смогли уберечь его от духовной слепоты. В лабиринте сливается порядок с хаосом, бессмыслица существует наряду с глубокомыслием. Запутанность лабиринта, способная привести к полной потере способности к ориентации, существует наряду со строгой размеренностью составляющих его тупиков и иллюзорных выходов. У. Эко доводит образ лабиринта в своем

понимании культуры до статуса парадигмы. По убеждению писателя лабиринт является культурной универсалией, содержательно-смысловая структура которой дает возможность полноценного понимания и нашего социокультурного мира, и мироздания в целом. Анализ характеристик лабиринта, таких как вышеназванные хаотичность, запутанность, противоречивость, соседство разумного и неразумного, вызывает естественные ассоциации с состоянием современного общества и сферы его духовного производства, от идеологии и религии до многочисленных художественных направлений. Миропонимание постмодерна формируется под влиянием идеи о том, что все сущее не имеет ни начала-центра, ни выраженной периферии, ни четких границ. Соответственно, пребывая внутри такого, своего рода – мира – лабиринта, сознание современного человека не имеет каких-либо ориентиров и передвигается, по большей части руководствуясь лишь собственными желаниями и прихотями. Подобная ситуация сказывается на творческой деятельности, отличающейся эстетической свободой, непредсказуемостью и даже вседозволенностью. Сформировав устойчивое ироническое отношение к классическому искусству, обесценив прежние эстетические категории прекрасного, истинного, возвышенного, лабиринтное искусство пока не создало чего-либо принципиально нового и, при этом, эстетически и духовно ценного. Оно не в состоянии ответить на мучающие современного человека смысло-жизненные вопросы, так как находится вне их семантической сферы. При этом, позитивное значение такого искусства В. Бачинин видит в том, что оно явно показывает нам: безысходное пребывание в лабиринте – это недолжное состояние человеческого духа, в котором невозможно и губительно пребывать слишком долго [1].

Возвращаясь к затронутому ранее вопросу о значении активно развивающейся в современном мире компьютеризации и виртуализации, следует обратить внимание на возникающее в связи с указанными явлениями качественно новое звучание понятия лабиринта. По словам В. Бычкова, «особой значимостью понятие лабиринта наполняется в наступающую эпоху глобальной компьютеризации. Фактически уже компьютерные базы данных (и их организация), а особенно сетевые, типа Интернета, представляют собой огромный лабиринт, в котором можно блуждать в самых различных направлениях, на самых разных уровнях» [5, с. 262]. Как было показано выше, сфера эстетического, также, как и творчество, образование, межличностные отношения все более вовлекается в пространство виртуального мира, создаваемого современными технологиями. Лабиринт же здесь становится неким принципом организации пространства, а также и обретает новую форму своего существования – от реальной, материальной формы в виде архитектурных сооружений, до виртуальной антропогенной – внутри человеческого сознания как путь духовных исканий, и, затем – к виртуальной техногенной в пространстве «всемирной паутины». Такое

качественное преобразование лабиринта – новый вызов нашего времени и от того, как человечество пройдет его, во многом зависит наше будущее.

Список литературы

1. Бачинин В. А. Модернизм – культура, заблудившаяся в лабиринтах секуляризма / В. А. Бачинин. – URL: <http://www.mirvboge.Ru/2010/11/modernizm-kultura-zabludivshayasya-v-labirintax-sekulyarizma/>(дата обращения: 20.02.2017)
2. Бычков В. В. Художественно-эстетическая виртуалистика / В. В. Бычков, Н. Б. Маньковская // Academia. Архитектура и строительство. – Вып. № 2. – 2014. – С. 8-15
3. Валеева З. Р. Реалии художественной культуры на рубеже XX-XXI веков / З. Р. Валеева, Л. К. Вычужанова, А. И. Валеева // Вестник Майкопского государственного технологического ун-та. – №1. – 2015. –С. 24-31.
4. Дубина И. Н. Современное телекоммуникационное искусство: становление новой парадигмы творчества / И. Н. Дубина. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-telekommunikatsionnoe-iskusstvo-stanovlenie-novoy-paradigmy-tvorchestva/> (дата обращения: 20.02.2017)
5. Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / Под ред. В. В. Бычкова. — М.: Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. — 607 с.
6. Руднев В. П. Прочь от реальности / В. П. Руднев. – М.: Аграф, 2000. –432 с.
7. Соколов Ю. Е. Лабиринт как архетип // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение» Культурология. – URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Sokolov/>(дата обращения: 02.03.2017)

THE CONCEPT *LABYRINTH* IN THE CONTEXT OF VIRTUALIZATION OF AESTHETIC EXPERIENCE

Korsak M.

The article explains the importance of the concept of the labyrinth in the study of cultural and aesthetic phenomenon of contemporary reality. The urgency of the treatment to the concept of the labyrinth in the period of mass computerization and information, the transfer of many of the art-practices in the virtual space. Difficulty and multilevel of postmodern world, the diversity of its cultural practices is naturally directed to the analysis of the current situation through the prism of the concept of the labyrinth, its artistic and aesthetic, semiotic qualities. Thus it is realized possibility of a deeper understanding of modern society developing in the cultural processes of society and a way out of the spiritual crisis.

Keywords: labyrinth, virtualization, computerization, network, cyberspace, communication, aesthetic experience.

СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ГРОТЕСКА В МИФОЛОГИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ

Александра Кондаурова

ассистент

Донецкий национальный университет

Донецк

e-mail: filolog_mhk@mail.ru

Статья посвящена исследованию проявлений гротеска в античный период развития культуры. Анализируются потенциальные возможности гротеска в познавательных процессах первобытного сознания. Устанавливается гротескная природа образов, созданных посредством соединения разноположенных элементов действительности. Выявляется особая роль гротеска в создании целостности образа.

Ключевые слова: гротеск, образ, мышление, архаика, целостность.

Постановка проблемы. В современном научном дискурсе актуализировалось изучение категории гротеска в его тесной связи с мифологическим мышлением. Так, Н. Невярович отмечает: «Природа гротеска в мифологическом сознании древних – проблема многовековой дискуссии. Считать ли естественную форму до-логического, мифопоэтического сознания и творчества древних архаической формой гротеска или же позиционировать его лишь как форму условности в искусстве?» [3, с. 223]. Однако в настоящее время осмысление архаических истоков гротеска осуществляется по преимуществу в одном аспекте: гротеск предстает как художественный метод снижения сакральных смыслов. В данной статье осуществляется анализ роли гротеска в познавательных процессах первобытного сознания.

Проблема изучения архаической природы гротеска представляется актуальной в силу углубления и усложнения природы гротеска как такого. На современном этапе развития эта эстетическая категория перерастает из художественного приёма в определённый способ мировидения. С. Юрков проблематизирует данную ситуацию следующим образом: «В чём причина того, что стало возможным говорить о гротескном способе философского мышления, расширяя тем самым эстетическое понятие гротеска до универсально-культурологической (и философской) категории?» [5]. Необходимость исследования истоков гротеска обуславливается теми трансформациями, которые претерпевает категория на современном этапе.

Цель статьи – проанализировать функциональную роль гротеска в познавательных процессах первобытного человека.

Архаические начатки гротеска обусловили многомерность эстетической природы этого феномена. Анализируя хтоническую стадию развития мифа, А. Ф. Лосев указывает на характерную черту познавательных

процессов этого периода – антропоморфизм как конститутивная черта первобытного сознания. Перенесение свойств человека на неживую природу способствует возникновению мифологических образов, в которых соединяются разноположенные элементы действительности: «Дерево, река, гора, облака и т. д. могут здесь оказаться носителями любых человеческих функций данного периода развития, т. е. любых производственных процессов собирательства и охоты, и в силу этого оказаться в той или иной мере живыми, в той или иной мере одушевленными» [2, с. 36]. Таким образом, уже на архаическом этапе результатом когнитивных процессов становятся образы, которые являются гротескными по своей природе. Однако А. Ф. Лосев уточняет качество такого олицетворения природы. Он указывает на демонический характер первобытного фетишизма. Хтонические образы являются персонификацией хаотического, стихийного первобытного коллективизма, наделённого демоническими свойствами.

О. М. Фрейденберг в ходе исследования архаического периода античной культуры указывает на целостность как на отличительное свойство мировоззренческого мышления: «Мир, видимый первобытным человеком, заново создается его субъективным сознанием как второе самостоятельное объективное бытие, которое отныне начинает противоречиво жить рядом с реальной, не замечаемой сознанием действительностью. Так из невольного, биологически свойственного человеку познания мира возникает связанная система мироощущения, остающаяся жить в виде известных форм» [4, с.27]. Как это не парадоксально, но гротеск изначально выполнял роль соединения разных элементов в гармоническое целое и заключал противоположные свойства, признаки в новом созданном образе. «Он (первобытный человек) видит наружные, внешние предметы. Воспринимая их, он воспроизводит их заново, произвольно перекомбинируя их отдельные элементы, изменяя одну черту за счет другой, смещая масштабы, связывая их новыми увязками, давая им новое содержание» [4, с. 26]. Познавая окружающий мир, первобытный человек создавал образы мира посредством его антропоморфизации. Результатом этих когнитивных процессов стали центральные герои, персонажи мифологической наррации. Образ появлялся на превербальном уровне и закреплялся в нарративных структурах сакральных текстов.

Рассматривая конкретные примеры в античной мифологии, мы можем увидеть, что соединение противоположных элементов присутствует как на уровне отдельного образа, так и в целостной мировоззренческой картине. Достаточно вспомнить воплощения Зевса: Данае он является в виде дождя, Семеле — в виде грома и молнии. Герои античной мифологии неотделимы от природной стихии: рога и копыта у Пана, бычачья голова у Минотавра и т.д.

Познание природы в её примитивно-наличном и сакральном значениях стало основанием для появления ряда гротескных по своей природе образов. Однако гротескная природа образной системы мифа представляет по нашему мнению, определённую целостность, порождённую первобытным сознанием.

Здесь уместно наповнить историю возникновения гротеска. Диковинные орнаменты, обнаруженные Рафаэлем в подземных термах, представляли собой причудливое сочетание звериного и растительного начал. Визуально это картина представляет собой динамическое взаимодействие, «перетекание». «Основная черта так называемых тотемистических представлений — слитность в них внешней природы и человеческого общества, с одной стороны, и с другой — слитность единичности со множественностью. Эти две черты являются результатом особенностей сознания, в котором субъект и объект еще не расчленены. Человек, принадлежавший безличному коллективу, не имел еще предпосылок для выделения понятий о единичности. Познаваемый мир и познающий его человек слиты», — отмечает О. Фрейденберг [4, с.30]. Гротеск таким образом играет особую роль в первобытном мышлении — создание целостного образа посредством сочетания различных элементов реальности осуществляется в логике гротеска.

В статье о немецком зодчестве И.-В. Гёте указывает на примечательную особенность орнаментики готического собора: «И потому на пути к собору мне было страшно, как перед встречей с уродливым щетинистым чудовищем. Каким же неожиданным чувством поразил меня его вид, когда я к нему приблизился: большое, цельное впечатление заполнило мою душу; он состоял из тысячи отдельных, гармонически спаянных частей, а потому было возможно им наслаждаться и упиваться, но отнюдь не осознавать и объяснять» [1, с. 67]. Готическая архитектура в восприятии И.-В. Гете также являет пример целостности, воссозданной по законам гротеска.

Таким образом, исследование архаических начатков гротеска свидетельствует о том, что природа этой категории была проявлена в культуре задолго до возникновения эстетической рефлексии о сущности гротеска. В ходе собственного становления гротеск выполняет особую функцию в познавательных процессах мифологического мышления. Гротеском задано стремление к той особой целостности, которая воплотилась в центральных образах античной культуры.

Список литературы

1. Гёте И.-В. Об искусстве / И.-В. Гёте. – М.: Искусство, 1975. – 623 с.
2. Лосев А. Ф. Античная мифология в её историческом развитии / А. Ф. Лосев. – М., 1957. – 619 с.
3. Невярович Н. Гротеск и ритуальный смех в рецепции современной русской прозы (историко-генетический аспект) // Сборник научных трудов по философии и филологии. – Вып. 13. – Смех и серьёзность: множество видов и взаимодействий. 2013. – С. 222-230.
4. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. – М., 1998. – 800 с.
5. Юрков С. Е. Гротеск в философском мышлении постмодерна (Р. Барт, Ж. Бодрийяр) // Рабочие тетради по компаративистике. / Гуманитарные науки, философия и компаративистика Санкт-Петербург: Сайт Web-кафедры философской антропологии, 2003. – С.127-130.

THE MEANINGFUL ROLE OF GROTESQUE IN MYTHOLOGICAL THINKING

Kondaurova A.

The article is devoted to the research of the role of grotesque manifestations in antique period of culture development. The potential possibilities of grotesque are analyzed in cognitive processes of primitive consciousness. The grotesque nature of images created by combining different elements of reality is established. The special role of grotesque in creating the image integrity is revealed.

Key words: grotesque, image, thinking, archaic, integrity.

ИСКУССТВО В СИСТЕМЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА

УДК 82.01/.09

О ПОЭТИЧЕСКОМ БЫТИИ

Владимир Федоров

доктор филологических наук, профессор

Донецкий национальный университет

Донецк

t.pershyna1@gmail.com

В статье рассматривается ряд ключевых для филологии вопросов: сущность творческого процесса, проблема автора как субъекта словесного бытия, вопрос о человеке как неоднородном бытийном образовании. Феномен творческого процесса осмысливается посредством категории воображения. Автор как воображающий субъект является внутренней формой персонажа. Являясь абсолютным субъектом словесного бытия, автор воплощает предельную ценность – любовь.

Ключевые слова: Слово, поэт, воображение, субъект словесного бытия, целое человека.

Основным понятием для литературоведения является «произведение», а «произведение», в свою очередь, формирует представление об авторе как художнике, результатом деятельности которого оно и является. Такое представление складывалось в течение веков, поэтому обладает почти непререкаемым авторитетом. Не отрицая известного основания для такого понимания автора, мы попытаемся доказать, что автор, во-первых, *другой* субъект бытия, нежели субъект жизненного существования, и, соответственно, его бытие также является другим; во-вторых, автор и есть собственно человек. Событие его бытия, цель, которую оно преследует, представляет тем больший интерес, что оно и является собственно человеческим бытием. Исследуя его, мы получаем реальную возможность ответить на вопрос о цели человеческого существования.

В теоретическом литературоведении существует одна деликатная проблема, время от времени появляющаяся в светлом поле сознания теоретиков, но почти сразу же оттуда изгоняемая. Это проблема бытийного статуса сюжетного персонажа. По солидарному мнению ученых, персонаж – вымысел, онтологическая мнимость. Но есть и исключения. Так, в книге Б. А. Успенского «Поэтика композиции» [3, с. 5] подробно и в различных перспективах описывается все вымышленное автором произведения так, словно это все настоящее, на самом деле существующее. У Б. А. Успенского репутация структуралиста, а они известны призывами сделать литературоведение «настоящей наукой». Но именно с научной точки зрения

персонаж – вымысел: есть словесное изображение человека, но не сам человек.

Второй пример – знаменитая когда-то статья Д. С. Лихачева «Внутренний мир художественного произведения» [1]. Пафос этой статьи состоит в том, что литература не отражает реальный мир, а творит свой мир со своим законами, могущими отличаться от законов реального (для нас) мира. Вывод, отсюда следующий: изображенный мир – мнимость, сотворенный – реальность.

«Произведение» онтологического статуса сюжетного персонажа обосновать не может и объявляет его вымыслом. То, что исследует в своей книге Б. А. Успенский, и то, что утверждает в своей статье Д. С. Лихачев, противоречит (не «стыкуется») с «произведением» как формой, в которой осуществляется литература как вид искусства. Относительно литературы как вида искусства, «произведение» действительно является корректным термином, но является ли он корректным относительно ситуации творчества в целом? - это проблема.

Обратимся к статье Д. С. Лихачева. Автор утверждает, что субъектом творения мира является «литература». То, что ученый реабилитировал понятие «творение», является, несомненно, его заслугой. Ясно, что «произведение» не может быть творцом, на что указывает его «ближайший этимологический предок»: произведение есть результат - «производное» - чьей-то активности. И субъектом этой активности не может быть никто, кроме автора. Д. С. Лихачев как исследователь древнерусской - литературы не только понимал, почему средневековый писатель не признавал себя автором, но и, по-видимому, разделял, хотя бы отчасти, его взгляд. Возможно, именно поэтому ситуация творения в его статье не освещена достаточно подробно для того, чтобы читатель мог представить, что должен сделать, например, Достоевский, чтобы пространство как составляющая мира его романов было «вязким» настолько, что в нем трудно передвигаться?

Синонимом высокого слова «творение» является обыкновенное «воображение». Но и воображение весьма сложная ситуация. Рассмотрим ее более внимательно. Первое, что мы должны заметить, – это то, что субъект воображает нечто не «из ничего», а «из себя», т.е. он *себя* во-ображает в персонажа. Этот корректив весьма радикально изменяет обычное представление об акте воображения. Первое, и в известном смысле самое главное, заключается в том, что мы теперь не устремляем свое внимание на того, кого или что вообразил воображающий, а удерживаем его самого в поле своего внимания. И теперь можем рассмотреть, что с ним происходит.

Итак, для субъекта воображения воображаемым существом является не персонаж, а он сам. Здесь появляется некоторое множество вопросов, из которых первоочередным для нас является вопрос о том, как все-таки появляется персонаж, если не на него направлена творческая энергия автора?

Субъект воображения разделяет себя на воображающего и воображаемого; это разделение внутреннее и в известной степени условное,

не предполагающее, что в результате разделения появятся два субъекта, один из которых окажется воображающим, другой – воображаемым. С другой стороны, это разделение фундаментальное, всё дальнейшее – только его конкретизация. Далее: воображаемый *отрешается* от воображающего, вследствие чего появляется «внешнее», которое конкретизируется как пространство и время. Воображаемый в своем отрешенном состоянии и становится сюжетным персонажем. Он, таким образом, не столько воображается, сколько «получается». Между воображающим и воображаемым появляется своего рода разрыв, что может подать повод к предположению, что воображаемый становится особым существом, противостоящим своему автору. «Особым существом» он действительно является, но только в своем отрешенном состоянии. Автор (воображающий) осуществляет себя как внутренняя форма персонажа, т.е. воображаемого в его отрешенном состоянии. Единство субъекта воображения восстанавливается, но в несколько ином виде.

Итак, мы удерживаем субъекта воображения в своем кругозоре. Теперь перед нами возникает вопрос: является ли субъект воображения субъектом жизненного существования, или, иначе говоря, может ли субъект жизненного существования совершить акт воображения?

Мы полагаем, что не может, и вот почему. В свое время известный, но теперь незаслуженно забытый, немецкий эстетик и искусствовед Бр. Христиансен в своей книге «Философия искусства» указал на факт: в пространстве перед человеком вопреки очевидности нет художественного произведения, а есть «внешнее произведение»: высеченная глыба мрамора или раскрашенное полотно [4, с. 49]. Из данного наблюдения автор делает вывод, что то, что производит эстетическое впечатление, находится «в субъекте», что он и обозначил термином «эстетический объект». Этот термин некоторое время соперничал с термином «художественное произведение», но затем вышел из употребления, потому что стал восприниматься как синоним традиционного «художественного произведения».

Факт, отмеченный немецким автором, обладает огромным познавательным потенциалом. Зададим вопрос: о чем он свидетельствует? – Отвечаем: об онтологической ограниченности пространственно-временной сферы. – Следующий вопрос: в чем причина этой ограниченности? – В *типе организации* пространственно-временной сферы. Пространство и время – сфера существования телесных величин. Как бы камень ни отличался от жизненного организма, и тот и другой – тело, и это в данной ситуации самое важное. Тело – субъект *непосредственного* существования – есть однопланная величина, тип организации которой можно определить как *тектонический*. «Произведение» мыслится обычно как двупланная величина, что, на наш взгляд, является ошибочным мнением. Двупланным субъектом является именно автор (субъект воображения): сюжетный персонаж как субъект суверенного существования пребывает в сюжетной – жизненно-прагматической – действительности, которая и является особым планом его

организации. Как двупланная величина, автор организован *архитектонически*. Пространственно-временная сфера онтологически корректна телесному существу, и осуществить двупланного (многопланного), архитектурно организованного, субъекта она не в состоянии. Но так как акт воображения постоянно совершается, причем без особенных затруднений, приходим к выводу: субъект воображения – *другой* субъект, нежели жизненное существо. Поскольку тело очевидно входит в состав человека, заключаем: человек есть «целое человека» (термин Бахтина), а целое человека есть бытийное образование, составляющими которого являются собственно человек (автор) и жизненное – животное – существо. Целое человека – субъект бытия, а не место сосуществования собственно человека и телесного – жизненного – субъекта. Событие его творения еще не завершено, оно продолжается, но продолжается как событие самотворения.

Собственно человек есть субъект внежизненного бытия; он не является ни мужчиной, ни женщиной, не знает ситуаций рождения и смерти, не нуждается в миллионе, чтобы чувствовать себя человеком. Будучи внежизненным, собственно человек не может осуществлять себя и свое бытие прямо и непосредственно, поэтому осуществляет его опосредствованно – через существование того, в кого он себя воображает и превращает. Акт воображения для собственно человека является не произвольным, но онтологически необходимым, и человек никогда не выходит из ситуации воображения. Особенное значение для него имеет ситуация сна, когда жизненное существо снижает свою активность, и собственно человек получает возможность увеличить степень своей бытийной активности.

Как и жизненное существо, собственно человек бывает одарен разным онтологическим потенциалом: в обыкновенных случаях он осуществляется языковыми формами, в исключительных – словесными (от Слова, бывшего «в начале»). К таким исключениям и относится поэт. Поэт – не тот, кто овладел необходимыми умениями и навыками, чтобы писать произведения, но онтологически мощное существо, событие бытия которого осуществляет абсолютную, а потому последнюю ценность. Быть субъектом бытия, словесного по типу и опосредствованного по способу осуществления постоянно невозможно, и человек поэтом бывает время от времени – тогда, когда на него нисходит вдохновение. Вдохновение – это прилив бытийной энергии, когда в целом человека онтологический фокус смещается с жизненного существа на собственно человека, и тогда он «забывает мир».

В этой точке нашего рассуждения становится актуальным вопрос о *цели* поэтического бытия. Какой ценностью и каким образом овладевает поэт? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны получить определенное представление о поэте, т.е. об его организации и об особенностях его поэтического бытия.

Мы прервали описание субъекта воображения (собственно человека), чтобы доказать, что собственно человек – *другой* субъект, нежели жизненное

существо, и что человек – не животное, обладающее сознанием, а целое человека. Теперь мы возвращаемся к этому описанию. Сюжетный персонаж – субъект жизненного (жизненно-прагматического, по характеристике М. М. Бахтина) существования. Теперь мы задаемся вопросом: способен ли телесный субъект (сюжетный персонаж) осуществлять опосредствованное бытие автора? – И отвечаем на него отрицательно: не способно – по причине своей однопланности. Чтобы бытие автора осуществлялось, необходимо положительную бытийную односторонность: субъекта жизненного существования – восполнить противоположной односторонностью – субъектом смертного существования, наиболее распространенной формой которого является так называемый «отрицательный герой». Отрицательный герой появляется не потому, что автор, будучи честным человеком, не должен замалчивать существование негативных явлений в нашей, вообще говоря, замечательной жизни, а потому, что фундаментальной причиной его существования является не прямое бытие автора, закрепленное его архитектурной организацией. Субъект воображения (автор), который осуществляется в качестве внутренней формы сюжетного персонажа (совокупности сюжетных персонажей), по отношению к односторонне положительному персонажу определяется как «бог», по отношению к односторонне отрицательному персонажу – как «дьявол». Бытийное определение дополняется ценностным: «бог» – абсолютное добро, «дьявол» – абсолютное зло. Таким образом, в авторе присутствуют все фундаментальные составляющие, и он является самодостаточным субъектом как в онтологическом, так и ценностном плане.

Теперь мы можем поставить вопрос о цели поэтического бытия более конкретно. Поскольку поэтическое бытие является превращенным (опосредствованным) по способу своего осуществления, то естественно предположить, что целью поэта может быть преодоление превращенности и достижение непосредственно словесной формы бытия. В ценностном отношении целью поэтического бытия является овладение высшей и последней ценности – любовью. Любовь как ценность осуществляется в качестве содержания бытия субъекта, совершающегося словесными формами в их должном – непосредственном, прямом – состоянии.

Достижение непосредственного состояния предполагает существование катастрофической ситуации, грозящей уничтожением сюжетной действительности и всего сущего, т.е. всего, что «начало быть» по воле поэта. Но не слишком ли это жестоко по отношению ко всему сущему? - В связи с этим вопросом мы должны возвратиться к проблеме бытийного статуса сюжетного персонажа. Поскольку для науки этой проблемы нет, то согласно житейской мудрости: «нет человека – нет проблемы», а для науки о литературе как виде искусства сюжетный персонаж есть бытийная мнимость, то человека, как известно, следовательно, нет и угрозы его уничтожения. Эту проблему мы должны теперь рассмотреть под другим углом зрения.

В стихотворении «Поэту» Пушкин говорит: «Ты царь – живи один». Возможно, Пушкин указывает здесь на отличие славянской цивилизации от западной, где, как известно, «короля делает свита». Но тогда выходит, что об этом отличии знал только один Пушкин. Опишем гипотетическую ситуацию восприятия того, что «в миру» известно как художественное произведение. То, что «в миру» осуществляется как чтение художественного произведения, с нашей точки зрения есть ситуация восприятия одного человека (целого человека) другим человеком (другим целым человеком).

В воспринимаемом целом человека собственно человек воображает/превращает себя, например, в Онегина, и становится субъектом превращенно-словесного бытия. Для другой составляющей целого человека – жизненного существа – поэт трансформируется («сворачивается») во внешнее произведение – совокупность звуков или последовательный ряд графических значков. Это внешнее произведение воспринимает жизненное существо как составляющая другого – воспринимающего – целого человека и для другой его составляющей – собственно человека – внешнее произведение «разворачивается» как событие бытия поэта. Мы прибегаем здесь к традиционному термину «восприятие», но так как и воспринимающий и воспринимаемый являются внетелесными величинами, то событие восприятия осуществляется как событие онтологического совмещения (или даже отождествления). Факт восприятия Онегина свидетельствует о том, что целое воспринимающего человека отождествилось с целым воспринимаемого Пушкина. Поскольку сфера, в которой существует внешнее произведение и воспринимающий его жизненный субъект событие восприятия Онегина осуществиться не может, но, тем не менее, осуществляется, приходим к выводу, что оно осуществляется как «внутреннее» по отношению к поэту и отождествившемуся с ним воспринимающему собственно человеку.

Так как автор воображает и превращает себя не просто в сюжетного персонажа (Онегина), но в воспринимаемого (слышимого и видимого) сюжетного персонажа (Онегина), заключаем, что поэт превращает себя в специфического сюжетного персонажа, функция которого заключается в восприятии сюжетных персонажей и события жизни, в котором они являются действующими лицами. Этого персонажа Б. А. Успенский в своей книге обозначает термином «наблюдатель», мы прибегаем к термину «созерцатель».

Для созерцателя Онегин является не «вымыслом», но онтологически актуальным субъектом. «Субъект жизненного существования» – это бытийный статус Онегина, актуальный в его жизненной действительности. Именно этот статус имеет значение для поэта как субъекта превращенно-словесного бытия, и именно в этом статусе воспринимает его созерцатель. Отказ признать за сюжетным персонажем онтологический статус в конечном счете держится на том, что сюжетного персонажа нет и никогда не было в действительности поэта и читателя как жизненных субъектов –

составляющих целого поэта и целого читателя. – Разве этого недостаточно? – можно задать вопрос. Отвечаем: самый вопрос возможен для человека, пребывающего в уверенности, что его (т.е. наша) пространственно-временная сфера является единственной бытийной сферой, и если Онегина нет в этой действительности, его нет абсолютно. Мы придерживаемся другого нения: наша действительность занимает такое же место в «последнем целом» (термин М. М. Бахтина) такое же структурное место, как сюжетная действительность в структуре поэта. Собственно человек есть внежизненное существо, пребывающее вне сферы, в которой пребывает другая составляющая целого человека – жизненное существо. Поэтому отсутствие Онегина в действительности Пушкина как жизненной составляющей целого человека (целого Пушкина) есть факт, совершенно безразличный относительно проблемы его бытийного статуса. Онегину достаточно быть субъектом действительного существования в своей бытийной сфере. Сюжетная действительность, в которой существует Онегин как сюжетный персонаж есть план архитектурной организации Пушкина-поэта подобно тому, как наша действительность (в которой когда-то существовал Пушкин как жизненный субъект) есть план организации Слова (последнего целого), которое было не только в начале, но пребывает и в настоящее время.

Итак, собственно человек есть субъект *одинокого* бытия, независимо от его онтологического потенциала. Но если жизненное существо в целом человека занимает господствующую позицию, то его одиночество не так заметно или совсем не заметно. Жизненное существо, будучи общественным, как бы погружено в толщу людей, между которыми непременно возникают разного рода отношения. Отдельный субъект жизненного существования обладает (может обладать) опытом лишь незначительного отрезка истории народа, а человечества - еще менее значительного. Поэт как субъект превращенно-словесного бытия осуществляет событие своего бытия вполне - от исходной ситуации до финальной. Если жизненный путь субъекта жизненного существования занимает своим существованием лишь крохотную долю бытия последнего целого (персонифицированного в Слове), а некоторые мыслят человеческую жизнь как «миг между прошлым и будущим», за который и рекомендуют «держаться», то событие бытия поэта представляет собой своего рода копию события бытия Слова, преимущество которой перед оригиналом состоит в том, что событие бытия поэта завершено, тогда как событие бытия Слова все еще продолжается.

Здесь снова может последовать возражение: но ведь и событие жизни, осуществляющееся в сюжетной действительности, тоже может быть и, как правило, бывает тоже весьма незначительным по объему, а может вообще занимать несколько часов или даже минут. Поскольку данный вопрос относится к числу фундаментальных, он заслуживает обстоятельного ответа. Мы на него ответим следующим образом: событие бытия поэта, как мы уже отметили, осуществляется вполне и одним субъектом. Бытие поэта, будучи непрямым, осуществляется опосредствованно - через событие жизни. Для

персонажа его жизнь совершается приблизительно в таком же темпе, как и всё наше обычное жизненное существование. Однако событие жизни, совершающееся в сюжетной действительности, по отношению к персонажу и по отношению к поэту ориентируется различным образом. Поскольку события бытия поэта совершается через посредство события жизненного существования, осуществляется вполне, то и событие жизни также должно осуществиться вполне. Формально это действительно так: жизнь как форма существования появляется с началом поэтического бытия и завершается с завершением события бытия поэта.

Но и по существу дело обстоит точно так же. Как бы банальна ни была жизнь, через посредство которой совершается событие поэтического бытия, она по отношению к поэтическому бытию, ею осуществляемом, должна выявить и осуществить весь свой бытийный потенциал. Событие жизни может тянуться долго, но фундаментальных ситуаций в ней довольно немного, и в событии жизни, осуществляющей поэтическое бытие, они - фундаментальные ситуации – могут быть сближены, и это «сгущает» жизнь. Если в событии жизни для субъекта жизненного существования важны подробности жизни, то в событии бытия поэта жизнь важна не частностями, хотя бы и значительными для самой жизни, но как *род* существования, онтологически отличающемся от других (языкового и словесного) типов бытия. Событие жизни тоже осуществляется вполне – от начала и до финальной катастрофы.

Подведем итог теоретической части статьи. Человек – не разумное животное, а целое человека. Целое человека – неоднородное бытийное образование, составляющими которого являются животное существо и собственно человек. Собственно человек есть субъект внежизненного бытия. Собственно человек бывает одарен разным онтологическим потенциалом. В обыкновенном случае он является субъектом языкового по типу бытия, в исключительном – словесного. Таким исключением является поэт. Ввиду своей внетелесности, собственно человек осуществляется опосредствованным образом – через существование сюжетного персонажа - как его внутренняя форма. Сюжетный персонаж пребывает в сюжетной - жизненно-прагматической –действительности, которая является планом организации собственно человека.

Поэт – не субъект творческой деятельности, продуктом которой является литературное произведение, а субъект бытия – словесного по типу и опосредствованного по способу осуществления. Цель поэта – создание эстетической ценности, цель собственно человека – преодоление своего непрямого состояние, чтобы стать субъектом непосредственно словесного бытия. Для достижения своей цели собственно человек должен овладеть высшей, а потому последней ценностью – любовью. Событие бытия собственно человека совершается как ряд бытийных усилий, сопровождаемых рядом структурных изменений, вследствие чего это событие принимает стадийный характер. Эстетическая ценность является

предпоследней, а последней, завершающей событие бытия собственно человека, является овладение любовью. Собственно человек становится субъектом непосредственно бытия, содержанием которого является любовь.

В заключение остановимся на проблемах, вызванных понятием ценности. Этих ценностей не может быть много. Например, для Пушкина как субъекта поэтического бытия, их всего три: власть над миром, эстетическая ценность и любовь. Власть над миром является исходной, т.е. низшей ценностью; любовь – высшей и, следовательно, последней; эстетическая ценность помещается посередине. В «Маленьких трагедиях» герои овладевают ими последовательно, поэтому этот цикл представляет наименьшие трудности для исследования события бытия автора. Есть и еще преимущество: события поэтического бытия является стадийным, а поскольку цикл произведений формализует эту стадийность, это тоже упрощает задачу исследования события бытия поэта.

«Вышняя власть» обычно считается и высшей ценностью, однако опыт поэтического бытия Пушкина опровергает такое представление. Но так как овладение этой ценностью осуществляется в исходной ситуации, поэтому она представляет собой особенную трудность. Пушкина весьма занимала эта ситуация, поэтому ей уделяется наибольшее внимание. Всего нагляднее она представлена в «Сказке о рыбаке и рыбке». Золотая рыбка – классический «помощный зверь». В фольклорной волшебной сказке герой никогда не пытается овладеть помощным зверем. Например, Емелю вполне устраивает то, что волшебная щука помогает ему в конце концов жениться на царской дочке, что как бы гарантировало счастливую жизнь, и этого ему было вполне достаточно. Не такова Старуха из пушкинской сказки. Она именно хочет стать владычицей морской, а золотая рыбка чтобы была у нее на посылках. Старуха наказана, и это отвечает общему мнению о претендентах на владычество над миром как о морально ущербных людях. Но в таком случае возникает вопрос о стратегии поэтического бытия Пушкина. Золотая рыбка, в сущности, представляет самого Пушкина-поэта в сюжетной действительности, которая, конечно, не случайно далась в руки Старушке: это очевидно провокация со стороны поэта. Старуха «повелась» на провокацию: овладела властью над миром и оказалась у разбитого корыта. Но из сказки Пушкина не следует поучения быть менее властолюбивым. Старуха овладела властью над миром, но по-своему: она стала творцом отрицательного мира, противостоящего положительному. Пушкин-поэт может осуществляться как внутренняя форма, единая для положительной и отрицательной односторонностей («бога» и «дьявола», добра и зла). Старуха как творец отрицательного мира становится отрицательным двойником Пушкина-поэта.

В других случаях, начиная с «Бориса Годунова» («Пиковая дама», «Скупой рыцарь», «Медный всадник», «Капитанская дочка») эта ситуация осложняется, однако суть остается прежней: Пушкин нуждается в отрицательном двойнике, чтобы осуществлять свое поэтическое – превращенно-словесное – бытие.

Вторая ситуация потребовала от Пушкина меньшего внимания – именно по причине своей срединности. Она представлена во второй маленькой трагедии («Моцарт и Сальери») и в «Медном всаднике» (во Вступлении). В «Моцарте и Сальери» представлены два варианта овладения вдохновением – моцартовский и сальериевский. Поясним это примером. Закончив в Михайловском «Бориса Годунова», Пушкин в письме Н. Н. Раевскому (сыну) пишет: «Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить» [4, с. 783] (оригинал по-франц.). Пушкин к 1826 году был автором «Руслана и Людмилы», южных поэм, начала романа в стихах и множества «мелких стихотворений», и вот оказывается, что только написав «Бориса Годунова», он уверился, что может творить. Мы полагаем, что дело в следующем: средневековый писатель, как известно, не считал себя автором, а только посредником между горним и дольным мирами, т.е. только передающим то, что ему внушалось свыше. Дело тут, конечно, не в скромности средневекового писателя, а в действительной причине, состоящей в том, что он отказывался овладевать вдохновением, и не считал «своим» то, что принадлежало собственно человеку как другой составляющей целого человека. Но он отказывался овладевать вдохновением, как это делал Сальери, овладевая умениями и навыками, позволяющим ему писать произведения по примеру композиторов прошлого. Моцарт, как и его творец, овладевает вдохновением, т.е. становится субъектом словесного бытия, а потому и становится ответственным субъектом своего поэтического бытия.

Любовь – высшая ценность. Она осуществляется как содержание бытия человека, совершаемого словесной формой в ее должном, т.е. прямом, непосредственном состоянии. Здесь уместно будет сказать, что поэт *всегда* осуществляется в словесной форме, а содержанием его бытия *всегда* является любовь. Объясняется это очень просто: словесная форма и любовь как ее содержание являются единственными: все разнообразные формы бытия суть разнообразные конфигурации словесной формы, а разнообразные ценности – только любовь в одном из своих превращенных состояний.

Мы сказали, что эстетическая – предпоследняя – ценность является тем исходным состоянием собственно человека, которое преобразуется в любовь – последнюю ценность. Эстетическая ценность представляет собой гармонию, а гармония – уравновешенное противостояние двух односторонностей. Моцарт – «небесный херувим» – противостоит Сальери – «чаду праха», и оба они суть «сыновья гармонии». Со схождения этих односторонностей и начинает формироваться любовь. Любовь – род вдохновения, преобразующий человека. Поэт в своем «прозаическом» (жизненно-прагматическом) состоянии может быть самым ничтожным «из всех детей ничтожных мира», но вдохновение его преображает. Подобное преображение происходит, например, с Евгением – героем «Медного всадника», которого сам автор охарактеризовал как «ничтожного героя». Но

как субъект, в бытии которого формируется любовь как высшая ценность, он оказывается равномогущим Петру – «державцу полумира».

Событие преобразования совершается весьма трудно, поскольку односторонности стремятся уничтожить друг друга, что им, как представляется, и удается. Такими односторонностями в конце концов выступают добро и зло и их персонификации – «бог» и «дьявол» как составляющие организации поэта. А поэт, в свою очередь, осуществляется как их единая внутренняя форма. «Внутренняя форма» не должна победить внешнюю, а превозмочь свою односторонность – именно как *внутренняя* форма. Добро и зло могут конкретизироваться различным образом, но обычно – во всяком случае, у Пушкина, – они предстают как жизнь и смерть. Схождение жизни и смерти как бытийных односторонностей и добра и зла как ценностных односторонностей и приводит к преодолению превращенного (непрямого) состояния субъекта собственно человеческого бытия: поэт перестает быть потом – субъектом превращенно-словесного бытия, а становится субъектом непосредственно словесного бытия, что и завершает событие его собственно человеческого бытия.

Список литературы

1. Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения / Д. С. Лихачев // Вопросы литературы». - 1968. - № 8.
2. Письмо Н. Н. Раевскому сыну. - Конец июля 1826 г. (Черновик. Подлинник по-франц.) // А. С. Пушкин. ПСС в 10 т. – Т.10. Письма. СПб.: Изд-во Наука, 1965.
3. Успенский Б. А. Поэтика композиции / Б. А. Успенский. – СПб.: Изд-во АЗБУКА. – 2000.
4. Христиансен Бр. Философия искусства / Бр. Христиансен. – СПб.: Изд-во «Шиповник». – 1911.

ON POETIC BEING

Fedorov V.

The article deals with a number of actual questions for philology: the essence of creative process, author's as a subject of verbal being, the question of man as heterogeneous existential formation. The phenomenon of creative process is comprehended by the categories of imagination. The author as an imaginary subject is the internal form of the character. Being an absolute subject of verbal being, the author realizes an ontological value – love.

Keywords: the Word, a poet, imagination, subject of verbal being, the whole of the person.

ОБ ОДНОМ ИСТОКЕ ТЕОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ: ВАСИЛИЙ КАНДИНСКИЙ «О ДУХОВНОМ В ИСКУССТВЕ»

Олег Миннуллин

кандидат филологических наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Донецк
papuliayandex.ru

Статья посвящена установлению факта научной преемственности теории художественной целостности Михаила Моисеевича Гиршмана по отношению к теории «внутренней необходимости» Василия Васильевича Кандинского, изложенной художником в книге «О духовном в искусстве» (1911). В обоих теоретических построениях мы находим мысль о внутренней предопределенности художественного акта факторами индивидуально-личного, эпохально-исторического и вечного, общечеловеческого плана, а также сходные представления о сути художественного творчества как такового.

Ключевые слова: В. Кандинский, М. Гиршман, «внутренняя необходимость», художественная целостность.

В известной работе «О духовном в искусстве» (1911) художник и теоретик изобразительного искусства В. Кандинский формулирует ряд общеэстетических законов и вводит понятия, которые заметно повлияли на теорию художественной целостности, разрабатываемую литературоведами Донецкой филологической школы. Освещению этой темы (без претензии на полноту) и посвящена настоящая публикация.

Говоря о совершенном произведении искусства, В. Кандинский пишет: «Прекрасно то, что возникает из *внутренней необходимости*» [2, с. 104]. Это состояние, по мысли художника, обуславливается действием трех факторов, определяется тремя «мистическими причинами»:

«1) каждый художник, как творец, должен выразить то, что ему свойственно (индивидуальный элемент);

2) каждый художник, как дитя своей эпохи, должен выразить то, что присуще этой эпохе (элемент стиля во внутреннем значении, состоящий из языка эпохи и языка своей национальности...);

3) каждый художник, как служитель искусства, должен давать то, что свойственно искусству вообще (элемент чисто и вечно художественного, который проходит через всех людей, через все национальности и через все времена... как главный элемент искусства он не знает ни пространства, ни времени)» [2, с. 58].

В свете этого автор-творец, с одной стороны, субъект активного созидания и выражения, а, с другой стороны, будучи захваченным «необходимостями», он полностью поработчен произведением, которое

«ведет» его своими предначертанными путями. Художественный образ, проявляясь через автора-творца, *требует* от него такой, а не иной конкретизации. Поэтическое воплощаются по законам внутренней необходимости, отсюда и предельная взаимообусловленность формы и содержания в художественном произведении, а также выявление «вечно-объективного во временно-субъективном» [2, с. 60]. Из этого видно, что категория *внутренней необходимости* в теории В. Кандинского может мыслиться как организующее начало для становящейся целостности художественного произведения. «Хорошим рисунком является только такой, в котором ничего не может быть изменено без того, чтобы не разрушилась внутренняя жизнь» [2, с. 100]. Каждый штрих, каждая запятая в этой логике имеют свое единственное место в художественном произведении. При этом принцип внутренней необходимости, по мысли В. Кандинского, нельзя считать телеологически: элементы произведения существуют как единственно возможные, как естественные моменты «внутренней жизни», а не служат поставленной извне цели.

В своей книге особое внимание теоретик искусства уделяет вопросу соотношения творческой свободы и внутренней необходимости: на первый взгляд эти два момента должны противоречить друг другу, но этого противоречия в глубинах творческого состояния нет. Свобода художника и внутренняя необходимость по В. Кандинскому взаимообусловлены и в основе своей – одно: «Величайшая свобода, являющаяся вольным и необходимым дыханием искусства, не может быть абсолютной. Каждой эпохе дана своя мера этой свободы. Но эта мера во всяком случае должна быть исчерпана и в каждом случае и исчерпывается. Пусть упрямая повозка истории сопротивляется как хочет!» [2, с. 100].

Совершенно в этом же ключе строится и теория целостности М. Гиршмана. Приведем только две красноречивые цитаты: «В произведении, обретающем статус самостоятельного художественного целого, необходимо присутствуют три смысловых плана: общечеловеческий, конкретно-исторический и индивидуально-личный. И не просто присутствуют, но взаимораскрываются друг в друге, так что преодолевается обособленность, отдаленность друг от друга вечных и неподвижных сущностей, исторического движения и индивидуального существования» [1, с. 45]. Как видим, эти «смысловые планы» отчетливо коррелируют с тем, что В. Кандинский определил в качестве мистических первопричин творчества, «необходимостей».

«Возникновение художественной целостности как первоэлемента, как «определяющей точки» творческого создания одномоментно и нераздельно содержит в себе мирообразующий и текстообразующий исток, и смыслопорождающую направленность, и формообразующую перспективу», – читаем в книге М. Гиршмана [1, с. 47]. Теоретик литературы подробно объясняет как из этой определяющей точки, детализируясь и обособляясь, постепенно вырастают элементы целого, связанные этой внутренней

глубинной взаимосвязью, несущие в себе энергию, порождающего их начала, но и сами в процессе творческого воплощения конкретизирующие это начало.

Нет особой нужды детально излагать теорию художественной целостности, разработанную М. Гиршманом и другими представителями Донецкой филологической школы, она и без того подробно изучена в нашем научном кругу. Основатель школы настойчиво рекомендовал своим ученикам читать теоретические работы В. Кандинского и сам в своих теоретико-литературных построениях охотно опирался на искусствоведческие выкладки знаменитого живописца, что видно даже в таком беглом сопоставлении, которое мы привели.

Исследовательской задачей на перспективу, на мой взгляд, является изучение своеобразия концепций мыслителей с учетом того, что они разрабатывались на материале различных искусств: литературы и живописи, а также с учетом различий общих подходов к предмету рефлексии у ученого-теоретика и у художника-теоретика.

Список литературы

1. Гиршман М. М. Литературное произведение: Теория художественной целостности / Михаил Моисеевич Гиршман. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 560 с.
2. Кандинский В.В. О духовном в искусстве / Василий Васильевич Кандинский. – М.: Архимед, 1992. – 112 с.

ON A SOURCE OF THE ART INTEGRITY THEORY: VASILY KANDINSKY «ABOUT THE SPIRITUAL IN ART»

Minnullin O.

The article is devoted to establishing the fact of the continuity of the scientific theory of Mikhail Girshman artistic integrity in relation to the theory of «inner necessity» Wassily Kandinsky, artist described in the book «On the Spiritual in Art» (1911). In both theoretical constructions, we find the idea of predestination inner artistic act individually-personal factors, epochal historical and eternal, universal plan, and similar ideas about the nature of art itself.

Keywords: W. Kandinsky, M. Girshman, «inner necessity», artistic integrity.

**ОТ ОБЫВАТЕЛЬЩИНЫ К ДУХОВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ ДЕТСКОЙ ХОРОВОЙ ШКОЛЫ «БЛАГОВЕСТ»
ДОНЕЦКОЙ ЕПАРХИИ)**

Елена Ущановская

доктор искусствоведения

*ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики»*

Донецк

e-mail: hellen.00@mail.ru

Одной из форм сопротивления обывательщине является активное религиозное музицирование, охватывающее общекультурные и региональные исполнительские традиции. Анализируя созданную на сегодня в Донбассе систему религиозного певческого образования, автор статьи раскрывает особенности возрождения религиозного музицирования с учетом культурной специфики региона. Созданные православные воскресные школы занимаются не только религиозным воспитанием, но и формированием духовности подрастающего поколения посредством общения с музыкой. «Погружение» в религиозное музицирование становится началом духовного «пробуждения» и постепенного «ухода» от обывательщины.

Ключевые слова: Донеччина, духовная деятельность, религиозное музицирование, православная воскресная школа, специальная хоровая школа Благовест».

Обывательщина заслуженно считается одним из зол современного общества и проявляется в самых разных сферах человеческой жизнедеятельности. Все ее многообразие сводится к примитивному мышлению, культурной ограниченности и внешней религиозности. Для взрослого обывателя религиозная покорность ассоциируется с покорностью власти (власти от Бога), что часто приводит к асоциальности. В отношении же «подрастающего» обывателя ситуация видится не такой безнадежной, ведь при всей своей ограниченности, никто из обывателей не сомневается в необходимости обучать ребенка. Однако для большинства необходимый минимум сводится к чтению, письму и счету. Немногочисленные обыватели считают нужным обучать своих детей иностранным языкам. Еще меньше родителей-обывателей решают обучать ребенка музыке, в особенности, духовной. Дети, вовлеченные в атмосферу функционирования духовной музыки, имеет большой шанс выйти из круга примитивного обывательского мышления.

Религиозное музицирование является одной из форм активной воспитательной деятельности подрастающего поколения. С учетом потерянной традиции православного музицирования с особой остротой в конце 80-х гг. XX ст. встал вопрос возрождения литургического репертуара, обучения и воспитания церковных певцов. Поэтому с началом восстановления деятельности православных храмов актуализировалась

проблема создания профессиональных хоровых коллективов и обучения регентов.

Следует отметить, что в современной научной литературе анализ традиций православного хорового музицирования на Донеччине еще не осуществлен. Близкими к заявленной проблеме являются диссертации Л. Дорохиной и В. Снитиной. Частично опираясь на информацию из местных периодических изданий, автор статьи осветила специфику православного пения в контексте современных традиций религиозного музицирования в монографии «Культурно-художественная жизнь Донеччины (конец XIX – начало XXI ст.)».

Религиозное музицирование, охватывающее как общекультурные, так и региональные исполнительские традиции, предстает одной из форм активной духовной деятельности. Автор статьи ставит своей целью раскрытие особенностей возрождения религиозного музицирования в Донбассе с учетом культурной специфики региона на примере формирования системы певческого образования.

Одной из лучших православных воскресных школ в регионе, которая занимается не только религиозным воспитанием, но и формированием духовности подрастающего поколения посредством общения с музыкой, является школа при Свято-Преображенском кафедральном соборе г. Донецка. Православную воскресную школу в 1995 г. основал протоиерей Михаил Александрович. Именно он изначально стал учить детей церковному пению. Со временем и в других воскресных школах было введено обучение церковному пению. Так, в г. Мариуполь в воскресной школе при храме святого Игнатия Мариупольского учебная дисциплина «Церковное пение» преподавалась по инициативе Юрия Лотыша, который сам является выпускником духовной семинарии.

В сотрудничестве со светскими лицами основам профессионального православного церковного пения начали обучать в детской школе искусств № 1 г. Краматорска. Так, в ноябре 2001 г. 15 детей и 12 взрослых стали слушателями церковного отделения, открытие которого в государственном учебном заведении благословил митрополит Донецкий и Мариупольский, управляющий Горловской епархией Илларион. Одними из первых преподавателей церковного отделения стали настоятель храма преподобного Сергия Радонежского (пос. Ивановка) отец Анатолий Голуб и регент Свято-Успенского храма (пос. Беленькое) Павел Хилько. Программа отделения церковного пения была составлена по аналогии с программами церковных школ, рассчитанных на 3 года обучения для взрослых и 5 лет – для детей. Среди учебных дисциплин отделения церковного пения были представлены Закон Божий, хоровая церковная литература, сольфеджио, игра на музыкальном инструменте по выбору учащихся, вокал, дирижирование и т.д.

В 2007–2008 учебном году начала свою деятельность и детская специальная хоровая школа «Благовест» при Донецкой епархии, также открытая по благословению митрополита Донецкого и Мариупольского

Иллариона. Руководит школой регент Свято-Преображенского кафедрального собора г. Донецка Юлия Шандро-Любчинская. Основной курс обучения здесь построен по типу хорового отделения светской школы искусств, но в содержательной своей части глубоко от нее отличается.

Обучение начинается с детьми от трех лет в так называемых группах раннего эстетического развития ребенка. Уровень подготовки учащихся в школе дает им возможность после получения аттестата об окончании специальной хоровой школы поступать на соответствующие отделения музыкального училища и консерватории.

Ученический хор школы «Благовест» не только сопровождал литургию в Свято-Преображенском кафедральном соборе, но и проводил активную концертную деятельность. Детский мюзикл «Дорога к Радуге», поставленный силами преподавателей и воспитанников школы, был показан ученикам областных интернатов и пациентам онкогематологического центра. Также коллектив школы «Благовест» выступил инициатором фестиваля «Созвучие победы», который впервые был проведен в сентябре 2010 г. Таким образом, с «погружением» в религиозное музицирование, происходит духовное «пробуждение» и постепенный «уход» от обывательщины.

Список литературы

1. Дорохіна Л. О. Богослужбовий спів в музичній культурі Чернігівщини на початку ХХ століття : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. мистецтвознавства : спец. 17.00.01 «Теорія та історія культури» / Л. О. Дорохіна. – К., 2002. – 20 с.
2. Открыта детская специальна хоровая школа // Донбасс православный. – 2007. – № 7 (авг.-сент.). – С. 10.
3. Религиозная палитра Донецкой области : [справочник религиозных организаций / под ред. А. И. Шевченко, И. А. Козловского]. – Донецк : ИПИИ «Наука и образование», 2008. – 242 с.
4. Снитіна В. О. Церковна музика в культурі України другої половини ХVІІ–ХVІІІ ст. : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. мистецтвознавства : спец. 26.00.01 «Теорія та історія культури» / В. О. Снитіна. – К., 2010. – 19 с.
5. Ущапівська О. М. Культурно-мистецьке життя Донеччини (кінець ХІХ – початок ХХІ ст.) : [монографія] / Ущапівська О. М. – К. : Вид. ПАРАПАН, 2011. – 480 с.

FROM PHILISTINISM TO SPIRITUAL ACTIVITY (ON EXAMPLE OF CHILD'S CHORAL SCHOOL «BLAGOVEST» OF DONETSK DIOCESE)

Uschapovskaya E.

One of the forms of resistance to cultural philistinism is active religious music making, covering general cultural and regional performing traditions. Analyzing the system of religious singing created for today in Donbas, the author reveals the features of the revival of religious music making taking into account the cultural specifics of the region. Created Orthodox Sunday schools are engaged not only in religious education, but also in the formation of spirituality of the younger generation through communication with music. «Immersion» in religious music making becomes the beginning to spiritual «awakening» and gradual «departure» from philistinism.

Keywords: Donetsk region, spiritual activity, religious music, Orthodox Sunday school, special choral school «Blagovest».

РУССКИЙ КОНСТРУКТИВИЗМ: НА ПУТИ К СОЗДАНИЮ НОВОГО ОБЛИКА ГОРОДА

Ирина Горобец

ст. преподаватель

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Донецк

e-mail: piaff@yandex.ru

Статья посвящена изучению особенностей русского конструктивизма, в архитектуре которого идея преобразования социальной действительности нашла свое радикальное воплощение. Особое внимание уделяется его направленности на изменение городской среды. Рассматриваются основные векторы творческих поисков архитекторов-авангардистов и их значимые достижения. Акцентируется внимание на выработке новых принципов формообразования в русском искусстве первой трети XX века.

Ключевые слова: авангард, конструктивизм, композиция, конструкция, метод, проекционизм, проун, принцип формообразования, пространство города, дизайн.

Постановка проблемы. Начало XXI века отмечено пристальным вниманием научной мысли к культуре начала XX века. Такой интерес во многом обусловлен сходством и культурных ситуаций (можно определить как переходные), и особенностей пограничного типа мышления, направленного в ситуации смены его парадигм на поиски новых бытийных смыслов и путей развития культуры. Самым близким опытом решения подобных задач для нас является авангард 20-30 годов XX века. Масштабность его проектов и открытий в художественной культуре до сих пор не получила соответствующей оценки. Исследования последних двух десятилетий не столько обобщают достижения этого периода, сколько пока их описывают, анализируют и систематизируют.

Цель работы – выделить основные направления творческих поисков русских архитекторов-авангардистов, определить влияние их инноваций на способы переустройства городского пространства с учётом кардинальной смены идеологических задач русского искусства первой трети XX века. Данная проблематика рассматривалась в нескольких направлениях. Вопросам определения и соответствующего анализа архитектуры как модели мироздания, феномену архитектурной семантики посвящены работы Э. Панофского, С.С. Ванеяна, А.Г. Раппапорта, Ю.М. Лотмана, И.В. Вайнтруб. Проблемам и творческим достижениям русского архитектурного авангарда – исследования Д.В. Сарабьянова, Г.Ю. Стернина, А.В. Иконникова, С. Хан-Магомедова, Е.А. Бобринской.

Все инновационные поиски в русской архитектуре первой трети XX века группировались вокруг слова «конструктивизм». Как отмечает Е.В. Сидорина, «конструктивизму суждено было родиться-обнаружиться в

России» [1, с. 535]. Это особо значимо в том смысле, что ранее все новации в русском искусстве были связаны с европейским влиянием, а не наоборот. Конструктивизм не просто «рождается», его появление связано с напряжёнными поисками в области архитектурной формы последней трети XIX и рубежа XIX-XX годов (эkleктизм, неоклассика, модерн, неорусский стиль) и является их логичным результатом. С одной стороны неким итогом, а с другой – новым началом, требующим комплексной разработки на всех уровнях. И причины здесь не только сугубо художественные, например, отсутствие какого-либо подобного примера, образца в истории художественной практики, сколько в основе своей общекультурные. Послереволюционный период в русской культуре охвачен пафосом кардинальных преобразований. Новая идеология, не готовая, а именно создаваемая здесь и сейчас, требовала скорейшего закрепления и визуализации своих идей в пространстве городской среды.

Подобные проекты и пафос перестройки города в истории культуры уже встречались. Здесь можно обратиться к эпохе Возрождения, в рамках которой стремление быстро и кардинально изменить облик средневекового города (в архитектуре которого была символически закреплена теоцентрическая картина мира) нашло выражение в написании декораций фасадов зданий. Они приставлялись к стенам и направляли зрителя к уже обновлённому прочтению прежнего сооружения, символика форм которого через возрождение принципов античного зодчества отражала антропоцентрические установки Ренессанса. Значимыми наработками в области визуализации идеологических перемен через архитектуру была отмечена и эпоха Просвещения. Доминанта научно-исследовательского начала в этой культуре и одновременно идеи морально-нравственного изменения, преобразования общества вызвали к жизни появление такого уникального явления как «говорящая архитектура». Ярким примером аллегоричности архитектурных форм в контексте просветительских ценностей может быть назван проект города Шо Н. Леду. Ключевая идея архитектора – формы здания должны «говорить» о социальной роли человека в обществе, характере его профессиональной деятельности, научном интересе и добродетельности. Практически все подобные проекты, несмотря на подробнейшую сопроводительную документацию в виде расчётов и практических рекомендаций к воплощению, создавались в XVIII веке «в стол». Авторы останавливались на «виртуальном» варианте иного города, увлекал сам процесс такого прогнозирования, эстетика математических расчётов. Однако их идея, что новый город с новой архитектурой есть наиболее продуктивное пространство для формирования соответствующим образом воспитанного и нацеленного гражданина, осталась жить.

С новой силой она актуализировалась в художественной культуре русского авангарда. Здесь она получила своё ещё одно рождение и наиболее развёрнутую реализацию, но уже не в виртуальном (хотя утопический проекционизм имел место быть), а непременно в реальном времени нового

мироустройства. Причин такого масштабного и комплексного преобразования мира было несколько. Одна из них – историческая. Русский конструктивизм оформляется как метод и как направление после революционных событий и выступает своеобразным ответом на вопрос «как строить новый мир» в буквальном смысле этого слова. Поэтому не случайно в архитектуре 20-30 годов так отчётливо заметен проекционизм, направленный на поиски рациональных и конструктивных моделей организации городской среды и архитектурных объектов.

Вторая причина может быть определена как идеологическая. Кардинальные изменения в социальной структуре и жизни общества требовали строительства целевых зданий, отвечающих запросам революционного пролетариата. В 1920-ые годы, время непосредственного своего оформления, конструктивизм явился деятельно-творческим решением проблемы взаимосвязи «искусства и жизни», что нашло выражение в достаточно широком движении «Производственное искусство» (Петроград, 19017 г.). Его сторонники считали себя вправе формировать социальный заказ промышленности от имени трудящихся масс общества. Поэтому нацеленность на реальные проекты была серьёзной и требовала результата.

Третья причина связана собственно с художественной деятельностью. Здесь можно выделить несколько направлений, в которых велись поиски концепции нового искусства. Одно из них – *формотворческое*. Искусство начала века также, как и социум, пребывает в поиске новых языков изобразительности и принципов формообразования. Причем, поиски велись во всех видах искусства и именно фундаментальные. Насколько они имели разновекторный характер, говорит живописный авангард (фовизм, кубизм, футуризм, экспрессионизм, абстракционизм). Его наработки, кстати, тоже находили продолжение в архитектуре, как например проуны Э. Лисицкого, ставшие выходом плоскостного супрематизма в объём. Теория теперь чаще предваряет практику, а не наоборот. С целью обсуждения спорных вопросов формообразования в архитектуре возникает не один десяток творческих групп и объединений, среди которых самыми влиятельными можно назвать такие как ИНХУК (1920 г.), АСНОВА (1924 г.) и ОСА (1925 г.) [6]. Борьба за наиболее точное определение нового метода – «композиция» или «конструкция» – завершилась победой конструктивизма. Его представители разработали так называемый функциональный метод проектирования, основанный на научном анализе особенностей функционирования зданий, сооружений, градостроительных комплексов. Характерными памятниками здесь стали фабрики-кухни, Дворцы труда, рабочие клубы, дома-коммуны.

Идеи и принципы формообразования требовали соответствующих технологий, способных воплотить их в жизнь. Поэтому следующим по важности можно назвать *научно-техническое направление*. Процессы индустриализации разных сфер производства, стремительно и кардинально меняющие пока предметный мир, необходимо было соотнести с перспективой переустройства и городского пространства. Так возникают

проекты братьев Весниных, Владимира и Георгия Стенбергов, Л. Хиддекеля, Э. Лисицкого и многих других. Введённые эклектизмом новые строительные материалы теперь активно используются для возведения супрематических конструкций и требуют органичной связи функции, формы и материала. Такие задачи требовали от архитектора не только специальных знаний, но и умения синтезировать достижения науки, техники, философские идеи в пространстве как самой художественной формы, так и среды, ею занимаемой. Время требовало специалиста, которого нужно было ещё подготовить. Поэтому не менее важным является – *педагогически-образовательное* направление. Новые парадигмы художественного мышления требовали создания и новой образовательной модели. Таковыми становятся ВХУТЕМАС (Высшие художественно-технические мастерские, 1918–1930), а позже ВХУТЕИН [5, с. 244]. Оригинальная система обучения, созданная преподавателями, авторские программы и курсы, нацеленность на практическую реализацию своих идей, теснейшая связь с политической программой развития советского государства, ориентация на новейшие достижения в области производственных технологий, использование национального ремесленного опыта, обращение к опыту немецкой школы Баухауз (и это далеко не полный перечень) являются основными принципами первых советских дизайнерских школ. Таким образом, становление и развитие дизайна как самостоятельной сферы проектно-художественной деятельности в русском искусстве начинается во многом с конструктивизма. В свою очередь появляется сеть печатных изданий, на страницах которых ведутся споры о новой архитектуре, её задачах и языке (еженедельник «Эрмитаж», журнал «Современная архитектура» и др.). В данный период они выступают и в качестве учебной литературы для молодых архитекторов. Стремясь теоретически обосновать конструктивизм как метод, теоретики говорили о нём в модусе долженствования [1, с. 534]. Поэтому не случайно и формы, рождённые в рамках этого метода, были «долженствующими» и по отношению к автору, и по отношению к зрителю-пользователю, и по отношению к пространству города, которое они моделировали как «должное» утверждать новые ценности, привычки, жизненный уклад и, в конечном итоге, формировать новое общество.

Выводы. Понимание архитектуры как «искусства организации пространства» [4] окончательно утверждается в теории и практике русского конструктивизма. Конструкция была отделена от архитектурной композиции именно по принципу наличествующей в ней «утилитарной цели», направленной на решение конкретных социальных задач. Формотворческое, научно-техническое, педагогически-образовательное и дизайнерское направления в разработке конструктивизма как метода были направлены на комплексное переустройство городского пространства и формирование его нового облика. Поскольку художественное проектирование мыслилось как способ преобразования общественного бытия и сознания людей, конструктивизм изначально нёс в себе также черты социальной утопии.

Перспективы дальнейшего исследования связаны со сравнительным анализом теоретической платформы русского конструктивизма и западноевропейского функционализма.

Список литературы

1. Авангард в культуре XX века (1900-1930 гг.) : Теория. История. Поэтика : В 2 кн. / [под ред. Ю.Н.Гирина]. – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – Кн. 1. – 600 с.
2. Иконников А.В. Архитектура в XX столетии // Художественная культура XX века: Сборник статей под ред. В.В.Ванслова, В.П. Толстого, Д.О. Швидковского. – М. : ООО «ГИД «Русское слово – РС», 2002. – С. 17-37.
3. Крусанов А.В. Русский авангард 1907-1932 (Исторический обзор). В 3-х томах / А.В. Крусанов. – Т.1: Боевое десятилетие. – СПб. : Новое литературное обозрение, 1996. – 320 с.
4. Раппапорт А.Г. Концепции архитектурного пространства [Электронный ресурс] / А.Г. Раппапорт. – Режим доступа : http://papardes.blogspot.com/2009_11_01_archive.html
5. Рунге В.Ф. История дизайна, науки и техники / Рунге В.Ф.: Учеб. пособие. – В 2-х кн. – Кн. 1. – М. : Архитектура–С., 2008. – 368 с.
6. Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда: В 2 кн.: / С.О. Хан-Магомедов. – Кн. 1: Проблемы формообразования. Мастера и течения. – М.: Стройиздат, 1996. – 709 с.

RUSSIAN CONSTRUCTIVISM: ON THE WAY TO CREATING NEW CITY LOOK

Gorobets I.

The present article deals with the study of the features of Russian constructivism, in the architecture of which the idea of transforming social reality has found its radical embodiment. Particular emphasis is placed on its focus on changing the urban environment. The main vectors of creative searches of avant-garde architects and their significant achievements are considered. Attention is focused on the development of new principles of shaping in the Russian art on the first third of the twentieth century.

Keywords: avant-garde, projectivism, proun, constructivism, composition, construction, method, principle of form-building, design, space of the city.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ: 2014-2017 гг.

Екатерина Калиниченко
директор художественно-выставочного центра
«Арт-Донбасс» г. Донецка
Донецк
e-mail: Kalinichenko.k.n@gmail.com

В статье рассматриваются жанровые особенности изобразительного искусства в военное время на примере анализа работ художников, проживающих во время военного противостояния на территории Донецкой Народной Республики (2014-2017гг). В ходе сопоставленного анализа работ делается вывод о необходимости, ценности и актуальности такого искусства.

Ключевые слова: изобразительное искусство военных лет, художники Донбасса, АртДонбасс, гражданская война на Украине, символы военного времени.

Каждое столетие в истории отмечено яркими и запоминающимися событиями, которые приносят в жизни народов и целых государств глобальные изменения.

В разные годы исследователями и искусствоведами изучались вопросы развития изобразительного искусства в период мировых войн. В большей степени это труды, посвященные деятельности художников антифашистской направленности на оккупированных территориях. Благодаря этим исследованиям и по крупицам собранных материалов мы сейчас, спустя 70 лет после окончания второй мировой войны, через призму времени открываем для себя творчество русских, украинских, чешских, румынских, польских, болгарских, югославских художников. В них описывается антифашистская позиция художника, разбираются его произведения, публикуются высказывания деятелей искусства, которые раскрывают духовную атмосферу того времени.

Не исключением является и XXI век. Три года народ Донбасса и Украины живет в гражданской войне, которая не признается мировым сообществом. Три года для истории - это капля в море, но оставшееся жить на своих землях местное население хочет жить, развиваться, планировать свое будущее. В этом военное время живет несколько миллионов жителей, которые совсем иначе воспринимают сегодняшний день. Данная работа посвящена рассмотрению военного конфликта на Донбассе посредством изобразительного искусства.

Основным источником информации для данной работы послужили непосредственно работы художников, проживающих на территории Донбасса во время ведения боевых действий с 2014 по 2017 гг., их анализ и определения роли таких работ для истории. Взятые за основу полотна

художников напрямую связаны с выставочной и издательской деятельностью художественно-выставочного центра «Арт-Донбасс» [11].

Нужно ли искусство на войне или искусство на войне как символ победы добра над злом и вера в то, что искусство вечно.

Начнем с осени 2014 года – смена власти, руководства. Приоритеты прежние – искусство должно оставаться искусством. Первые выставки в военном городе – позитивные, светлые, нейтральные (по отношению к происходящему за окном), потому что немногочисленным жителям города просто необходимо заряжаться положительными эмоциями, которыми пульсируют незатейливые пейзажи, узнаваемые места, нежные цветочные натюрморты. Об этом свидетельствуют несколько солидных книг - отзывов посетителей «Арт-Донбасса». К началу зимы обстановка накаляется, авторы по-прежнему приносят уже зимние пейзажи. Но на наши вопросы – как влияет на творчество данная военная обстановка, трудно ли себя настроить на работу и какую тему для будущих выставок будем планировать, авторы все чаще показывают эскизы новых работ или их фотографии. Это война... Пустые глазницы некогда жилых домов, сожженный остов Иверского монастыря, разбомбленный красавец аэропорт имени Сергея Прокофьева и жители. Местные жители, которые стали ополченцами и защитниками своих земель. Среди этих защитников были и сыновья самих авторов.

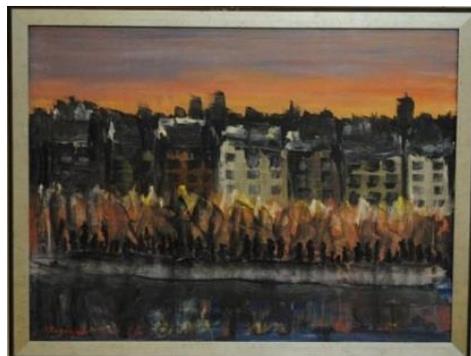
Работы художников, отражающих события гражданской войны, а так же социальных потрясений, по мнению И.В. Кочетковой, можно разделить на несколько групп [7]. Попробуем соотнести работы художников сегодняшнего времени к предложенному разделению по группам работ написанных в годы Великой отечественной войны.

К первой группе относятся картины художников сопротивления, имеющие антивоенную направленность и отражающие в себе все бедствия и ужасы войны, а так же, их последствия. Здесь можно выделить несколько направлений по темам:

- картины, изображающие жизнь в тылу и мирное население;
- картины, изображающие непосредственно военные действия;
- духовная тематика.

Вторая группа – это картины, написанные официальными художниками, поддерживающими позицию правительственной верхушки, государств - участников войн. В ней также выделяются два направления:

- изобразительное искусство официальной пропаганды;
- работы художников, посвященные

Т. Комендант «За пределами лихолетья», 2013 г.

военным действиям, но рассматривающие их как закономерную и необходимую политику государства.

Предвестником трагических событий 2014 года становятся картины Татьяны Комендант, написанные за год до начала военных событий. Этот сюжет художнице приснился, а утром увиденное легло на холст. Это был пейзаж родного Донецка – набережная реки Кальмиус, в котором отражается огонь, пылающие дома.

На самом оживленном перекрестке стоит знак «Зона отчуждения», который мы знаем, устанавливается на территориях с радиоактивными элементами. Уже в 2016 у художницы появляются такие работы как «В ожидании мира» и «Утро в Донецке», в тех же коричневых оттенках. Но уже с вкраплениями другой цветовой палитры и символов, которые отождествляют мир (голубь – символизирует мир, безмятежность, надежду; радуга – символизирует мост, сообщение неба с землей) [10].

Один из первых художников, кто обратился к теме боевых столкновений на Донбассе, стал Юрий Данилов, член СХУ. Его лирические, в пастельных тонах пейзажи отошли на второй план. Главным становится защитник, в чертах которого угадывается родной художнику человек.

Т. Комендант «В ожидании мира», 2016 г.

Помните картины советских художников послевоенного периода Васильева, В.Костецкого «Возвращение»? У порога обнявшись, стоят отец в форме и сынок. Поменялась лишь мода на военное обмундирование. Шинель, гимнастерку и кирзовые сапоги заменила современная экипировка. Сюжет тот же, и эмоции те же, что и 60-70 лет назад, только история повторяется. Каждый дончанин, кто видел эту работу, говорил автору спасибо, ведь там изображен защитник каждого из нас. Еще одна работа, о которой следует сказать, это «Иверский монастырь» или то, что от него осталось. Он расположен в северной части Донецка, близ аэропорта, этим все сказано. Много православных святынь сожжено и разрушено за это время, но этот храм единственный, который проводит богослужения, еженедельные литургии. Художник запечатлен этот храм, чтобы донести всему миру, что наша вера незыблема!

Все европейское сообщество так же узнало, что в Донецке аэропорт назван именем величайшего композитора Сергея Прокофьева. Расскажем об одной из картин Радмира Кочанова, написанной в это время. Работа «Донецкий аэропорт-2014» полна экспрессии в широком смысле – это прослеживается в творческом почерке автора, фактуре мазка, цветовом решении. Типичный

Каждый дончанин, кто видел эту работу, говорил автору спасибо, ведь там изображен защитник каждого из нас. Еще одна работа, о которой

Р.Кочанов «Донецкий аэропорт-2014», 2014 г.

для Донбасса летний степной пейзаж с виднеющимися в отдалении терриконами, на переднем плане башня аэропорта и военный вертолет. Обратим внимание на цвета картины: темный сине-зеленый состоит из синего, который символизирует долг и преданность и зеленого – жизнелюбие и успех. Центральная часть полотна написана черным, что означает подсознательные страхи. Эта работа всегда будет напоминать о первых обстрелах донецкого аэропорта 26 мая 2014 года, и вселять уверенность в победу.

Работы художницы Юлии Трошкиной наверняка войдут в историю. В них не отображены непосредственно военные действия, в них представлена жизнь дончан. На улицах беспорядочно стоящие бетонные блоки, пустынные улицы, окна заклеенные накрест скотчем. За одним из таких окон сидит девочка и есть вишни, ей не мешают «ежи» из скотча смотреть на улицу, у нее каникулы и она ждет, когда одноклассники вернуться домой. Но вернуться далеко не все. В сочетании синего и фиолетового мы видим многогранность оттенков, которые создают героине спокойное и вдумчивое состояние. Преобладающий сине-васильковый оттенок обволакивает героиню нереальностью происходящего.

Ю. Трошкина «Лето-2014», 2014 г.

В. Коровойченко «Молодая Республика» триптих, 2015 г.

собственное желание запечатлеть того или иного героя. Триптих Владислава Коровойченко «Молодая Республика» представляет собой портреты двух Героев Республики Александра Захарченко и Михаила Толстых (Гиви), которые замыкают центральное полотно, на котором расположен собирательный образ скачущей лошади. Согласно мифологии лошадь символизирует мудрость, свет, быстроту мысли, бег времени. Развивающееся знамя Республики дает определение, что перед нами руководители, уверенно смотрящие вперед.

Все работы основаны на собственных переживаниях событий, свидетелями которых они стали. В них запечатлены не просто хаос, а чувства

Обратимся к жанру портрет. В отличие от советского военного времени, на данный момент в Республике не названы имена официальных художников, которые поддерживают позицию правительства государства. Картины, которые мы видим – это осознанное,

и переживания, боль и смятение миллиона жителей. Это крик души, который будет услышан!

Перейдем к теме духовности. Донбасс всегда был и остается многонациональным регионом, в котором всегда уважалось вероисповедание жителей. Наши художники так же обращаются в своем творчестве к теме православия. Заслуженный художник Украины Геннадий Жуков – замечательный живописец, создал сотни полотен. Главной темой его творчества были каноны православия. И вот в начале 2016 года он принес работу «Донецкая Мадонна». Она была совсем не похожа на его предыдущие

Г. Жуков
«Донецкая
Мадонна», 2015 г.

картины. Безусловно, существуют разнообразные иконографические типы Богородицы. Одним из ранних и наиболее распространенных в восточнохристианском искусстве были иконографические типы Богоматери на троне, с младенцем на руках. Автор Мадонну изобразил не в традиционном пурпурном мафории, а в комбинированном костюме, с шевроном «Новороссия» и простом белом платочке. Мы задаем вопрос – что же повлияло на художника, что находясь в преклонных годах, всегда отстаивая свою точку зрения, никогда не идя на поводу «сиюминутной блажи» он создает такие полотна, которые сразу становятся классикой? Скорее всего это накопившиеся эмоции, мудрость и мастерство, которые объединил талант Мастера. Эта

работа была подарена Донецкому Художественному музею.

Еще одна работа молодой художницы из Санкт-Петербурга Светланы Щиблевой «Донецкая Богородица», которую автор привезла в Донецк и подарила одному из храмов Донецкой епархии. На полотне изображена Дева Мария, в каноническом облачении, голову ее окаймляет золотой нимб. На руках она держит младенца. Однако поза малыша не канонична – он отвернулся от матери и плачет, прикрыв правой ручкой глаза. Работа эмоционально очень сильная, когда на нее смотришь - хочется плакать. [1]

С. Щиблева
«Донецкая
Богородица»,
2016 г.

Неравнодушны к происходящим событиям художники, проживающие в различных городах России. Слушая официальные новости, общаясь в социальных сетях они создают жанровые работы и портреты героев «Эти картины не для частных коллекций, а для того, чтобы возить их по выставкам и показывать людям», говорит один из авторов – художник из Челябинска Альберт Растяпин. Он планирует запечатлеть самое важное событие мирового масштаба – войну на юго-востоке Украины 2014-2015 годов. Однако будет ли достоверна и так реальна такая работа, если художник никогда не был на Донбассе, информацию

собирает в социальных сетях, а сюжет будет постановочный (автор планирует устроить воркшоп с выездом на природу, с привлечением специалистов, которые занимаются реконструкцией)? Будут ли иметь историческую ценность подобные работы?

Однако Растяпин надеется, что его работам найдется достойное место в экспозициях музеев Донбасса [2].

Мы старались быть вне политики. Но время опять расставило приоритеты. Авторами первых выставок стали дети. Так с декабря 2014 года в Художественно-выставочном центре «Арт-Донбасс» г. Донецка регулярно стали проходить выставки и торжественные подведения итогов конкурсов детского рисунка, посвященных сегодняшней войне на Донбассе, а по окончании эти выставки вывозились за пределы Республики и выставлялись в учреждениях образования и культуры. Как показал опыт – такие акции были и остаются актуальными по сей день.

Цель таких выставок – патриотическое воспитание школьников Донецкой Народной Республики, сохранение исторической памяти о сражениях и участниках военных действий за свободу Донбасса в дне сегодняшнем, как и 70 лет назад наши отцы, деды отстояли честь Отчизны, привлечение внимания молодежи к подвигу народа Донбасса, повышение интереса к отечественной истории, воспитание чувства патриотизма, любви и гордости за свой народ, привлечение молодежи к художественно-творческой деятельности.

Среди таких выставок можно назвать:

- «Эхо войны» (декабрь 2014г.) По инициативе Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики проведен конкурс творческих работ среди учащихся школ под патронатом Главы ДНР А.В.Захарченко (более 500 рисунков) [4].

- «Наши защитники» (февраль 2015г.) По инициативе Управления культуры администрации г. Донецка проведен конкурс рисунков и фотографий учащихся школ под патронатом главы администрации г.Донецка И.Ю.Мартынова (более 450 работ).

- «Мы хотим МИРА!» (ноябрь 2015г.) По инициативе Благотворительного фонда «12» и Министерства иностранных дел ДНР (более 300 рисунков).

- «Мой папа герой!» (апрель 2016г.) По инициативе Министерства обороны ДНР был проведен конкурс детского рисунка, по результатам которого было организована выставка (более 500 рисунков)..

- «Война и мир глазами детей» (январь-февраль 2017г.) При поддержке Главы ДНР выставка была проведена в Крымской универсальной научной библиотеке им. И.Франко г. Симферополь и выставочном комплексе «Цейхгауз» Астраханского кремля г. Астрахань (50 рисунков).

В художественных школах и школах искусств города на уроках гражданственности ребята рисуют сегодняшний день и наших героев, представляя свои работы на общегородских выставках.

Что может быть более искренним, чем детский взгляд на мир? В своих рисунках маленькие авторы с особенным чувством отражают ту действительность, в которую их ввергло наше непростое время. Некоторые работы воспринимаются, как настоящий призыв к защите Родины, защите МИРА. Особенно трогательно воспринимаются портреты героев, отдавших свою жизнь в этой борьбе. В этих разнообразных рисунках есть одно общее: гордость за своих отцов и вера в возможность защитить мир на нашей земле.

С момента вооруженного конфликта в Донецке не проводилось ни одной выставки, где были бы представлены только работы, отражающие сегодняшнюю действительность профессиональными художниками. Описываемые ранее художественные произведения были представлены на тематических выставках, которые так или иначе живописуют о жизни в Донбассе. Среди таких проектов можно вспомнить такие как: «Ода родному городу» (2015г.) и «Прикоснись к истории. Здесь пейзажем правят терриконы» (2016г.), приуроченные к празднованию Дня города [3], а так же персональные выставки художников. Сейчас к 3-х летию Республики в «Арт-Донбассе» готовится выставка «Мы победим!». К участию в этом выставочном проекте присоединятся метры живописи, которые не только через свое творчество, но и свой жизненный опыт проведут параллели двух войн – Великой Отечественной и гражданской войны на Украине.

Ценность описываемых и представленных работ заключается в том, что их изучение дает возможность выявить отношение к войне с позиций различных социальных групп, провести общую оценку восприятия войны населением, в данное время. Так же необходимо отметить, что именно изобразительные источники являются результатом личностных переживаний непосредственных участников событий, что позволяет понять общую психологическую и эмоциональную атмосферу войны. Подводя итоги выше изложенного, можно сделать вывод что:

1. Уделяется большое внимание патриотическому воспитанию детей и молодежи, с непосредственным привлечением их к художественно - творческой деятельности.

2. В деятельности профессиональных художников появляются работы патриотической направленности.

3. Художественные выставки патриотической направленности не носят регулярного характера.

4. Определенные обстоятельства не дают возможность художникам открыто представить свои работы.

5. Отсутствие «официальных» художников.

6. Необходимо вести учет работам, отражающим военные события на Донбассе с 2014 по сегодняшний день, т.к. все эти работы, несмотря на свою простоту с точки зрения изобразительности, являются подлинной передачей эмоционального состояния не только автора, а и окружающих его людей. Эти полотна, рисунки, неоконченные эскизы навсегда останутся безмолвными свидетелями трагических событий в истории.

Завершу свое исследование таким примером: в фонды «Арт-Донбасса» семьей художника Евгения Грейлиха (1907-1998гг.) была подарена картина «Завод восстанавливается» датированная 1943 годом.[8] Мы знаем, что во время Великой Отечественной войны город Донецк был оккупирован немцами, а при отступлении разрушен. И как только осенью 1943 он был освобожден – художник взял в руки кисти и стал писать последствия оставленные войной – разрушенный завод и восстанавливающих его жителей, которые верят в будущее и не живут одним днем. Прошли десятилетия. Город возродился, а подвиг жителей остался на холстах как память [9, с. 103].

Будем верить и мы, ведь искусство - вечно!

Список литературы

1. Гусакова Е. А. Культурологический семинар: искусство как форма общественного сознания // Сайт Художественно-выставочного центра «Арт-Донбасс». 2011. URL: <http://artdonbass.com.ua/ru/news/kulturologicheskij-seminar-iskusstvo-kak-forma-obshchestvennogo-soznaniya.html> (дата обращения: 1.03.2017).
2. Гусельников А. «С натуры!» Уральский художник напишет 12-метровую картину про войну в Донбассе // Сайт Служба новостей URA.RU http://ura.ru/news/1052203553?story_id=93 (дата обращения: 1.03.2017).
3. Жаров А. Торжественное гашение марки // Сайт Художественно-выставочного центра «Арт-Донбасс». 2011. URL: <http://artdonbass.com.ua/ru/news/torzhestvennoe-gashenie-marki-po-sluchayu-72-godovshchiny-osvobozhdeniya-donbassa.html> (дата обращения: 28.02.2017).
4. Калиниченко Е. Н. Конкурс творческих работ «Эхо войны» // Сайт Художественно-выставочного центра «Арт-Донбасс». 2011. URL: <http://artdonbass.com.ua/ru/project/konkurs-tvorcheskih-rabot-eho-voyny.html> (дата обращения: 2.03.2017).
5. Клименко Р. Г. Художники Донеччини / Р. Г. Клименко. – Донецьк: Тов. «Промінь», 2008. – 470 с.
6. Клименко Р. Г. Художники Донеччини / Р. Г. Клименко. Донецьк: Тов. «Промінь», 2004. – 326 с.
7. Кочеткова И. В. Мировые войны XX века в изобразительном искусстве / И.В.Кочеткова Сайт <http://student.zoomru.ru/isk/mirovye-vojny-xx-veka-v/130054.1018984.s6.html> (дата обращения: 15.02.2017).
8. Столяров Н. В. АртДонбассу подарены картины Евгения Грейлиха // Сайт Художественно-выставочного центра «Арт-Донбасс». 2011. URL: <http://dnr-online.ru/artdonbassu-podareny-kartiny-evgeniya-grejlixa-spassego-vo-vremya-vojny-polotna-iz-fonda-xudozhestvennogo-muzeya-donecka> (дата обращения: 28.02.2017).
9. Таюрова З. Ю. Музей и Война. Судьбы людей, коллекций, зданий / З. Ю. Таюрова. – Екатеринбург: ООО «ПП «Артикул», 2016. – 307 с.
10. Тресиддер Дж. Словарь символов. / Дж Тресиддер - М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448 с.
11. Чичерова Н. Г. «Арт-Донбасс» Войне вход запрещен // Сайт все о ДНР. 2015. URL: <http://vsednr.ru/?p=12552> (дата обращения: 28.02.2017).

WAR TIME FINE ART: 2014-2017

Kalinichenko E.

In article genre features of the fine arts in wartime on the example of the analysis of works of the artists living during military opposition in the territory of the Donetsk People's Republic (2014-2017) are considered. During the compared analysis of works the conclusion about need, value and relevance of such art is drawn.

Keywords: Art of the war years, artists of Donbass, ArtDonbass, civil war in Ukraine, symbols of wartime.

УДК 745

СИМВОЛИКА ОБРАЗОВ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ИГРУШКИ (НА ПРИМЕРЕ СОБРАНИЯ ОТДЕЛА ДЕКОРАТИВНО- ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА ДОНЕЦКОГО РЕСПУБЛИКАНСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ)

Анастасия Черникова

научный сотрудник

Донецкий республиканский художественный музей

e-mail: Anastasiyaaa17@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы декоративно-прикладного искусства. Представлены результаты изучения народных игрушек из фондов Донецкого республиканского художественного музея. Охарактеризована специфика символики образов русской народной игрушки.

Ключевые слова: народная игрушка, символика образов, декоративно-прикладное искусство.

Декоративно-прикладное искусство – это обширный раздел изобразительного искусства, характеризующийся созданием и украшением художественных изделий, предназначенных для использования в быту.

Игрушки являлись обязательным атрибутом жизни людей: с ними человек рождался (к примеру, свистульки, которые ставили на окно перед младенцем, чтобы злые силы не могли войти в комнату), и с ней же он умирал (поминальные куклы, в которые переселялась душа умершего). Игрушка выполняла не только декоративную, эстетическую и игровую функцию, но и играла важную магическую роль.

В наше время народные игрушки редко используются в повседневной жизни - они хранятся в экспозициях музеев и коллекционных собраниях, в том числе и в Донецком республиканском художественном музее (ДРХМ). Малоизученность символики образов русской народной игрушки из собрания ДРХМ обуславливает актуальность данной работы.

Материалом исследования послужили дымковская, каргопольская и чернышенская народные игрушки, имеющиеся в отделе декоративно-прикладного искусства ДРХМ.

Цель данного исследования – охарактеризовать специфику символики образов русской народной игрушки, представленной в собрании Донецкого республиканского художественного музея.

Самые ранние игрушки, обнаруженные на территории России, относятся ко II в. до н. э. – это глиняные погремушки, посуда, фигурки людей и животных [6, с. 65]. «В глину, из которой лепили фигурки, мастер добавлял истолченные кости тех животных, которых хотел воссоздать в их новой вечной жизни. Глино-костное животное становилось собственностью охотника и племени и служило залогом удачной охоты» [5, с. 10].

Русское народное искусство обладает насыщенной символикой образов. Глядя на лучшие образцы игрушек, посетители выставок отмечают лаконичность и благородство их пластики, нарядное декоративное решение и бережное отношение к материалу [4, с. 24].

В данной работе мы постараемся раскрыть символику образов русской народной игрушки на примере материала Донецкого республиканского художественного музея.

Культ **оленья** чрезвычайно стоек и распространен в народной глиняной игрушке. Это животное всегда находится где-то далеко, редко попадается людям, но, поймав его, человек получает от оленя что-то в дар: по легендам, он может привести к богатству, исполнить мечты, но также может завести в навье (подземное) царство. Отсюда закрепилось два образа оленя: светлый и тёмный, отображающие жизнь и смерть. Этот образ связывают с божественностью, небом, он символизирует солнечный свет, удачный брак [1, с. 134]. С оленем было связано и представление о довольстве и благе, а само слово «рогато» значило «жить в изобилии и богатстве» [3, с. 146].

Образ **оленья** представлен в музее каргопольской игрушкой (промысел, возникший в деревнях Каргопольского уезда (Архангельская область), характеризуется архаичным внешним видом, наивной условностью лепки фигуры и приглушенными, строгими цветами). **Олень** интересен своим ярким золотым цветом. Его рога изображены в виде двух веток-листьев зелёно-синего цвета, следовательно, игрушка несёт в себе и символику мирового дерева – троичного знака мироздания: корни – подземный мир (Навь), ствол – земной мир (Явь) и ветви – небо (Правь), поэтому его называли «мировым столпом», «мировой горой» и «осью мира». Золотой олень, несущий на себе мировое дерево – символ солнечного первопредка-тотема, несущего на себе весь мир.

Часто встречается в народных игрушках и образ **птицы**, связанный с символикой неба: птицы обитали в ветвях мирового дерева, в мире богов. Они встречали весну, символизировали солнце, обновление, воскресение природы, счастливую семейную жизнь.

В собрании Донецкого республиканского художественного музея образ птицы представлен дымковской игрушкой (промысел, возникший в Вятке, а точнее в Дымковской слободе. Каждую фигуру лепят из красной глины, украшают ярким геометрическим орнаментом: полосками, кругами, точками, клеят ромбики из потали – тонких листков из сплава меди и цинка, имитирующих золото). Фигурка изображает курочку с двумя цыплятами. Эта птица первой просыпается по утрам и встречает солнце, отгоняя все тёмные силы. У курочки пышный, с синим ободком, хвост с орнаментом в виде большого красного круга-солнца и многочисленных маленьких оранжевых лучиков, на грудке у неё также солярный знак синего цвета, на который прикреплен ромбик потали. Под крыльями она держит двух желтых цыплят с такими же кругами на грудках. Следовательно, в данной игрушке сочетаются образы солнца, плодородия и приходящей весны.

Медведь – один из самых старых тотемов охотничьего периода древнейших племен. Обращение к медведю показывает высокую степень уважения как к предку: «старик», «дедушка», «Михайло Потапыч», да и само слово «медведь» означает «ведающий, где мёд», знающий тайну, недоступную другим. Убив медведя, охотники просили у него прощения и объясняли, почему они так поступили («дедушка, не по своей воле», «прости, дедушка, детушкам кушать нечего» и т.д.) [5, с. 19].

Медведь является излюбленным образом каргопольской игрушки. Формы предельно упрощены, детали едва намечены, но они обладают большой эмоциональной силой [2, с. 280]. В собрании музея этот образ представлен медведем, сидящим в санях. Он изображен архаично и схематически. На санях – орнамент с солярными знаками – крестом и колом с точкой внутри. Отсюда следует, что эту игрушку можно трактовать как могущественный тотем-первопредок, несущий солнце на своих санях, то есть, приближающий весну.

Древние славяне считали, что именно **кони** везут солнце по небу. Утренняя Заря едет на белых лошадях – рассветных облаках, отгоняя все нечистые силы лучами, днем лошади становятся рыжими, ночью – черными. Фигура, обозначающая всадника на коне – солнце, совершающее свой путь по небу на колеснице. Этот пример иллюстрирует дымковская игрушка «Всадник» – броская, яркая, в ней бьёт через край ощущение радости жизни. Всадник одет в красный (символ энергии, силы) костюм кавалера и высокую чёрную шляпу с пером. Он едет верхом на белом коне, уши которого украшены квадратиками потали. Туловище коня расписано кругам с точками внутри – символами солнца.

Но не только солярную символику несет в себе данный образ. В коллекции музея представлена чернышенская игрушка-свистулька – белый коник со знаками плодородия (изготавливалась в деревне Чернышено Орловской обл.; отличается простотой приемов исполнения, архаичной росписью). На груди коня схематично вылеплена мордочка жеребенка. Коник расписан солярным орнаментом – на спине и груди – розовые круги с

синими лучами. Свистулька, сама по себе, является интересным атрибутом поминального обряда – праздника Свистопляски (форма выражения памяти об убитых в бою жителях Великого Устюга), во время которого люди свистом поминали убитых товарищей. Следовательно, коник-свистулька является оберегом от злых сил, знаком памяти предка и символом солнца.

Русская народная игрушка – предмет коллективного искусства, являющийся частью общего ритуала. В каждый период своей жизни игрушка фиксировала, сохраняла следы своего времени и времени прошлого. Понять эти символы и знаки – задача трудная. Несмотря на то, что промысел русских народных игрушек в настоящее время угасает, интерес к игрушке, как к вместилищу символики, историко-культурному феномену никогда не иссякнет.

Список литературы

1. Берегова О. Символы славян / О. Берегова. – СПб.: Диля, 2011 – 238 с.
2. Богуславская И. Я. Добрых рук мастерство / И. Я. Богуславская – Ленинград: Искусство, 1981. - 311 с., с ил.
3. Дурасов Г. П. Каргопольская глиняная игрушка» / Г. П. Дурасов. – Л.: Художник, 1986, – 248 с., с ил.
4. Ковычева Е. И. Народная игрушка: Учеб.-метод. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Народное художественное творчество» / Е. И. Ковычева. – М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2010. – 159 с.
5. Латынин Л. А. Образы народного искусства / Л. А. Латынин – М.: Знание, серия «Искусство», 1983. – № 2. – 48 с.
6. Сергеева И. С. Символика и образ народной игрушки / И. С. Сергеева – М.: Среднее профессиональное образование, 2011. – № 9. – С. 63-65.

THE RUSSIAN FOLK TOY IMAGE SYMBOLICS (ON THE EXAMPLE OF THE DECORATIVE-APPLIED ART DEPARTMENT COLLECTION OF THE DONETSK REPUBLICAN ART MUSEUM)

Chernikova A.

The paper reveals some questions on decorative-applied art. The results of the study of folk toys from the Donetsk Republican Art Museum funds are presented. The specific of russian folk toy image symbolics is characterized.

Keywords: folk toy, symbols of images, decorative and applied art.

**ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ КРЫМА НА ПРИМЕРЕ
СИМФЕРОПОЛЯ
В ПЕРИОД ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО БЕЗВРЕМЬЯ
(1917 – 1920 гг.)**

Снежана Шендрикова

доктор исторических наук, профессор

*Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУВО
«Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»*

Ялта, Россия

e-mail: snezhanashendrikova@rambler.ru

Надежда Шалаева

доктор исторических наук, профессор

*ФГБОУВО «Саратовский государственный аграрный университет
им. Н. И. Вавилова»*

Саратов, Россия

e-mail: nadejda-hist@yandex.ru

В научной публикации дана ретроспектива театральной жизни Крыма на примере Симферополя в период Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической революций, Гражданской войны и политического безвременья в 1917–1920 гг. На основе массива документальных сведений и театральных рубрик крымской периодики дан анализ деятельности актерских коллективов в заявленный хронологический период. Особый акцент сделан на изменениях театрального репертуара, который всегда был неразрывно связан с идеологией, проводимой государством. Авторы также обращают внимание на персоналии, оставившие особенно заметный след в театральной истории Симферополя в 1917 – 1920 гг.

Ключевые слова: репертуар, цензура, театральная жизнь, интеллигенция, смена власти, политический режим.

1917 г. стал историческим и судьбоносным не только в политической жизни российского общества, но и во всех сферах, в том числе и в театральном искусстве. После Февральской революции в культурной жизни России произошли значительные изменения. Ведущими деятелями был выдвинут лозунг независимости и автономии театра, соответственно и отмены цензуры. Решался также и вопрос о системе управления театрами. 9 (22) ноября 1917 г. советское правительство издало декрет «О передаче всех театров страны в ведение органов народного образования» [3, л. 15].

Несмотря на нестабильную политическую ситуацию в стране, симферопольский театр старался не выбиваться из рабочего графика. 23 сентября 1917 г. спектаклем драматической труппы антрепренера А. Ложечниковой в Дворянском театре был открыт зимний сезон [10, с. 681]. Членами вновь открытого местного театрального отдела стали

А. Ложечникова, А. Вольский и другие. Его председателем был избран главный режиссер труппы К. Федотов, секретарем – М. Струков [11, с. 763].

В 1918 г. был организован Театральный отдел Наркомпроса, который обеспечивал общее руководство театральной жизнью в стране. В перспективе Театральный отдел должен был создать «новый театр», который отвечал бы требованиям времени, эпохи, чаяниям народа. Отныне театры были поставлены в один ряд со школами, высшими учебными заведениями и другими учреждениями, которые были направлены служить просвещению и воспитанию народа.

26 августа 1919 г. был подписан декрет «Об объединении театрального дела», в результате чего все театральные здания, декорации, костюмы, реквизит был объявлен национальным достоянием [4, л. 92]. В этот период Крым стал «ареной» бурных исторических событий: жестоких и ожесточенных боев, перманентной постоянной смены власти (в частности, в Крыму за короткий срок сменилось несколько различных правительств – *авт.*), оккупации иностранными войсками [8, с. 28]. Неизбежным результатом всего этого стали разруха, голод, смерть. Трагические события военного времени не могли не отразиться на культурной жизни страны, в том числе и на театральной: «Труппы, работавшие в театрах Крыма, владели жалкое существование [12, с. 193].

Путаница в политической и социальной сферах, экономический кризис, отсутствие элементарных условий для существования значительно изменили привычное течение жизни. В газетных театральных афишах и анонсах того времени стало традиционным давать информацию такого характера: «...вход в театр допускается в верхнем платье» [2] и наоборот – «...театр отапливается» [16], хотя последнее случалось очень редко, да и то ближе к концу Гражданской войны. В этих условиях интеллигенция России не только продолжала вести творческую работу – ставить спектакли, организовывать выставки, писать научные работы, – но и принимала активное участие в общественной деятельности, пытаясь найти общий язык с любой политической властью, не теряя при этом своего «лица» и не позволяя манипулировать своими убеждениями. Все это указывает на то, что, казалось бы, в самый неподходящий момент на полуострове наблюдался духовный, культурный и интеллектуальный расцвет. Одна из причин – сосредоточение в Таврической губернии всей мощи русской научной и творческой интеллигенции. Именно в 1918 г. на полуострове открылся первый в Крыму университет. И в этом же году силами труппы драматического театра (бывшего Дворянского) одно из представлений, а именно – спектакль «Власть тьмы» по пьесе Л. Толстого – был поставлен «...в пользу Симферопольского Народного университета» [1]. Свидетельствуя о героизме людей в те годы, местная крымская пресса время от времени печатала афиши, в которых говорилось о бесплатных благотворительных спектаклях, концертах, праздниках в фонд раненых, голодающих и т. д. Так, на страницах газеты «Таврический голос» за 9 января 1920 г. сообщалось, что в театре

актера в городе Симферополе во время спектакля «Темное пятно», прошедшего с большим успехом, бенефициант А. Волжин обратился к публике с просьбой сделать пожертвования на борьбу с эпидемией тифа. В результате чего артистами театра были собраны пожертвования среди публики, общая сумма составила 6734 руб. 45 коп. Деньги были переданы секретарю бригады государственной стражи И. Кравченко для представления губернатору [15].

Весной 1918 г. симферопольский Дворянский театр был переименован в Драматический. А театральные анонсы того времени в местной прессе выглядели так: «Драматический (бывший Дворянский) театр – праздничный репертуар» [6]. В 1919 г. симферопольский театр снял известный антрепренер и талантливый актер В. Ермолов-Бороздин [7, с. 9]. Общество артистов под его руководством был преобразован в «Театр актера». В Симферополе это название очень быстро распространилось и прижилось. И в крымской прессе за 1919 г. зачастую информация о театре подавалась так: «Таврический Театр Драмы – Театр Актера» [14].

Одной из знаковых событий в театральной жизни города в этот период стали гастроли МХТ. Летом 1919 г. в Крым прибыли талантливые артисты О. Книппер-Чехова, В. Качалов, Н. Массалитинов и другие. 15 и 16 августа знаменитый коллектив на сцене симферопольского театра давал «Дядю Ваню» А. Чехова [21, с. 156 – 157]. 17 и 18 августа зрителям был предложен спектакль-концерт по произведениям А. Чехова, Ф. Достоевского, Н. Гоголя, У. Шекспира, А. Блока [13]. Актеры МХТ, как и в первые крымские гастроли в 1900 г., привезли с собой в провинцию не только высокое искусство, но и «свежий ветер» новых идей, мечтаний и планов.

В организации подобных гастрольных туров на плечи руководства принимающей стороны ложился долг обустройства актерского быта. Лишенные возможности снять любое жилье, артисты-гастролеры чаще всего ютились в гримерных, костюмерных, а порой даже и на сцене [17]. Не лучше были и условия труда. Я. Кривицкий об этом писал: «Пайковая осьмушка хлеба и кусок воблы на обед, работа на сцене, где замерзает вода в пожарной бочке...» [9, с. 195].

Утвержденный в 1919 г. «Декрет об объединениях театрального дела» внес коррективы по упорядочению структуры государственного руководства театрами. В связи с этим был открыт Театральный отдел Наркомпроса, заведующим которого стал В. Мейерхольд. Режиссер предложил программу «Театральный Октябрь», ознаменовавшую начало репертуара «нового» времени.

В 1920 г. симферопольский Драматический театр, был вновь переименован – теперь он назывался Первый Советский. Артисты, работающие в театре, должны были регистрироваться в Крымотделе народного образования и продолжать свою художественную деятельность, согласно указаниям и планам Театральной секции отдела искусств. Весь репертуар должен был утверждаться театральной секцией для выработки

общего художественного плана театральных работ. В этот период новым правительством также была отменена царская цензура. Однако справедливости ради следует сказать, что меры, которые употреблялись с целью формирования «нового» репертуара, существенно не отличались от имперских запретов. Благодаря содержанию театральных представлений, советская власть срочно решала проблему воспитания «нового зрителя», «нового социума». Для решения этого вопроса как нельзя лучше подходил театр, который на протяжении своей истории постоянно выступал основным идеологическим фактором любого общества, любой эпохи, любой культуры.

Именно в это трудное время первым директором симферопольского театра советского периода был назначен Я. Леонтьев, художественным руководителем стал П. Рудин. Благодаря организаторским и художественным способностям этих людей «на заре советской власти» в Симферополе постепенно стал создаваться профессиональный, большой коллектив. Музыкальным руководителем труппы был И. Дунаевский. Талантливые актеры составляли костяк творческого коллектива: М. Соснин, С. Днепров, В. Ермолов-Бороздин, Ф. Раневская [9, с. 141].

С окончательным установлением на полуострове советской власти для театра был разработан устав, которым закреплялось, что Крымский государственный драматический театр (далее – КГДТ) ставит своей задачей ознакомление рабочих масс и трудящихся с образовательно-показательным, агитационным и революционным искусством, борьбу с репертуаром, который поддерживал основы буржуазной идеологии и религиозные убеждения. Нашла отражение в документе и национальная специфика Крыма: «В виду наличия особых национальных условий Крыма при КГДТ создать татарскую секцию, ставящую своей задачей постановку татарских спектаклей, при чем обозначенная секция должна существовать на основании единого бюджета и единого административного аппарата КГДТ» [19, с. 52 – 61]. Далее уставом закреплялся пункт, в котором правление КГДТ в своей идеологической деятельности должно было руководствоваться указаниями Народного комитета просвещения Крымской ССР [22, с. 187].

Что касается репертуара театра, то он, как и все программы эпизодических спектаклей, должен был утверждаться Наркомпросом через органы Главполитпросвета и Крымлита. Правление КГДТ перед каждым театральным сезоном должно было подавать на утверждение СНК Крымской ССР план будущей деятельности на предстоящий год. Кроме того, КГДТ как театр, «Наиболее полно осуществляющий задания высших органов власти», освобождался от уплаты налога с публичных зрелищ и развлечений, утвержденного ВЦИК и СНК СФСР [5, л. 22 – 34].

Поначалу руководитель КГДТ П. Рудин выбрал классический репертуар: «Разбойники» Ф. Шиллера, «Стакан воды» Э. Скриба, «Горе от ума» А. Грибоедова [18, с.185 – 186]. Однако новое время диктовало свои условия, и в этой связи в репертуаре театра появились пьесы: «Медвежья свадьба» А. Луначарского, «Бунт машин» А. Толстого, «Любовь Яровая»

К. Тренева и другие. Эти пьесы находили отклик у нового зрителя. Кроме этого в данный период стали популярными представления-митинги с остро злободневными вопросами. К спектаклям привлекались разнообразные средства выразительности, приемы сценической условности, гротеска, эксцентрики. Пролетарская тема вступила на сцену театра [20, с. 69].

Подводя итоги, следует сказать, что ни Гражданская война, ни революционные потрясения не обошли стороной театральную жизнь крымской столицы. В период с 1917 по 1920 гг. симферопольский стационарный театр несколько раз передавался в различные ведомства. Но чаще всего в этом безвремении культурный центр оставался просто без внимания. Безусловно, уничтожалось и приводилось в негодность театральное имущество. Но при этом ни один театральный сезон не был сорван благодаря руководству и артистам. Среди них П. Вульф, Ф. Раневская, М. Соснин, П. Рудин. Овеянный практически 200-летней историей Крымский Академический русский драматический театр имени М. Горького и сегодня является одной из главных достопримечательностей крымской столицы.

Список литературы

1. В пользу Симферопольского Народного университета... // Южные ведомости. – 1918. – 10 мая (№ 2).
2. Вход в театр допускается // Южные ведомости. – 1917. – 17 февр. (№ 38).
3. Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК). Ф. Р. 652 Совет народных комиссаров Крымской АССР, г. Симферополь Крымской АССР, оп. 1. Д. 112 О национализации всех театров, кинотеатров, цирка со всеми постройками и имуществом и зачислении их за Отделом народного образования, 133 л.
4. ГАРК. Ф. Р. 652 Совет народных комиссаров Крымской АССР, г. Симферополь Крымской АССР, оп. 1. Д. 112 О национализации всех театров, кинотеатров, цирка со всеми постройками и имуществом и зачислении их за Отделом народного образования, 133 л.
5. ГАРК. Ф. Р. 652 Совет народных комиссаров Крымской АССР, г. Симферополь Крымской АССР, оп. 1. Д. 636 О Крымгостеатре, 34 л.
6. Драматический (бывший дворянский) // Наш голос. – 1918. – 5 мая (№ 6).
7. Крымский областной драматический театр им. М. Горького / сост.: Д. Холендро, Л. Жукова. – Симферополь : Крымиздат, 1947. – 47 с.
8. Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма. Ч. 2 / П. Н. Надинский. – Симферополь : Крымиздат, 1957. – 302 с.
9. Новикова М. И. Крым театральный / М. И. Новикова. – Симферополь : Крымиздат, 1961. – 792 с.
10. Провинциальная хроника. Симферополь // Театр и искусство. – 1917. – № 39. – С. 681.
11. Провинциальная хроника. Симферополь // Театр и искусство. – 1917. – № 44 – 46. – С. 763.
12. Советскому Крыму двадцать лет (1920 – 1940) / под ред. Я. А. Кривицкого. – Симферополь : Крымгосиздат, 1940. – 318 с.
13. Таврический театр драмы // Южные ведомости. – 1919. – 6 (19) авг. (№ 107).
14. Театр Актера // Южные ведомости. – 1919. – 14 дек. (№ 2211).
15. Театр и музыка // Таврический голос. – 1920. – 9 янв. (№ 13).
16. Театр отапливается // Крымская мысль. – 1920. – 1 февр. (№ 26).

17. Токарева Р. Из случайно застрывших артистов / Р. Токарева // Таврические ведомости. – 1993. – 12 окт. (№ 40).
18. Шендрикова С. П. «Горе от ума» А. С. Грибоедова на крымских подмостках в XIX, XX и XXI веках / С. П. Шендрикова // Науковий вісник : зб. наук. праць. Науки: економіка, політологія, історія. / Одеський держ. економічн. Ун-т. – Одеса, 2012. – № 24 (176). – С. 176 – 186.
19. Шендрикова С. П. Крымскотатарский государственный драматический театр в городе Симферополе в 20 – 40-е годы XX столетия / С. П. Шендрикова // Тюрки и другие народы. История. Язык. Культура. – 4-е изд. – Берлин, 2010. – С. 52 – 61.
20. Шендрикова С. П. М. И. Царев на сцене Крымгосдрамтеатра (1928 – 1931) / С. П. Шендрикова // Культура народов Причерноморья: науч. журнал. – Симферополь, 2010. – № 196, т. 1. – С. 68 – 70.
21. Шендрикова С. П. Страницами жизни и творчества великого русского актера первой половины XX века В.И. Качалова / С. П. Шендрикова // Науковий вісник : зб. наук. праць. Історія. Політичні науки. Міжнародні відносини / Чернівець. нац. ун-т. – Чернівці, 2012. – Вип. 607 – 609. – С. 155 – 157.
22. Шендрикова С.П. Театральная жизнь Симферополя в годы Революции, Гражданской войны и установления Советской власти / С.П. Шендрикова // Науковий вісник : зб. наук. праць. Науки: економіка, політологія, історія / Одеський держ. економічн. Ун-т. – Одеса, 2010. – № 21 (122). – С. 181 – 188.

CRIMEA THEATRICAL LIFE ON EXAMPLE OF SIMFEROPOL IN THE PERIOD OF MILITARY-POLITICAL TIMELESSNESS (1917-1920)

Shendrikova S., Shalaeva N.

In the scientific publication presented, a retrospective of theatrical life of Crimea is given, exemplified by Simferopol during the February bourgeois-democratic Revolution and the October Revolution, the Civil War and the political stagnation of 1917–1920. On the basis of the array of documentary data and columns of the Crimean periodicals devoted to the theatre in Crimea, the analysis of the activity of groups of actors in the mentioned chronological period has been performed. Particular emphasis is put on the changes in the theatrical repertoire, which has always been inextricably linked with the ideology pursued by the state. The authors also draw attention to the personalities who have left their specific trace in the theatrical history of Simferopol in the 1917–1920.

Keywords: the repertoire, censorship, theatrical life, intelligence, a change of government, political regime.

АНТИНОМИИ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В ЖАНРОВЫХ АРХЕТИПАХ РУССКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ОПЕРЫ

Светлана Стасюк

кандидат искусствоведения, доцент

Донецкая государственная музыкальная академия

имени С.С. Прокофьева

Донецк

e-mail: svetlana.stasyuk@gmail.com

Внимание автора акцентируется на явлении жанровой архетипичности русской оперы, а также выявлении связи обусловленного ею содержания с антиномиями мифологической картины мира. Выделено понятие топоса (образа места действия), имеющего важное значение в противопоставлении сакрального и профанного, небесного и земного, духовного и бездуховного начал в драматургии эпических опер. Выполненный анализ жанровой генетики интонаций и формообразующего развертывания музыкальной мысли дает возможность ощутить целостность сложившегося произведения. В ракурсе поставленной проблемы рассмотрены эпические оперы Глинки, Римского-Корсакова, Бородина и Мусоргского.

Ключевые слова: жанровый архетип оперы, музыкальный пейзаж, эпическая опера, мифотворчество, топос жанра.

Согласно общепринятому мнению философов и ученых, одной из важнейших парадигм культуры является мифотворчество. Представляя собой *систему архетипических символов, образов и форм*, мифотворчество обеспечивает связь времен и сохраняет единство жизненно важного для человека культурного пространства. Вместе с тем, в каждой национальной культуре существуют свои способы поэтического высказывания, определенные особенностями менталитета, национального характера и своеобразия художественных традиций.

Иконический способ метафорической передачи коллективного опыта отразился в определенных, сформированных временем жанровых формах. Природу художественного содержания и целостности *оперы*, как синтетического по своей природе вида искусства, зачастую определяет лежащий в ее основе *жанровый архетип*. Именно он создает систему взаимосвязей, действующих внутри оперного произведения, обуславливая единство поэтики и формы оперы, ее ментальную и историческую характерность.

Определение *архетипических* истоков оперного сочинения – путь к раскрытию глубинной природы художественного содержания и смысла оперы, постижению законов ее целостности и стилового своеобразия, определению ее места и роли в историческом процессе эволюции. *Жанровый* подход позволяет увидеть не только проявления авторского *стиля*, но дает возможность говорить о характере культуры в целом. При рассмотрении

жанрового архетипа, как первоосновы оперы, актуальны современные методы генетического, семиотического, системного и сравнительного анализов.

Важную роль в отображении содержания оперы выполняет *топос* – обрисовка места происходящего, образ художественного пространства оперы, «место разворачивания смыслов» (З. Хайнади). В музыкальном сознании жанровая память прежде всего опирается на определенную интонационную модель, отражающую собирательный типологический образ. Анализ жанровой генетики интонаций, процесса музыкального интонирования, становления и формообразующего развертывания музыкальной мысли дает возможность ощутить целостность художественно состоявшегося текста в передаче содержания от «состояния души» до «состояния мира». Рассматривая примеры русской классической оперы, отметим феномен свойственной ей *жанровой архетипичности*. Именно эта особенность в каждом конкретном случае определяет различие способов музыкального отражения картин мифологического мира.

Начала *эпического*, перспективного для русской оперы направления, были найдены М. И. Глинкой в архетипах *историко-героической трагедии* и *думы* (опера «Жизнь за царя»), *сказочно-эпической поэмы* и *былины* («Руслан и Людмила»). Антиномии «своего» и «чужого» мира, подвига и жертвенности, войны и мира, борения зимы и весны, противопоставление пафосно горделивого и искренне святого патриотического чувства были переданы посредством жанровых и интонационных архетипов моления, календарных и лирических песен, романса, польской танцевальной музыки, жанров торжественной хоровой музыки. Через симфоническое развертывание реализовалась идея вертикально «восходящей драматургии» оперы, «возвышения народного напева до трагедии» (В. Одоевский).

Сдержанность и «благородная простота» *героической трагедии* «Жизнь за царя» в мире *волшебной сказки* оперы «Руслан и Людмила» сменилась на «фонтанирование» оригинальных мелодий, рожденных импровизационной природой дарования Глинки. Архетипические образы *сказки* реализовались в антиподических образных парах – мудрого Старца Финна и злой волшебницы Наины, русского богатыря Руслана и карлика Черномора. Сцена свадебного пира, лишь намеченная в поэме Пушкина, с введенным Глинкой образом Баяна, выполнила роль былинного *зачина*, с включением топики древнего *обрядового действия* и *былинного сказа*. Интонационный язык былинной речитации, свадебных приговоров-утешений, магических заклинаний и славлений воссоздал картину языческого славянского мира. Образы сказочного Востока явились в хорах и танцах, основанных на подлинных ориентальных темах. Архетипическая природа вечных человеческих чувств отозвалась в мелосе «памяти сердца» (лирическая песенность партий Гориславы и Людмилы), причети (хоры-плачи по Людмиле).

Важную роль выполнил т.н. «глинкинский гексахорд», архетипом которого является *летний звукоряд*, характерный для *волошебных* песен «мужской ватаги, дружины», в народной памяти отождествленных с моментом прихода весны, в опере – с образами русского богатырства, славлениями Князя, полнотой жизненного ощущения. Соединение его с тональностью *D-dur* дало посыл оптимистично «солнечного» восприятия жизни и залога победы Добра и Света. В финале оперы все возвращается на «круги своя»: чему соответствует традиционная для былины форма завершающего славильного *исхода*, синтезирующего начальные темы оперы.

Продолжая традиции Глинки в передаче образного мира, языка, и форм народных поэтических жанров, Н. А. Римский-Корсаков переносит их приметы в драматургию новаторских по форме опер. Среди их жанровых прототипов опер – *летопись и легенда* («Псковитянка»), *быль-колядки* («Ночь перед Рождеством»), *былина* («Садко»), *сказка* («Сказка о царе Салтане», «Снегурочка», «Кашей Бессмертный», «Золотой петушок»), *сказание* («Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии»). Жанровой архетипичностью обусловлена внутренняя целостность каждой из опер. Вместе с тем, принадлежность к мифологическому строю образов и сюжетов, создает незримую, но ощутимую связь всех оперных сочинений Римского-Корсакова. От прошлого – к будущему, сквозь призму меняющегося мировосприятия художник ведет рассказ о главном и неизменно важном в жизни человека – соотношении «своего» и «чужого» миров, идеальном устройстве общества, идеалах народного характера, силе нравственности, Красоты, Творчества и Веры.

Уже в первой опере Римского-Корсакова «Псковитянка» обращение к истории прошло сквозь призму народной поэтической памяти. Особенностью *летописного рассказа* отмечены сурово драматичные хоровые сцены оперы с показом противостояния народа и власти. Вечевой спор о смирении или сопротивлении Пскова Ивану Грозному ведется через чередование хоровых эпизодов, близких то знаменным распевам, то жанрам молодецких песен. Тон суровой эпичности поддержан звучанием суровых и тревожных колоколов. Характеру летописной неизменности отвечают аккорды, связанные с обликом Ивана Грозного и мистических предчувствий Ольги.

Глубокое постижение мира народных верований позволило Римскому-Корсакову раскрыть смысл Добра и Зла на уровне взаимоотношений человека с природой. Так в операх «Снегурочка», «Майская ночь», «Ночь перед Рождеством» жизненный сюжет, помещенный в контекст вечного кругооборота природы, приобретает глубокий философско-иносказательный смысл.

Важную роль в обрисовке места происходящего, восприятие которого соответствует психологическому и эмоциональному состоянию героев, выполняет у Римского-Корсакова музыкальный пейзаж. Образы пространственности запечатлены в многочисленных картинах моря, неба, леса. Звуковой пейзаж отвечает и функции психологического подтекста. Так,

в опере Римского–Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии» вступление «Похвала Пустыне» создает образ «тиши» духовного мира Февронии. Уникальный дар Римского-Корсакова ощущать цветовую «ауру» тональностей помогает ему в создании ярко осязаемой образности.

Построение художественного мира опер Римского-Корсакова согласуется с мифологическими архетипами пространственно-временных измерений: мир «горный» – и «дольный» (вертикаль), мир света и тьмы (горизонталь), мир реальный (зримый) и фантастический (иллюзорный). Все это подчинено и важнейшей архетипической антитезе народной мифологии «Свой» – «Чужой» (иной) мир. В сюжетах сказочно-эпических опер Римского-Корсакова особо выделяется характерная, *архетипическая* для эпических повествований тема путешествия. В опере-былине «Садко» сохранены все архетипические особенности жанра: принципы симметрии, повторности, троичности приносят в оперу-былину характер спокойной и величественной цельности, законченности и психологической «устойчивости». Эпический «стержень» повествования – так называемые «общие места» былины, демонстрируют традиционные для былины сюжетные мотивы пира, спора, состязания, прославления. Они выполнены в традиционных для былины формах зачина и «исхода», отмеченных монументальными хоровыми сценами. Неторопливость эпического времени передана через отображение «затянувшегося» времени забвения (VI картина – Садко на дне морском), введении роли рассказчика-гусяря. Былинный распев, по выражению Н. А. Римского-Корсакова, «красной нитью проходит через оперу», отвечая задаче подлинности воспроизводимого в опере жанра.

Эстетические принципы Римского-Корсакова находятся в русле близкой русскому обществу второй половины XIX века философии Платона, предлагающей идею органичной связи личности и рода. В обрисовке сказочных героев для русского композитора важна природная связь с песенным мелосом, как выражением сути народной души – живой, искренней, реальной. Фантастические персонажи охарактеризованы темами инструментального характера, как след воображаемого, фантазией созданного мира. Через образы идеализированных героев и мифических персонажей, причастных к миру природы, искусства, красоты и любви, Н. А. Римский-Корсаков истолковывает вечные истины Бытия. Хоровые сцены опер выявляют черты славянской ментальности через обрядовость и литургичность в соответствии с отображением разных стадий русской религиозности – от языческих верований до христианства.

Пророческой силой наделена предпоследняя опера композитора «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии», рисующая картину Апокалипсиса, пережитого народом, воспринимающегося в мифологическом смысле как противостояние Хаоса и нравственной силы Веры, Зла и Добра. В «Сказание» вошли эпизоды русских летописей и воинских повестей, исторических песен и апокрифических памятников, духовных песнопений и мотивов русской иконографии. Принцип троичности и симметрии,

характерный для древнерусского эпоса, согласуется с идеей «восходящей» драматургии, «клейма» житийного рассказа выстраивают контрастные картины в устремленности к кульминации духовного Восхождения. Важную роль в драматургии оперы играют молитвенные эпизоды: введение в кульминационный драматический момент оперы (конец третьего действия) трижды произнесенной молитвы китежан «Царицы небесной заступницы», что имеет своим прообразом Акафист Богородице. Показательно введение «мотива креста» в вокальную партию Князя Юрия, который молится за Китеж (а затем в партию оркестра, в рассказ Отрока об увиденном).

Особую роль в «Сказании» играют колокола. Они связаны с лейтаккордами Китежа и отражают переломные моменты в его судьбе. Важна идея круговой симметрии в повторах тематического материала партии Февронии из первого действия в финале оперы. Показ героини в важных событиях жизни (как иконописных клеймах) не изменяет тона высказываний. Знаменные попевки и широкая распевность сочетаются в мелосе ее партии, воспроизводя и высокую возвышенность души Февронии, и постоянство пребывания «в кругу Божьем».

В последнем «музыкальном» слове Римского-Корсакова - опере-сказке «Золотой петушок», предсказано не только близкое крушение раблепного «Додонова царства», бедного в духовном отношении, но и опасность иллюзорной красоты «чужого» мира (царства Шемаханской царицы), увлечение которой чревато забвением своего. В соответствии с этим, показу представителей царства Додона соответствуют жанры профанной культуры, Шемаханской царице – роскошь и излишество вычурной красоты.

Панораму противостояния древнерусского (государственного) строя и восточного (степного) мира представил в опере «Князь Игорь» А. П. Бородин. Созданная им концепция музыкального эпоса дополнила оперную традицию Глинки внесением черт, сложившихся в правилах древнерусского эпического повествования. Исследовательское прочтение «Слова о полку Игоревом», а также летописей и сказаний «золотого века» русской литературы привели к использованию в опере «летописного этикета» (термин Д. Лихачева) с применением свойственных ему принципов троичности, повторности, метонимии, описания времени, введением жанров Плача и Славы, подголосочности русской песни, прихотливости восточных мелодий, половецких плясок как «музыки ритмов и ударов» (определение Н. Шахназаровой).

В опере «Борис Годунов» М. П. Мусоргского получило яркое музыкальное подкрепление пушкинское понимание трагедии нового, «исторического по преимуществу века». В двух редакциях оперы, выполненных композитором, акцентировались последовательно моменты трагедии «судьбы человеческой» и «судьбы народной. Антитеза грешного и праведного, обнаруживающая архетипическую связь с античной трагедией, проявилась в показе мира сакрального и профанного (монастырского и площадного). В создании образа места действия (топоса) символическую

роль играет звучание колоколов и монастырских распевов (как знаков покаяния). Драматургически важно противопоставление образов Бориса и Пимена, а также «пересечение» развивающихся «по нисходящей» эмоциональной линии образа Бориса и «восходящей к бунту» (во второй редакции) образа народа.

XIX век справедливо назван «золотым веком» русской культуры. Русская опера, заняла в нем достойное место, опередив в своем жанровом и тематическом разнообразии достижения всех европейских школ. Этому способствовали как события общественной и музыкальной жизни России, так и мощная волна научного освоения фольклора, истории и культуры Древней Руси. Глубинное постижение основ национальной поэтики вывело отечественное оперное искусство на уровень мифологии, изначально призванной сохранять и оберегать нравственно-эстетические законы жизни и творчества всего человечества.

ANTINOMIES OF MYTHOLOGICAL PICTURE OF THE WORLD ARE IN GENRE ARCHETYPES OF RUSSIAN EPIC OPERA

Stasyuk S.

The attention of the author is emphasized on the phenomenon of genre of the Russian opera, as well as revealing the connection of the content conditioned by it with the antinomies of the mythological picture of the world. The concept of topos (the image of the scene of action), which is important in contrasting the sacred and profane, heavenly and earthly, spiritual and spiritless principles in the drama of the epic operas, is singled out. The analysis of genre genetics of intonations and the formative deployment of musical thought makes it possible to feel the integrity of the existing work. In the forefront of the problem posed epic operas by Glinka, Rimsky-Korsakov, Borodin and Mussorgsky are considered.

Keywords : genre archetype of opera, musical landscape, epic opera, myth creation, topos of genre.

МУЗЫКА КАК КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА

Ольга Рыбина

старший преподаватель

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Донецк

e-mail: kmiot_2015@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению некоторых проблем современной «лёгкой» музыки. Этот вид музыки является одним из показателей морального, культурного состояния общества. Современный уровень данного искусства вызывает большую тревогу о путях развития нашей культуры, о разрушительном влиянии подобной «музыки» на духовную, нравственную сферу жизни общества.

Ключевые слова: культура, лёгкая музыка, музыкальная терапия, духовность.

Что такое музыка, музыкальное произведение?... На подобные вопросы даются кардинально противоположные ответы. Одни слушатели ждут от музыки веселья, другие – успокоения, отдыха; музыканты-профессионалы с восторгом будут говорить о радости от исполнения и изучения музыкальных произведений. И те, и другие по-своему правы – музыка, действительно, обладает универсальными возможностями воздействия на людей. Аристотель еще в Древней Греции сформулировал значение музыки в жизни человека. Он считал, что музыка должна служить не одной, а нескольким целям и с пользой применяться: «1) ради воспитания; 2) ради очищения; 3) для интеллектуального развлечения, то есть ради успокоения и отдыха от напряженной деятельности». И хотя в Древней Греции не было ни музыкальных школ, ни училищ и консерваторий, образованным считался человек, получивший знания с помощью муз, то есть человек «мусический». Занятия музыкой считались обязательной наукой, предметом всех лицеев, гимназий. Молодых людей при обучении различным профессиям учили на разной музыке. Огромную роль музыки в античном обществе объясняют слова Платона: «Так как нравственность находится в запущенном состоянии, то боги, из сострадания, дали нам музыку» [2, с. 9].

У жителей Аркадии музыка была основным учебным предметом у обучающихся до тридцати лет. Пифагор «обладал таким знанием музыки, что с ее помощью мог останавливать наиболее необузданные человеческие страсти и просветлять дух человека. Эти знания он использовал и в воспитании» [4, с. 9].

В театр древние греки ходили не для того, чтобы узнать новый сюжет. Они много раз посещали один и тот же спектакль, могли знать все роли наизусть. Но главным была возможность переживания вместе с героями их страданий, то есть возможность сопереживания, которое вело к очищению,

улучшению их души – катарсису. Ведущую роль в этом процессе играла музыка.

Большое количество примеров воспитательной, образовательной, очистительной роли музыки можно найти в любую эпоху. Они и составляют достоинство, гордость любой культуры. Лишь после этого говорят о музыке, как средстве развлечения, отдыха. Да и в этом значении музыки нужно делать серьезные уточнения: какая музыка служит для «интеллектуального развлечения», а какая отупляет, подавляет, вызывает депрессию или пробуждает дикие животные инстинкты. Музыка все это умеет ...

Одним из показателей уровня художественных, эстетических, моральных интересов людей может быть так называемая «легкая» музыка. Во все века, эпохи композиторы сочиняют музыку отдыха. В культуре Средневековья – это песни трубадуров, труверов, миннезингеров; в эпоху Возрождения – мадригал, качча (охотничья песня), застольные песни, инструментальные пьесы; в культуре Барокко – «Музыка на воде», «Фейерверк» Г. Генделя, «Кофейная кантата», «Шутка» И. С. Баха; в XVIII веке – «Маленькая ночная серенада» В. А. Моцарта; «Элизе», комические оперы, танцы Бетховена; в XIX в. – романсы, танцы, оперетта; в XX веке – массовая песня, джаз; в XXI веке – шансон, рэп ... Один только перечень жанров свидетельствует о глубоком падении «легкого» жанра – как его смысловой, так и музыкальной составляющей, когда на эстраду «хлынули мутные волны городской бытовой музыки низкого бульварного сорта ...» [1, с. 37].

Всегда создавалась шуточная, развлекательная музыка, но никогда даже самая разухабистая развлекательная музыка не опускалась до нецензурных слов и выражений, примитивных мелодий. А если такие и появлялись, то все – и автор, и исполнитель, и слушатели прекрасно понимали, что это просто шутка не выше «капустника» или домашнего музыкального «хулиганства». Никто не думал, что эти «творения» можно вынести на сцену, что на сцене можно сквернословить, опускаться до непристойностей, примитивизма в смысле текста и музыки, до такого уровня, когда «аристократия помойки диктует моду на мораль» «на восьмом этаже в неглиже», а дети поют о поцелуях на девятом этаже.

В двадцатые годы XX века известный музыковед, композитор, педагог Б. В. Асафьев, рассуждая о состоянии, путях развития музыкального образования, предостерегал от «литературно-музыкальной грязи», и давал ей очень современную характеристику: «крикливо причудливый, но вместе с тем животнo-элементарный ритм, окутанный ничтожным, стереотипно мелодичным набором звуков, в сопровождении не менее стереотипно примитивно вульгарной гармонизации – вот основа всего этого ... музыкального мусора. Большую часть завалов, находящихся в нотных магазинах, составляет эта гниль, поставщики настолько миленького музыкального репертуара уже успели соблазнить и соблазнили массу людей, развращая вкус и способствуя отуплению слуха ... Как же после этого не

бояться за судьбу музыки и смотреть безразлично на дальнейшее бездумное внедрение музыкального безобразия...» [1, с. 24-25]

В современной звуковой среде из средств массовой информации слушатель получает зачастую подобную гнилую развлекательную музыкальную продукцию низкого, простого, даже вульгарного уровня. Не случайно по сравнению с ней музыка отдыха прошлого переходит в разряд «серьезной». Конечно, ведь она предполагает участие серьезных, глубоких чувств, работы души, мысли.

Музыка современного шансон (это не французский шансон, который появился еще в культуре Возрождения – многоголосные хоровые произведения, и не французский шансон XX ст.), рэпа не может дать хорошего отдыха. Это работа не чувств, мыслей, а биологических инстинктов. Никогда в истории человечества не было столько музыки. Кажется, хорошо! Но при этом она не просто звучит, а выполняет свою страшную функцию программирования, зомбирования. Например, рок-н-ролл: «Я шариковая молния. Я проливаю дождь. Ты еще молод, но ты умрешь Меня зовет колокол. Я забираю тебя в ад». Тяжелый ритм музыки взят из ритуала африканских вуду, благодаря чему слова запечатываются непосредственно в подсознании слушателя.

Сколько экспериментов проводят ученые над минералами, насекомыми, животными и, конечно же, с людьми по воздействию на их развитие, даже физическое состояние разной музыки! Даже кристаллы льда замерзают по-разному под влиянием классической и современной эстрадной музыки (соответственно в красивой форме и в хаотичном порядке). Американский ученый Дэвид Елкин доказал, что громкий звук способствует сворачиванию белка (сырое яйцо, лежащее перед громкоговорителем на концерте, через три минуты сварилось). «Тяжелый металл» останавливает развитие растений, во многих случаях и способствует их гибели. Рыба, которая находилась под влиянием рок-музыки и мельканием освещения, умерла.

Не являются исключением и люди. Исследования показывают, что подростки после получасового пребывания на дискотеке полностью теряют контроль над собой и впадают в состояние, близкое к гипнотическому. А Джимми Хендрикс сказал: «С помощью музыки мы гипнотизируем людей, доводим их до примитивного уровня, а дальше находим их слабое место и можем вбивать им в голову все, что угодно» (интервью журналу «Лайф»).

Сегодня в мире работает много специализированных компаний, которые создают музыку для торговых предприятий, например, одна из новых разработок – акустическая система, которая составляет разную музыку для различных отделов магазинов. Особые пластиковые купола в проходах между стеллажами подают звук целенаправленно, и человек, переходя из одной торговой зоны в другую, слышит совсем другую музыку. И даже не догадывается, что его «ведут» по специально разработанному маршруту. Появляются лаборатории психокоррекции, которые перерождаются в

лаборатории психоубеждения. Например, на ритмичную музыку накладываются скрытые команды, которые воспринимаются подсознанием как указания к определенным действиям. В результате люди теряют над собой контроль и выполняют любые команды.

Что же делать?... Не волноваться, а послушать музыку Шуберта, Шумана, Чайковского, Вивальди или иного композитора-классика. Все это – тоже музыка, которая не менее других звуко сочетаний способна влиять на наше сознание, но как! Это и есть истинное «управление» человеческой психикой, уважение к человеку, стимуляция его творческих импульсов, развитие здорового мировосприятия, а не животных инстинктов и зомбирование.

Все большее распространение получает музыкальная терапия как наука о лечебном (и, конечно, разрушительном) влиянии различной музыки на духовное и физическое здоровье человека. Психофизиологические аспекты музыкотерапии изучаются в работах психологов и физиологов В. М. Бехтерева, И. М. Догель, И. М. Сеченова, И. Р. Тарханова и др. Воздействие музыкой влияет не только на ЦНС, но и на функции других жизненно важных физиологических систем: сердечнососудистой, мышечной, пищеварительной. Так, И. М. Догель и И. М. Сеченов отмечали стимулирующее воздействие маршевой музыки на мышечную работоспособность уставших солдат. И. Р. Тарханов своими оригинальными исследованиями показал, что мелодии, доставляющие человеку радость, замедляют пульс, увеличивают силу сердечных сокращений, способствуют расширению сосудов и нормализации артериального давления, а раздражающая музыка даёт прямо противоположный эффект

Медленная музыка эпохи барокко (Бах, Гендель, Вивальди, Корелли) дает ощущение устойчивости, порядка, безопасности и создает духовно стимулирующую среду, которая подходит для занятий и работы.

Классицистская музыка (Гайдн, Моцарт, Бетховен) отличается ясностью, элегантностью, прозрачностью. Она способствует улучшению памяти и пространственного восприятия. Музыка Моцарта повышает умственные способности у всех участников эксперимента – как у тех, кто любит Моцарта, так и у тех, кому его музыка не нравится.

И, наверное, самое главное – нельзя забывать о том, что прекрасную музыку, как и замечательную литературу, живопись, скульптуру, архитектуру для нас оставили не простые смертные, а люди талантливые, гениальные. Зачем? Судя по тому, какой интерес человечество проявляет к ним, кажется, что гении прошлого творили бесполезно и не для нас. Если представить, что хотя бы кто-нибудь из них появился бы в современном обществе, он был бы не на шутку удивлен и уровнем интересов многих граждан, и их отношением к культуре. Мы забываем, что даже простое общение с этими шедеврами улучшает нас, приближает к гениальности, совершенству. Слушая, созерцая, читая великие творения, мы впитываем их энергетику. При осознанном, творческом общении с этими великими дарами

происходит «вживание» в них, «присвоение» мыслей, чувств великих людей. Замечательно, когда «общение» с ними становится потребностью, как встречи с друзьями, близкими людьми. Нравственные убеждения, жизненная позиция, культура, высокая человечность композиторов, художников, поэтов, писателей постепенно становятся нашими личными. Так, не замечая, мы становимся талантливее, человечнее, умнее...

Мы восхищаемся прекрасной литературой, живописью, архитектурой, музыкой – и сами становимся лучше, интереснее, а наша жизнь приобретает смысл, красоту, цель.

Почему же большинство людей не пользуется этими великими дарами? Почему не хотят приближаться к их уровню? Что дает нам возможность, право отмахнуться от гениев прошлого и настоящего? Неужели мы талантливее, умнее, мудрее них? Наверное, и создать что-нибудь лучше их не всем нам дано. Так что мешает хотя бы иногда проявить интерес к этой гениальной части человеческой культуры? Когда люди не знают, что существует иная литература, чем «желтая пресса», иная музыка, чем современный шансон и рэп, то это «незнание» может как-то оправдать их выбор. Но, во-первых, в это слабо верится, а во-вторых, тут же возникает вопрос: «И вас устраивают ограничения, рамки, в которые вы себя поместили?»... Но когда человек знает о существовании хорошей литературы, живописи, музыки, но предпочитает бульварную прессу и тюремный фольклор, то тогда создается впечатление, что мы рано получили свободу выбора, так как еще не понимаем, что такое «хорошо» и что такое «плохо» и даже что нам полезно, а что вредно и опасно.

Именно настоящее искусство всегда способствует духовному развитию человека, обновляет его сознание, формирует духовность, а это: возвышенность мысли, воображение, наблюдательность, отзывчивость. Духовность – это свойство личности, которое выражается в преобладании интересов нравственных, духовных и интеллектуальных над материальными. «Возрождение и расцвет человеческой истории, – говорил Н. К. Рерих, – происходили там, где выростала традиция почитания культуры» [4, с. 62].

А бедствия человечества происходят потому, что оно отстает от культуры. Мало кто не осознает сейчас, что все благосостояние страны, как духовное, так и материальное, зависит от основ, заложенных в сознание молодого поколения. Великие Учителя прошлых лет оставили нам завещания по воспитанию: оберегать молодое поколение от всего ложного, от сквернословия, от плохой музыки, от ложных соревнований, от утверждения самости; мышцы не должны забивать ум и сердце.

Список литературы

1. Асафьев Б. В. Избранные статьи о музыкальном просвещении и образовании / Б. В. Асафьев. – М.: Ленинградское отделение, 1973.
2. Баныкин Н. П. «Живая этика» о школе и воспитании / Н. П. Баныкин. – Одесса: Изд-во «Путь Познания», 1998.
3. Матюш И. Релевация гармоничной жизни / И. Матюш. – Донецк, «Апекс», 2011.

4. Рудзитис Р. Сознание красоты спасёт / Р. Рудзитис. – Донецк: Изд. Донецкого Рериховского общества, 1998.

MUSIC AS A CULTURAL ENVIRONMENT FOR HUMAN DEVELOPMENT

Ryibina O.

The article is devoted to the consideration of some problems of modern «light» music. This kind of music is one of the indicators of the moral and cultural level of the development of society. Its modern level causes great concern about the ways of development of our culture, the destructive influence of such «music» on the spiritual and moral sphere of society.

Keywords: culture, light music, music therapy, spirituality.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ

УДК 811

ЯЗЫКОВАЯ НОРМА, ЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ, ЯЗЫКОВОЙ ВКУС: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Марина Балко

доктор филологических наук, доцент

*ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики»*

Донецк

e-mail: marina.balko@yandex.ua

В статье рассматриваются понятия «языковая норма», «языковая рефлексия», «языковой вкус», а также некоторые смежные термины (кодификация, культура речи и др.). В результате анализа их содержания делается вывод о непосредственной связи и взаимообусловленности изучаемых понятий как составляющих процесса повышения культуры речи современного человека.

Ключевые слова: языковая норма, языковая рефлексия, языковой вкус, кодификация, культура речи.

В последнее время возрос интерес ученых к проблемам, связанным с исследованием современной языковой ситуации, установлением векторов взаимоотношения и взаимовлияния языка и культуры, поиском методов повышения языковой и речевой культуры членов того или иного социума.

Значительная популярность названных научных направлений связана, прежде всего, с антропоцентризмом гуманитаристики XXI века в целом и лингвистики, в частности. Если языкознание середины прошлого столетия отражало сосюррианскую идею изучения языка как «самодовлеющей сущности», то есть изолированно от его носителя, то теперь языковеды (ср. работы Э. Бенвениста, Г. А. Золотовой, Ю. Н. Караулова, Е. С. Кубряковой, Ю. С. Степанова и многих других) подчеркивают ключевую роль человеческого фактора в формировании и функционировании языка. Язык, по мнению Ю. С. Степанова, «создан по мерке человека» [6, с. 15], являющегося его «главным действующим лицом». Кроме того, актуализировалась тенденция к усилению связи лингвистики с другими «человековедческими» науками – социологией, психологией, культурологией. Ввиду этого активизировались комплексные научные студии, основной целью которых является изучение «человека говорящего» (то есть специфики функционирования живой разговорной речи в любых ее проявлениях).

Актуальную проблему современного языкознания (в частности таких его разделов, как лингвокультурология и социолингвистика) представляет языковая рефлексия, которая во многом определяет уровень владения

каждым членом социума различными языковыми нормами, что приводит к формированию языкового вкуса.

Цель предложенной статьи – с опорой на основные проблемы либерализации русского языка установить специфику соотношения понятий «языковая норма», «языковая рефлексия» и «языковой вкус».

Неотъемлемый признак любого высокоразвитого языка, каковым является и русский, – наличие норм. Норма – одновременно и собственно лингвистическая, и социально-культурная категория. Социокультурный аспект нормы проявляется не только в отборе и фиксации языковых явлений, но и в системе их оценок («правильно / неправильно», «уместно / неуместно»), причем эти оценки включают и эстетический компонент («красиво / некрасиво») [5, с. 10]. Известно, что языковая норма может изменяться, причем скорость и характер трансформаций во многом детерминированы спецификой социальных изменений.

В. Г. Костомаров в середине 90-х гг. XX в. отмечал: «Сейчас наше общество, вне всякого сомнения, встало на путь расширения границ литературного языка, изменения его состава, его норм. История показывает, что это резко повышает нормальные темпы языковой динамики и, сильно изменяя формы выражения, создает нежелательный разрыв в преемственности традиций, в целостности культуры» [3, с. 7]. Для нас важна в этом высказывании ссылка на целостность культуры. Угрозу целостности, как полагает ученый, представляют темпы языковой динамики, которые порой так велики, что приводят к «языковой неряшливости», коснувшейся не только языка, но и преобладающих речевых стратегий его носителей (в них высоко ценятся новизна и креативность, а не точность и правильность).

Современная коммуникативная ситуация обусловлена не только известными социальными реалиями (крушение старой идеологии, появление в относительно короткий срок новых социокультурных ориентиров, снятие цензурных запретов и т. п.). Одним из признаков современных обществ, активно формирующих отношение к норме, является «плюрализм элит» [4, с. 40]. Множественность элит, их принципиальная неиерархичность, отсутствие среди них той элиты, которую можно назвать языковой, приводят к тому, что искусство говорить и писать правильно перестает восприниматься как нечто ценное.

Функция задания нормы перешла от художественной литературы к СМИ, но в языке современных масс-медиа отмечается смешение стилей и, как следствие, – разрушение системы жанров и жанровых ожиданий. Так, в газетной статье, посвященной серьезной теме, крайне трудно прогнозировать наличие или отсутствие жаргонных слов и даже зачастую невозможно предвидеть уровень орфографической и пунктуационной грамотности.

Реальность состоит в том, что, относясь к сфере регулируемого речевого поведения, язык СМИ регулирует его по своему разумению (не так, как это делалось в художественной литературе). То, что языковая норма находится в ведении этих средств, с присущей им установкой на

сенсационность, создает объективно иную картину, отличную от того времени, когда норма определялась образцовой речью писателей – «властителей дум» и мастеров слова.

Последние два-три десятилетия отмечены активизацией деструктивных процессов (деструктивной динамикой) в языке, связанной (по терминологии В. Г. Костомарова) с его общей либерализацией, затрагивающей «не только народные пласты общенационального русского языка, но и образованные, оказавшиеся чуждыми литературному канону» [3, с. 5]. В связи с этим лингвисты отмечают многочисленные сознательные и несознательные речевые девиации, допускаемые людьми совершенно разного уровня образованности.

Либерализация современного русского языка проявляется, например, в расширении семантического объема слов (*бабки, капуста, зелень, сеть, стрелка*), оживлении вышедших из употребления лексем (*господин, гувернантка*), деривационных новациях (*сетяне* – «жители» социальных сетей, *твитнуть, лайкнуть, зафрендить*), широком заимствовании, связанном с появлением новых реалий (*селфи, кеи, сканер*) и др.

Подобные тенденции развития языка влекут за собой значительные негативные последствия, такие как: а) тотальная жаргонизация речи практически всех стилей (особенно публицистического, художественного и, безусловно, разговорного) – для говорящих мера допустимости в употреблении нелитературных языковых элементов стала размытой, если не сказать, что совсем исчезла; б) чрезмерное употребление иноязычной лексики даже там, где это стилистически неоправданно (сейчас «модно» использовать заимствованные слова), в результате чего современный русский язык стали называть интеррусским, германо-романо-русским или англо-русским сленгом и т. п.

Помочь исправить или хотя бы подкорректировать такую ситуацию может языковая рефлексия, предполагающая критическое отношение говорящих к своей и чужой речи.

Языковую рефлексию в современной лингвистике трактуют неоднозначно, о чем свидетельствует терминологический разнобой (как синонимы употребляются термины «рефлексия», «языковое сознание», «метаязыковое сознание», «языковая интуиция», «чувство языка»). Можно выделить узкое и широкое толкование рассматриваемого понятия. Согласно первому из них (ср., например, точку зрения И. Т. Вепревой), языковая рефлексия реализуется в «законченных метаязыковых высказываниях, содержащих комментарий к употребляемому слову или выражению» [1, с. 8]. Высказывания-рефлексивы, таким образом, погружены в определенный общекультурный, конкретно-ситуативный, собственно лингвистический контекст и описывают некоторое положение вещей.

Более аргументированным видится широкий подход к определению языковой рефлексии, представленный в трудах В. Г. Костомарова, Э. Г. Куликовой, Н. Г. Трошиной и др. Согласно этому толкованию, языковая

рефлексия воплощается «не столько в метатекстах, сколько в различных формах обыгрывания в речи тех или иных единиц языка» [4, с. 37] и, соответственно, в различных реализациях языковых норм.

Языковая рефлексия является когнитивным процессом, благодаря которому человек: а) отслеживает и контролирует использование языка, б) размышляет о собственной речи или речи окружающих людей, анализирует ее, понимает, критически оценивает, фиксируя нарушения норм и ища ориентиры для исправления допущенных ошибок. Это «совершаемый индивидом рациональный процесс» [2, с. 30] может быть сознательным или несознательным; важно то, что результатом такой «рефлексивно-произвольной регуляции речевой деятельности» [7, с. 81] должна стать коррекция речевых девиаций.

Языковая рефлексия может быть представлена как на индивидуальном, так и на институциональном уровне, реализуемом в кодификации. Язык, как и всякая адаптивная система, преодолевает с большими или меньшими потерями для себя дестабилизирующее влияние внешней среды, кодификация – один из механизмов, помогающих языку в его адаптации к изменяющимся условиям. Поскольку нередко критерий «правильно / неправильно» языковая норма заменяет критерием «уместно / неуместно», говорят об «эластичной кодификации», «кодификации рекомендательной», когда «вместо простых ограничений (запретов) используется расширенная подача ненейтральных единиц с указанием на их стилистическую или коммуникативную ценность» [4, с. 40].

Эластичность кодификации *de facto* является приметой наших дней. Вопрос о том, насколько она адекватна задаче сохранения языка, разумеется, остается открытым, как и вопрос о том, ведет ли такая кодификация, даже если она адекватна своей задаче, к совершенствованию языка (реальной полифункциональности и отшлифованности).

С языковой нормой, языковой рефлексией (в частности с кодификацией как наивысшей формой последней), безусловно, связано вводимое В. Г. Костомаровым понятие языкового вкуса. Ученый рассматривает вкус вообще как качество, заключающееся в «способности к оценке, пониманию правильного и красивого; пристрастиях и склонностях, которые определяют культуру человека в мысли и труде, в поведении, в том числе речевом» [3, с. 29].

Важнейшим условием языкового вкуса В. Г. Костомаров называет «социальное по природе, усваиваемое каждым носителем языка так называемое чувство, или чутье языка, являющееся результатом речевого и общесоциального опыта, усвоения знаний языка и знаний о языке, бессознательной по большей части оценки его тенденций» [3, с. 30]. Языковой вкус становится основой для принятия или непринятия носителями языка тех или иных тенденций его развития, для оценки уместности / неуместности различных языковых элементов.

В языковом вкусе «отражена культурно-национальная память, растворены пласты разных наследий» [3, с.32], но он обязательно современен и соответствует характеру эпохи.

Таким образом, понятия «языковая норма», «языковая рефлексия» и «языковой вкус» обуславливают друг друга, являясь звеньями в единой цепи борьбы каждого носителя языка и общества в целом за сохранение престижа правильной и красивой речи. Разработка проблем, связанных с повышением речевой культуры, всегда будет приоритетной, а значит – весьма перспективной.

Список литературы

1. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху : монография / И. Т. Вепрева. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 384 с. – (Золотая коллекция).
2. Залевская А. А. «Рефлексия» и «языковое сознание»: вопросы терминологии / А. А. Залевская // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2015. – № 4. – С. 29–36.
3. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – СПб. : «Златоуст», 1999. – 320 с. – (Язык и время. Вып. 1).
4. Куликова Э. Г. Культурная парадигма эпохи постмодернити: языковая норма / Э. Г. Куликова // Философия права. – 2010. – № 3. – С. 37–42.
5. Трошина Н. Н. Культура языка и языковая рефлексия : аналитический обзор / Н. Н. Трошина; отв. ред. А. М. Кузнецов. – М. : ИНИОН РАН, 2010. – 62 с. – (Теория и история языкознания).
6. Степанов Ю. С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований / Ю. С. Степанов // Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М. : Прогресс, 1974. – С. 9–16.
7. Чибухашвили В. А. Языковая рефлексия как контрольно-оценочный компонент речевой деятельности и показатель уровня владения речевой культурой / В. А. Чибухашвили // Психология образования в поликультурном пространстве. – 2012. – № 18. – Т. 8. – С. 80–88.

LANGUAGE NORM, LANGUAGE REFLECTION, LANGUAGE TASTE: CONCEPTS RATIO

Balko M.

The concepts «linguistic norm», «linguistic reflection», «linguistic taste» are analyzed as well as some related terms («codification», «speech culture» and others). The author concludes that studied concepts are directly connected and interdependent as components of the process to improve the speech culture of modern man.

Keywords: language norm, linguistic reflection, linguistic taste, codification, speech culture.

Наталья Каика
кандидат филологических наук, доцент
Донецкий национальный университет
Донецк
e-mail: kmiot_2015@mail.ru

РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ГЕЛАСМИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ

Выявлены русско-французские геласмические фразеологические эквиваленты. Выделены русско-французские геласмические фразеологические эквиваленты с невербальным коммуникативным фоном. Обосновано наличие русско-французской фразеологической общности с геласмическим невербальным коммуникативным фоном.

Ключевые слова: русско-французские геласмические фразеологические эквиваленты, общий русско-французский фразеологический фонд, невербальный коммуникативный фон.

Идея антропоцентричности языка – ключевая в современной лингвистике. Как справедливо отмечает В. А. Маслова, «в наше время целью лингвистического анализа уже не может считаться просто выявление различных характеристик языковой системы. Сейчас изучение языка не представляется возможным без модуса его существования – человека» [6, с. 10].

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения фразеологических единиц (ФЕ) в русле антропоцентрической парадигмы лингвистики, представляющей фразеологию «как одну из самых “антропоемких” разделов науки о языке» [7, с. 92].

Постановка проблемы. Одной из универсалий человеческой природы и важнейшей составляющей национальной и общечеловеческой культуры является смех. Концепты «улыбка/смех» актуализируются на разных языковых уровнях, в том числе на уровне фразеологии. Во фразеосемантической группе «улыбка/смех» выделяются фразеологизмы с невербальным коммуникативным фоном. В семантике таких ФЕ закодирована определенная невербальная информация, механизмы вербализации которой недостаточно изучены. Проблемы корреляции разных культурных кодов, вербальных и невербальных знаков, специфика репрезентации невербальных элементов вербальными средствами вызывают научный интерес.

Анализ исследований и публикаций. Смех давно находится в фокусе гуманитарных исследований. Смех как феномен культуры рассматривали М. М. Бахтин, Ю. Б. Борев, А. В. Дмитриев, Н. Н. Евреинов, Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, В. Я. Пропп, А. А. Сычев, Ю. Н. Тынянов, О. М. Фрейденберг и др.

В лингвистической парадигме представлены языковая теория смеха и проблемы гелотологии (А. В. Бондаренко). Внимание исследователей привлекают проблемы концептуализации смеха в языковой картине мира (И. С. Базылева, С. А. Попова, О. В. Федосова), лексико-фразеологические поля обозначений смеха (Ю. А. Кузнецов, М. С. Ротова), языковое выражение концептов «улыбка/смех» (А. А. Габриелян) и др.

Вопросы репрезентации смеха во фразеологии преимущественно рассматриваются в рамках изучения процессов вербализации эмоциональных состояний (Н. В. Гамзюк, Л. А. Калимуллина, Н. В. Луговая). Существует определенный корпус исследований, посвященных особенностям невербальной коммуникации (А. Хилл, Б. Успенский, Г. Колшанский, И. Горелов, Г. Крейдлин, И. Стернин, Г. Уайнрайт, Ю. Фаст, Р. Бердвистел, А. Пиз и др.). Вместе с тем малоизученными остаются проблемы репрезентации семантики смеха во фразеологизмах с невербальным коммуникативным фоном, что обуславливает актуальность темы.

Цель исследования – выявить русско-французские геласмические фразеологические эквиваленты (РФГФЭ), выделить РФГФЭ с невербальным коммуникативным фоном и обосновать наличие русско-французской фразеологической общности с геласмическим невербальным коммуникативным фоном.

Фактологическим материалом исследования послужил «Словарь русско-французских фразеологических эквивалентов», который содержит около 16000 русских фразеологизмов и более 23000 французских фразеологизмов [3].

Изложение основного материала. По мнению Дж. Трейгера, смех является паралингвистическим компонентом [10]. Если же смех рассматривать как «озвученную улыбку», то это является действием кинесическим. Улыбку как жест рассматривает Г. Е. Крейдлин [4]. Характеризуя структуру невербального поведения человека, В. А. Лабунская дифференцирует акустическую, оптическую, тактильно-кинестезическую, ольфакторную системы. Смех автор относит к экстралингвистике в рамках акустической системы [5, с. 27]. Ф. С. Бацевич в классификации невербальных средств общения выделяет акустическую, оптическую, тактильно-обонятельную, ольфакторную и темпоральную системы. Смех ученый относит к экстралингвистике в рамках акустической системы, жест – к кинесике в рамках оптической системы [1, с. 60].

Смех как психофизиологический, культурный, социальный, коммуникативный феномен находит отражение во фразеологии русского и французского языков. В сопоставляемых языках выделяются фразеосемантические группы *SMEX – RIRE*.

ФЕ, входящие в эти группы, дифференцируются по многим признакам: специфике кодирования и репрезентации информации, механизмам моделирования, способам фразеологизации, истокам и источниками

возникновения в языках, качественному составу ФЕ и др. Ср.: СМЕЯТЬСЯ ДО УПАДУ. – 1. *Rire à se tenir les côtes*; 2. *Se tordre de rire*; 3. *Rire à ventre déboutonné*; НАДРЫВАТЬСЯ / НАДОРВАТЬСЯ ОТ СМЕХА. – *Se pâmer de rire*; СЧАСТЬЕ; ФОРТУНА УЛЫБАЕТСЯ (УЛЫБНУЛАСЬ) кому-л.: ЕМУ УЛЫБАЕТСЯ (УЛЫБНУЛАСЬ) ФОРТУНА). – 1. *Le bonheur lui sourit (a souri)*; 2. *La chance lui sourit (a souri)*; 3. *La fortune lui sourit (a souri)*; 4. *La fortune lui rit (a ri)*; ХОХОТАТЬ КАК БЕЗУМНЫЙ (БЕЗУМНАЯ). – 1. *Rire comme un fou (une folle)*; 2. *Rire comme un bossu*; 3. *Rire comme un crevé*; 4. *Rire comme une baleine*; ХОРОШО СМЕЁТСЯ ТОТ, КТО СМЕЁТСЯ ПОСЛЕДНИМ. Посл. – *Rira bien qui rira le dernier*.

Межъязыковыми геласмическими (др. греч. γέλασμα – *gelasma* – «смех») фразеологическими эквивалентами считаем межъязыковые фразеологические эквиваленты, корреляты которых в сопоставляемых языках входят во фразеосемантические группы СМЕХ-RIRE.

Ядерными компонентами таких РФГФЭ являются глаголы смеяться, хохотать, существительные смех, улыбка, хохот.

Во фразеосемантических группах СМЕХ-RIRE выделяются геласмические ФЕ сопоставляемых языков с невербальным коммуникативным фоном, напр.: УЛЫБКА ДО УШЕЙ у кого-л. О широкой улыбке как выражении большой радости, удовольствия. – *Un sourire qui va d'une oreille à l'autre*.

Специфика невербального коммуникативного фона русско-французских геласмических эквивалентов позволяет выделить две группы: РФГФЭ, которые восходят к жесту «улыбка» (ФАЛЬШИВАЯ УЛЫБКА. Притворная, лицемерная, неискренняя улыбка. – *Sourire (m) hypocrite*), и РФГФЭ, семантика которых обусловлена особенностями невербального поведения (ХОХОТАТЬ ДО УПАДУ. Очень сильно смеяться, до полной потери сил, до изнеможения. – 1. *Rire à se tenir les côtes*; 2. *Rire à se tordre les côtes*). К слову, это определенным образом иллюстрирует утверждение В. И. Даля: «Смех есть среднее выражение между улыбкой и хохотом» [2, с. 241].

Г. Е. Крейдлин приводит рассуждения Дж. Ван Хоффа [9] о возникновении улыбок у высших приматов. По мнению Дж. Ван Хоффа, жест восходит к мимике обнаженных зубов, которая у всех обезьян сопряжена с подчинением и легким испугом [4, с. 345]. Можно предположить, что с этим связано происхождение фразеологизмов СКАЛИТЬ ЗУБЫ. Груб., прост. Смеяться, хохотать без особой причины; насмехаться, демонстрировать веселье, когда это не совсем уместно. – *Rire les dents au vent*.

Представляется интересным замечание Г. Е. Крейдлина о том, что «у русских улыбок, как и других симптоматических жестов, есть два типа употреблений – физиологически исходное, симптоматическое употребление в качестве средства выражения эмоции, и производное, коммуникативное, употребление — сознательная передача адресату некоторой информации» [4,

с. 345]. Утверждение справедливо и для французских улыбок. В русской и французской фразеологии имеются выражения, вербализующие такие типы улыбок. Ср.: *ШИРОКАЯ УЛЫБКА. Искренняя, радостная улыбка.* – *Large sourire (m)*; *ПОДАРИТЬ УЛЫБКУ* кому-л. *Многозначительно улыбнуться* кому-л. – *Accorder l'aumône d'un sourire.*

Выражения *ХОХОТАТЬ ДО УПАДУ.* – 1. *Rire à se tenir les côtes*; 2. *Rire à se tordre les côtes*, *ПАДАТЬ ОТ СМÉХА*; *ПАДАТЬ СÓ СМЕХУ.* – 1. *Rire à se tordre les côtes*; 2. *Rire à se tenir les côtes*, вероятно, связаны с особенностями невербального поведения. В комической коммуникативной ситуации человек, содрогаясь от смеха, часто делает произвольные движения вперед и вниз.

Специфика коммуникативной ситуации обуславливает невербальное поведение коммуникантов. РФГФЭ могут демонстрировать отношение к информации, к субъектам коммуникации: *СМЕЯТЬСЯ В ГЛАЗА (В ЛИЦО)* кому-л. – *Rire au nez de qn.*; *СМЕЯТЬСЯ ИСПОДТИШКА*; *СМЕЯТЬСЯ ПРО СЕБЯ*; *СМЕЯТЬСЯ В КУЛАК*; *СМЕЯТЬСЯ (ПОСМЕИВАТЬСЯ, УСМЕХАТЬСЯ) В БОРОДУ.* – 1. *RIRE SOUS CAPE*; 2. *RIRE DANS SA BARBE.*

В процессе актуализации ФЕ возможно сочетание вербального и невербального кодов. К примеру, употребление в речи русских и французских ФЕ *СМЕЯТЬСЯ В КУЛАК*; *СМЕЯТЬСЯ (ПОСМЕИВАТЬСЯ, УСМЕХАТЬСЯ) В БОРОДУ.* – 1. *RIRE SOUS CAPE*; 2. *RIRE DANS SA BARBE* может сопровождаться характерными жестами: прикрытие рукой рта, рука в кулаке в области рта.

В психофизиологии выделяют два вида смеха: произвольный и произвольный [8]. В сопоставляемых языках находим ФЕ, репрезентирующие произвольный смех (*РАЗБИРАЕТ СМЕХ* кого-л.: *МЕНЯ РАЗБИРАЕТ СМЕХ. Очень хочется смеяться, расхохотаться [по какому-л. поводу].* – *Le rire te prend*; *ДАВИТЬСЯ ОТ СМЕХА. Задышаться от приступа смеха, очень сильно смеяться, пытаюсь сдерживать себя.* – *Etouffer de rire*) и произвольный (*ВЫМУЧИТЬ УЛЫБКУ. Нехотя, вынужденно улыбнуться.* – *Grimacer un sourire*; *НАТЯНУТАЯ УЛЫБКА. Улыбка, лишённая искренности, непринуждённости, дружелюбия.* – 1. *Sourire (m) forcé*; 2. *Sourire (m) faux*; 3. *Sourire (m) blanc*).

Выводы. Проведенный анализ позволяет выделить особую фразеосемантическую группу русско-французских геласмических фразеологических эквивалентов с невербальным коммуникативным фоном и считать соответствующие фразеологические корреляты частью общего фонда русской и французской фразеологии.

Вопросы возникновения фразеологизмов с невербальным коммуникативным фоном, их актуализации, проблемы фразеологизации свободных сочетаний слов, кодирования информации в таких ФЕ, механизмы взаимодействия коммуникативных кодов в процессе актуализации подобных выражений - открытое поле дальнейших исследований.

Список литературы

1. Бацевич Ф. С. Основи комунікативної лінгвістики / Ф. С. Бацевич. – К.: Академія, 2004. – 342 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. - Т. 4. – М.: Русский язык, 1982. - 683 с.
3. Каика Н. Е., Кофанова Л. П. Словарь русско-французских фразеологических эквивалентов = Le Dictionnaire des Equivalents phraséologiques russes-français: [16000 русских фразеологизмов и более 23000 французских фразеологических эквивалентов] / Н. Е. Каика., Л. П. Кофанова. - Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2005. – 548 с.
4. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. - М.: Новое литературное обозрение, 2002. - 592 с.
5. Лабунская В. А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание / В. А. Лабунская. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. - 608 с.
6. Маслова В. А. Современные направления в лингвистике: [учеб. пособие для студ. высш. заведений] / В. А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 272 с.
7. Телия В. Н. О лингвокультурологических аспектах исследования семантики фраземных знаков / В. Е. Телия // Фразеология-2000. - Тула, 2000. - С. 90-93.
8. How laughter works [Электронный ресурс]. URL: [http:// science.howstuffworks.com/life/insidethemind/emotions/laughter4.htm](http://science.howstuffworks.com/life/insidethemind/emotions/laughter4.htm) (дата обращения: 10. 02. 2017).
9. Hooff J. A. R.A.M. van. The comparison of facial expression in man and higher primates / Johan Antoon Reinier Alex Maria van Hooff //Cranach N. (ed.) Methods of inference from animal to human behavior. Chicago, 1976. - P.165-196.
10. Trager G. L. Language and Languages / G. L. Trager. – San Francisco : Chandler, 1972. – 378 p.

RUSSIAN-FRENCH HELASMIC PHRASEOLOGICAL EQUIVALENTS

Kaika N.

Russian-French helasmic phraseological equivalents have been found out. Russian-French helasmic phraseological equivalents with non-verbal communicative background have been distinguished. The presence of Russian-French phraseological community with helasmic non-verbal communicative background has been proved.

Keywords: Russian-French helasmic phraseological equivalents, common Russian-French phraseological fund, non-verbal communicative background.

КУЛЬТУРЕМЫ В ТРАГЕДИИ А. С. ПУШКИНА «БОРИС ГОДУНОВ» И ИХ ПЕРЕВОД НА СЛОВАЦКИЙ ЯЗЫК

Алла Борисенкова

аспирант

Университет им. Матей Бела

Банска Быстрица, Словакия

e-mail: borisenkova.alla@umb.sk

Статья посвящена анализу некоторых культурем-реалий в трагедии Пушкина «Борис Годунов» и их переводу на словацкий язык. Анализ пушкинских культурем-реалий в настоящей работе опирается на классификацию реалий, предложенную профессором В. С. Виноградовым. При переводе художественной литературы на иностранный язык порой теряются историко-генетические связи и искажается смысл исходного текста.

Ключевые слова: культурема, «Борис Годунов», перевод, национальный колорит

Художественная литература - вид искусства, отличительной чертой которого является создание словесных художественных образов. Создавая произведение, писатели философско-эстетически, исторически осваивают действительность. «Говорить живыми образами — главное дело художника, которое зовется художественной литературой» [5, с. 22].

Многогранные, живые художественные образы создал А. С. Пушкин. В его произведениях представлена не только поэтическая концепция истории России, но и воплощены представления о национальной русской культуре. Пушкин, «наделенный художественной интуицией и талантом, преодолевает временные и пространственные границы, постигает далекую культуру <...>, готов вместить в себя культурное прошлое и предугадать будущее» [7, с. 30].

Цель работы — анализ культурем в пушкинской трагедии «Борис Годунов» и рассмотрение конкретных проявлений ассиметрии культурем при сравнении художественного текста Пушкина с его переводом на словацкий язык.

Рассмотрим категорию «культурема» - основной термин, используемый в настоящей работе. В исследованиях Н. Д. Арутюновой, Ю. Н. Караулова и С. Г. Тер-Минасовой культурема характеризуется в рамках лингвокультурной парадигмы. Согласно концепции В. Г. Гака, реалии, то есть *культуремы*, являются «важной составляющей «пространства культуры», которое включает в себя как материальную, так и духовную культуру, и может рассматриваться как совокупность определенных признаков (культурем). Реалия и культурема тесно связаны между собой, но не тождественны друг другу. Если под реалиями понимается все, что относится к культуре: предметы, функции, обычаи, факты поведения, то «культурема — это языковое выражение реалии, формальный и

содержательный знак, который соотносится с определенным элементом действительности для выражения и обозначения некоторой реалии — предмета или ситуации» [3, с. 768].

В диссертации А. Н. Бухонкиной «Типы ассиметрии культурем: на материале французского и русского языков» реалии и культуремы отождествляются [см.: 1], а, по мнению А. Моля, «*культурема* — некое культурное сообщение (научная, художественная информация, заключенная в продуктах интеллектуальной деятельности людей), которое передается от создателя (автора) к потребителю» [4, с. 119-120].

В художественных произведениях А. С. Пушкина на историческую тему представлены не только образы реальных исторических личностей, но и воссоздан дух той или иной эпохи. В трагедии «Борис Годунов» поэт рисует реалистичные картины Смутного времени, используя при этом огромное количество исторических реалий-культурем. Анализу «Бориса Годунова» посвящена многочисленная критическая и исследовательская литература, рассматривающая особенности художественного содержания трагедии и различные аспекты ее функционирования в культурном процессе. Что же касается культурологического и лингвокультурного анализа данного произведения, то приходится признать, что подобные исследования практически не осуществлялись.

Анализ пушкинских культурем-реалий в настоящей работе опирается на классификацию реалий, предложенную профессором В. С. Виноградовым, согласно которой, их можно разделить на *ономастические, бытовые, общественные, мифологические, природные и ассоциативные* [2, с. 104-112]. В трагедии «Борис Годунов» присутствуют разные типы реалий, преобладают ономастические, бытовые и общественные. Отражение национальной картины мира в художественном слове, историко-культурные смыслы, заложенные в реалиях, глубже постигаются и осознаются при сравнении пушкинского текста с существующими переводами его на иностранный язык. Остановимся на двух переводах трагедии на словацкий язык, предпринятых Зорой Есенской (1959 г.) и Юлиусом Ленко (1982 г.).

Словацкие переводчики постарались найти эквиваленты большинству переводимых культурем. В переводе Зоры Есенской (1909-1972), однако, находим целый ряд неточностей. Во-первых, у нее возникли сложности с переводом ономастических культурем. В начале трагедии Пушкин устами Шуйского описывает воцарение Бориса Годунова:

Какая честь для нас, для всей Руси!
Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач,
Возьмет венец и бармы Мономаха...
[6, с. 189].

Зора Есенка не смогла в полной мере передать исторический контекст того времени. В ее переводе отсутствует выражение «зять Малюты» (Пушкин намекает на родство Годунова с семьей Григория Скуратова; Борис

был женат на Марии Скуратовой-Бельской, дочери Григория, известного как Малюта). Вместо «зять Малюты» Есенска употребила фразеологизм *skaderuka-skadenoha* [8, с. 55], что означает, *человек без роду и племени, пришедший неоткуда, вольный как ветер*). Во-вторых, Есенска неправильно перевела «венец и бармы Мономаха»: она лишь приблизительно донесла смысл данного выражения — *odznaky cárskéj moci* [8, с. 55] (атрибуты царской власти).

Юлиус Ленко (1914-2000), в отличие от Есенской, использовал транслитерацию, которая помогла переводчику сохранить колорит пушкинского текста: «...zať Maľutov a predtým otrok, <...> prijme Monomachovu korunu i žezlo» [9, 191].

Переводчики точно передали названия городов (например, Углич — Uhlič) и некоторые имена собственные, Шуйский — Šujskij, Воротынский — Vorotynskij, Пимен — Pimen, Битяговский — Biťagovskij. Говорить об этом само собой разумеющемся факте и, казалось бы, не заслуживающем внимания в случае со словацким языком приходится, так как и иностранные топонимы, и имена собственные по-словацки часто отличаются от исконного звучания («переводятся»). Например, женские фамилии традиционно имеют «прибавку»: мисс Марпл (англ. *Miss Marple*) = *slečna Marplová*; Марина Цветаева — *Marína Svetajevová*. Марина Мнишек (польск. *Maryna Mniszech*) по-словацки должна писаться как *Mnišková*, но в анализируемых переводах транслитерацией передано русское, пушкинское, звучание фамилии героини.

Настоящей проблемой для переводчиков явилась передача общественных и бытовых культурем. Зора Есенска приблизительно перевела эти реалии, нередко прибегала к описательному переводу, порой искажал смысл исходного текста. Например, возникли сложности со словом «скоморох». Есенска перевела скомороха как *kujon* (разгов., обманщик, злодей; употребляется и как ругательство). У Ленко «скоморох» — *bitang* (венгерско-немецкое происхождение слова, означает *beťár, lapaj* — шалун, бездельник; другое значение — злой, никчемный человек). Скоморох в Древней Руси – это певец, бродячий комедиант; в переносном значении — несерьезный человек, шут (словарь Ожегова).

Неточно перевели и Есенска и Ленко русское выражение «Вот тебе, бабушка и Юрьев день» (перевод Зоры Есенской — «*Len to mi chýbalo*», что означает *отсутствие чего-то, потерю*; перевод Юлиуса Ленко: «*To nám bol čert dlžen*» — *черт бы побрал*). Словацкий писатель, литературный критик XIX века Адольф Петер Затурецкий (1837-1904) в книге «*Slovenská přísloví, pořekadla a úsloví*» (1896) указывает значение выражения «*To nám bol čert dlžen*» как говорящее о человеческой подлости как таковой [10]. Найден, скажем, не очень удачный эквивалент выражению, ставшему русской пословицей, означающей *неожиданность, обманутые ожидания, нежданное огорчение*. Но в трагедии есть упоминание о конкретном историческом факте — отмене права крестьян раз в году, за неделю до Юрьева дня — 26 ноября и неделю после, сменить владельца-помещика.

Запрет переходить к другому хозяину, окончательно закабалил крестьян и породил русскую поговорку. Генетически восходящая к социально-политическому событию середины XV века, поговорка обрела широкое поле хождения. В трагедии Пушкин сопрягает оба смысла слов о Юрьевом дне — конкретно-исторический и обобщенный. Сначала Самозванец, узнав в корчме о царских заставах, преградивших ему путь в Литву, произносит про себя поговорку как реакцию на рушащуюся надежду на бегство:

Х о з я й к а .

Кто-то бежал из Москвы, а велено всех задерживать да осматривать.

Г р и г о р и й (*про себя*).

Вот тебе, бабушка, Юрьев день

[6, с. 212].

Затем боярин Пушкин в беседе с Шуйским рассуждает о намерении Годунова отменить право перехода крестьян и возможных последствиях царского решения в период, когда объявился самозванец:

Зависим мы от первого холопа,

Которого захочем наказать.

Вот — Юрьев день задумал уничтожить.

Не властны мы в поместьях своих.

Не смей согнать ленивца! Рад не рад,

Корми его; не смей переманить

Работника! — Не то, в Приказ холопий.

Ну, слыхано ль хоть при царе Иване

Такое зло? А легче ли народу?

Спроси его. Попробуй самозванец

Им посулить старинный Юрьев день,

Так и пойдет потеха

[6, с. 222-223].

Передать пушкинское интертекстуальное наложение смыслов, донести многозначность культуремы «Юрьев день» переводчики могли бы, сопроводив текст трагедии развернутым историческим и лингвокультурологическим комментарием. Но, увы, такого в анализируемых изданиях нет.

Таким образом, переводчики потеряли в тексте историко-генетические связи и возникающие у носителя языка Пушкина ассоциации. Несоответствие перевода пушкинскому тексту говорит о том, что они не смогли передать исторический контекст трагедии. Таких несоответствий немало, но это не принижает заслуги переводчиков, взявшихся донести до словацкого читателя творение Пушкина. По нашему мнению, исторический смысл трагедии можно было передать, только благодаря подробному изучению конкретной исторической эпохи.

Культуремы-реалии, присутствующие в трагедии «Борис Годунов», отражают особенности русского менталитета, культурно-бытовые традиции того времени и передают дух эпохи Смутного времени.

Список литературы

1. Бухонкина А. С. Типы асимметрии культурем: На материале французского и русского языков: Дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2002. – 183 с.
2. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Изд-во ин-та общего среднего образования, РАО, 2001. – 224 с.
3. Гак В. Г. Языковые преобразования. – М.: Языки рус. культуры, 1998. – 768 с.
4. Моль А. Социодинамика культуры / Пер. с фр.; Предисл. Б. В. Бирюкова. – 3-е изд. – М.: ЛКИ, 2008. – 416 с.
5. Прозоров В. В., Елина Е. Г. Введение в литературоведение: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 224 с.
6. Пушкин А. С. Борис Годунов // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. – Т. 5. – С. 187-285.
7. Сугай Л. А. Культурология русского символизма // Культура и творчество: Материалы конф. кафедры теории и истории культуры. – М.: МГОПУ, 1996. – С. 30-51.
8. Puškin A. S. Boris Godunov / Preklad Zory Jesenskej. – Bratislava: Tatran, 1959. – 195 s.
9. Puškin A. S. Boris Godunov a iné. Zlatý fond svetovej literatúry. – Bratislava: Tatran, 1982. – 314 s.
10. Zátarecký A. P. Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia. Dobré a zlé mravy. Pravda a viera Read more: // Доступно: http://zlatyfond.sme.sk/dielo/1444/Zaturecky_Slovenske-prislovia-porekadla-a-uslovia-Dobre-a-zle-mravy-Pravda-a-viera/1#ixzz4awsJPswT

CULTUREMENTS IN THE PUSHKIN'S TRAGEDY «BORIS GODUNOV» AND THEIR TRANSLATION TO SLOVAKIAN LANGUAGE

Borisenkova A.

The article is devoted to the analysis of some cultural realities in the tragedy of Pushkin "Boris Godunov" and their translation into the Slovak language. The analysis of Pushkin's culture-realities in this work is based on the classification of realities proposed by Professor VS Vinogradov. In translating fiction into a foreign language sometimes historical and genetic connections are lost and the meaning of the original text is distorted.

Keywords: culture, Boris Godunov, translation, national tradition

АЗБУКА КАК ЭКСПЛИКАЦИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ

Елена Бекасова

*доктор филологических наук, профессор
Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Россия
e-mail: bekasova@mail.ru*

Людмила Устюгова

*доктор филологических наук, профессор
Ужгородский национальный университет,
Ужгород, Украина
e-mail: ustyugova_l_m@mail.ru*

В статье рассматривается проблема составления современных русских азбук, в которых утрачены кирилло-мефодиевские традиции почитания книжного, в связи с чем поверхностная информативность и излишняя занимательность не способствуют утверждению сложившейся ментальности. Проведённый среди студентов-филологов эксперимент также показывает разрушение сакральности азбуки и отсутствие уважительного отношения к азбуке как историко-культурному достоянию. В связи с этим определяется необходимость создания особой азбуки для семейного чтения, где должен быть произведён тщательный отбор иллюстративного материала с учётом накопленного опыта создания «пролога» для первых опытов детского чтения.

Ключевые слова: Кирилло-мефодиевские традиции, славянская письменность, азбука, глаголица, кириллица, азбучный акростих, ментальность.

Известно, что славянская ментальность развивалась в глубокой зависимости от мощного источника средиземноморской культуры через становление и развитие кирилло-мефодиевских традиций почитания книжного и формирования особого духовного и материального пространства категориями и формами родного языка.

Христианская ориентация была важнейшей составляющей просвещения славянского народа – *«чловек вся отлучитъ от жития скотска и похоти. слышити ныне от своего ума, слышите словенск народ, слышати слово, от Бога прииде ... бес книг язык в гласе смыслене не глаголюште... Нази бо вси без книг языци»*¹. Именно поэтому вся деятельность основателей славянской письменности была направлена на утверждение родного языка в церковных книгах как надёжного и важного средства утверждения нового человека, способного воспринять новые знания и сформировать свою особую ментальность вне отрыва с достижениями «великих языцех». Двухвековые научные исследования возникновения и достижений славянской письменности позволяют утвердиться в мысли о том, что основатели славянской письменности, бесспорно, понимали важность своей миссии –

¹ Графика источников максимально приближена к современной.

прежде всего просвещения славянского народа в тех формах, которые для того времени были наиболее продуктивными. При этом следует подчеркнуть, что славяне именно с этих позиций воспринимают Учителей славянского народа и их учеников, которые утверждают и продолжают прежде всего традиции книжного просвещения славян, а не их поверхностного крещения.

В славянской традиции тема «сеятеля словес книжных» пронизывает всё духовное пространство – от великого апофеоза славянской письменности в Сказании Черноризца Храбра «О письменах» и «Азбучной молитвы» Константина Преславского до *«исходиш мудрости»*, *«неищетной глубины книг»* летописца Нестора и *«въместо же житныхъ семень — духовная семена по вселенный разсвати и всемъ по чину раздавати духовную сию пишу»* Ивана Федорова (подробнее см.: [2]). Слово на родном языке способствовало формированию «новых людей», которые идут в «обновление жизни» [6, с. 58, 50], поскольку, по справедливому утверждению И. И. Срезневского, «от самого прилива новых идей с христианством должны были измениться прежние понятия обо всём; таким образом, понятие и вся образованность народа должна сильно поколебаться и по тому самому должен был начать сильно изменяться строй языка», а за развитием языка «в его материальной форме» шло развитие «мысли, выражающейся в языке» [8: 106, 99].

Понимание значимости языка в просвещении народа обуславливало всё направление деятельности Кирилла, Мефодия и их учеников, в том числе и в осмыслении её первоосновы – азбуки. Исследования учёными обстоятельств создания славянских азбук (Н.С. Трубецкой, Е. Гергиев, К.М. Куев, Ф. Мареш, Л.Г. Карпенко, А.А. Турилов и др.) позволяют утверждать, что названия букв и их порядок – это особый азбучный «пролог» к чтению и письму, который был создан Константином Философом как «программирующая микромодель письменной славянской культуры» [7, с. 29], и до сих пор живущая в трёх началах славянского просвещения – *Азь боуки веде* (Я буквы ведаю (знаю)).

Традиционно азбуки включали в себя поэтическую «Азбучную молитву» Константина Преславского, сохранившую семантическую память об именах букв древнейшей азбуки (*1. Азь словомъ симъ /молюся богу: 2. Боже, всеи твари / и зиждителю, 3. Видимымъ / и невидимымъ ...12. И летитъ ныне // словеньско племя, 13. Къ крещению / обратиша ся вси*) и нравоучительное чтение. Традиции сохранялись и в текстах печатных азбук, в которые вслед за Азбукой 1578 г. Ивана Федорова стали включать Сказания о начале славянской письменности. В первой печатной русской Азбуке Ивана Бурцова (1634 г.) к *«научению малым детям»* также было представлено *«Сказание, како состави святой Константин Философ азбуку по языку словеньску и книге преведе от греческих на словенский язык»* [3, с. 85], наряду с повтором за Азбуками Ивана Федорова азбучного акростиха *«Азь есмь всему миру свет / Богъ есмь прежде всехъ векъ / Вижу всю тайну человеческую / Глаголю же вам сыномъ человеческимъ»* и т.д. [3 с. 55–55 об.]

и с продуманным подбором слов на азбучный порядок: *«Веде – вразумляю. Добро – даю. Живете – живу. Земля – зижду. От – Открываю. Червь – чту, чтеша, чтят»* и под., поскольку основной целью Азбуки Бурцова, как и её предшественниц, было *«благое семя в доброплодных землях, яко да множитися и растет в благочестии ... рассеяти и всяк благоверен учится и да навыкает»* [3, с. 105-105 об.].

Слом традиции произошёл в период Петровских реформ, когда гражданская азбука, получив очертания западной антиквы, освободившись от диакритических знаков, дублетности и числового бремени, утратила и символические названия букв первой славянской азбуки [1], которые в течение почти 850 лет являлись «одновременно кодом и текстом, излагающим этот код» [9, с. 23].

Утрата «слова буквенного» привело не только к обезличенным названиям типа *а, бэ, вэ, гэ*, но и утрате традиций почитания (в прямом и переносном значениях слова) азбуки, вследствие чего в XIX в. проходит поиск новых принципов составления азбук для детей, но практически всегда в направлении отлучения от многовековой славянской традиции. Однако даже в наиболее значимых, продуманных, прогрессивных и актуальных Азбуках К.Д. Ушинского и Л.Н. Толстого можно встретить такие примеры, как *Няня налей вина* [11, с. 33]; *дура, пиво; я лаю на вора; Наши гости много пили браги; Тётя била Петю; крыши кривы, блохи мелки, кошки хитры, стены плохи* [10, с. 10, 12, 13, 20] и под.

Современные азбуки, судя по анализу более 40 подобных книг, представленных в книжном интернет-магазине «Лабиринт» (<http://www.labirint.ru/books>), в основном делают ставку на развлекательность и языковую игру. Некоторые авторы вообще рассматривают составление азбуки как креативный текст со случайным набором слов, без учёта морально-этических требований и возрастных особенностей предполагаемого читателя, для которого данная книга мыслится как первая. Исключения составляют азбуки, составленные в ортодоксальном стиле церковнославянских азбук, однако, несмотря на претензии составителей на использования их азбук для подготовки современных детей к школе, они в этом качестве использоваться не могут.

Нередко буквенная составляющая и словесная ткань становится вторичной, поскольку составителями становятся художники, и в этом случае мы имеем дело не столько с «вратами учёности», сколько началами художества. Практикуемый в азбуках акростих, как правило, становится самоцелью, например: *«Глядит горилла Гоша – газета городская. Грызть газету главную? – Гоша гадает. Грызи галеты, Гоша ...»*; *«Есть у Гоши младший брат, Брат пришёл и Гоша рад: Здравствуй братец мой Карен! Вместе братья – буква М»* и под. Безусловно, есть «классические» азбуки, сопровождающиеся достаточно исчерпывающим иллюстративным материалом (Азбука А. Бенуа, С. Маршака и др.), но современных азбуках он в большинстве случаев направлен на поверхностную информацию,

свойственную нашей современности, без «раскрытия прежде всего символа», с учётом свойственной славянству ментальной черты – «не знать», а «ведать» [4, с. 128]. Так, в азбуке для самых маленьких буквы представлены словами *нарвал, эму, подъязок, Акулина, Берта, Жорик, Ёся, свинья, як, червяк*; наиболее активными «буквенными словами» являются *айва, ягуар, эмблема, бубен, жалюзи, паутина, носорог, гном, гири, гантели, юрок*. В азбуках не практически не представлены слова *добро, семья, мама*, не говоря о том, что забыты слова, непосредственно связанные с азбукой типа *азбука, буква, школа, ученик, книга* и под.

Характерный стандартный набор слов встретился и в азбуках, которые были составлены студентами филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета. В эксперименте участвовало более 400 человек и в ряде случаев слова у них наблюдаются значительные совпадения слов, особенно на буквы последней трети алфавита, например: *Ф* – *фонарь/фонарик, филин* (89%); *цапля, цыплёнок, цирк* (87%); *Ш* – *шапка* (42), *шар/шарик* (38%); *Щ* – *щука* (54%); *Ю* – *юла* (87%); *Я* – *яблоко* (86%); *Ъ* – *объявление* (64%), *подъезд* (32%); *Ы* – *сыр* (44%) *мышь* (22%); *Э* – *экскаватор* (51%), *эскимо* (28%); *Ь* – *соль* (36%), *вьюга* (28%), *мышь* (21%).

Как правило, в предлагаемых студентами иллюстрациях преобладают вещи, которые не всегда представляют «огромный вещный космос человека», где «накапливаются смыслы, которым человек наделяет своё общение с другими людьми, с самим собой и высшим началом», тем более что «в славянских культурах мир вещей тесно приближен к миру людей» [5, с. 5]. Однако в студенческих азбуках, которые ими составлялись для близких им детей, а также будущих своих детей, такие смыслы нередко разорваны, поскольку целый ряд букв сопровождается словами *арбуз, айва, апельсин, аист, бегемот, баобаб, жираф, жук*, при этом менее 3% вспомнили про *азбуку, букву, жизнь*, то есть те понятия, которые были заложены в древнем славянском коде. Следует подчеркнуть, что азбуку составляли студенты, уже знавшие по курсу старославянского языка деятельность Кирилла и Мефодия, однако ценностные ориентиры древнейших азбук ими были не освоены и забыты. При этом в азбуки были вставлены слова типа *жаба, баобаб, жёлоб, цокот, фен, хобот, утконос, фильтр, хамелеон, фараон, череп, шорты, клык, цыган*, а также *бомба, хакер, киллер, жулик* и под. Более того, студенты отстаивали необходимость знакомства ребёнка с буквой *Б* на примере слова *бомба, Ж* – *жук, жулик, жаба*, так как, по их мнению, эти слова существуют в языке и они способствуют «расширению кругозора», «пополнению знаний о мире». Такие рефлексии свидетельствуют не только о десакрализации азбуки, потери кирилло-мефодиевской традиции почитания книжного и ответственности за слово – написанное или изречённое, но и полной утрате «интеллектуально-духовных генов, которые переходят из поколения в поколение» [4, с. 137].

В таких условиях возникает необходимость составления особой азбуки, где необходим тщательный отбор «семян доброплодных», чтобы «множилось и росло добродетель» [3, с. 105-105 об.]. Подобная азбука должна заложить не только основы мыслительного пространства с учётом достижений духовного просвещения славянства, но и без религиозного уклона закрыть ментальные лакуны. Составление подобной азбуки сопряжено с решением целого ряда проблем. С одной стороны необходимо предложить азбуку для семейного чтения, что позволит создать определённое «родительское» сопровождение историко-культурных обстоятельств возникновения азбуки. С другой – требуется особый подход к отбору «буквенных слов», которые бы соединяли слова-концепты в рамках детского языкового сознания и предпочтения тщательно отобранного «вещного мира» ребёнка. В этом плане выбор слов представляет весьма сложную задачу, поскольку необходима определённая систематизация слов в определённый азбучный текст, в который могут также войти вековые «наработки» языка, литературы и фольклора.

Однако в любом случае «азбучный порядок» должен строиться на началах доброты, семейных ценностей, притягательности детства как начала новой жизни и традициях почитания книжного, где «общение слова, мысли и чувства есть не только дело великой важности, но едва ли не лучшее достояние человека на земле» [12, с. 199].

Список литературы

1. Азбука с исправлениями императора Петра Перваго и указом его о введении в употребление гражданского шрифта. – СПб.: Типография В.С. Балашова, 1877. – 19 с.
2. Бекасова Е. Н. «Семена духовные» (юбилейные размышления) / Е. Н. Бекасова // Филологический класс. Научно-методический журнал. – №1 (35). – Екатеринбург : Издательство : Уральский государственный педагогический университет, 2014.– С. 125–129.
3. Бурцов В. Ф. Азбука. – 2-е изд. / В. Ф. Бурцов. – М., 1637 (репринт 1885 г.) <http://www.raruss.ru/images/stories/slavonic/abc-burtzov-1637/abc-burtseva-1637.pdf> (дата обращения – 11 ноября 2016 г.).
4. Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...» / В. В. Колесов. – СПб. : «Златоуст». – 368 с. – (Язык и время. Вып. 2).
5. Концепт вещи в славянских культурах. – Москва : Институт славяноведения РАН, 2012. – 384 с.
6. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 г. / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачёва / изд-е 2-е, испр. доп. – СПб. : Наука, 1996. – 668 с.
7. Савельева Л. В. К проблеме первого оригинального текста (в продолжение дискуссии) / Л. В. Савельева // Вестник СПбГУ. – Сер. 9. – 2014. – Вып. 3. – С. 25–31.
8. Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка / И. И. Срезневский / Вступ. ст. С. Г. Бархударова. – Изд-е 3-е стереотипное. – М. : КомКнига, 2007. – 136 с. (История языков народов Европы).
9. Степанов Ю. С. Несколько гипотез об именах букв славянских алфавитов в связи с историей культуры / Ю. С. Степанов // Вопросы языкознания. 1991. – № 3. – С. 23–45.

10. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. – Т. 21. Новая азбука и русские книги для чтения (1874-1878 гг.) / Л. Н. Толстой. – М. : ГИХЛ, 1957. – 696+XXXIX с.
11. Ушинский К. Д. Собрание сочинений. – Т. 6. Родное слово. Книги для детей первого и второго года / К. Д. Ушинский– М.-Л. : Академия педагогических наук РСФСР, 1949. – 448 с.
12. Хомяков А. С. Полное собрание сочинений А. С. Хомякова. – Изд-е 3, доп. – Т. 1. / А. С. Хомяков. – М. : Университетская типография, 1900. – 417 с.

ALPHABET AS AN EXPLICATION OF MENTALITY

Bekasova E., Ustiugova L.

In this article is considered the problem of drawing up modern Russian alphabets in which kirillo-mefodiyevsky traditions of honoring book in this connection superficial informational content and excessive entertaining don't promote the statement of the developed mentality are lost. The experiment made among students philologists also shows destruction of sacrality of the alphabet and lack of respect for the alphabet as historical and cultural property. In this regard is defined need of creation of the special alphabet for family reading where careful selection of illustrative material taking into account the accumulated experience of creation of "prologue" has to be made for the first experiences of children's reading.

Keywords: traditions of Kirill and Mefodiy, Slavic writing, alphabet, Glagolitic alphabet, Cyrillics, alphabetical acrostic, mentality.

УДК 81'373.2

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Владимир Мозговой

кандидат филологических наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»

Донецк

e-mail: mowi48@mail.ru

В статье подвергается сомнению абсолютизация языковой природы собственного имени, которое приводит к ложным номинациям и массовым переименованиям. Онимная лексика должна соответствовать законам языка лишь настолько, насколько адекватно она передает правовую и культурно-историческую информацию об объекте номинации. С этой точки зрения имена собственные рассматриваются как средство правовой активации культурно-исторической, хозяйственно-деловой и предметно-чувственной реальности и способ существования человеческой цивилизации.

Ключевые слова: имя собственное, имя нарицательное, объект культуры, культурно-историческая реальность, атрибут права.

В устоявшейся лингвистической традиции под именем собственным понимается «...слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [2, с. 473]. Безупречность этого определения, кажется, не подлежит сомнению. Вряд ли можно оспаривать, например,

утверждение о том, что *Сковорода* и *Грозный* – слова, *Минеральные Воды* и *Тихий океан* – словосочетания или что «*Ну, погоди!*» и «*Они сражались за Родину*» – предложения. Ведь все они имеют грамматические признаки частей речи, членов предложения (существительного – «сковорода», прилагательного – «грозный», «тихий», глагола – «погоди», междометия – «ну», предлога – «за», подлежащего – «они», сказуемого – «сражались») и соответствующие им лексические значения.

Однако введение подобных образований в деловой, культурно-исторический или правовой контексты принципиально изменяет их лингвистическую сущность. Утрачивая абстрактность грамматических единиц, они превращаются во вполне осязаемые и точно идентифицируемые предметы «очеловеченного» мира:

- **кто?** – философ *Сковорода* (а не что? «кухонная утварь»);
- **что?** – город *Грозный* (но не «грозный город»);
город Минеральные Воды (но не «воды какие? минеральные»);
Тихий океан (но не «океан тихий»);
мультфильм «Ну, погоди!» (но не «мультфильм, погоди»);
роман «Они сражались за Родину» (но не «роман сражался за родину»).

С этой точки зрения, деление имен существительных на имена собственные (СИ) и нарицательные (НИ) лишено основания. Если предметы, интересующие конкретного собственника, всегда существительные (в нашем случае это «философ», «город», «океан», «мультфильм», «роман»), то номинативные формы их презентации в языке бесконечно многообразны. Они не ограничиваются реальными лексическими единицами, закрепленными официальной традицией в конкретном языке (*Сергей, Сборщик, Олейник, Пушкарев, Константиновка, London*), а охватывают все онимное пространство любых конкретных (*Серж – Серый – Сережа – Сереженька, Пушка – Пуша – Пушкарь; Констаха, Лондон – Туманный Альбион*) и вымышленных объектов номинации, созданных авторской фантазией (*магазин «Пивасик»; кофейня «Котофейня»; супермаркеты «Амстор», «АТБ»; салон-парикмахерская «Руки-Ножницы»; тьюнинг-салон «Farch», салон мобильной связи «Mobila»; Boutique Salon «Губы», Баба-Яга, Ноздрев, Обломов, Бармалей, Кощей Бессмертный, Три толстяка, Графини Вишни, Незнайка*).

Созданная и одухотворенная человеком Вселенная (или, по убеждению В.И. Вернадского, ноосфера [1]) по мере расширения своих границ во времени и пространстве все теснее связывается с функционированием в языке имен собственных, идентифицирующих территориальную, культурно-историческую или духовную реальность. Как главные атрибуты человеческой цивилизации они закрепляют право конкретного собственника на уникальность его существования в конкретной национальной культуре.

С одной стороны, СИ – продукт (или объект) истории и культуры, требующий своего осмысления в речевом или художественно-поэтическом пространстве (*Екатерина > Катерина // Катя // Катюша // Катечка // Катрин*

// *Кэт* // *Катруся*; Петербург > *Питер* // *Северная Пальмира* // *Петроград* // *Петра творенье*).

С другой – это культурно-историческая реальность, зафиксированная в общественном сознании и нуждающаяся в разработке четких правовых механизмов своей шифровки и дешифровки: *Екатерина Великая* (а не *Катерина*), *Санкт-Петербург* (а не *Питер*), *Париж* (а не *Пари*, хоть это и соответствует французскому произношению), *Великая Октябрьская революция* (а не «*октябрьский переворот*») и т.п.

На пути к своему культурно-историческому предназначению СИ прошло несколько этапов:

1. Процесс первичного дооимного выделения естественного предметного мира, не включенного в осмысленную хозяйственную деятельность, из массы других явлений при помощи междометий, невербальных средств коммуникации или имен нарицательных: «*Эй*», *река*, *лес*, *дом*, *вода* и т.п. (такие формы возможны даже в современном контекстуальном общении: *Поехал в город*; *Эй*, *можно Вас на минуточку*; *Девушка*, *передайте пожалуйста на билет* и т.п.);

2. Процесс выделения конкретных предметов из ряда подобных («начальная» онимизация), вызывающих повышенный интерес, при помощи авторских вариантов имен, по сути, кличек или авторских характеристик-интерпретаций, соотносенных с одним денотатом: языческих (*Добрыня* в семье, но *Безнос* для «мира»); «уличных» (*Илья* – *Илюха*, *Илюша*; *Константиновка* – *Констаха*; футбольный клуб «*Шахтер*» – *Шахтар*, *Кроты* и т.п.);

3. Процесс официального статуйирования СИ как категории права, фиксирующего конкретный объект номинации, включенный в имущественно-хозяйственную деятельность и имеющий информативную «привязку» к явлениям культуры или фактам истории (процесс «полной» онимизации): *Донецк*, *Москва*, *Пушкин*, *Иван Иванович Толстой*, *Ледовое побоище*, *Невский*, *Отечественная война 1812 г.*, *Антанта*, *НАТО*, *Вавилон* и т.п.;

4. Процесс «вторичной» номинации с использованием вымысла и всевозможных авторских форм презентации в языке: *ул. Артема*, *сосиски «Папа может»*, *аптека «003»*, *футбольное кафе «Свой»*, *магазин «Бытовенок»*, *Fast-Food «Обжорка»*, *авианосец «Адмирал Кузнецов»*, *салон мобильной связи «Алло!»* и т.п.

Уникальность процессов и форм функционирования СИ в языке и речи не отрывает их от социального мотива происхождения, что определяет их сходство и различия:

А. Поскольку оним связан с процессом активации культурно-исторической реальности, он подчиняется законам языка лишь настолько, насколько точно передает информацию об объекте номинации: имманентно-денотативную, закреплённую в языке, или трансцендентно-коннотативную, закреплённую в речевых характеристиках реального и художественно-поэтического мира. Так, слова «площадь», «возрождение», «война» лишены

культурной и исторической привязки, а СИ *Пальмира*, *эпоха Возрождения*, *Отечественная война* становятся явлениями культуры. В этом смысле бесчисленное множество вариантов названия одного объекта (*Максим > Макс, Максик, Максимчик, Максимушка, Максютка*) или коннотативных употреблений, типа «*Ну, у вас и Ташкент!*», не являются предметом анализа лексико-правовых отношений. Это обусловлено тем, что они опираются либо на коннотации, либо на авторские вымыслы (например, *минимаркет «МясоЕШЬка»*), не подчиняющиеся ни правилам употребления НИ, ни принципам официальной онимной фиксации.

Б. Современная трактовка официальных СИ на основе семантики и отношений к ним как к обычным словам провоцирует политиков на субъективные интерпретации не принадлежащей им собственности с закреплением постоянно меняющихся авторских пристрастий в актах номинации:

- русско-украинских или украинско-русских эквивалентах, якобы учитывающих «традицию»: русск. *Иосиф* // укр. *Йосип*, русск. *Дарья* // укр. *Одарка* // *Дарина*, русск. *Николай* // укр. *Микола*, русск. *Михаил* // укр. *Михайло*; укр. *Довгий* – русск. *Долгий*; укр. *Чепурний* // русск. *Чепурной*, укр. *Хвильовий* // русск. *Хвилевой*, русск. *Антонов* // укр. *Вінтонів*, укр. *Білозір* // русск. *Белозер* // *Белозир*, укр. *Білоусенко* // русск. *Белоусенко* // *Белоусенков*; русск. *Николаев* // укр. *Миколаїв*; русск. *Никитовка* // укр. *Микитівка*; русск. *Еленовка* // укр. *Оленівка* // русск. *Оленёвка*; укр. *Рівне* // русск. *Ровно* и т.п.;

- переименованиях, отрицающих предыдущие культурно-исторические реали: *Красноармейск – Покровск* // *Красноармейск*, *Красный Лиман – Лиман* // *Красный Лиман*, *Артемово – Железный* // *Артемово*, *Красное – Сонцовка* // *Красное*, *Старобешеве – Кальмиусск* // *Старобешеве* (Донбасс); *Красноперекопск – Яны Капа* // *Красноперекопск*, *Кировское – Ислям-Терек* // *Кировское*, *Ленино – Еди-Куя* // *Ленино*, *Советский – Ички* // *Советский* (Крым);

- необоснованных переводах (*Красный Молочник – Червоний Молочар*, *Никольское – Микільське*, *Ласточкино Гнездо – Ластівчине Гніздо*, *Заречное – Зарічне*, *Советский – Радянський*; *Красная площадь – Червона площа*) или их категорического отрицания (*Советская власть – Советська влада*, *Октябрьская революция – Октябрська революція*, ул. *Независимости – вул. Незавісності*).

Таким образом, любые изменения в закрепленных общественным сознанием именах при помощи переименования, немотивированного перевода, «восстановления», интерпретаций правильности-неправильности или полезности-вредности являются актом вандализма по отношению к истории и культуре. Вот почему мы не застрахованы от физического разрушения памятников культуры, но должны понимать, что они могут существовать в истории до тех пор, пока существуют их онимные эквиваленты. В этом смысле к СИ нужно относиться как к главным носителям

культуры, требующим законодательного закрепления исторической ценности каждого из них в соответствующих правовых актах.

Для проприальной лексики абсолютно не важно, какой объект номинации она представляет (топоним или микротопоним, антропоним, ороним, хрононим, хрематоним или гидроним), но принципиальным является уровень культурно-исторической или художественной ценности любого объекта номинации для национального или мирового сообщества. Исходя из этого, при передаче онимной лексики следует ориентироваться не на языковые или речевые формы слова, а на методики и нормы фиксации СИ в правовом контексте [3; 4].

С точки зрения права СИ – это способ существования и средство активации в общественном сознании культурно-исторической, хозяйственно-деловой и предметно-чувственной реальности при помощи закрепленного правом языкового кода.

Список литературы

1. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1991. – 271 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с.
3. Мозговой В. И. Имя собственное в языке, речи и гражданско-правовом сознании [Электронный ресурс] / В. И. Мозговой // Первые Международные ономастические чтения им. Е. С. Отина. Доклады. Октябрь, 2015 // Донецк, 2015. – Режим доступа: <http://azbuka.in.ua> (Донецкая ономастическая школа). – Название с экрана.
4. Мозговой В. И. Теория и практика функционирования собственных имен в правовом контексте / В. И. Мозговой. // Русский язык в поликультурном мире: X Межд. научно-практ. конф. (8-11 июня 2016 г.) сб. науч.статей. В 2-х т. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. – Т.2. С. 166-179.

PROPER NAME AS AN OBJECT OF CULTURE AND CULTURAL-HISTORICAL REALITY

Mozgovoy V.

The absolutization of the linguistic nature of a proper name, which leads to false nominations and mass renaming, is questioned. The linguistic vocabulary should correspond to the laws of the language just as much as it adequately conveys the legal and cultural-historical information about the object of the nomination. From this point of view, proper names are considered as a means of legal activation of cultural-historical, economic-business and subject-sensual reality and the way of human civilization existence .

Keywords: proper name, common noun, cultural object, cultural and historical reality, attribute of law.

ЭКСПРЕССИВНЫЙ ОНОМАСТИКОН НЕФОРМАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Евгения Каллистратидис
кандидат филологических наук
Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: evakallas@rambler.ru

В статье рассматриваются особенности словообразования и словоупотребления людически маркированных онимов в русскоязычных текстах политической тематики, манифестирующих неформальную интернет-коммуникацию. Выявленные игровые трансформы представляют собой результат графической, орфографической и словообразовательной игры, выражают резко негативную политическую оценку и, являясь мощным источником экспрессии, представляют собой политические инвективы. Особое внимание уделяется регулярности употребления этих единиц в интернет-текстах.

Ключевые слова: экспрессивные онимы, неформальная политическая коммуникация.

Интернет как уникальный канал связи способствует формированию относительно самостоятельного пространства неформального политического общения, практически не контролируемого официальными социальными и государственными институтами. Политические интернет-тексты продуцируются, воспринимаются и ретранслируются рядовыми гражданами, выступающими в роли полноценных субъектов политической коммуникации. Порождая эти речевые произведения, анонимные пользователи не только реагируют на медийную реальность, но и создают её, причём делают это в таких формах и с помощью таких стилистических средств, которые в силу своей экспрессивности и инвективности не могут использоваться в рамках институционального политического дискурса или дискурса традиционных СМИ.

В настоящей работе рассматриваются распространенные в интернет-текстах лексические инновации, представляющие собой результат языковой игры с собственными именами субъектов политической деятельности, и контексты их употребления; проводится описание некоторых наиболее частотных игровых онимов, отражающих отношение интернет-пользователей к актуальной социально-политической реальности, а также выявляются наиболее характерные особенности их образования и функционирования. Основная цель этой статьи состоит в том, чтобы представить все множество распространенных в Рунете людически маркированных антропонимов и топонимов как единый экспрессивный ономастический континуум и доказать не только правомерность, но и необходимость научного осмысления этих инвективных лингвотоксичных единиц. Исследование подобного рода впервые проводится на материале речевых произведений рядовых граждан, а

не профессиональных коммуникаторов, что и определяет научную новизну настоящей работы. Ее актуальность обусловлена усилением значимости неформальных видов коммуникации в кризисные периоды развития общества при недостаточном научном осмыслении дальнейшей периферии политического дискурса, значительно расширившейся за счет распространения Интернета и стремительного развития русскоязычного киберпространства.

Представления русскоговорящих о социально-политической действительности, а также их отношение к трагическим событиям на Украине и к ухудшению внешнеполитической ситуации вербализируются и концептуализируются в целом ряде лексических инноваций с денотативным полем «политика». Чаще всего объектом рефлексии пользователей становятся такие субъекты политических отношений, как государства и их первые лица. Это выражается в большом количестве фактов языковой игры (далее – ЯИ) с общеупотребительными нейтральными топонимами и антропонимами. Как и многие исследователи, мы разделяем точку зрения, при которой под ЯИ понимается «сознательный эксперимент, имеющий установку на творчество» [7, с. 28], «творческое, нестандартное (неканоническое, отклоняющееся от языковой / стилистической / речеповеденческой / логической нормы) использование любых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе – комического характера» [13, с. 86]. Людическое переосмысление имени собственного способствует его деонимизации, сближению с апеллятивной лексикой. В политическом тексте отономастическая игровая трансформация – это носитель резко негативной социально-политической оценки и мощный источник экспрессии, при этом лингвокреативная составляющая речевой деятельности способствует реализации оценочной функции высказывания. Это не творчество ради творчества, доставляющее говорящим интеллектуальное и эстетическое удовольствие и позволяющее преодолеть стандарт обыденного языкового употребления, но ретрансляция ненависти и борьба с идеологическим противником, находящая шокирующее вербальное воплощение.

Очевидно, подобные игры существовали всегда, однако в течение долгого времени они являлись фактами межличностной и групповой коммуникации и лишь изредка становились доступными массовому адресату, функционируя в текстах анекдотов и других жанров политического фольклора, но оставаясь при этом речевыми маргиналиями. С появлением Интернета ситуация меняется радикальным образом: любой текст, созданный рядовым гражданином и размещенный в зоне неприватного интернет-опосредованного общения, представляет собой медиатекст, потенциально доступный неограниченному числу реципиентов. Это способствует активному распространению нестандартной лексики и ее вхождению в повседневные речевые практики интернет-сообщества. Как следствие, многие из выявленных нами игровых онимов не являются собственно

оказионализмами, но, употребляясь регулярно, входят в узус неформальной интернет-коммуникации. Так, поисковая система Google находит следующее количество цитирований наиболее частотных единиц, выступающих в качестве экспрессивных реноминаций государств и политических деятелей (запрос от 09.03.2017): *Раишка* (505 000), *Роисся* (260 000), *Москвабад* (192 000), *Эрэфия* (85 000), *Кацапстан* (56 200), *Россияния* (34 800), *Москалия* (6 580), *Ресурсия* (1 260); *Укропия* (129 000), *Уркаина* (109 000), *Хохлостан* (30 700), *Каклостан* (24 900), *Дуркаина* (18 400), *Укруина* (7 920), *Бандеростан* (5 460), *Укуруина* (2 410); *Город Куев* (59 800); *Гейропа* (306 000), *Уеропа* – 5 070; *Поросенко* (360 000), *Потрошенко* (191 000), *Парашенка* (56 700), *Попрошенко* (25 100); *Растений Яценюк* (203 000), *Растений Моркович* (1 080); *Бабий Ярош* (192 000); *Трупчинов* (26 600); *Мишка грузинчик* (171 000), *Сукашвили* (21 700), *Сцукошвили* (4 940); *Насральный* (6 870). Невозможно установить количество цитирований целого ряда регулярных игровых номинаций вследствие их полной или частичной омонимии с узуальными лексемами, таковы многочисленные прозвищные имена П. Порошенко (*Порох*, *Потрох Кровавый*, *Кровавый Кондитер*, *Петро Потрошитель*) и 44-го президента США Барака Обамы (*барак обмана*, *бардак обмана*, *батрак обкома*, *Обезьяна*, *Обезьянин*). В общей сложности нами было выявлено около 90 людически маркированных антропонимов и топонимов, около 50 из них – это лексические инновации, встречающиеся в интернет-текстах регулярно. Пользователями создаются и употребляются целые ряды экспрессивных квазисинонов для обозначения России, Украины, ДНР и ЛНР, а также для указания на американского, турецкого, российского президентов и на всех известных украинских политиков, что позволяет говорить об этом явлении как о лавинообразном словотворчестве (термин – С. В. Ильясовой) [5, с. 269]. Следует отметить, что в текстах, манифестирующих неформальную интернет-коммуникацию, игровые топонимы не столько обозначают территорию, сколько указывают на национальную общность, т.е. на группу людей, к тому же имена политиков становятся объектами ЯИ несопоставимо чаще, чем названия политических партий и объединений. Выявленный материал демонстрирует, что для современного носителя русского языка характерно антропоцентричное видение мира политики.

Для образования подобных лексических инноваций используются разнообразные приемы ЯИ: паронимическая аттракция, каламбурное переосмысление внутренней формы онима, контаминация, изменение мотивирующей основы имени в сочетании с использованием узуальных топоформантов и антропоформантов, целенаправленное неверное написание слова, приводящее к появлению орфографического оказионализма (термин – С. В. Ильясовой) [6], – нередко игровое переосмысление онима сопровождается капитализацией, подчеркивающей сознательный характер искажения. Нельзя не согласиться с тем, что ЯИ – это «нетрадиционное, неканоническое использование языка», «творчество в языке, ориентация на скрытые эстетические возможности языкового знака» [10, с. 28]; однако

нередко результат игрового действия, нарушая общепринятые этические нормы речевого поведения, оказывается шокирующе неприличным, непристойным, оскорбительным. Это «антиэстетика», эстетика безобразного. Эпатажность словотворчества, характерная для текстов традиционных печатных СМИ [4, с. 99 – 100], в Интернете достигает своего апогея. Сущность рассматриваемой дальней периферии политического дискурса состоит в том, что в ней происходит сознательное и целенаправленное отступление от статусно-ролевых отношений, которое неизбежно влечет за собой переход в область личных смыслов: пользователь говорит о политике как об обычном человеке, несущем ответственность за свои поступки, не стесняясь, заявляет о своем отношении к нему, обращается к нему даже не по имени, а по специально созданному инвективному прозвищу. Частотность употребления рассмотренных инноваций подтверждают предположения о способности ЯИ выполнять языкотворческую функцию: появляясь как окказионализм в одном контексте, людически маркированная реноминативная единица в дальнейшем тиражируется пользователями и становится общеупотребительной в текстах, манифестирующих неформальную политическую коммуникацию. Было бы логично предположить, что, представляя собой политические инвективы, многие из этих лексических инноваций никогда не выйдут за рамки киберпространства и не станут общеупотребительными, однако, несмотря на свою эпатажность, некоторые игремы все же проникают в тексты не только сетевых, но и традиционных СМИ.

Рассмотрим некоторые особенности функционирования экспрессивных онимов в политических интернет-текстах. Нередко факты языковой игры с именем политика и с названием страны выражают непосредственную реакцию пользователей на актуальное событие. Так, вскоре после публикации в СМИ первых сообщений о том, что 24 ноября 2015 г. турецкий истребитель сбил российский бомбардировщик СУ-24, в Интернете появляется сразу несколько фактов каламбурной игры с фамилией турецкого президента: *Пердоган* – 16 800 цит. (здесь и далее: цитирований – *Е. К.*), *Эрдогандон* – 6 180 цит., *Хердоган* – 2 290 цит., *Эрдогад* – 2 180 цит. Эти единицы встречаются в комментариях к публикациям в интернет-газетах, в заголовках блогпостов, в составе вербальных компонентов креолизованных текстов киберфольклора и даже проникают в заголовки сетевых СМИ, например: *Как «Дон Эрдоган», стал «Эрдоган-дон» (29.11.2015) [12].* Это высказывание впервые появляется как заголовок блогпоста и за несколько дней активно распространяется по Сети и в качестве самостоятельного мини-текста, и как вербальная составляющая креолизованных текстов, при этом в разных публикациях оно может по-разному оформляться: убираются кавычки и дефисное написание игремы *Эрдоган-дон*, что делает ее крайне неприличной. Поисковая система Google находит более тысячи упоминаний инновации *Укуруция*, наиболее распространенным является следующий контекст: *Можно уже не различать – террористы объединяются. Новая*

страна будет называться #Укурция (30.11.2015) [8]. Здесь паронимазия приводит к возникновению когнитивной метафоры со сферой-источником «КРИМИНАЛЬНЫЙ МИР»: контаминация нейтральных топонимов *Украина* и *Турция* вызывает ассоциации с жаргонными единицами *укуренный*, *укур*, т.е. «человек, находящийся в состоянии наркотического опьянения», в результате действия украинских и турецких властей осознаются как противозаконные и сходные друг с другом и сопоставляются с действиями маргинала. Примерно тогда же появляется и инвектива *ПростиТурция* (4 270 цит. в поисковой системе Google), часто фиксируемая со значком хэштега – #ПростиТурция, который в силу традиционно слитного написания многокомпонентных наименований тегов в социальных сервисах позволяет автору «оправдать» инвективу, завуалировать ее, создать впечатление случайности, непреднамеренности оскорбления. Нередко в таком виде она входит в состав заголовков статей, размещаемых на сайтах сетевых СМИ: #ПростиТурция: Греция и Россия оставят Босфор и Дарданеллы без работы (основной заголовок); #ПростиТурция! Геополитический тупик Эрдогана (подзаголовок) (22.02.2016) [15]. Однако встречается и упрощенный вариант написания без значка хэштега и капитализации: *Проститурция: Как мировое сообщество отреагировало на поведение Турции* (07.12.2015) [9]; *Обыкновенная проститурция: американские журналисты заступились за Россию* (29.11.2015) [18].

Подобные инновации и другие факты ЯИ с онимами не только включаются в заголовки блогпостов и статей сетевых СМИ, но и часто встречаются в составе так называемых политических приколов (термин – Т.А. Гридиной) [3] – кратких самостоятельных высказываний афористического характера, онтологически и функционально сходных с политическими анекдотами: *НАЧИНАЛ, КАК ПАРАШЕНКО, ПРЕВРАТИЛСЯ В ПОТРОШЕНКО, СКОРО СТАНЕТ ПОПРОШЕНКО* (23.08.2014) [16]; *Как будет называться Укропия после окончания войны с ДНР-ЛНР? Придонбасье или Залуганицина?* (26.02.2015) [14]; *Днепропетровск переименовали в Днепр. Херсон и Запорожье замерли в томительном ожидании...* (20.02.2016) [1]; *Только на Украине выражение "твое место у параши" означает почетную должность при президенте* (09.2015) [2]. Такое высказывание создается именно для того, чтобы продемонстрировать другим читателям юридически маркированную единицу, в этом случае игровые трансформы выполняют текстообразующую функцию, становясь основным смысловым центром мини-текста (зачастую анонимного или псевдонимного) и главным выразителем авторской интенции.

Анализ спонтанных речевых произведений рядовых пользователей, участвующих в неприватных полилогах на форумах и в социальных сетях, позволяет выявить еще две значимые функции экспрессивных онимов (прежде всего – топонимов и этнонимов) – эвристическую и тесно связанную с ней терапевтическую. Нередко говорящий прибегает к использованию маркированной единицы, когда чувствует острую потребность в подборе

наиболее адекватного вербального выражения для изменившегося референта, не считая уместным использование привычной узуальной единицы по отношению к феномену актуальной внеязыковой реальности, как это происходит в следующих случаях: *Укроп – это житель Укропии, а Укропия – это Украина после захвата ее нацистским быдлом <...> Никакого оскорбления граждан Украины и самой Украины в этих словах нет <...> Я уважительно относился и отношусь к ушедшей в небытие Украине и оккупированным сейчас, поработанным фашистами украинцам* (2014) [17]; *Как киевлянину в четвертом поколении мне особенно тяжело слышать, но факт остаётся фактом – Киев всё более превращается в Куев, как его очень многие презрительно (и небезосновательно) стали называть на Юго-Востоке* (18.02.2010) [11]. В этом случае в рамках одного контекста сталкиваются и ситуативно противопоставляются не только два онима: нейтральный и экспрессивный, – но и обозначаемые ими референты: утраченный привычный (знакомый и понятный, соответствующий представлениям говорящего о том, как должно быть) и новый, изменившийся до неузнаваемости, с которым автор высказывания не может примириться.

Выявленные экспрессивные единицы появляются и распространяются в составе текстов, представляющих собой реакцию социально активной части интернет-сообщества на медийную репрезентацию политических событий и на саму социально-политическую реальность. Пользователи прекрасно осознают тот факт, что среди потенциальных реципиентов их речевых произведений могут быть как их единомышленники и идеологические (а в сложившихся условиях – и боевые) противники, так и субъекты политических отношений: чиновники, общественные деятели и даже первые лица государств. Рассмотренные в настоящей статье экспрессивные онимы являются средством вербализации резко негативной социально-политической оценки, но также выполняют текстогенную и даже языкотворческую функции: целый ряд единиц с мощным инвективным потенциалом, появившихся в результате лавинообразного словотворчества, становится неотъемлемой частью повседневных речевых практик рядовых граждан, интересующихся социально-политическими вопросами. Лингвотоксичность и подчеркнутая инвективность таких игр затрудняют обнаружение результатов их анализа, не позволяют сделать их полноценным объектом лингвистического исследования, хотя число посетителей интернет-ресурсов, которые размещают тексты с подобными инновациями, значительно превышает читательскую аудиторию даже самого уважаемого научного журнала. Игнорирование текстов, содержащих эти и другие подобные им инновации и лингвокреативные феномены, представляется не просто неразумным, но даже опасным упущением, поскольку эти речевые произведения представляют собой не менее ценный источник информации об отношении общества к социально-политическим процессам, чем данные статистических исследований, особенно в ситуации, когда проведение

социологических опросов на отдельных территориях бывшего СССР не представляется возможным.

Список литературы

1. Анекдоты с Украины [Электронный ресурс]. URL: <http://anegdot.com.ua/dnepropetrovsk-pereimenovali-v-dnepr/> (дата обращения: 10.03.2017).
2. Антифашист: информационное агентство [Электронный ресурс]. URL: <http://antifashist.com/item/apologiya-krovavosti.html> (дата обращения: 10.03.2017).
3. Гридина Т.А. Языковая игра в жанре политического прикола // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4(38). – С. 47-51.
4. Ильясова С. В. Онимословотворчество (на материале языка современных российских СМИ) // Проблемы общей и региональной ономастики: Материалы X Международной научной конференции. Майкоп: редакционно-издательский отдел АГУ, 2016. – 256 с. – С. 99-102.
5. Ильясова С. В. От коллажа до эпатажа: к оценке словотворчества в языке современных российских СМИ // Экология языка и коммуникативная практика. – 2016. – № 1. – С. 267-272.
6. Ильясова С. В. Языковая игра: словообразовательная, графическая, орфографическая (на материале текстов современных российских СМИ) // Медиалингвистика. – 2015. – № 1 (6) – С. 91-100.
7. Ильясова С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 296 с.
8. Команда ЧЕ: Микроблог [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/bekker188/status/671395573245825025> (дата обращения: 10.03.2017).
9. Нефть России: информационно аналитический портал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oilru.com/news/490446/> (дата обращения: 10.03.2017).
10. Норман Б. Ю. Язык: знакомый незнакомец. – Минск: Вышэйша школа, 1987. – 221 с.
11. ОЛИГАРХ.NET: Информационно-аналитическое интернет-издание [Электронный ресурс]. URL: <http://oligarh.net/?/themeofday/44058/> (дата обращения: 10.03.2017).
12. Политическое обозрение [Электронный ресурс]. URL: <http://politobzor.net/72659-kak-don-erdogan-stal-erdogan-don.html> (дата обращения: 10.03.2017).
13. Сковородников А. П. О понятии и термине «языковая игра» // Филологические науки. – 2004. – № 2. – С. 79-87.
14. УКРОПИЯ: Открытая группа [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-72318886?offset=8900&own=1&z=photo72318886_354626378%2Falbum-72318886_00%2Frev (дата обращения: 10.03.2017).
15. Экономическое обозрение [Электронный ресурс]. URL: <http://finobzor.ru/show-6790-prostitutriya-greciya-i-rossiya-ostavyat-bosfor-i-dardanelly-bez-raboty.html> (дата обращения: 10.03.2017).
16. LiveInternet [Электронный ресурс]. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/zinur/post334689896/> (дата обращения: 10.03.2017).
17. QNA.CENTER [Электронный ресурс]. URL: <https://qna.center/question/681833?> (дата обращения: 10.03.2017).
18. 24Feed.ru: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.24feed.ru/2015/11/2357> (дата обращения: 10.03.2017).

EXPRESSIVE ONOMASTICON OF INFORMAL POLITICAL INTERNET-COMMUNICATION

Kallistratidis E.

The article regards some peculiarities of derivation and use of ludically marked onyms in the Russian texts covering political issues and manifesting informal internet-mediated communication. The revealed ludic transforms are the results of graphical, orthographic and derivational language game, that express dramatically negative evaluation and constitute political invectives being powerful source of expression. The special attention is given to their being regular in the internet-texts.

Keywords: expressive onyms, informal political communication.

УДК 811.161.2'42

АРГУМЕНТЫ В СТРУКТУРЕ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА

Марина Михальченко

кандидат филологических наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Донецк

e-mail: mykhalchenkomm@mail.ru

Рассмотрены основные особенности аргументации в рекламном тексте. Изучены элементы аргументации, выявлены их функции на текстовом уровне. Аргументация представлена как аксиологическая составляющая современной рекламы. Структура аргументации исследована в связи со структурой текста (рассмотрены основные композиционные модели рекламных текстов), отдельное внимание уделено имплицитной аргументации в современных рекламных текстах. Проанализирована роль аргументов в процессе убеждения, их влияние на принятие решения.

Ключевые слова: аргумент, аргументация, оценка, обоснование, рекламный текст, слоган, тезис.

Аргументация является важной составляющей языковой деятельности, поскольку этот процесс связан с познанием и осмыслением действительности. Как справедливо утверждает В. Карасик, общение является «не столько обменом смыслами, сколько установлением общего смыслового поля, важнейшими компонентами которого являются относительно стойкие ментальные образования, полученные в результате индивидуального взаимодействия человека с окружающей средой» [3, с. 14]. Таким образом, аргументация предстает одним из условий успешной коммуникации.

Изучение рекламных текстов как одного из видов аргументационного текста в современной науке является особо актуальным, поскольку именно рекламные тексты оказывают влияние на покупателя. Цель исследования – изучить функциональные особенности аргументации в рекламном тексте.

Аргументацию в рекламном тексте рассматривают как «особенный вид коммуникации, суть которого – в специфическом влиянии на сознание адресата с помощью языковых конструкций» [2, с. 125]. В отличие от классической аргументации, роль доводов в рекламном тексте состоит не только в убеждении адресата в истинности аргументов, а и во влиянии на его

сознание с помощью вербальных и невербальных средств. По мнению Н. Кутузой, в рекламе аргументация предстает как система убеждения реципиента, опирающаяся на основное преимущество рекламируемого товара, которая традиционно состоит из двух компонентов: 1) обоснование преимущества; 2) доказывание преимущества [4]. В этом проявляется аксиологическая специфика аргументации: демонстрируются позитивные качества товара, а все недостатки скрываются.

В структуре аргументационного текста традиционно выделяют такие единицы, как тезис, доказательства, то есть аргументы, антитезис. Во время аргументации определенного положения адресант осуществляет сложную логическую операцию, состоящую в изучении вопроса, подборе лингвистических и психологических приемов доказательства, использовании фоновых знаний и т.п.

Рекламный текст имеет четкую структуру и состоит из таких компонентов: заголовок, слоган, информационная часть (основной текст) и фраза-эхо. Не всегда в рекламном тексте присутствуют все эти структурные единицы. Заголовок и слоган располагаются, как правило, в начале текста, привлекая внимание и побуждая к прочтению текста. Слоган несет в себе основную суть сообщения, осуществляет психологическое влияние на читателя. Слоган может быть выражен риторическим вопросом, фразой, которую можно понять неоднозначно, или даже провокацией. Например: *«**Не знаете, что подарить партнерам или друзьям? Карта подписки на журнал Forbes**»*. Информативную часть содержит основной текст сообщения. Использование логических доводов в рекламном тексте не является обязательным. Рекламный текст может состоять из одного слогана, а аргументы будут завуалированы. Например: *«Заботится о твоей коже»*. Фраза-эхо – это особенная структурная единица в конструкции рекламного текста, закрепляющая в сознании читателя всю прочитанную информацию.

С. Волосождар выделяют такие композиционные модели рекламных текстов: описание-повествование, сравнение, текст-инструкция, перечисление, диалог, тест. Рассмотрим некоторые из них. В описании-повествовании аргументация имплицитна. Например: *«Свидание – это особенное событие в жизни каждой девушки, и в этот вечер каждая деталь должна быть безупречной! Wella – салонный бренд №1 в Европе»*. Сравнивают товар в рекламном тексте либо с другими товарами данной группы (как правило, обращаясь к обобщению), либо с этим же товаром (демонстрируя позитивные изменения): *«Тушь для объема Clump Defy. В 3 раза больше объема без комочков. Я играю, чтобы победить»*. В инструкции реализуется стремление убедить без особенных призывов и побуждений, но с предоставлением максимального количества необходимой информации о продукте и его использовании: *«Мультиварка Редмонд. Идеальна для легкого приготовления – просто положите ингредиенты и выберите программу, не нужно постоянно помешивать и следить за временем приготовления»*. Такие рекламные тексты акцентируют внимание на удобном использовании

товара, содержат скрытую сравнительную оценку данного товара с другими. Диалог может иметь форму невербального контакта с адресатом, что является довольно эффективным приемом. Например: *Тяжесть в ногах? Усталость и боль? Отеки? Это признаки варикоза! Легкость ваших ног без боли и отеков. Лечит варикоз, предотвращает тромбоз. Лиотон – ног здоровье и краса.*

Аргументация в рекламном тексте призвана оказать влияние на принятие решений в ответ на информацию о товаре. Аргументы выполняют ведущую роль в процессе убеждения, то есть делают возможным внедрение в сознание потребителя определенных критериев оценки различных товаров [6]. Аксиологический аспект аргументации очень важен для эффективности рекламного текста и требует дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Брутян Г. А. Аргументация / Г. А. Брутян. – Ер. : Изд-во АН АрмССР, 1984. – 105 с.
2. Волосяжар С. М. Аргументація в рекламному тексті / С. М. Волосяжар // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – Серія : Соціальні комунікації. Вип. 2. – 2010. – С. 98-101.
3. Карасик В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2007. – 520 с.
4. Кутуза Н. Логіко-психологічна аргументація в рекламному тексті / Н. Кутуза // Стиль і текст. – 2006. – №7. – С. 247-253.
5. Уэстон Э. Аргументация : 10 уроков для начинающих авторов / Э. Уэстон; Пер. с англ. А.Станиславского. – М. : Флинта. Наука, 2005. – 96 с.
6. Фаян Н. Ю. Многомерность аргументации: проекция на лингвистическую область / Н. Ю. Фаян. – Краснодар, 2000. – 234 с.
7. Филиппов К. А. Лингвистика текста : Курс лекций, второе издание, испр. и доп. / К. А. Филиппов. – Спб: Издательство С.-П. университета, 2007. – 331 с.

ARGUMENTS IN THE ADVERTISING TEXT STRUCTURE

Mihalchenko M.

The main features of the argumentation in the ad copy are considered. Elements of argumentation have been studied, their functions have been revealed at the textual level. Argumentation is presented as an axiological component of modern advertising. The structure of the argumentation is considered in connection with the structure of the text (the main compositional models of advertising texts have been described), special attention is paid to implicit reasoning in modern advertising texts. The role of arguments in the process of persuasion of the recipient and their influence on decision-making. Describes the main features of the argumentation in the ad copy. Studied elements of reasoning have been analyzed.

Keywords: argument, argumentation, evaluation, justification, advertising text, slogan, thesis.

СТРУКТУРА КОНЦЕПТУ «ГНІЗДО» В УКРАЇНСЬКІЙ ЛІНГВОКУЛЬТУРІ

Анастасія Зеніна

*кандидат філологічних наук, ст. викладач
ДООУ ВПО «Донецький національний університет»
Донецьк
e-mail: anvz@mail.ru*

Стаття посвящена изучению структуры концепта «гнездо» в украинской лингвокультуре. Проанализированы взгляды языковедов на содержание понятия «концепт» и грани его пересечения с собственно понятием. Предложена схема их пересечения. Рассмотрена структура концепта «гнездо», состоящая из предметно-образного, понятийного и ценностного компонентов. Установлено, что ассоциации с концептами «дом», «семья», «аист» (укр. «лелека») являются самыми глубинными для украинской ментальности. Выделены ядро и периферия концепта. Прокомментированы возможные языковые реализации данного концепта.

Ключевые слова: концепт, концепт «гнездо», концептуальный смысл, структура концепта, ядро и периферия.

Будь-яка діяльність індивіда як представника певного етносоціуму нерозривно пов'язана і реалізується тільки у мові і крізь мову. Словом, усним чи письмовим, народ схильний виявляти свій духовний світ, прагнення і сподівання, свій біль. Таке взаємопроникнення мови і народу, адже саме він її витворив, формує концептуально-мовну картину світу (про умовність поділу цих двох картин див. [6, с. 11]). З-поміж усіх об'єктивних реалій, названих і осмислених у слові, виділяються мовні одиниці із вираженням культурним нашаруванням – концепти.

Оскільки центральною ланкою гуманітаристики загалом і антрополінгвістики як напрямку в сучасному мовознавстві є людина, актуалізації зазнає цілий ряд поняттєвих категорій. Так, переважно на матеріалі різносистемних мов (української, англійської, французької та ін.) проаналізовані концепти «чоловік» і «жінка» (О.С. Бондаренко), «страх» (О.О. Борисов, Ю.В. Яскевич), «інтимність» (І.В. Мигович), «мудрість» (О.Г. Тараненко). Частина концептів уже стала константами, такими, що існують постійно або принаймні довго [12, с. 76] (наприклад, концепт «життя» в українській фраземіці розглянула Ж.В. Краснобаєва-Чорна).

Особливе місце в слов'янській лінгвокультурі відведене концептам «сім'я» і «дім» (Т.О. Монахова, Т.В. Сорока), які забезпечують зв'язок поколінь, символізують родинне вогнище, незалежність, батьківщину. Те ж саме можна сказати про призначення української хати.

У структурі універсаму, яку пропонує В.В. Жайворонок [6, с. 14], людина закономірно посідає серединне місце і постає у чотирьох іпостасях, де соціальний аспект її життя має опертям родину. Подібні відносини,

засновані на любові і взаємній підтримці, зустрічаємо серед «братів наших менших» (первинно цей вислів знаходимо в Євангелії зі значенням «православні християни») – тварин, особливо птахів, які звикли жити парами (пор. *лебедина вірність*). Сімейне життя останніх, яке обов'язково передбачало виведення пташенят, починалося із зведення гнізда. На наше переконання, сукупність смислів цієї реалії тісно корелює з наповненням концепту «хата». Деякі з них перенесені на життєдіяльність людини.

У пропонованому дослідженні ставимо за **мету** розкрити зміст, з'ясувати структуру і мовну реалізацію концепту «гніздо» в українській лінгвокультурі.

Наріжним питанням студій із лінгвокультурології і когнітивної лінгвістики є визначення обсягу концепту. Звернення до перекладу цього терміна з латини відсилає нас до поняття. В математичній логіці концептом називають зміст поняття, його втілення «в найближчому значенні слова» [6, с. 10], коли в пам'яті відтворюється конкретний предмет (денотат) об'єктивної дійсності. З цього приводу Ю.С. Степанов пише: «Значення слова – це той предмет або ті предмети, до яких доречно застосовувати це слово відповідного до норм певної мови» [12, с. 44]. Концепт в культурі, на відміну від поняття, яке «мерехтить у його глибині» [3], наділений не лише змістом, а й культурним смислом. Співвідношення цих понять пропонуємо подати у вигляді схеми:

На думку Г. Фреге, «смысл – це шлях, яким люди приходять до імені» (за [12, с. 45]), тому концепт ніби ущільнює в собі весь досвід людства, усі культурні сугестії, асоціації, виражені в слові [6]. Суб'єктивність й індивідуальність концепту підкреслює М.Ф. Алефіренко, оскільки той формується «в мовленні, у просторі душі з її ритмами, енергією, жестикуляцією, інтонацією...» [1, с. 177]. Примітно, що саме після введення в науковий обіг терміна концепт слово почали розуміти двояко – крізь призму мови і мовлення.

На певному етапі культурна інформативність концепту починає домінувати над предметною власне лінгвістичною інформативністю, у результаті чого концепт обростає складною структурою. Як «багатомірне ментальне утворення» [3; 7, с. 91; 12, с. 41] концепт існує у трьох вимірах [7, с. 105-107]:

1) понятійний – мовна фіксація концепту, визначення, система ознак, дефініція;

2) предметно-образний – зорові, слухові, тактильні, смакові, нюхові характеристики предметів, явищ, подій, відбитих у пам'яті;

3) ціннісний – його психологічна важливість для індивідууму і колективу.

За Ю.С. Степановим, у структурі концепту протистоять понятійний і культурний компоненти, а саме «вихідна форма (етимологія), стиснена до основних ознак змістова історія, сучасні асоціації, оцінки» [12, с. 43]. У типології В.І. Карасика (див. вище) культурному компоненту відповідає ціннісний бік концепту. С.Г. Воркачов називає цей визначальний для виділення концепту складник асоціативним, що існує у формі «образно-метафоричних конотацій або прецедентних зв'язків» [3]. За подібним принципом проаналізуємо структуру концепту «гніздо» в контексті української лінгвокультури.

І. Понятійний вимір. В академічному виданні «Словник української мови в 10 т.» наведено шість концептуальних значень. Відповідні іменникові репрезентанти умовно можна поділити на чотири групи [11, с. 95]:

1) влаштоване місце для зимівлі, кладки яєць, виведення малят (у птахів та інших живих істот);

2) сема «влаштованість, пристосованість» входить до обсягу другого переносного значення і його імені – оселя (дім, домашнє вогнище) → сім'я, рід;

3) група рослин, що ростуть укупі – таку рослину називають гніздівкою, а в народі «приворотнем, миколайчиками», яка за формою коріння нагадує пташине гніздо [4, с. 538];

4) п'яте і шосте значення використовуються у спеціальних галузях (зокрема, сільському господарстві, військовій справі), коли мова йде про занурення чого-небудь в отвір, заглиблення.

Виділені фрагменти дефініцій становлять ядро концепту «гніздо».

Формальний бік концепту як мовного знаку характеризує, за визначенням В.І. Карасика, «номінативна щільність» – наявність одно- чи різнорівневих засобів його реалізації, що вказує на важливість цього концепту для лінгвокультурного соціуму [7, с. 139].

Так, на рівні з лексемою *гніздо* цей концепт реалізується в зменшено-пестливій формі *гніздечко*, рідше *гніздище*, дієслові *гніздитися* і похідному від нього *гніздування* [11, с. 95], *гніздівка* (час звивання гнізда) [4, с. 538]. Синонімами до нього виступають мовні одиниці *кубло / кубельце / кубелечко*, де останні два емоційно забарвлені [14, с. 326].

Культурно-історичним смислом маркована лексема *гніздюк* (часто *гніздюки*, або *сидні*). Академічний словник фіксує її з приміткою «зневажливе» [11, с. 95], оскільки так називали козаків, які вирішили осісти, завести власне господарство, тобто вже не воювати. В.В. Жайворонок дещо уточнює цю реалію: «Пізніше вони (гніздюки) звалися паланковими козаками» [5, с. 138], де паланка – укріплене або обнесене огорожею з колод місце, адміністративно-територіальна одиниця у період існування Нової Січі

(1734-75 pp.). На території м. Донецька також існувала Кальміуська паланка Українського козацтва, якій у 2005 році виповнилося 500 років.

Феномен «родового гнізда» (хутір на Глухівщині, Сумська область), став тим особливим середовищем, що дозволило зберегти національну ідентичність представникам старшинської родини Дорошенків у період асиміляційного тиску влади протягом ХІХ – початку ХХ ст. [10, с. 45-50].

II. Предметно-образний вимір. Пташине гніздо (перше значення) має форму напівсфери. Його шорстку поверхню складають елементи природного матеріалу: листя, сухі трав'янисті стебельця або свіжі тонкі прутики верби, скріплені землею і глиною в перемішку із рослинними залишками. Стосовно до конкретних предметів В.І. Карасик актуалізує так звані семантичні прототипи – прототипні образи, ситуації, що доповнюють предметно-образний бік концепту. Тому наразі концепт можна помислити як «згусток життєвого досвіду, зафіксований у пам'яті людини» [7, с. 106].

Гніздо асоціюється із теплотою, гармонією подружжя – чоловічого і жіночого начал. Саме через це затишним гніздом, або гніздечком, називають дім, осердя злагоди, любові, щастя, добра, де пахне молоком, чути дитячий сміх, кожний почуває себе захищено і впевнено (друге і третє значення).

Концепт «гніздо» найперше відсилає до концепту-прообразу «дім», що є «одним із найголовніших для всього людства й для української ментальності зокрема» (докладніше див. [9]). На території сучасної України гніздяться різні птахи – сороки, горлиці, ластівки та ін., але другою ланкою для його розуміння постає смисл саме концепту «лелека». Лелеки, «божі птахи», як відомо, не літають окремо. Відшукавши собі пару, разом майструють гніздо, годують пташенят. Тому іменами концепту постають номени для розрізнення особин за статтю і їхнього потомства: *лелека, лелечиха / лелечка / лелька, лелек, лелеча / лелеченя* [2, с. 14; 5, с. 331-332].

III. Ціннісний вимір.

А. Народні вірування (прикмети). Із сезонними біоритмами гніздових птахів людина пов'язувала зміну погоди: *Лунь в'є гніздо в степу – літо буде дощове, на болоті – сухе* [8, с. 849]. Деякі прикмети прив'язувалися до конкретних дат. 1 жовтня називали часом журавлиного лету – *полетять у вирій журавлі, гуси – через два тижні, на Покрову, неодмінно приморозить. Якщо ж вони не поспішають залишити гнізда, жоден мороз не вдарить раніше Артемового дня, зима буде м'якою і короткою* [8, с. 953]. На Благовіщення (7 квітня) *зозуля гнізда собі не мостить / про те зозуля кує, що свого гнізда не має* [8, с. 830], тому в цей день не грали весіль, бо життя буде несолодким або завершиться розлученням.

За життям лелек народ спостерігав особливо пильно. Чорногузи символізували прихід весни і водночас настання осені: *Лелеко, лелеко, чи до осені далеко? Щастя людини та її добробут також залежало від лелек: Де лелека водиться, там щастя родиться; Коли зруйнувати лелечине гніздо, то лелека запалить ту хату, де було гніздо* [5, с. 331-332].

Б. Народні паремії (прислів'я, приказки). На цьому рівні домінує друге й третє значення концепту «гніздо» – дім, оселю, місце, куди повертається людина після дорослішання, на схилі літ. Свій дім завжди найкращий і наймиліший, його треба оберігати від злих людей, не виносити родинні чвари за його межі: *Всяка пташка своє гніздо знає / Кожна пташка своє гніздо хвалить / Добра пташка своє гніздо не каляє / Своє гніздо найтепліше / Свого гнізда не цурайся* [8].

В. Фразеологічні одиниці. Концепт «гніздо» однаковою мірою відбитий у фразеологізмах як із позитивною, так і негативною семантикою. Фраземи *тепленьке гніздечко, звити гніздо* (у першому значенні) означають затишне, упорядковане, приємне для перебування житло або влаштування такого житла з метою завести родину [14, с. 175, 326].

Фразеологізм *звити гніздо* у третьому й четвертому значенні є пейоративним: утвердитися, мати місце (про негативні почуття), наприклад *невірні гнізда, гнобительські гнізда*; укорінитися, зосередитися де-небудь – *позивати гнізда*. Низку варіацій має фразеологізм *осине (осяче) гніздо* → *вовче гніздо* із навантаженням «місце зосередження, притулок антигромадських або аморальних злочинних елементів» [14, с. 175]. В іншому лексикографічному виданні нами помічена нова семантика атрибутивної присвійності – *іродове гніздо* [13, с. 31]. Тяжє до негативної конотації одиниця *одного гніздечка птиці*. Нейтральну семантику передає фразеологізм *насиджене гніздо*. Предметно-образний і ціннісний виміри прийнято вважати периферією периферією концепту.

Отже, концепт «гніздо» реалізований у трьох структурно-семантичних вимірах. Крім понятійного ядра, він складається з предметно-образного і ціннісного компонентів, які визначають домінуючий культурний смисл цього утворення. Саме тут унаочнюються мовні вияви концепту, виразники емоцій, симпатій і антипатій народу. Перспективу подальших студій вбачаємо в проведенні вільного асоціативного експерименту, що дозволить змодельовати асоціативне поле концепту «гніздо».

Список літератури

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Флинта, 2010. – 282 с.
2. Вільчинська Т. П. Концепт «лелека» в українській етнонаціональній картині світу / Т. П. Вільчинська // Науковий часопис НПУ імені М. П. Драгоманова. Серія 10 : Проблеми граматики і лексикології української мови. – 2014. – Вип. 11. – С. 13 – 17.
3. Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. – М., 2003 – С. 5–12. [Електронний ресурс] / С. Г. Воркачев. - Режим доступу: <http://lincon.narod.ru/umbrella.htm/>.
4. Етимологічний словник української мови: В 7 т. / Редкол. О. С. Мельничук та ін. – К. : Наук. думка, 1982. Т. 1: А – Г / Укл.: Р. В. Болдирев та ін. – 1982. – 632 с.
5. Жайворонок В. В. Знаки української етнокультури : словник-довідник / В. В. Жайворонок. – К. : Довіра, 2006. – 703 с.
6. Жайворонок В. В. Українська етнолінгвістика: нариси / В. В. Жайворонок. – К. : Довіра, 2007. – 262 с.

7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
8. Міщенко Н. Слово батьків – з усіх віків / Н. Міщенко, М. Міщенко. – К. : Богдана, 1998. – 1136 с.
9. Монахова Т. О. Лінгвальна реалізація концепту «дім» в ідіолекті Валерія Шевчука / Т. О. Монахова // Лексикографічний бюлетень. – 2007. – № 15. – С. 51 – 58.
10. Руденко А. С. «Родове гніздо» як фактор збереження сімейних традицій (до історії роду Дорошенків) / А. С. Руденко // Культурологічний вісник. – 2013. – Вип. 31. – С. 45 – 50.
11. Словник української мови : В 10 т. Т. 2 : Г – Ж / Редкол.: І. К. Білодід (голова) та ін. – К. : Наук. думка, 1971. – 550 с.
12. Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
13. Ужченко В. Д. Фразеологічний словник української мови / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко. – К. : Освіта, 1998. – 224 с.
14. Фразеологічний словник української мови. Кн. 1. – К. : Наук. думка, 528 с. Фразеологічний словник української мови : В 2 кн. Кн. 1 : [А –Налити] / Уклад. В. М. Білоноженко, В. О. Винник, І. С. Гнатюк та ін. – К. : Наук. думка, 1999. – 528 с.

THE «NEST» CONCEPT STRUCTURE IN THE UKRAINIAN LINGVOCULTURE

Zenina A.

The article is devoted to the study of the structure of the concept of «nest» in Ukrainian linguoculture. The views of linguists on the content of the «concept» and the boundaries of its intersection with the conception are analyzed. A scheme for their intersection is proposed. The structure of the concept is considered as a nest, consisting of subject-shaped, conceptual and cost components. It is established that associations with the concepts of «house», «family», «stork» (Ukr. «leleka») are the deepest for the Ukrainian mentality. The core and periphery of the conception are given. Possible language implementations of this conception are commented on.

Keywords: concept, concept of «nest», conceptual meaning, concept structure, core and periphery.

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

УДК 81'42

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ В СТРУКТУРЕ КРЕАТИВНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Людмила Буянова

*доктор филологических наук, профессор
Кубанский государственный университет*

Краснодар, Россия

e-mail: lub_prof@mail.ru

В статье рассматривается роль и параметральность важнейшего элемента художественного текста – художественного образа, выступающего культурной доминантой; выделяется креативная картина мира писателя как отражательно-репрезентативный феномен. Художественный текст интерпретируется как артефакт Культуры и как уникальная модель мира, сформированная на основе авторской когниции и индивидуально-личностного опыта. Показано, что важнейшими релевантными свойствами художественного текста выступают идеальность, эстетичность, креативность, субъективность, культурогенность и когнитивность.

Ключевые слова. Креативная картина мира, художественный образ, культура, семиотика, языковое мышление.

Исследование специфики художественного текста как отражательно-репрезентативного феномена авторского мировидения и системы его духовно-нравственных ценностей, как уникального артефакта Культуры до настоящего времени остаётся актуальной и современной проблемой отечественной и зарубежной филологии. Несмотря на неослабевающий интерес лингвистов к когнитивно-семиотической и ментально-дескриптивной специфике художественного текста [2; 4; 6; 7; 8; 9; 10 и др.], полного решения многих задач по его параметрированию добиться пока не удаётся. В связи с этим одной из центральных задач и целью данной статьи является анализ роли и структуры художественного образа в культурном пространстве специфической картины мира автора – креативной, формируемой на основе культурного кода [см.5].

Художественный текст являет собой уникальную модель мира, которая запечатлена и специфически эксплицирована в языковом сознании автора. Характеризуясь рядом релевантных свойств, важнейшими из которых выступают идеальность, эстетичность, креативность, субъективность, культурогенность и когнитивность, художественный текст воплощает в своём семиотико-символьном пространстве результаты когнитивного освоения действительности и жизненного опыта и кредо художника слова. Таким образом, понятия текста, картины мира и культуры являются взаимодополняющими и взаимообуславливающими. Картина мира, по-

разному представленная в художественных текстах различных писателей, создаётся в результате ряда сложных ментально-знаковых процессов: 1) категоризации, экспликации, опредмечивания, объективирования и осмысления идей, ассоциаций и образов мира, лежащих в основе ментальной деятельности человека; 2) концептуализации, семиотизации, семантико-смысловой деривации, создания новых образов и моделей мира в ходе специальной рефлексии, носящей систематический характер.

Культурно-когнитивной доминантой художественного текста как особой – креативной – картины мира выступает художественный образ, созданный на основе входящего в языковое сознание автора культурного кода, семиотическим воплощением которого является национальный язык.

Г.П. Щедровицкий, исследуя специфику феномена мышления и различных аспектов языкового мышления, считает, что без языка и вне языка мышления не существует. Учёный констатирует, что мышление реализуется в двух формах: 1) как **образ** определенных объектов, их изображение или отображение, т.е. как фиксированное **знание**, и 2) как **процесс** или **деятельность**, посредством которой этот образ создаётся, формируется. Г.П. Щедровицкий резюмирует, что мышление выступает и как *знание*, и как *познание*, и изучать его следует в обеих формах проявления [12] (выделено нами. – Л.Б.). Художественное сознание, отражённое в тексте, представляет собой специфическую форму познания и моделирования мира, а его характерной чертой выступает образность. С лингвистической точки зрения, образ формируется с опорой на внутреннюю форму, в которой заложена мотивация и причина выбора именно той или иной номинации для характеристики какого-либо явления действительности. Связь содержания и формы в художественном тексте осуществляется с помощью образа.

Д.С. Лихачёв отмечает, что «мир художественного произведения отражает действительность одновременно косвенно и прямо: косвенно – через видение художника, через его художественные представления, и прямо, непосредственно в тех случаях, когда художник бессознательно, не придавая этому художественного значения, переносит в создаваемый им мир явления действительности или представления и понятия своей эпохи. ... В мире литературного произведения нет многого из того, что есть в реальном мире. Этот мир по-своему ограниченный. Литература берет только некоторые явления реальности и затем их условно сокращает или расширяет, делает их более красочными или более блеклыми, стилистически их организует, но при этом создает собственную систему, систему внутренне замкнутую и обладающую собственными закономерностями» [Цит. по: 3, 78-79].

В художественном тексте объективация авторского мышления осуществляется в форме образов как квантов субъективных воспоминаний, квантов субъективного опыта, преобразованного посредством знаков языка в знание, например: «*Солнце палило недожатые полосы, как полуобритые арестантские затылки*» [11, с. 27]. В этом сравнительном конструкте ассоциативный «ключ» соединяет объективное знание писателя о

недожатых полосах с художественным образом *полуобритого затылка арестанта*, а художественно-изобразительной доминантой в этой виртуальной картинке выступает образ *палящего солнца*. В данном фрагменте *солнце* выступает как символ свободы и жизни, а *арестант* актуализирует идею несвободы, неволи, насилия, подавления. Определители-квалификаторы *недожатые* и *полуобритые*, созданные по единой семантико-деривационной модели, выражают идею неполноты признака как символа всего временного, преходящего в жизни человека, в отличие от Вечности мира и вселенной, что символизирует собой образ *палящего солнца*. Нет сомнений, что в этом сравнении репрезентируются личностные смыслы языкового мышления автора, неповторимая уникальность комбинаторики языковых средств, ассоциаций и образов, что отражает индивидуальную особенность модели авторского мировосприятия и образную структуризацию жизненной картины мира писателя. Стилистико-смысловая аура и значимость слова в креативной картине мира писателя имеют культурное обоснование; художественный образ существует в культурном пространстве «своего» текста, включаясь в структуру образной модели всего художественного произведения. В культурном пространстве художественного текста художественные образы часто связываются с архетипическими структурами сознания.

В создании креативного образа большую роль играет художественная деталь. Например, **руки** и их соприкосновение выступают художественными маркерами сложного образа любви: *«Снова в разгаре какой-нибудь работы их руки сближались и оставались одна в другой, поднятую для переноски тяжесть опускали на пол, не донеся до цели, и приступ туманящей непобедимой нежности обезоруживал их»* [11, с. 54]; или: *«Он вспомнил большие белые руки Лары, круглые, щедрые и, ухватившись за ветки, притянул дерево к себе. Слово сознательным ответным движением рябина осыпала его снегом с ног до головы»* [11, с. 71] (выделено нами. – Л.Б.).

Художественный образ всегда представляет собой культурную доминанту. М.М. Бахтин отмечает: «Единичное конкретное высказывание всегда дано в ценностно-смысловом культурном контексте – в научном, художественном, политическом и ином, – или в контексте единичной лично-жизненной ситуации; только в этих контекстах отдельное высказывание живо и осмысленно: оно истинно или ложно, красиво или безобразно, искренне или лукаво, откровенно, цинично, авторитетно и проч., – нейтральных высказываний нет и быть не может» [1, с. 44].

Итак, в качестве вывода следует отметить, что художественный образ, изоморфный образной архитектонике всего текста, является культурно отмеченным знаком креативности авторского языкового мышления и создаваемой им креативной картины мира. Исследование художественного образа как когнитивно-креативного феномена является перспективной и актуальной лингвистической задачей, так как именно он представляет собой

уникальное средство объективации собственных представлений автора о действительности и способом авторской саморепрезентации.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творении / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 6-71.
2. Буянова Л. Ю., Щибря О. Ю. Художественный текст как уникальная модель ментального мира / Л.Ю. Буянова, О.Ю. Щибря // Культурная жизнь Юга России. – 2015. – №2 (57). – С.70-74.
3. Виноградов В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1971. – 240 с.
4. Илюхина Н. А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации / Н. А. Илюхина. – М.: Флинта; Наука, 2010. – 320 с.
5. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры / М. Л. Ковшова. – М.: URSS, 2012. – 456 с.
6. Минералова И. Г. Анализ художественного произведения: стиль и внутренняя форма / И. Г. Минералова. – М.: Флинта; Наука, 2011. – 256 с.
7. Михайлов Н. Н. Теория художественного текста / Н. Н. Михайлов. – М.: Академия, 2006. – 223 с.
8. Новиков Л. А. Развитие словесного образа в художественном тексте/Л. А. Новиков // Новиков Л. А. Избранные труды. – Т.2. Эстетические аспекты языка. – Miscellanea. – М., 2001. – С. 166-176.
9. Озерова Е. Г. Дискурсивное пространство русского лирикопрозаического текста: дис. ... д-ра филол. наук / Е. Г. Озерова. – Белгород, 2012. – 403 с.
10. Павлючко И. П. Эмотивный аспект языковой личности автора художественного текста / И. П. Павлючко// Языковая личность: проблемы обозначения и понимания: тез. докл. – Волгоград: Перемена, 1997. – С. 101-107.
11. Пастернак Б. Л. Доктор Живаго// Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений / Б. Л. Пастернак: в 11 т. – Т.4. – М.: Слово/Slovo, 2004. – 760с.
12. Щедровицкий Г. П. «Языковое мышление» и его анализ / Г. П. Щедровицкий//Вопросы языкознания. – 1957. №1.

ART IMAGE IN THE STRUCTURE OF THE CREATIVE PICTURE OF THE WORLD

Buyanova L.

The article considers the role and the features of the image as the most important essence of a fictional text and as the dominant of Culture. The creative world picture of a writer is distinguished and defined as a representative phenomenon and as a code of culture. The fictional text is interpreted as an artifact of Culture and a unique model of the world, based on the author's cognition and individual personal experience. It is shown that ideality, aesthetics, creativity, subjectivity and cognition are the most important relevant properties of a fictional text.

Keywords: creative picture of the world, image, culture, semiotics, language cognition.

**СОДЕРЖАНИЕ КУЛЬТУРНОГО ЗНАКА «ОБЕД» В
ПРОИЗВЕДЕНИИ В. Ф. ОДОЕВСКОГО «КУХНЯ: ЛЕКЦИИ
ГОСПОДИНА ПУФА, ДОКТОРА ЭНЦИКЛОПЕДИИ И ДРУГИХ НАУК
О КУХОННОМ ИСКУССТВЕ»**

Надежда Вольская

кандидат филологических наук, доцент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Москва, Россия

e: mail:navolskaya@yandex.ru

В работе рассматривается культурный знак «обед» в произведении В.Ф.Одоевского «Кухня: Лекции господина Пуфа, доктора энциклопедии и других наук о кухонном искусстве», а также формирование его содержания. Реалии, получившие культурный смысл, становятся культурными знаками и могут использоваться в определенной ситуации именно в их вторичном качестве. Культурные знаки могут иметь различную материальную природу. Культурные знаки организуются в коды культуры по тематическому признаку, например, «еда» - гастрономический код. Характеристики человека по отношению к еде, к питанию, выбор продуктов питания, способы их приготовления, стратегии питания, пищевые обычаи и т.п. нашли свое описание в сочинении В.Ф.Одоевского «Кухня: Лекции господина Пуфа, доктора энциклопедии и других наук о кухонном искусстве».

Ключевые слова: культура, культурный знак, культурный код, гастрономический дискурс, Одоевский.

Культура - «пространство культурных смыслов, или ценностного содержания, вырабатываемого человеком в процессе миропонимания, и кодов - вторичных знаковых систем, в которых используются разные материальные и формальные средства для означивания культурных смыслов. Разными способами кодируемое ценностное содержание, вырабатываемое в культуре, образует систему кодов культуры и составляет в целом картину мира, которая раскрывает мировоззрение того или иного социума» [3, с. 170]. В этнолингвистике понятие «код культуры» трактуется как «орудие для выражения смыслов, имеющих разные формальные “обличья”» (1, с. 341). Центральное место принадлежит заключенной в кодах культуры информации о мире, которая имеет лингвокультурную маркированность. Ее содержание определяется субъективно-наивным мировосприятием носителя традиции, имеющим этническую, социальную, культурную основу. Широкое распространение в современной лингвистике получило предложенное В.В.Красных понятие культурного кода «как “сетки”, которую культура набрасывает на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [4, с. 232]. Гастрономический код культуры относится к концептуальным кодам «на основании смысловой общности элементов

(концептов, идей, мотивов), которые могут соотноситься с разными материальными воплощениями смысла» [1, с. 340]. Концептуальная классификация позволяет описать концептуализированные области универсальных и наиболее значимых культурных смыслов. Знаки разной природы (не только вербальной) в их культурной функции воспринимаются и используются человеком и образуют систему кодов культуры. Взгляд на реалии различной природы как на культурные знаки создается в процессе миропознания. «Мир становится вторичным, т.к. он освобождается от своей физической, материальной природы, чтобы обрести в представлении человека иную, социальную (моральную) или духовную (нравственную) мотивацию» [3, с. 173]. Реалии, получившие культурный смысл, становятся культурными знаками и могут использоваться в определенной ситуации именно в их вторичном качестве. Культурные знаки могут иметь различную материальную природу: явление природы, ритуал, действие, артефакт, музыка, явление, кулинарное блюдо. Тот или иной тематический код культуры образуют реалии, тексты, действия, объединенные одной темой. В сознании человека данные культурные знаки существуют отраженно, в виде знаний, представлений, ассоциаций и т.д. Культурные знаки организуются в коды культуры по тематическому признаку, например, «еда» - гастрономический код. «По содержанию эти знаки представляют собой реалии мира, переосмысленные в эстетических и этических категориях, ставшие носителями культурных идей и тем самым составляющие культурное пространство» [3, с. 174].

Гастрономический код имеет немаловажное значение в мировой культуре, что подтверждается фактами истории, религии, философии, фольклора, изобразительного и прикладного искусства, литературы. Лексемы, имеющие сему «еда», играют большую роль в лексическом корпусе русского языка и тем самым участвуют в создании определенной картины мира. Характеристики человека по отношению к еде, к питанию, выбор продуктов питания, способы их приготовления, стратегии питания, пищевые обычаи и т.п. нашли свое описание в сочинении В.Ф.Одоевского «Кухня: Лекции господина Пуфа, доктора энциклопедии и других наук о кухонном искусстве».

Попробуем проанализировать содержание реалии «обед», получившей культурное переосмысление, т.е. культурного знака, в сочинении В. Ф. Одоевского «Кухня: Лекции господина Пуфа, доктора энциклопедии и других наук о кухонном искусстве». «Обед», -а ; м. 1. Основной прием пищи, еда (обычно в середине дня). *Пригласить на обед. Много съел за обедом. Обед в ресторане. Званный, торжественный обед (с присутствием гостей, приглашенных. Дать обед в честь высокого гостя (официальный обед).* 2. Пища. Кушанья, приготовленные для такого приема еды. *Вкусный обед. Плотный, сытный обед. Домашний обед. Приготовить, сварить обед. Подать обед на стол. Обед из трех блюд. Отпуск обедов на дом. Остаться без обеда. Что у вас сегодня на обед?* 3. Разг. Перерыв в работе в середине

дня. В обед собрались за столом. К обеду начался дождь. С обеда все куда-то заспешили. 4. Разг. Перерыв в работе в середине дня. Закрывать магазин на обед. Работает без обеда. Его нет еще, задержался на обеде. Будет после обеда. На табличке надпись «Обед». [2, с.664.] В произведении В. Ф. Одоевского нашли воплощение культурные идеи с их ценным содержанием в образах обеда; составляющих его блюд; способов их приготовления; посуды, в которой были приготовлены блюда; ритуалов принятия пищи; в образах гастрономов, кухарок, поваров, а также исторических лиц: Бонапарта, Карема и др.; этикетных норм поведения. Содержание культурного знака «обед» реализуется в вербальном коде культуры, в частности, в определениях: «хороший», «разнообразный», «вкусный», «роскошный», «дурной», «дурной», «плохой», «щеголеватый», «щегольской», «нелепый», «основательный», «ужасный», «варварский», «простой», «по-домашнему»: «Вот вам образчик довольно щеголеватого праздничного обеда, составленного по правилам и сообразно с тем, что можно иметь в настоящее время года»; «Простой обед у просвещенного богача»; «Щегольской обед из десяти блюд»; «Между тем, чтобы утишить справедливое негодование, возбужденное в вас ... рассказом о варварском обеде...»; «Однажды зазвал он меня к себе обедать, - так, говорит, по-домашнему, щей похлебать» и др. Язык является средством выражения культурных смыслов, способствует сохранению и трансляции «общего запаса культурных ценностей, иначе говоря, инвентаря культуры» [5, с. 85].

В произведении В. Ф. Одоевского гастрономический дискурс на тему обеда реализует следующие коммуникативные функции: 1) денотативную, связанную с закреплением в сознании читателей образа еды, ее качества, места, способов ее приготовления, а также субъектов действий, связанных с покупкой, выбором, обработкой, приготовлением и потреблением еды; 2) инструктивную, описывающую алгоритм приготовления пищи; 3) квалификативно-оценочную, отражающую отношение к процессу приготовления, потребления пищи и формирующую культурные доминанты.

Список литературы

1. Березович Е.Л. «Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. – М.: Индрик, 2007. – 600 с.
2. Большой толковый словарь русского языка, С.-Петербург, «Норинт» 2000. - с.664.
3. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 454 с.
4. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
5. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М.: Прогресс «Универс», 1995. – 800с.

CONTENT OF THE CULTURAL SIGN «LUNCH» IN THE V. F. ODOYEVSKY'S WORK «KITCHEN: LECTURES BY MISTER PUFF, DOCTOR OF ENCYCLOPEDIA AND OTHER SCIENCES ON KITCHEN ART»

Volskaya N.

This paper considers the cultural sign «lunch» in the work of V. F. Odoevsky «Kitchen: lectures of Mr. Poof, doctors encyclopedias and other Sciences about kitchen art», as well as the formation of its contents. Realities, which received a cultural meaning, become cultural signs and can be used in a certain situation in their secondary as. Cultural signs can have a different material nature. Cultural signs are organized in codes of culture along thematic lines, for example, "food" gastronomic code. Characteristics of a person related to food, nutrition, food choices, cooking methods, nutrition strategies, food customs, etc. found its description in the work of V. F. Odoevsky "Kitchen: lectures of Mr Poof, doctors encyclopedias and other Sciences about kitchen art".

Key words: culture, cultural sign, a cultural code, a gastronomic discourse, Odoevski.

УДК 82.091

ПРИЕМ МЕТАМОРФОЗЫ В ПЕРВЫХ ГЛАВАХ РОМАНА И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»

Ирина Балашова

доктор филологических наук, доцент

Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: birin5@mail.ru

В статье рассмотрен прием метаморфозы как наиболее частый в творчестве А.С. Пушкина и воспринятый И.А. Гончаровым. Метаморфизм образов гостей Обломова обусловлен их жизненным кредо и поддержан «говорящими» фамилиями: Волков, Судьбинский, Пенкин. В романе «Обломов» виды метаморфозы разнообразны (зооморфная, некротичная, предметная, а в связи с главным персонажем – витальная, стадийная, обратная). Повторение этого приема в ряде произведений Гончарова выявляет особую роль метаморфизма в формировании индивидуальной мифологии писателя, что предполагает необходимость дальнейшего изучения темы.

Ключевые слова: ирония, традиция, метаморфизм, типологизация, индивидуальная мифология.

Развитие Гончаровым традиций русских романтиков, к образам которых он обращался неоднократно (1; 7; 8), было продолжено им при создании романа «Обломов». Особенно часто писатель, размышлявший о проблеме современного героя, привлекал сюжеты и образы Пушкина. В статье «Мильон терзаний» он сравнил достоинства пьесы «Горе от ума» с теми, которыми богаты произведения современных драматургу русских остроумцев. Критик писал о стиле Грибоедова-сатирика: «И это с такою художественною, объективною законченностью и определенностью, какая далась у нас только Пушкину и Гоголю». Для Гончарова значение пушкинской традиции неоспоримо, и он отметил: «Пушкин громаден, плодотворен, силен, богат. Он для русского искусства то же, что Ломоносов для русского просвещения вообще. Пушкин занял собою всю свою эпоху, сам создал другую, породил школы художников». Писатель отметил, что

«гениальные создания» Пушкина продолжают «служить образцами и источником искусству» (5; т. 8, с. 10, 7).

В новом романе о русском барине Гончаров был ироничен по отношению к герою и вторил в этом поэту. Ирония автора романа «Обломов» «снисходительная, добрая и мудрая» (6; с. 126). Выступая как критик, Гончаров писал о том же свойстве своего кумира: «Пушкин щадил Онегина, хотя касается легкой иронией его праздности и пустоты, но до мелочи и с удовольствием описывает модный костюм, безделки туалета, франтовство — и ту напущенную на себя небрежность и невнимание ни к чему, эту *fatuité* [самодовольство. – И.Б.], позированье, которым щеголяли дэнди» (5; т. 8, с. 27). Так и при детальном описании квартиры Обломова отмечено: в его комнате «бронза, фарфор» (5; т. 4. с. 9), в то время как у модного Онегина «фарфор и бронза на столе» (10; с. 16).

При создании образа своего героя, как это было свойственно писателю уже в его ранних повестях и очерках «Иван Савич Поджабрин», Гончаров обращался и к традиции Гоголя, первый том поэмы которого «Мертвые души» был опубликован в 1842 году. План романа об Обломове был готов у писателя в 1847–м, а главу «Сон Обломова» он издал в 1849 году. Те новые, в сравнении с пушкинскими, аспекты, которые актуализировал Гоголь, также отчетливы в первых главах нового романа. Обломов — барин, сибарит, добряк, а живет он в комнате, где стены и картины подернуты паутиной: «По стенам, около картин, лепилась в виде фестонов паутина, напитанная пылью; <...> всё запылилось, полиняло и вообще лишено было живых следов человеческого присутствия. На этажерках, правда, лежали две-три развернутые книги, валялась газета, на бюро стояла и чернильница с перьями; но страницы, на которых развернуты были книги, покрылись пылью и пожелтели; видно, что их бросили давно; номер газеты был прошлогодний, а из чернильницы, если обмакнуть в нее перо, вырвалась бы разве только с жужжаньем испуганная муха» (5; т. 4, с. 9–10). В этом описании прочитываются также аллюзии на «календарь осьмого года», единственный, в который «глядел» дядя Онегина, давивший «мух» (10; т. 5, с. 32).

Обломов мечтает об устройстве своего хозяйства, а между тем, диван у него поломан и никак не может быть починен. Он говорит слуге с укором: «Вот спинка-то у дивана до сих пор не починена; что б тебе призвать столяра да починить? Ведь ты же изломал...» (5; т. 4, с. 13) Не только Онегин и его родня, но и несостоятельные в своей хозяйственной никчемности Манилов и Плюшкин узнаются в этих характеристиках и деталях.

Убедительность новых сюжетных ситуаций и образа героя, создаваемого на основе объединения свойств нескольких известных персонажей, наделенных типическими чертами, обусловлена и мастерством Гончарова, и той особенностью его поэтики, которую он увидел в произведениях Пушкина-романтика. Находившийся в процессе становления романтической эстетики, Пушкин, склонный к юмору, иронии, сатире,

активно использовал метаморфозу. Она присутствует и в его рисунках. и в его словесных произведениях (4; 3). Поддержанная обращением к жанру сказки в 1830–1832 года, она получает воплощение в зрелой пушкинской прозе. Выразительны метаморфозы в «Сказке о царе Салтане...», где происходят превращения героя в комара, муху, шмеля, лебеди – в царевну, в сказке о мертвой царевне, ожившей и поднявшейся из гроба, в повести «Барышня-крестьянка», представая уже в ее названии, в повести «Пиковая дама» с явлениями умершей графини и превращением ее в карту (2).

В романе об Обломове метаморфоза связана со временем, которое меняет человека и мир вокруг него, она не только зооморфная и соматическая, но витальная, то есть обнаруживает жизненность и даже жизнеспособность или, наоборот, она некротичная и выявляет мертвенность, которая, как и жизненность, может быть физической или духовной. Использована и творческая энергия метаморфизма писателем, отсылающим начитанного современника к сюжетам Пушкина и Гоголя, герои которых узнаются в его Обломове. Типологическая их соотнесенность просматривается в деталях окружающей героя обстановки, в его поведении, привычках. Такова метаморфоза известных персонажей, и таково изменение каждого из них и всех их вместе в сюжете произведения, создаваемого в 1840–1850-х годах. И это уже метаморфоза в ее образно-художественном аспекте, когда типические герои видоизменяются в новом романе. Тот же прием в своей практике сатирика использовал позже Салтыков-Щедрин, как известно, не принявший произведения Гончарова, но также представивший известные фольклору и искусству образы узнаваемыми и творчески преображенными.

Ирония Гончарова тоже основана на сюжетах и образах как фольклорных, так и авторских метаморфоз и на принципе метаморфизма, предполагающего применение игровых приемов повествования и типологизации. Метаморфизм открывает новые возможности при художественном осмыслении изменений общества и личности. Новый герой обретает контуры, очертания и определенность в трансформациях традиционных образов, в их превращениях. И различные оттенки комического нередко выявляются в зависимости от основы метаморфозы: Онегин ли перед нами в его новой ипостаси, или это Манилов, или Плюшкин. Сама похожесть на кого-либо, уже наделенного юмористической или сатирической составляющей, каковой обладает, например, осел Апулея, сообщает тому, кто такую похожесть или личину собой являет, ироническую или сатирическую окраску, закрепленную за первоисточником.

Приглядимся к персонажам, которые разнообразят жизнь Обломова, возлегшего на постели. Их фамилии вызывают улыбку, как и мысли Обломова, общающегося с ними. И это не просто герои с «говорящими» фамилиями, как в драме А.С. Грибоедова. Они не столь типологичны, но они характерны, и типично именно их превращение в тот или иной вид определенной их общественной ролью однобокости и даже уродства, или,

точнее, смешного превращения в социальных одномерок, теряющих личностное своеобразие и глупых в этом их добровольном преображении не менее чем глуп осел Апулея и герой, добровольно принявший его облик.

Первым к Обломову является его приятель Волков, и представляет своим именовани^{ем}, поведением и жизненным кредо зооморфную метаморфозу. Он подвижен, многоглаголив, в его репликах предстает множество реалий того мира, от которого Обломов отгородился шторами. Волков восклицает: «Какой веселый дом! На какую ногу поставлен! А дача! Утонула в цветах! Галерею пристроили, gothique. Летом, говорят, будут танцы, живые картины. Вы *будете* бывать?»

– Нет, я думаю, не буду.

– Ах, какой дом! Нынешнюю зиму по средам меньше пятидесяти человек не бывало, а иногда набиралось до ста... <...>

Да мало ли домов! Теперь у всех дни: у Савиновых по четвергам обедают, у Маклашиных – пятницы, у Вязниковых – воскресенья, у князя Тюменева – среды. У меня все дни заняты! – с сияющими глазами заключил Волков.

– И вам не лень мыкаться изо дня в день?

– Вот, лень! Что за лень? Превесело! – беспечно говорил он. – Утро считаешь, надо быть *au courant* [в курсе – И.Б.] всего, знать новости. Слава Богу, у меня служба такая, что не нужно бывать в должности. Только два раза в неделю посижу да пообедаю у генерала, а потом поедешь с визитами, где давно не был; ну а там... новая актриса, то на русском, то на французском театре. Вот опера будет, я абонируюсь. А теперь влюблен... Начинается лето; Мише обещали отпуск; поедем к ним в деревню на месяц для разнообразия. Там охота. У них отличные соседи, дают *bals champêtres* [балы на воздухе. – И.Б.]. С Лидией будем в роще гулять, кататься в лодке, рвать цветы... Ах!.. – и он перевернулся от радости. – Однако пора... Прощайте, – говорил он, напрасно стараясь оглядеть себя спереди и сзади в запыленное зеркало. <...> – А новые *lacets*! [шнурки. – И.Б.] Видите, как отлично стягивает: не мучишься над пуговкой два часа; потянул снурочек – и готово. Это только что из Парижа. Хотите, привезу вам на пробу пару?

– Хорошо, привезите! – говорил Обломов.

– А посмотрите это: не правда ли, очень мило? – говорил он, отыскав в куче брелоков один, – визитная карточка с загнутым углом.

– Не разберу, что написано.

– *Pr. prince M. Michel*, – говорил Волков, – а фамилия Тюменев не уписалась; это он мне в Пасху подарил вместо яичка. Но прощайте, *au revoir*. Мне еще в десять мест. Боже мой, что это за веселье на свете!» (5; т. 4, с.20–21, 21–22, 22–23).

Попутно Волков то и дело пытается присесть, но везде пыль, и он на это, впрочем, как и на неприемлемую для него и непонятную ему неподвижность Обломова, не раз хозяину указывает. Волков бега^{ет} в поисках занятий, развлечений, карьеры, женитьбы. Он рыщет, как волк, и, как волк,

перебирает вкусные новинки, лакомые кусочки, которые находит на своем пути, все эти шнурки, визитные карточки, да и свои впечатления по поводу дачи, галереи, балов, обедов, театров, подарков и – в том же ряду – Лидии и прогулок с ней.

Автор романа об Обломове нередко использовал образ волка и сохранил его в своем творческом итинерарии. Сообщая в записи января 1853 года о воздействии ураганов, приходящих с разных сторон, Гончаров-путешественник использовал сравнение, выявляя фольклорную составляющую, в том числе, и образа волка. Он писал: «Это напоминает немного сказку об Иване-царевиче, в которой на перекрестке стоит столб с надписью: “Если поедешь направо, волки коня съедят, налево – самого съедят, а прямо – дороги нет”» (5; т. 2, с. 73).

В очерках «Слуги старого века» повествователь выслушивает рассказ Антона о загоне волков, видит в нем Илью Муромца, способного защитить хозяина и берет его на службу, предлагая ту же работу: «Какие здесь волки! – наивно заметил он и как будто хотел улыбнуться, но улыбки не вышло.

– Другой породы, – сказал я, – здешние волки забираются на чердаки, проникают в комоды, шкафы, в карманы...» (5; т.7, с. 338).

В романе «Обыкновенная история» вновь предстает метаморфоза, основанная на использовании образа волка. Дядя открывает глаза Александру, сравнившему поведение одного из своих знакомых с отношением лисицы к волку, и рассказывает о расположении к племяннику своей супруги: «...ты бы видел, что тут нет ни лисы, ни волка, а есть женщина, которая любит тебя, как родная сестра...» (5; т.1, с. 167).

В романе об Обломове волки видятся герою, ужаснувшемуся предложению переехать: «Это что за новости? На Выборгскую сторону! Да туда, говорят, зимой волки забегают» (5; т. 4, с. 48). А в своем безоблачном сне видит он «сторону», где «нет ни львов рыкающих, ни тигров ревущих, ни даже медведей и волков, потому что нет лесов. По полям и по деревне бродят только в обилии коровы жующие, овцы блеющие и куры кудахтающие». Эту идиллию мог бы разрушить овраг, куда не пускали Илюшу, но ужасы запретного для ребенка места только предположительны: «...в овраге предполагались и разбойники, и волки, и разные другие существа, которых или в том краю, или совсем на свете не было» (5; т. 4, с. 106, 111).

Многообразие обликов волка, связанного с соматической и зооморфной метаморфозой, предстает в романе «Обрыв». Свойственная Гончарову повторность приемов и образов, как и их многоаспектность, представшая в этом произведении, выявляют особенности индивидуальной творческой мифологии писателя. Волком называет Райский страсть, и слышит от сестры: «Никого не боюсь, – повторила она, – и этого вашего волка – страсти, тоже! Не страшайте напрасно...»

Вера говорит Марку о брате: «Вы не хотите оценить доброй услуги...
– Я ценю по-своему...

– Как волк оценил услугу журавля. Ну что бы сказать ему «спасибо» от души, просто, как он просто сделал? Прямой вы волк! – заключила она, замахнувшись ласково зонтиком на него. – Всё отрицать, порицать, коситься на всех...»

И позже она, удерживаемая Райским, уже уверена в этом метаморфичном определении Марка: «Что ты говоришь, Вера! – шептал он в ужасе, – ты не помнишь себя: куда ты?

– Туда... взглянуть один раз... на «волка»... проститься... услышать его... может быть... он уступит...» (5; т. 6, с. 63, 175, 257).

В ее сознании метаморфоза осуществилась: «Пойти самой, сказать ему, что он поступает «не честно и не логично»... Про великодушие нечего ему говорить: волки не знают его!..»

«Она представила себе, что должен еще перенести этот обожающий ее друг при свидании с героем волчьей ямы, творцом ее падения, разрушителем ее будущности! Какой силой воли и самообладания надо обязать его, чтобы встреча их на дне обрыва не была встречей волка с медведем?»

Райский поправляет размышляющую о силе страсти сестру: «У нас на севере нет тигров, Вера, и сравнение твое неверно, – сказал он. – Мое вернее: твой идол – волк!

– Bravo, да, да! – смеясь нервически перебила она, – настоящий волк! как ни корми, всё к лесу глядит!

И вдруг смолкла, как будто в отчаянии.

– Все вы звери, – прибавила потом со вздохом, – он – волк...

– Кто он? – тихо спросил Райский.

– Тушин – медведь, – продолжала она, не отвечая ему, – русский, честный, смысленный медведь...

«А! так это не Тушин!» – подумал Райский». (5; т. 6, с. 360–361, 230).

В авторском описании герой Веры вновь предстает преображенным: «Марк топал в ярости ногами, строил батареи из своих доктрин и авторитетов – и встречал недоступную стену. Он свирепел, скалил зубы, как «волк», но проводником ее отповедей служили бархатные глаза, каких он не видал никогда, и лба его касалась твердая, но нежная рука, и он, рыча про себя, ложился смиренно у ног ее, чуя победу и добычу впереди, хотя и далеко».

И вот развязка: «“Волком” звала она тебя в глаза “шутя”, – стучал молот дальше, – теперь, не шутя, заочно, к хищничеству волка – в памяти у ней останется ловкость лисы, злость на всё лающей собаки и не останется никакого следа – о человеке! Она вынесла из обрыва – одну казнь, одно неизлечимое терзание на всю жизнь: как могла она ослепнуть, не угадать тебя давно, увлечься, забыться!.. Торжествуй: она никогда не забудет тебя!» (5; т. 6, с. 317, 388).

Метаморфический потенциал образа волка, наделенного ироническим смыслом в книге «Фрегат Паллада», сохраняющего его в главе «Сон Обломова» и в романе «Обыкновенная история», выражен в драматическом и трагикомическом своем содержании при характеристике Райским страсти

Веры и при восприятии героиней своего увлечения Марком, самого Марка. Он предстал и при осознании Волоховым происшедшего, которое усилено и сохранением метаморфизма, и авторской оценкой.

Интересно, что иронический аспект метаморфизации в ее соматическом виде озвучен в диалоге Веры и Райского: «А я кто? – вдруг, немного развеселясь, спросил Райский.

Она близко и лукаво поглядела ему в глаза и медлила ответом.

– Вижу, хочется сказать «осел»: скажи, Вера, не церемонься!

– Вы? осел? – заговорила она язвительно, ходя медленно вокруг него и оглядывая его со всех сторон.

– Право, осел! – наивно подтвердил Райский, – вижу, как ты мудришь надо мной, терплю и хлопаю ушами.

– Какой вы осел! Вы – лиса, мягкая, хитрая: заманить в западню... тихо, умно, изящно... Вот я вас!..

Он молчал, не понимая ее.

– Да говорите же, что молчите! – дергая его за рукав, сказала она.

– Есть средство против этих волков.

– Какое?

– Мне – уехать, а тебе – не ходить вон туда... – Он показал на обрыв».
(5; т. 6, с. 130–131).

Возвращаясь к Волкову, герою романа «Обломов», отметим, что его преобразование, потерю облика человека увидел именно Илья Ильич. Он размышляет после ухода гостя: «В десять мест в один день – несчастный! – думал Обломов. – И это жизнь! – Он сильно пожал плечами. – Где же тут человек? На что он раздробляется и рассыпается?» И Обломов рад, «что ... он не мыкается, а лежит вот тут, сохраняя свое человеческое достоинство и свой покой» (5; т. 4, с.23).

Новый его гость Судьбинский, занятый только своей карьерой чиновник. И в такого же человека Обломов почти обратился в процессе разговора с ним. Упоминая об еще одном зооморфном герое, Судьбинский сообщил: «...Свинкин дело потерял. – В самом деле? Что ж директор? – спросил Обломов дрожащим голосом. Ему, по старой памяти, страшно стало». О новом госте как о представившем собою некротичную метаморфозу Илья Ильич думает: «Увяз, любезный друг, по уши увяз <...> И слеп, и глух, и нем для всего остального в мире». И вновь «он испытал чувство мирной радости, что он с девяти до трех, с восьми до девяти может пробыть у себя на диване, и гордился, что не надо идти с докладом, писать бумаг, что есть простор его чувствам, воображению» (5; т. 4, с. 24, 27).

Явившегося третьим журналиста Пенкина фамилия делает предметом, и его поведение, его слова и мнения сравнены с пеной, в которой нет содержания. И Обломов усугубляет эту объектную метаморфозу до некротичной, оспаривая восторги Пенкина по поводу физиологической литературы: «А жизни-то нет ни в чем <...>. Где же человечность-то? Вы

одной головой хотите писать! <...> Вы думаете, что для мысли не надо сердца? Нет, она оплодотворяется любовью».

И не случайно Пенкин отрицает поэзию Пушкина, говоря: «Что же, природу, прикажете изображать: розы, соловья или морозное утро? <...> Нам нужна одна только голая физиология общества; не до песен нам теперь...» И вновь вступает Илья Ильич: «Человека, человека дайте мне! – говорил Обломов, – любите его...». Его резюме вновь категорично: «...торговать умом и воображением, насиловать свою натуру <...> а он все пиши? <...> Несчастный!», и он вновь испытывает радость, что «не разбрасывается, не продает ничего...» (5; т. 4, с. 29, 30, 31).

Однако и сам Обломов как персонаж мифологии Гончарова накануне изменений. В сравнении с его гостями он, видящий их метаморфозы, вне уродливых преобразований. Но ему предстоит или встать с дивана и оказаться таким – вставшим, или слечь – навсегда. И следующий его посетитель не имеет даже точных имени и фамилии, он условно назван «Алексеев», он неопределенный, поддающийся влияниям, минутным настроениям и меняющимся обстоятельствам. И в этом он уже сравним с Обломовым и с сюжетом затянувшегося невставанья, полупросыпанья, поиска письма и прочих препятствий, мешающих Илье Ильичу превратиться во вставшего. И на фоне своих гостей неизменяемость Обломова, верность своему пространственному положению предстает в ироничном ее освещении как являющая одновременно и положительное, и отрицательное содержание.

Гончаров с наибольшей художественной выразительностью использует стадиальную метаморфозу при создании образа главного героя, сначала в главе «Сон Обломова», а затем в продолжении романа. И три этапа в жизни героя, возвращающегося в прежнее свое состояние, представляют его образ созданным с использованием также приема обратной метаморфозы. Эти наблюдения предполагают новое обращение к вопросу о метаморфозах в романе Гончарова «Обломов».

Список литературы

1. Балашова И.А. Образ рассказчика в повести И.А. Гончарова «Счастливая ошибка» // Русский язык за рубежом № 4. 2016. (Совместно с Рецовым В.В.) / И.А. Балашова. – С. 121–126.
2. Балашова И.А. «Пиковая дама» А.С. Пушкина: поэтика метаморфозы // Балашова И.А. Пушкинские чтения – 2016. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: материалы XXI междунар. науч. конф. / под общей ред. В.Н. Скворцова; отв. ред. Т.В. Мальцева / И.А. Балашова. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. – 408 с. ISBN 978-5-8290-1571-8 Тираж 500 экз. – С. 15–23.
3. Балашова И.А. Пушкин и античные авторы. Поэтика метаморфозы // Балашова И.А. Романтическая мифология А.С. Пушкина / И.А. Балашова. – Ростов н/Д.: Донской издат. дом, 2004. – С. 353–391.
4. Бетеа Д.М. Мифопоэтическое сознание у Пушкина: Апулей, Купидон и Психея и тема метаморфозы в «Евгении Онегине» // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999. Материалы и исследования / Д.М. Бетеа. – М.: ОГИ, 2001. – С. 208–233.

5. Гончаров И.А. Собр. соч.: в 8-ми тт. Т. 1–8. / И.А. Гончаров.– М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952–1955.
6. Ермолаева Н.Л. Эпическое мышление И. А. Гончарова / Н.Л. Ермолаева. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2011. – 324 с.
7. Отрадин М.В. «На пороге как бы двойного бытия...»: О творчестве И.А. Гончарова и его современников / под. науч. ред. А.А. Карпова / М.В. Отрадин. – СПб. : Филолог. ф-т СПбГУ, 2012. – 327 с.
8. Отрадин М.В. Проза Гончарова в литературном контексте /М.В. Отрадин. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1994. – 168 с.
9. Полякова С.В. «Метаморфозы» или «Золотой осел» Апулея / С.В Полякова. – М.: Наука, 1988. – С. 14–18.
10. Пушкин А.С. Евгений Онегин // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 тт. Т. 5 / А.С. Пушкин. – Л.: Наука, 1978. – С. 5–187.

METAMORPHOSIS RECEPTION IN THE FIRST CHAPTERS OF THE NOVEL «OBLOMOV» BY I. GONCHAROV

Balashova I.

The article considers metamorphosis, the most frequent in the work of A.S. Pushkin and perceived I.A. Goncharov. The metamorphosis of the images of Oblomov's guests is conditioned by their life credo and is supported by «talking» surnames: Volkov, Sudbinsky, Penkin. In the novel «Oblomov» the types of metamorphosis are diverse (zoomorphic, necrotic, objective, and in connection with the main character - vital, stadial, inverse). The repetition of this method in a number of Goncharov's works reveals his special role in the formation of the writer's individual mythology, which implies the need for further study of the topic.

Keywords: irony, tradition, metamorphism, typology, Individual mythology.

УДК 882.161.1.82-92

АВТОРСКИЕ СТРАТЕГИИ В РУССКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ 1917 – 1921 ГОДОВ

**(на материале творчества Л. Н. Андреева, М. А. Волошина,
А. И. Куприна, А. Т. Аверченко)**

Лилия Ракитова

преподаватель кафедры мировой литературы

и сравнительного литературоведения

ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»

Горловка

e-mail: rakitova_liliya@mail.ru

Целью данной работы является рассмотрение типологии авторских стратегий в антибольшевистской писательской публицистике переходного периода. Выделение особенностей авторского идиостиля, принципов создания публицистичности производится на примере творчества четырех выдающихся русских писателей. На материале писательской публицистики 1917 – 1921 годов нам представляется возможным выделить четыре модели писательского восприятия действительности: «сопричастность» (А.И. Куприн), «обреченность» (Л.Н. Андреев), «нонконформизм» (М.А. Волошин), «индивидуализм» (А.Т. Аверченко).

Ключевые слова: писательская публицистика, авторская стратегия, публицистичность, идиостиль.

Изучение писательской публицистической прозы периода двух революций 1917 года и последующей за ними Гражданской войны представляет несомненный научный интерес для исследователей в течение последних двадцати лет. «Романтическая эпоха литературоведения» (М.М. Голубков [1, с. 3]) конца 1980-х – начала 1990-х годов зафиксировала смещение ценностной парадигмы, базирующейся на идеологических установках периода СССР в сторону онтологизированной картины мира. Начальной точкой в либерализации литературоведческих интерпретаций стала работа Л.К. Долгополова «На рубеже веков. О русской литературе конца XIX – начала XX века» (1985) [2], зафиксировавшая стремление к рассмотрению литературного процесса XX века как целостного феномена.

Акцентируя параллельность развития трех потоков русской словесности (метрополия, потаенная литература, диаспора), современный российский исследователь М.М. Голубков считает наиболее продуктивным совмещение экстралитературных ракурсов постреволюционного периода и имманентных законов развития литературы и культуры, выделяя фактор «общей исторической почвы» [1, с. 5]. Писательская публицистика как доминирующий литературоведческий феномен периода 1917 – 1921 годов, развивалась в рамках всех трех обозначенных направлений. В качестве главного критерия дифференциации выступает идеологический фактор, определяющий ее контекстуальную направленность – большевистские и антибольшевистские публицистические тексты.

В литературоведческих исследованиях последнего десятилетия значительно активизировался интерес к изучению таких аспектов, как «тип индивидуального сознания», «тип творческого поведения», «литературное амплуа», «маска», «авторский характер», «концепция личности», что отражает поиск новых путей описания истории отечественной литературы, тенденцию к переосмыслению категорий и парадигм, укоренившихся в советском литературоведении. Писательская публицистическая проза на сегодняшний день представляется подлинным документом эпохи, отразившим динамику литературного процесса с его жанровыми и поэтологическими трансформациями. Модель восприятия исторических событий выражается в писательских стратегиях, индивидуальных для каждого автора-современника. Авторские стратегии восприятия переломных исторических событий, формирующие смысловое целое произведений, позволяют обозначить ведущие аксиологические доминанты ушедшего века.

Целью данной работы является рассмотрение типологии авторских стратегий в антибольшевистской писательской публицистике переходного периода (1917 – 1921 годы). Выделение особенностей авторского идиостиля, принципов создания публицистичности производится на примере творчества четырех выдающихся русских писателей, – Л.Н. Андреева, М.А. Волошина, А.И. Куприна, А.Т. Аверченко.

Первая попытка определения авторских стратегий для литературного процесса рубежа XIX – XX веков принадлежит советскому литературоведу Л.К. Долгополову: «В одних случаях осознание своей полной причастности к историческим и социальным изменениям давало возможность личности (будь то писатель или герой) активно включиться в процесс пересоздания действительности и реальных человеческих отношений. В других, напротив, порождало мысль о фатальной подверженности человеческой судьбы вне ее лежащим воздействиям <...> В третьих случаях возвышало личность до осознания трагического величия своей судьбы <...> В четвертых – ставило писателя во враждебную по отношению к происходящему во внешнем мире позицию» [2, с. 23 - 24]. Писательская публицистика периода 1917 – 1921 годов представляет собой уникальное явление в истории литературы: синтез художественности и публицистичности, характерный для данного рода словесности, определяет публицистику в разряд промежуточных жанров. Развиваясь в условиях столкновения двух субкультур - народа и интеллигенции, она выступила в качестве последнего выражения идей патриархальной России накануне формирования абсолютно иного типа художественного сознания - социалистического реализма, в основе которого выступала идеология правящей партии. Термин «писательская публицистика» представляет творчество художников слова: профессиональных писателей, поэтов, критиков. Индивидуальный творческий метод того или иного автора, характерный для художественного творчества, находит продолжение в жанровом оформлении произведений публицистического характера и служит выражением уникальных особенностей авторского идиостиля.

Реализация писательского замысла публицистического произведения, открыто или косвенно направленного на идеологическое воздействие, становится возможной лишь при наличии читателя, чьи взгляды и убеждения совпадают с авторскими. Такие свойства, как типизация в описании сущностных явлений действительности, эмоциональность изображения, высокая степень автобиографизма придают публицистике свойства, присущие произведениям художественной литературы. Такое свойство как публицистичность («прямое выражение мысли автором высказывания» [3]), обретает формальное выражение в виде авторских стратегий. Теоретической базой для выделения данного определения послужили работы современных теоретиков, рассматривающих стратегии текстов на примере нарративного (В.И. Тюпа [5]), эссеистического (В.В. Максимов [5]) дискурсов, а также их функционирование на уровне внутритекстовой парадигмы (Т.В. Кузнецова [4]). Исходя из методологии обозначенных концепций, представляется возможным выделение общих знаменателей для определения особенностей индивидуальной авторской стратегии. В качестве составляющих данного явления Т.В. Кузнецова называет «соотношение: действительность – автор – текст – читатель» [4, с. 121], что в свою очередь, позволяет выделить субъектов (автора и читателя как носителей определенной авторской

компетенции), а также объектов дискурсии (персонажи, характеры как носители бытийной компетенции в тексте произведения). Таким образом, разновидности авторских стратегий могут варьироваться в зависимости от типа дискурса, коммуникативной целеустановки автора как инициатора и организатора речевого действия, объективных условий действительности, порождающих отклик на уровне индивидуального сознания, в то время как степень их реализации зависит от коммуникативной компетенции читателя. Как отмечает В.И. Тюпа: «Всякое высказывание характеризуется конститутивно присущей ему адресованностью – отводимой воспринимающему сознанию той или иной позицией участника данного коммуникативного события, той или иной рецептивной компетенцией» [5, с. 106]. Определение закономерностей революции в индивидуальном восприятии – характерный пример репрезентации авторских стратегий в писательской публицистической прозе 1917 – 1921 годов. Категория личности, представленная в единстве автора и героя, может быть рассмотрена в виде четырех стратегий.

На примере писательской публицистики 1917 – 1921 годов нам представляется возможным выделение четырех моделей писательского восприятия действительности: «сопричастность» (публицистика А.И. Куприна), «обреченность» (Л.Н. Андреев), «нонконформизм» (М.А. Волошин), «индивидуализм» (А.Т. Аверченко). На смену декадентскому герою литературы рубежа веков приходит новый герой, который является, прежде всего, представителем не только авторского «я», но и социально-общественной позиции целого класса. Принятие или отрицание произошедших в стране событий зависело от особенностей авторского мировоззрения, осознания собственной принадлежности к избранному сословию, которым являлась интеллигенция.

Своеобразие изображения русской национальной идеи варьируется в зависимости от субъектной модели, приверженцем которой выступает тот или иной автор. В центре писательской концепции Л.Н. Андреева и М.А. Волошина – тема России и восприятие революционных событий сквозь призму национальных особенностей. Так, М.А. Волошин проявляется, прежде всего, как серьезный и глубокий мыслитель, для которого общечеловеческие ценности являются приоритетнее многочисленных политических программ. Нонконформизм, антибуржуазность, объективное восприятие истории с позиций крайнего индивидуализма, составившие основу его индивидуальной авторской личности, усиливаются обилием мистической символики, которую М.А. Волошин использует с целью раскрытия подлинной сути происходящего. Сравнивая историческую эволюцию с человеческой жизнью, публицист опровергает мысль об исключительности событий 1917 года, которую усматривали многие современники (статья-лекция «Россия распятая», статьи «Гражданская война», «Пророки и мстители», «Заметки 1917 года»). Истоки данного социального взрыва берут начало в самой истории России, что представляет

понимание революции как закономерности. Интерес вызывает писательская интерпретация понятия «большевизм», вмещающая в себя два аспекта: политическую доктрину и «классовую психологию». По мнению М.А. Волошина, большевизм – это именно та классовая нетерпимость, глубинная ненависть к чужой правде, ставшая причиной войны между гражданами одного государства.

Восприятие революции как исторической закономерности, вытекающей из особенностей национального русского характера, представлено в концепции безысходности и обреченности личности перед ходом истории. Л.Н. Андреев (статьи публицистического цикла «Верните Россию!») – один из первых поднял вопрос об «этике революционера», об абсурдности уничтожения мира во имя светлого будущего. С помощью таких художественно-стилистических особенностей как библейская и экзистенциальная образность, многозначительность символики, экспрессивность языка, соединение черт поэтики нескольких литературных направлений писатель представляет человека рубежа веков в роли заложника исторических и политических обстоятельств, лишённого личной свободы

Ощущение личной сопричастности с происходящим воплощается в способности пересоздания действительности и человеческих отношений. Показательной в данном смысле является публицистическая проза А.И. Куприна, что в особенности проявляется в портретных очерках «Кровавые лавры», «Генерал Врангель», «О преемственности». В каждом отдельном произведении (будь то портретный, проблемный, сатирический очерк) личность писателя, его авторское «я» выступает организующим звеном в структуре повествования. Писатель, совмещающий роли современника, очевидца, участника описываемых явлений, выступает одновременно хроникером и трибуном, в каждом печатном произведении влияет на окружающую действительность.

Стремление сохранить собственную индивидуальность во внутреннем мире является контекстуальным мотивом большинства фельетонов А.Т. Аверченко (цикл «Большевизм в образах»). Проблемно-тематической составляющей выступают такие аспекты, как критика самодержавной политики Николая Романова, принципы гражданского самоопределения, выдвинутые новой властью, психология современников, требование решительных действий от Временного правительства, предупреждение об опасностях большевизма. Стилистическим приемом, используемым автором для описания указанных явлений, выступает доведение до крайних пределов комизма тех явлений, которые позиционируются автором в качестве объекта критики. Изображение предельной абсурдности достигается на примере алогических параллелей. Использование иронии свидетельствует об авторском превосходстве над объектом оценки и составляет ядро индивидуальной писательской стратегии А.Т. Аверченко. Формулу создания внутреннего конфликта составляет соотнесение смысловой наполненности фактов и их авторской интерпретации. С помощью иронии как доминантного

средства критики писатель изображает общественно-политические события на примере индивидуально-личностного, незначительного явления действительности. Важное событие общегосударственного значения показывается сквозь призму частной жизни изображаемого персонажа, в роли которого выступает непосредственно сам автор.

Статьи Л.Н. Андреева, фельетоны А.Т. Аверченко, некоторые очерки А.И. Куприна, являющиеся объектом нашего исследования, создавались в условиях инокультурной среды, предусматривая узкий круг читателей. В качестве реципиента выступали, как правило, соотечественники-эмигранты, вынужденные покинуть Россию после событий Октябрьского большевистского переворота 1917 года, а также равнодушная иностранная читательская аудитория. Средством распространения писательских идей, направленных на разоблачение большевизма, выступала антибольшевистская периодическая печать. Публицистические статьи М.А. Волошина, создававшиеся в России как непосредственный отклик писателя-очевидца на события современности, после установления советской диктатуры находились в рамках запрещенной словесности.

Объем понятия «писательская публицистика», включающий в себя такие составляющие, как: богатство стилевых подходов и жанровых форм, широкое использование художественных средств позволяют рассматривать данное явление в качестве важной стороны творчества того или иного писателя, неотъемлемой от его художественного наследия. Писательская публицистика не может быть изучена с применением только традиционного инструментария, но с учетом индивидуально-мировоззренческих особенностей в организации публицистического текста. Вследствие этого в данной статье акцент ставится на использовании такого компонента, как индивидуальная писательская стратегия, так как в публицистических произведениях данная категория выступает в качестве выражения публицистичности, индивидуальной для каждого писателя.

Перспективным в дальнейших исследованиях является изучение индивидуальных авторских стратегий как воплощение идиостиля автора, а также расширение спектра литературного материала с использованием произведений противоположной идеологической направленности.

Список литературы

1. Голубков М.М. Русская литература XX в.: После раскола: Учебное пособие для вузов / М.М. Голубков. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 267 с.
2. Долгополов Л.К. На рубеже веков. О русской литературе конца XIX – начала XX века / Л.К. Долгополов. – Л.: Сов. писатель, 1985. – 352 с.
3. Каминский П.П. Принципы исследования публицистики на современном этапе / П.П. Каминский // Вестник Томского Государственного университета. Филология. – 2007. – № 1. – С. 97 – 105.
4. Кузнецова Т.В. Внутритекстовая парадигма и коммуникативная стратегия текста / Т.В. Кузнецова // Дискурс. – 1998. – № 5 - 6. – С. 121 - 125.
5. Тюпа В.И. Три стратегии нарративного дискурса / В.И. Тюпа // Дискурс. – 1997. – № 3 - 4. – С. 106 – 109.

AUTHORS' STRATEGIES IN RUSSIAN WRITER'S JOURNALISM OF 1917 – 1921 (ON THE MATERIAL OF L.N. ANDREEV, M.A. VOLOSHIN, A.I. KUPRIN, A.T. AVERCHENKO'S CREATIVITY)

Rakytova L.

The aim of the given article is to investigate the types of authors' strategies in the anti-bolshevik writers's journalism of the transitional period. Highlighting features of the authors' idiostyle, principles of creation publicity is being performed on the material of creativity of four prominent Russian writers. On the material of the writers' journalism of 1917 – 1921 it seems to us possible to distinguish four models of writers' perception of the reality such as “complicity” (A.I. Kuprin), “fatality” (L.N. Andreev), “recusancy” (M.A. Voloshin), “individualism” (A.T. Averchenko).

Keywords: writer's journalism, author's strategy, publicity, ideostyle.

УДК 82.09

ЛЕС КАК ПРОПАСТЬ В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ ДАНИИЛА ХАРМСА

Иван Ревяков

старший преподаватель

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Донецк

e-mail: revyakov@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению леса как воплощения пропасти в поэтическом мире Даниила Хармса. Лес, как олицетворение первоначального Хаоса, является в то же самое время олицетворением материи как первовещества, из которого создается весь мир, и местом ритуала инициации. Герой стихотворения Д. Хармса «Из дома вышел человек...» попадает в лес, исчезая в нем, словно в пропасти, пропадая. При этом, действие стихотворения разворачивается в прошлом и условно будущем временах, «минуя» настоящее время. Семантика события стихотворения также находит свое выражение и на метрико-ритмическом уровне, что свидетельствует о неслучайности такого построения текста.

Ключевые слова: лес, материя, стихотворение, метр, ритм, пропасть.

Целью данной работы является рассмотрение леса как воплощения пропасти в поэтическом мире Даниила Хармса. Согласно В.В. Библихину, «лес», по сути дела, означает «первовещество», первичную материю, из которой все возникло: «Странным образом исходный смысл слова материя лес.

Слово *материя* латинское, его первое значение *первовещество*, у Цицерона материя мира, из которой и в которой существует все, *materia rerum ex qua et in qua sunt omnia*. Этот латинский философский термин перевод греческого философского термина ὕλη, первое значение которого

лес. Очень возможно что официальное, техничное значение материи в латинском, такое же как теперь у нас в русском, стало первым только внутри государственной культуры, а в народной культуре главным было то, которое философским языком было потом потеснено, а именно: материал, и прежде всего *горючий* материал, и прежде всего опять же *древесина*, т.е. *лес*» [1, с.16]. Справедливости ради, отметим и то, что в древнегреческом языке слово ὕλη имело следующие значения, а именно: 1) «лес (как на корне, так и срубленный), кустарник, валежник, дрова»; 2) «вещество, материя, материал» [2, стлб.1269]. Таким образом, с одной стороны, лес значит все, что связано с деревом (произрастающим или уже срубленным), а с другой стороны – то первовещество, из которого образуется мир.

Сделав эти предварительные замечания, обратимся к тексту стихотворения Даниила Хармса «Из дома вышел человек...» (1937 г.):

Из дома вышел человек
С дубинкой и мешком,
И в дальний путь,
И в дальний путь
Отправился пешком.

Он шел все прямо и вперед
И все вперед глядел.
Ни спал, ни пил,
Ни пил, ни спал,
Ни спал, ни пил, ни ел.

И вот однажды на заре
Вошел он в темный лес
И с той поры,
И с той поры,
И с той поры исчез.

Но если как-нибудь его
Случится встретить вам,
Тогда скорей,
Тогда скорей,
Скорей скажите нам.

[3, с.57].

Данное стихотворение состоит из четырех строф, каждая из которых состоит из пяти стихов. При этом, первый стих каждой строфы (то есть: 1, 6, 11, 16 стихи) написан 4-стопным ямбом (Я4), второй и пятый стихи каждой строфы (то есть: 2, 5, 7, 10, 12, 15, 17, 20 стихи) – 3-стопным ямбом (Я3), а третий и четвертый стихи каждой строфы (то есть: 3, 4, 8, 9, 13, 14, 18, 19 стихи) – 2-стопным ямбом (Я2). Таким образом, метрико-ритмическая последовательность чередования стихов в строфе может быть представлена

следующим образом, а именно: Я4→Я3→Я2→Я2→Я3, что определяет ритмическую композицию стихотворения и «задает» ритм развертывания события, о котором говорится в стихотворении.

Теперь обратимся к событию, о котором повествуется в исследуемом нами тексте. Стихотворение начинается с того, что некий человек с дубинкой и мешком покидает свой дом, отправляясь в дальний путь, то есть человек, по сути дела, покидает свой мир, свое обжитое обустроенное пространство, отправляясь в дальний путь, однако, о цели его путешествия читателю ничего не известно.

Во второй строфе стихотворения событие пути развертывается: указывается, что человек «ни спал, ни пил, ни ел», а «шел все прямо и вперед / И все вперед глядел».

Если в первой строфе использованы глаголы совершенного вида («вышел» и «отправился»), которые указывают на завершенность совершаемых героем действий, то во второй строфе использованы глаголы несовершенного вида, которые подчеркивают длительность и незавершенность совершаемых действий. Таким образом, эти две строфы оказываются противопоставленными друг другу через завершенность/незавершенность совершаемых героем действий. При этом, ни в первой, ни во второй строфе время совершения действий не конкретизировано.

В третьей строфе, как и в первой, используются глаголы совершенного вида («вошел», «исчез»), но, при этом, в отличие от первых двух строф здесь конкретизировано время совершения действия («на заре»), чем данная строфа противопоставлена первым двум строфам.

Четвертая строфа представляет собой обращение к читателю и является условным высказыванием, указывающим на совершение действия в будущем времени («встретить», «скажите»).

Таким образом, первые три строфы стихотворения повествуют о том, что совершилось (первая и третья строфы) и совершалось (вторая строфа) в прошлом времени, а четвертая строфа указывает на будущее время, то есть, по сути дела, настоящего времени в стихотворении нет: все событие данного произведения развертывается сразу из прошлого в условно будущее время, минуя настоящее).

Теперь обратимся непосредственно к образу леса. Первое, что обращает на себя внимание, – это то, что о лесе говорится в третьей строфе. При этом, когда утверждается событие «вхождения» в темный лес, то герой на метрико-ритмическом уровне становится «безударным», как бы предвзятое свое последующее исчезновение в лесу: «Вошел он в темный лес».

В архаических культурах лес всегда связывался с обрядом инициации, посвящения, на что указывал еще В. Я Пропп: «Связь обряда посвящения с лесом настолько прочна и постоянна, что она верна и в обратном порядке. Всякое попадание героя в лес вызывает вопрос о связи данного сюжета с циклом посвящения» [4, с.57]. Не явилось исключением и творчество

Д. И. Хармса, поскольку в его стихотворении «Фадеев, Калдеев и Пепермалдеев...» герои как раз и совершают в дремучем лесу ритуал инициации, о чем нам уже доводилось говорить [5]. Таким образом, можем предположить, что целью выхода человека из дому был обряд инициации как обряд полного духовного преображения.

Следует отметить и то, что лес, по своей сути, является совокупностью деревьев, а дерево как один из ведущих образов мифологической символики соотносилось у индоевропейцев со множеством значений, среди которых в контексте нашей работы выделим следующие, а именно: 1) «загробный мир»; 2) «число»; 3) «музыка, гармония, порядок»; 4) «огонь»; 5) «внешний, находящийся на периферии, относящийся к Хаосу, к преисподней» [6, с.134-141]. Исходя из этого, можем полагать, что герой хармсовского стихотворения, входя в лес (как олицетворение первошества), поглощается изначальным Хаосом, из которого и возникло все сущее, проваливаясь в него, словно в пропасть, в которой он пропадает. Аналогичная ситуация разворачивается и в другом стихотворении Д. Хармса «Шел Петров однажды в лес...», но это – тема отдельного исследования.

Список литературы

1. Бибихин В. В. Лес. – СПб.: Наука, 2011 – 425 с.
2. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. – СПб, 1899. – 1370 стлб.
3. Хармс Д. И. Полное собрание сочинений. Т. 3: Произведения для детей / Сост. и прим. В. Н.Сажина. – СПб.: Академический проект, 1997. – 351 с.
4. Пропп В. Я Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Л.: Издательство ЛГУ, 1986. – 366 с.
5. Ревяков И. С. Халдеи, шабаш и амфибрахий (опыт интерпретации одного стихотворения Даниила Хармса) / И. С. Ревяков // Литературоведческий сборник. – Вып. 17-18. – Донецк: ДонНУ, 2004. – С. 127 – 137.
6. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М.: ВЛАДОС, 1996. – 416 с.

FOREST AS A CHASM IN THE POETIC WORLD OF DANIIL KHARMS

Revyakov I.

The article is devoted to consideration of the forest as the embodiment of the divide in the poetic world of Daniil Kharms. The forest, as the embodiment of the original Chaos, is in the same time the personification of a matter as provided to from which is created the whole world, and a place of ritual initiation. The hero of the poem by Daniil Kharms «From the house came a man...» into the woods, disappearing into it, like into the abyss, falling. At the same time, the action of the poem unfolds in the past and the conditional future, «passing» now. The semantics of the events of the poem also finds its expression and of the metric-rhythmic level, which indicates the non-randomness of such a construction of the text.

Keywords: forest, matter, verse, meter, rhythm, chasm.

КОНЦЕПТ «ДОМ» КАК СРЕДСТВО АНАЛИЗА ПОЭТИЧЕСКОГО МИРА (НА ПРИМЕРЕ ЛИРИКИ АННЫ ГОРЕНКО)

Наталья Ройтберг
кандидат филологических наук
Хайфский Университет
Хайфа, Израиль
e-mail: roitbergnatalia@gmail.com

Статья посвящена рассмотрению концепта «дом» как одного из основных средств анализа и реконструирования поэтического мира на примере лирики Анны Карпы. Высказано предположение, что самоидентификация лирического героя, как и организация художественного пространства в поэзии Карпы, во многом связаны с различными интерпретациями концепта «дом».

Ключевые слова: концепт «дом»; поэтический мир; Анна Карпа (Горенко); поэтика; художественное пространство; лирический герой.

В настоящее время в науке одним из ведущих методов является когнитивный: исследователи отмечают необходимость изучения когниции – процесса познания, осуществляемого благодаря концепту (ментальная сущность, квант знания, выражаемый посредством вербализации). Данные когнитологии востребованы многими сферами знания: философией, психологией, социологией, лингводидактикой, психологией, мифопоэтикой и пр. Использование когнитивного подхода представляется также весьма плодотворным для филологических исследований, в частности для реконструкции поэтической картины мира того или иного автора.

Так, специфика презентации, смыслового наполнения и художественные функции, которыми автор наделяет определенный концепт (Время, Ложь, Судьба, Дерево и др.) могут охарактеризовать поэтическую картину мира его произведений в целом.

В настоящей работе мы хотим обратиться к концепту «дом», который является одним из базовых концептов не только в русской, но и в мировой культуре и литературе, поскольку актуализирует пространственную оппозицию «свое»-«чужое». Семантику лексемы «дом» составляют следующие три значения: 1) дом как «жилое здание»; 2) внутреннее, обжитое пространство, нередко окруженное хаосом; 3) «люди, семья, живущие вместе» [1; 197].

В этимологии лексемы «дом» можно проследить значения, аналогичные ключевым семам: авест. «дом, жилье»; греч. «строение», но также: греч. «хозяйка, супруга»; «почва»; лтш. «вид кухни»; греч. «выгон, пастбище, жилье»; «владею, обитаю, пасу» [2; 526-527]. Таким образом, можно сказать, что концепт «дом» апеллирует к архаико-мифологическому

мышлению, для которого наиболее актуальными были противопоставления Хаос-Космос, Митгард-Утгард, родное, близкое – чужое, опасное и пр. Отсюда такие функции дома как защитная, сакральная, ритуальная (ср.: Храм как *дом Божий*).

Отметим также, что «будучи сферой-источником метафорического переосмысления понятийная сфера «дом» служит для осмысления таких понятийных сфер, как «социум», «страна», «планета»», т.е. дом разукрупняется до масштабов Родины и всей Земли; с другой стороны, «как сфера-мишень «дом» осмысляется через ... образы, среди которых можно выделить витальные» (дом-человек, дом-животное, дом-растение) и «артефактоморфные» (акцентирующие внимание на форме дома-строения), т.е. понятие «дом» локализуется до определенных пределов, субъективируется [3].

Рассмотрим, какова в общих чертах специфика концепта «дом» в стихотворениях русско-израильской поэтессы Анны Карпы. Для этого маркируем, прежде всего, виды его содержательно-образного наполнения: (1) «дом» понимается как Отчизна, родная страна (здесь наблюдаем метафорическое «расширение», увеличение); (2) у Горенко дом осмысливается как жилое здание, строение (это соотносится с наиболее характерной и типичной для концепта «дом» семантикой); (3) собственное тело осмысливается как «дом» души, мыслящего бесплотного «я», а также как место обитания животных, птиц (здесь очевидна «перевернутая» витальная метафоричность: не дом отождествляется с человеком, а сам человек представляется домом).

Каждая из этих интерпретаций концепта «дом» представлена и осмыслена по-своему в стихотворениях Карпы.

(1) Понятие «Родина» для Горенко, репатриантки, закреплено за двумя топосами – Россией и Израилем – локализуясь в двух столицах-топологемах соответственно – Санкт-Петербурге и Иерусалиме. Причем у Горенко как у представителя алии «второй» волны (конец 1980-х-1990-е гг.), отчетливо звучит мотив разочарования в Обетованной земле, выраженный «инверсией» ад-рай: Иерусалим не принес ожидаемой радости и успокоения (не стал для поэта раем) и сокровенной мечтой о бессмертии становится ностальгия по Петербургу [см. подробнее: 4].

Наиболее показателен в этом плане текст «Северьюг», где Израиль – «райский навязчивый сад» (надо полагать – «юг»), в котором «не едят и не спят», а истинный рай – Петербург («север») – неприветлив и выморочен:

...измывайся как прежде и каменный рай и литой
изводи своей смрадной
нетрудной своей красотой
и коростошный клюв грифонов с монет и ворот
щедро вскармливай слизью и бронзовый слизывай пот.

«Новый исход», осуществляемый посредством перелета «паровозика воздушного» через «большую воду Босфора» в Палестину, помогает обрести не вторую родину, но «вторую чужбину», «продолжение смерти» (М.Вайскопф) - «давай вернемся за грошик лодкой обратно» («Мы могли бы жить на малой садовой»).

Петербург преподносится как единственно желаемый город: «не мечтаю жребия иного», «верни меня туда - // там купол крест и флюгер» («Песни мертвых детей»), наиболее типичные, легко узнаваемые приметы которого близки и дороги автору: «я любая справа или слева // от ворот прекрасного Сайгона» («В городе где темные соборы»), «бедный твой город: картонный, а белый белый // белой гостиной славный фонтаном садом» («Несколько смертных строк смертному телу»); как пространство сна, грезы: «мне снится город заповедный // весь набережный весь подледный» («В день торжества электросвета»), как эфемерность – «поверю ли в город родной» («За шесть или семь - не тонких - стен»).

(2) Семантика дома как жилого здания подчинена жизнотворческой и поэтической логике, в основе которой у Карпы лежит «отчаянный протест против биологических законов», включающий помимо прочего отказ от собственного жилья как стремление к «развоплощению, развеществлению» [5; 207].

Дома как такового у лирического героя нет: он либо разрушен («Мой дом! Скорей беги к нему//но нет Один чердак туману покорный реет над землей//а где же оба этажа» («Там краеведческий музей один лежит на пепелище»)), «свалились этажи моих домов // осыпались они не удержались» («Скажи что стало с Гаммельном моим»); либо ненаходим – «но где мое детство // но где этот дом» («Элегия»); либо непригоден для жилья, явно небезопасен для жизни: «дома вся тьма или гости с железом в руках» («..шведская датская лодка гуляет во тьме»). Дом возможен только как *послежизненное* пристанище, имеющее «небесные стены» («Наблюдательный пункт»), как последний приют, где «не придется больше просить // у Бога дом и постель» («...я буду спать в сапогах в раю»).

(3) Тело как «дом», обиталище души осмысливается Горенко как нечто, подлежащее разрушению, эксплицируя установку на «последовательный отказ от телесности посредством физического рассредоточения, растраты тела и высвобождения души из обстания плоти» [см.: 5]. Поэтому «убором *тлену*», т.е. несуществующему, исчезающему телу могут послужить только «платье небес» и «одежда рахат лукума» («Одежда рахат лукума»).

Тело воспринимается как нечто отдельное от мыслящего «я», по сути умершего: «Тело за мною ходило тело <...> Я в зубах сжимаю алую нить // к ней привязаны небеса <...> В зубах *нитка*, во рту *монетка*» («Тело за мною ходило тело»), ср. также: «оттого оттого *мертвое тело*» («Наблюдательный пункт»), «Я юродив, циничен *мертв*» («Ловил себя и был уличен»); как

бесплезная, ненужная оболочка – «жилье: // прилипло к коже пригорело // и я сию и отдираю» («Песни мертвых детей»).

Мотив членовредительства также может быть объяснен стремлением избавиться от телесного плена (нарочитая самоампутация конечностей в «Первом верлибре»; подчеркнутая раздельность мысли-души и тела: «Если бы видел кто – на важных мыслей реке//*части тела* качались...» («Мыши – кишмиши. А кто же изюмы»)).

Отдельного внимания заслуживает мотив евхаристии в произведениях Горенко, уподобления собственной плоти хлебу – «вежливый хлеб тела» («Спина слепых прилепится к дворцу»), жертвенного скармливания своего тела – «вкус моей плоти ясен птице сладкоежке//семивороне и белоснежке <...> стать рахат лукумом прекрасно» («Одежда рахат лукума»). Примечательно, что Горенко обращается также к мотиву хриstopодобия, мессианства: «Убедись, у меня на каждой руке как у Сына Божьего – срам» («Ловил себя и был уличен»).

Интересной для возможных интерпретаций представляется следующая строка из этого же стихотворения: «И я раскрасил себя пометом белым и черным», соседствующая с мотивом двойничества, оборотничества («у твоей парадной стоял сам себя два с половиной часа выжидал <...> рядом мент наркоман и двойной агент»), амбивалентности («Я согласен я плох и хорош <...> Я бисексуален»).

В этом контексте раскрашивание пометом можно трактовать как экспликацию чередования «черных» и «белых» полос в жизни – удачного, позитивного и неудачного; как архаический ритуал обезопасить себя от болезней, горя, разного рода напастей¹. Помет, нанесенный на тело, может также трактоваться как знак причисления себя к изгоям, неприкасаемым; как вариант траурного ритуала (ср. – посыпание головы пеплом); кроме прочего – как вариант «помазания», Божьего избранничества.

Таким образом, можно сказать, что концепт «дом» в творчестве Анны Горенко является одним из основополагающих средств анализа и реконструирования ее поэтического мира, в частности, художественного пространства и самоидентификации лирического героя.

Список литературы

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М., 1996. – 928 С.
2. Фасмер, Макс. Этимологический словарь русского языка. – М., 1986: В 4 ТТ. – Т.1. – 576 с.
3. Потураева Е.А. Метафорическая интерпретация концептуальной сферы «Дом» в русской языковой картине мира. – Автореф. дисс. канд. фил.н. – Томск, 2011.

¹ «Среди племен банту в Кавирондо существует обычай, по которому человек, убивший в сражении врага, по возвращении бреет себе голову, а друзья натирают ему тело мазью, приготовляемой обыкновенно из коровьего помета, чтобы дух убитого не стал мстить ему» [6, С. 61].

4. Вайскопф М. «Мы были как во сне»: Тема исхода в литературе русского Израиля// Новое литературное обозрение. - № 47, 1. – 2001. – С. 241-253.
5. Сошкин Е. От адамова яблока до адамова языка: территория Анны Горенко//Новое литературное обозрение. № 57. – с. 205-219.
6. Фрезер Дж. Дж. Фольклор в Ветхом Завете. - М., 1989. – 542 с.

THE CONCEPT «HOUSE» AS MEANS OF ANALYSIS OF POETIC WORLD (ON ANNA GORENKO'S LYRICS)

Roytberg N.

The article is deals with the concept of “home” as one of the fundamental means of analyzing and reconstructing of poetic world through the example of Anna Karpa’s lyrics. It has suggested that the self-identification of lyrical hero as well as the art space of Karpa’s poetry organization to a great degree depend on the different interpretations of concept of “home”.

Keywords: concept “house”; the poetic world; Anna Karp (Gorenko); poetics; art space; lyrical hero.

УДК 882+7.06

ОБРАЗ ЗЕРКАЛА В РОМАНЕ ДИНЫ РУБИНОЙ «ПОЧЕРК ЛЕОНАРДО»: К ВОПРОСУ О МАГИЧЕСКОМ РЕАЛИЗМЕ

Ирина Логвинова

кандидат филологических наук

Московский государственный институт музыки им. А. Г. Шнитке

Москва, Россия

e-mail: Lo-grina@yandex.ru

В статье проанализирован образ зеркала в романе Д. Рубиной «Почерк Леонардо». Автор делает вывод о том, что зеркальная тема вводит в ткань повествования элементы магического реализма. То, что кажется необыкновенным и волшебным простым людям, для главной героини романа и ее друзей является естественным. Магические черты реальности, подчеркивает Д. Рубина, являются неотъемлемым и естественным атрибутом бытия.

Ключевые слова: магический реализм; Д. Рубина; образ зеркала; культурологическое направление в литературе; культурная память.

Вопрос о магическом реализме применительно к творческому методу Д. Рубиной возник у нас не случайно. Ранее в одной из статей мы включили творчество писательницы в культурологическое направление, обозначив в качестве основной в ее творчестве тему культурной памяти [2]. Также мы писали о том, что в романах Д. Рубиной наблюдаются элементы магического реализма [3]. Кроме того, на сайте «Лаборатория фантастики» (<http://fantlab.ru/autor10818>) ее роман «Почерк Леонардо» охарактеризован как написанный «в жанре современного магического реализма» (определение

дилетантское, потому что магический реализм – не жанр, а метод, но очень симптоматичное).

На наш взгляд, творчество Д. Рубиной включает в себя элементы магического реализма, но полностью отнесенным к этому направлению быть не может. Термин «магический реализм» относится к измененной реальности, к мифически-магическому способу мировидения [1]. В романах Д. Рубиной речь идет о вкраплении в реальность необычных явлений, вещей и людей, а также о психологии переживания людьми своей необычности или неслучайных случайностей, которые помогают им находить ответы на волнующие их вопросы. К сожалению, научных работ о творческом методе Д. Рубиной мы не обнаружили, в рецензиях также больше говорится о сюжетах и образах романов писательницы. Поэтому, можно сказать, что мы исследуем этот вопрос впервые.

Образ зеркала в романе Д. Рубиной «Почерк Леонардо» продолжает тему культурной памяти в творчестве писательницы. Зеркало, зазеркалье – это образ, который часто имеет мистическое наполнение. Вспомним необыкновенные приключения Алисы в Зазеркалье (Л. Кэрролл), сказку Г. Х. Андерсена «Снежная королева», в которой присутствует образ разбитого зеркала; миф о Персее, который убивает Медузу Горгону, глядя в зеркало; «Сказку о мертвой царевне» А. С. Пушкина, и многие другие. С зеркалом связаны некоторые предрассудки, которые отражены и в романе Д. Рубиной. Например, приемная мать главной героини Нюты Нестеренко (дочери внебрачного сына Вольфа Мессинга и обыкновенной девчонки Риты из Ейска) панически боится зеркал (и на этой почве сходит с ума), считая, что они способны затянуть человека в параллельный мир. Зеркало выступает в культурном сознании человека как символ вечности, как волшебный предмет, как окно в параллельный мир.

Мышление Нюты устроено как волшебное зеркало, которое способно отражать будущее. Это пугает людей, не обладающих таким даром: «- Толя, помнишь... - сдавленно заговорила Маша. – Помнишь, как в апреле она вошла в подъезд и сказала: «А дверь у нас будет скоро зеленая», и через день вывесили объявление о ремонте, и дверь покрасили в зеленый цвет? И ты потом говорил о теории вероятностей, о совпадениях... Толя! Мне страшно...» [4, с. 87]. Однако, это напрасный страх обывательского сознания перед непостижимым явлением гения (девочка любит зеркала, пишет левой рукой зеркальным почерком), потому что свои способности Нюта использует для создания цирковых номеров с зеркалами. То, что обыкновенные люди, склонные к предрассудкам, считали в ней дьявольщиной, Д. Рубина показывает с другой стороны – со стороны безобидной творческой тяги к техническим знаниям, к математическим вычислениям. Главная героиня, обладающая даром ясновидения (в силу того, что ее мышление устроено еще в школе посещает (единственная) кружок Элизера «Занимательное Зазеркалье»). Магия этого увлечения – чисто техническая. Более того, оказывается, что и зеркальное устройство мышления у левшей – тоже

своеобразная физика и механика. Поэтому для самой Нюты не кажется чем-то необычным ее способность видеть будущее: что она будет бежать с лестницы от обезумевшей матери; что ее друг Сеня умрет в снегопад под звуки музыки; что на сцене разобьется насмерть ее подруга... Писательница изображает странные явления, происходящие с ней, как нечто само собой разумеющееся и непонятное только самой Нюте (эпизод, где она незамеченной проходит мимо билетных кассиров): «А Нюта в вестибюле цирка привалилась спиной к колонне, чтобы устоять на ослабелых ногах, - взмокшая, хоть отжимай... Она тоже не могла бы сказать, как это сейчас получилось и почему старухи, глядя на нее, ее не задержали. Правда, она приказала себе стать *изнутри* прозрачной, то есть, не отводя глаз, смотрела пристально в *собственные зеркала*, и ощутив в ушах покалывание, поняла, что надо сережки снять...» [4, с. 182]. В этих странных явлениях можно также проследить тему культурной памяти – генетический код Нюты, унаследованный ею от легендарного В. Мессинга, таит в себе разнообразные творческие способности, которые интуитивно развивает в себе девочка-левша. Ее культурная память – это традиция циркового мастерства. При этом у выдающихся иллюзионистов, помимо профессиональных секретов, было иное восприятие мира, чем у большинства людей. По-видимому, они также видели реальность отраженной во внутренних зеркалах своего сознания, как это показывает Д. Рубина на примере Нюты.

Такое восприятие мира, естественное для его носительницы, иногда создает ей проблемы, отчуждая от нее друзей. А, с другой стороны, приносит ей небывалый успех. Д. Рубина описывает несколько цирковых номеров Нюты, построенных по законам физики и геометрии, но воспринимающихся как волшебство. Например, вот так выглядит ее номер «Огненное кольцо»: «В совершенно темном зале на сцене появлялась танцовщица с одинокой свечой в руке, и минуты две слабый огонек мелькал, прерывисто бился и зависал там и сям под элегическую музыку. Затем она взбегала на черный помост, где стоял уже этот чудной *аппарат* – так, по-цирковому, называла свои сооружения Анна. В это время со всех трех сторон вокруг нее медленно опускались зеркала, замыкая ее в ловушку. И когда к устью зеркала-конуса танцовщица подносила свечу, все зеркальное кольцо, дополнительно отразившись в окружающих зеркалах, вспыхивало яростным огнем! Она быстро вращала свечой, и по кольцу бежали огненные волны, превращаясь в бешеную пляску огня. И так она металась на помосте – тонкая фигурка в огненном кольце, то есть в свете единственной свечи, хитро отраженной в зеркалах, - билась среди зеркал, не в силах выбраться из горящего круга. Это была исступленная борьба не на жизнь, а на смерть. Ошалевшее пламя плясало вокруг танцовщицы, переплавляя ее отчаяние в языческое торжество, даже безумие, которое нарастало и нарастало, и в какой-то момент становилось непереносимым: сдавливало голову, било по глазам. Хотелось завопить – довольно, довольно, пощади!.. В конце концов зеркала поднимались и уплывали вверх, музыка стихала... И в кромешной тьме, в

тишине, что оглушала более, чем музыка, на черном помосте жизни оставалась одинокая женщина с тусклым огоньком измученной души в собственной руке» [4, с. 372-373]. Для зрителей – это мистерия, для исполнительницы – творческий полет фантазии и кропотливая работа ума.

Нужно отметить, что во всех романах Д. Рубиной творческие люди, обладающие необыкновенными способностями, увлекающиеся энтузиасты составляют особую касту непонятых и отверженных (в романе «Почерк Леонардо»: «Отец был озадачен столь бурным увлечением Нюты зеркалами, считал Элизера сильно тронутым бездельником...» [4, с. 175]; в романе «Синдром Петрушки» таким персонажем выступает аутичный мальчик, оживляющийся только во время кукольного представления, увлеченный театром; в романе «Русская канарейка» это вынужденный вести двойную жизнь котратенор Леон Этингер; в романе «Белая голубка Кордовы» - талантливый художник и одновременно преступник Захар Кордовин, вынужденный скрываться от преследования). Д. Рубина подчеркивает одиночество таких людей, и даже какую-то их нездешнюю природу. Так, предвидения Нюты, неосторожно высказываемые ею время от времени, настраивают против нее бывших друзей и подруг, объявляющих ее ведьмой и считающих, что она приносит несчастья: «Женевьева уверяет, что ты знала. Правда, она совсем обезумела, и вообще говорит о тебе ужасные вещи... Но она всеми святыми клянется, будто ты знала, что Элен погибнет. И если это так... не кажется ли тебе, Энн, что правильно было бы предупредить девушку?» [4, с. 517]. Люди не понимают объяснений Нюты, что она – «просто зеркало», и что «все читают эту книгу [жизни, событий, бытия] по складам, по слову, по строчке, запинаясь на каждой букве. А я знаю все содержание. Но не могу заставить автора переписать страницу» [4, с. 524]. Но на все попытки объяснить свой феномен Нюта встречается со стеной непонимания. Ее отвергают как чуждую по духу, как слишком много знающую и видящую, от которой нельзя скрыть никакой фальши.

Нездешняя природа Сени, играющего на фаготе и Нюты подчеркнута в их уходе из жизни. Это яркий пример магического реализма. Нюта совершенно естественно уходит в параллельное пространство, символизирующая ее смерть в физическом мире: «Ну, что ж, сказала она себе. Села на мотоцикл, вывела его со стоянки и, разогнав до предельной скорости (Христина заорала благим матом: «Нюта, нэ ходь туды!!! Нэ ходь туды-и-и-и!!!»), на середине моста Картье вздернула на дыбы и, вылетев поверх ограды, понеслась по зеркальному коридору между черным, сверкающим огнями заливом Святого Лаврентия и черным заливом золотого салютного неба...» [4, с. 536]. После этого она является (что характерно, в зеркале) своему другу Сене, сидящему в занесенном внезапным снегопадом автомобиле и играющему на фаготе: «Взял фагот и мельком кинул взгляд в зеркало заднего обзора. В левом углу, на фоне забеленного снегом окна, уютно подвернув под себя ноги, сидела Анна» [4, с. 564]. Эти эпизоды напоминают прощальный полет Воланда со своей свитой над Москвой в

романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Только герои М. А. Булгакова уходят в грозу, а герои Д. Рубиной исчезают в зазеркалье.

Таким образом, зеркальная тема в романе Д. Рубиной «Почерк Леонардо» вводит в ткань повествования элементы магического реализма. Образ зеркала сам по себе выступает средством перехода между мирами, является магическим, таинственным атрибутом. Его образ явно амбивалентен, и эта амбивалентность ярко выражена в романе Д. Рубиной: зеркало как технический инструмент и культурный феномен; зеркало как связь с параллельным миром (в нем Нюта видит умершую мать; в нем же она является своему другу перед смертью; при помощи внутренних зеркал в сознании она «читает» мир и видит его во всей полноте, недоступной обыкновенным людям). Все это дает основание говорить о том, что элементы магического реализма характерны для творческого метода Д. Рубиной.

Список литературы

1. Гугнин А. А. Магический реализм // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2003. Стб. 489-492
2. Логвинова И. В. Люди, вещи и культурная память в романах Дины Рубиной: культурологический аспект // Материалы I Международной научной конференции «Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности». Том 4. Филологические науки, культура и искусство. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. – С. 128-131.
3. Логвинова И. В. Элементы магического реализма в романах Дины Рубиной // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. – №4. – 2016. – С. 17-20.
4. Рубина Д. Почерк Леонардо. – М.: Эксмо, 2014. – 576 с.

THE MIRROR'S IMAGE IN THE NOVEL «LEONARDO'S HANDWRITING» BY DINA RUBINA: TO THE QUESTION OF MAGIC REALISM

Logvinova I.

The article analyzes the image of the mirror in the novel D. Rubina «Handwriting Leonardo». The author makes a conclusion that mirrored the theme enters into the fabric of the narrative elements of magical realism. What seems extraordinary and magical to ordinary people, for the protagonist of the novel and her friends is natural. Magical traits of reality, emphasizes D. Rubina, are an essential and a natural attribute of existence.

Keywords: magical realism; D. Rubina; image of mirror; the cultural trend in literature; cultural memory.

ВИЗНАЧАЛЬНІ КОНЦЕПТИ ЛЮДИНИ У ПОЕЗІЇ МИКОЛИ ЧЕРНЯВСЬКОГО

Ірина Ярошевич

кандидат філологічних наук, доцент

ДООУ ВПО «Донецький національний університет»

Донецьк

e-mail: kafukrfilipl@gmail.com

В статье исследуются основные концепты человека в поэтических произведениях Н. Чернявского. Рассматриваются теоретические основы концепции человека в художественном наследии писателя, что служит непосредственным «индикатором» его творческого метода. Акцентируется внимание на связи концепции человека и его мира с творческим самопроявлением автора, конкретизируется новаторский подход в изображении человека на разных уровнях: эстетическом, историософском и стилевом.

Ключевые слова: концепт, субъект, духовность, реалистичность, современность

Микола Чернявський максимально повно прагнув реалізуватися у житті, свідомо обираючи свій шлях, залишався вільним поетом, бо «не слідував одній, раз і назавжди запрограмованій (ідеологічно, соціально, естетично) концепції, не зв'язував себе стосунками з певною літературною групою, об'єднанням, організацією» [2, с. 137]. Митець репрезентував собою «класичний європейський тип «вільного художника», для якого самовпевненість, узгоджені зі статусом духовної незалежності» [2, с. 137].

Дебютував М. Чернявський поетичними збірками «Пісні кохання», «Донецькі сонети» та «Зорі», які були досить схвально оцінені критикою. Зокрема, І. Франко відгукнувся рецензією на збірку «Зорі», де намагався наголосити на домінантах творчої індивідуальності митця, говорячи про так звану «літературну фізіономію» [7, с. 355], зауважуючи, що «ся фізіономія дуже симпатична», а сам поет – «тиха, гармонійна натура», схильна до «глибокого смутку та меланхолії» [7, с. 355].

Про неординарність поезій М. Чернявського, особливості його стилю говорить О. Камінчук, підсумовуючи, що його творчість «засвідчує дискурсивну інтерференцію, співдію романтизму, неоромантизму, просвітництва, неокласицизму, елементів символізму й декадансу» [3, с. 43].

У наукових колах побутує думка, що людина – це «суб'єкт соціального процесу, творець культури та історії» [1, с. 414]. Людина не мислила без суспільства, – «до реальності її існування причетна не тільки вона сама як щось кінечне, а й вся історія людства» [5, с. 15].

М. Ткачук сформулював теоретичне осмислення концепції людини у творчому надбанні митця: «Людина і світ, особа і суспільство, людська особистість та історичний час – це питання, висвітлення яких має кардинальне значення для розуміння граней між різними творчими

напрямами і методами, шлях усіх типологічних узагальнень і побудов» [6, с. 4]. Більшість науковців намагаються простежити зв'язок концепції людини та її світу з творчим самовиявом митця, його новаторськими тенденціями на різних (естетичних, історіософських, тенденційних, стилетворчих) рівнях.

З під пера талановитого митця з'являється цілий ряд глибоко ліричних поезій, «овіяних ніжністю і теплотою почуттів, позначених журливо-сумовитим настроєм, що відбивав страшну дисгармонію між світлими мріями, райдужними надіями людини й сірою жорстокою дійсністю, яка вбиває кращі людські прагнення і поривання» [4, с. 11].

Людина у М. Чернявського глибоко закохана у свій рідний край, в безмежні степові простори, морські й гірські краєвиди, вона безмежно чесна і поступлива коли це стосується долі інших, це людина обов'язку і покликання, людина-творець, людина-оборонець, що ненавидить війну і все що з нею пов'язане, віддана своїй справі.

У ранніх поезіях, як і у більшості початківців, увага сконцентрована на людині-митцеві та його життєвому призначенню змінити світ на краще. Молодий поет лине думкою в таємний край, де народжуються принадні звуки поезій, де «палають зір чисті кристали». Поет порівнює свою думу з вільним орлом, який самотньо шугає в піднебесній височині і тільки, стомившись, сідає на землю перепочити. І ці «перепочинки» не пройшли марно для поета. Спускаючись на землю зі своїх надхмарних снів, М. Чернявський, бачить тяжке життя народу, його страждання й нестерпний біль. Тоді в мрійно-тихий плин чарівних пісень людини-поета вривається голосна нота, яка руйнує весь стрій його так старанно скомпонованого оркестру, неприємним звуком, що нагадує стогін змученої душі. І тоді лунають поетові слова, сповнені щирим бажанням віддати всього себе, весь свій талант боротьбі за народне щастя: «Поете, встань! Подай свій голос! / Отчизна жде тебе давно, / Як косаря достиглий колос, / Як кожне в колосі зерно» [8, с. 73].

Людина-герой несамовито виборює не тільки свою свободу, щастя, а й добробут усіх знедолених: «Ще поки серце в грудях б'ється, / Як бачу сльози я братів, / Не раз щодня воно здригнеться, / Не раз клятбою відгукнеться / На підлі вчинки наших днів» [8, с. 81].

Образ сильної вольової людини постає у поезіях «Сором в п'їтїмї духа», «Кайдани», «Я в двадцять літ одстав од віку...», «Товаришеві», «Вірю – не згину я в п'їтїмї дочасно...». Широко представлена у поезії М. Чернявського соціальна тема, об'єктом зображення постає людина знедолена («Сирота», «До сонця», «Косарі», «Засуха»). Він сприймав історію як «чинник творення сучасності» [3, с. 42], тому важливою складовою його поетичної творчості є людина історична («Степ»). Та реальні прототипи історичних подій вітчизняної історії («Князь Ігор», «Богданова інтродукція», «Кінець Дорошенка», «Іван Брюховецький» й історії інших народів («Атілла», «Цар і море», «Євшан»).

Поет художньо переконливо зобразив людину-шахтаря, реалістично передавши тяжкі умови праці робітників у Донбасі. Добуток вугілля у забої – справжня каторга для шахтарів – з ранку до ночі, без відпочинку, в темряві довбали вони вугілля, обливаючись потом і проклинаючи свою гірку долю: «У сажі, чорній, як мара, / Рукою піт з лиця втира / І кайлом вугіль б'є і б'є / В норі шахтар. На нього лле / Мутна, холодная вода, / І лампа світиться бліда, / Моргає стиха, мов дріма / Повітря дихати нема / Чи скоро зміна? Голова / Звиса, неначе нежива... / Півсуток цілих у норі – / Тут знайдуть смерть богатирі!» [8, с. 163].

Завершальним етапом у поетичному доробку М. Чернявського є художня передача людини-творця індустріальних будівництв. Це сповнений енергії і натхнення пристрасний цикл «Гігант», де поет оспівує людину як представника могутньої індустрії, що є провісником небаченої сили і міцності країни. Він гордий за здійснений трудовий подвиг людини, яким буде пишатися не одне наступне покоління. Тому вся поетична творчість М. Чернявського пройнята палкою любов'ю до людини у всіх її вимірах.

Список літератури

1. Бахтин М. Автор и герой в эстетической деятельности // М. Бахтин Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1979. – 345 с.
2. Голобородько Я. Мій поетичний символ віри – свобода / Я. Голобородько // Вітчизна. – 2000. – № 11 – 12. – С. 135-140.
3. Камінчук О. Поетична творчість Миколи Чернявського в дискурсивно-типологічному контексті української поезії кінця ХІХ – початку ХХ століття / О. Камінчук // Слово і час. – 2004. – № 1. – С. 35-44.
4. Костенко В. Микола Чернявський / В. Костенко / М. Чернявський Твори : У 2-х т. – К. : Дніпро, 1966. – Т. – С. 5-37.
5. Кулакевич Л. Концепція світу і людини в системі художніх координат літературної творчості С. Йовенко / Л. Кулакевич. – Дніпропетровськ, 2008. – 190 с.
6. Ткачук М. Естетична концепція людини в «Енеїді» І. Котляревського / М. Ткачук. – К. : Вища школа, 1995. – 56 с.
7. Франко І. Микола Чернявський «Зорі». Збірник поезій. Київ, 1903 / І. Франко. – Зібрання творів: У 50 т. – К. : Наукова думка, 1981. – Т. 34. – С. 355-359.
8. Чернявський М. Оригінальні твори / М. Чернявський / Твори : У 2-х т. – К. : Дніпро, 1966. – Т. 1. – 515 с.

DEFINING HUMAN CONCEPTS IN N. CHERNYAVSKY'S POETRY

Yaroshevich I.

The article examines the defining concepts of a man in the poetic works of N. Cherniavsky. Discusses the theoretical foundations of the concept of personality in the artistic heritage of the artist, which is the immediate "indicator" of his creative method. Emphasizes the connection of the concept of man and his world with the creative expression writer, and at the same time outlines his innovative approach to the image of a man on different levels: aesthetic, historiosophical and stillwarm.

Keywords: concept, subject, spirituality, realism, modernity

РОЛЬ МУЗИКИ ЯК СЮЖЕТОТВОРЧОГО КОМПОНЕНТУ В ІНТЕЛЕКТУАЛЬНОМУ РОМАНІ В. ДОМОНТОВИЧА «БЕЗ ҐРУНТУ»

Світлана Білокінь

кандидат філологічних наук, доцент

e-mail: clairsv@mail.ru

Ніна Ковтун

магістр

ДООУ ВПО «Донецький національний університет»

Донецьк

e-mail: nina_kov1992mail.ru

В статті розглядається роль музики як сюжетообразуючого компонента в інтелектуальному романі В. Домонтовича «Без ґрунту». Для зображення значимості музичної теми в творчості автора привнесені і інші твори Домонтовича (роман «Доктор Серафікус, розповідь «Спрага музики»). На конкретних прикладах проілюстровано вплив музики на свідомість і світогляд героїв роману. Показано особливе значення Другої симфонії К. Шімановського для розкриття сюжету твору. Зроблено висновки про смислове і сюжетне паралельність між інтелектуальним романом Домонтовича і описаним в ньому музичним твором польського композитора-романтика.

Ключові слова: сюжет, композиція, музика, симфонія, інтелектуальний роман.

Українська інтелектуальна проза 20-х років ХХ століття стала цікавим культурним і літературним явищем. Зміна епох, злам століть відобразилися на тогочасному житті як перехідних мешканців радянського простору, так і на видатних творчих особистостях.

Неординарною на цьому тлі була постать Віктора Петрова-Домонтовича, яку характеризують таємничістю та загадковістю його приватного життя і звичайно ж його інтелектуальна романістика. Як слушно зауважує С. Павличко щодо творів В. Домонтовича: вони «ще не прочитані ні в повному обсязі, ні з належним осмисленням їхнього сенсу» [4, с. 124].

Як зазначає Ю. Шерех: «За письменником В. Домонтовичем «видніється науковець», його художня проза наскрізь аналітична, нагадує науковий» [7, с. 138]. Дійсно, проза В. Домонтовича розрахована на читача з широким світоглядом, гарною освітою, здатного до занурення в глибинний зміст тексту, його внутрішні зв'язки з іншими творами й іншими видами мистецтва. «Тогочасна українська критика вказувала на цілий ряд мистецьких джерел, що з ними видимими і невидимими нитками пов'язана творчість Віктора Петрова. Згадувались імена Анатолія Франса, Анрі де Реньє, В. Винниченка, М. де Унамуно, Х. Ортега-І-Гассета» [3, с. 137].

Специфічними є інтелектуальні романи Домонтовича і з сюжетно-композиційного боку. Так, проза автора відзначається надзвичайною

кількістю позасюжетних елементів: авторських, філософських відступів, вставних новел, цитат, посилань на відомих філософів, психологів, культурних, літературних діячів, на твори інших авторів, та здобутки інших видів мистецтва.

Маючи здатність навіювати почуття, передавати настрої, враження, переживання, музика на початку ХХ століття набула статусу одного з провідних видів мистецтва.

Література цього часу засвоює властивості музики різними шляхами: автор запозичує термінологію з музики (симфонія, соната тощо), інтерпретує на власний розсуд музичні твори, описує їх вербально, оперує іменами відомих композиторів, згадує популярних виконавців тощо.

У творах різного часу В. Домонтович неодноразово звертається до музики. Наприклад, у романі «Доктор Серафікус» головний герой постає як піаніст-імпровізатор, який граючи повністю поринає в світ музики, розчиняється у ній до останнього звучання, останньої ноти. В оповіданні «Спрага музики», що занурює нас в емоційно напружену історію кохання Бенвенути й Райнера Марії Рільке. Два життя, дві самотності поєднує музика. Вона веде героїв одне до одного. Рільке пише в листі до Бенвенути, що він перенасичений зоровими враженнями, і тому прагнув музики, світу, перетвореного в музику. «Одного дня хтось грав у маленькому готелі. Я не бачив музики, я сидів у сусідній кімнаті, і тоді я відразу відчув, що світ зникає, що він дедалі більше перетворюється в плин, і це було для мене щастя, яке я сприйняв без зусиль, я був сповнений почуттям, цілком розчинений у музиці» [2]. В останньому прикладі музика була способом пізнання світу, а також способом пізнання душі обох героїв.

Музичні фрагменти чи посилання на певні музичні твори в художньому тексті допомагають автору створити особливий інформаційно-комунікативний простір, виразити свої інтенції. Передбачається, що інтелектуальний потенціал читача, який є другим комунікантом в цьому діалозі, дозволяє або не дозволяє досягти закладеної автором-митцем мети – вплинути на свідомість реципієнта, викликати асоціації, рефлексії, відчуття.

Роман В. Домонтовича «Без ґрунту» містить велику кількість позасюжетних елементів та відступів, які несуть основне смислове навантаження твору. Основою твору є історія кохання Ростислава Михайловича і Лариси Сольської. Цікавить той факт, що засобом зближення цих двох людей стає музика, а саме Друга симфонія К. Шимановського.

Карол Шимановський, відомий польський композитор з українським корінням. Його талант проявився в досить юному віці, а творчість була дуже багатогранною. Шимановського не можна цілком віднести о єдиної течії мистецтва. «Його бачення було романтичним, але на стильовому рівні його романтизм стояв поруч і взаємодіяв із імпресіонізмом, неокласицизмом, неофольклоризмом і навіть певною мірою з експресіонізмом» [5]. Друга симфонія Шимановського дарує слухачу оголене вираження почуттів, складний емоційний підтекст, є відкритою декларацією неоромантизму. Цей

музичний твір являє собою складні структуру, грандіозне переплетіння тем і їх варіацій, поєднання різних частин спільним лейтмотивом, комплекс роздумів, розплутування драматургічних вузлів, пов'язаних з попередніми частинами. Попри все це конструкція симфонії доведена композитором до ідеально логічного звучання.

Проведемо паралель з творами В. Домонтовича. Строкатий через позасюжетні елементи, насичений філософськими міркуваннями, роздуми про мистецькі концепції, місце людини в світі, зміну епох тощо, розбитий на смислові частини, твір Домонтовича геніально логічний, вивірений і точний в авторських намірах. Можливо, саме цим і пояснюється вибір музичного твору, що Домонтович кладе в основу розвитку основної сюжетної лінії.

Проза Домонтовича – це проза наскрізь раціональної людини, що багато і радо читала твори експресіоністів. Ю. Шевельов відзначав: «Стилістично проза Домонтовича весь час з класичної рівноваги виривається в експресіоністичне нагромадження й буяння. Але – тут парадокс Домонтовича – воно не стає емоційним. Воно лишається розумовим» [6, с. 24]. Проте сам Домонтович стверджував, що носії ідеї панування розуму самі ірраціональні.

І тому ірраціональність кохання Ростислава Михайловича і Лариси Сольської гармонійно вписується в світоглядні уявлення автора. Керована музикою, історія кохання ожила на сторінках роману.

Ростислав Михайлович зустрівши на вулиці Ларису Сольську «впізнає» жінку завдяки музиці. А якщо точніше – її образ навіює спогад про музику, яка проростає й міцно вкорінюється у свідомості героя, не даючи йому більше ні хвилини спокою. Музичний твір тут постає засобом зближення героїв, спонукає до розвитку стосунків, тобто ініціює подальше розгортання сюжету.

Ростислав Михайлович піддається внутрішньому ірраціональному поштовху йти за Ларисою, довідатися, що саме змусило його визнати її за знайому. Інтуїтивно, навпомацки герой шукає шляху до розгадки. Жоден образ, що він вилучає зі своєї професійно відмінної пам'яті, жодне обличчя з-поміж сотень облич, що він бачив, не відповідає його пошуку. Він у відчаї, адже певен, що розгадка десь поруч.

Так само, як Рільке в оповіданні «Спрага музики», Ростислав Михайлович доходить висновку, що зір не може йому допомогти, що треба шукати порятунку в інших формах сприйняття світу. Тоді його свідомість підказує йому ледве вловимий, знайомий музичний фрагмент: «І тут виникла музика! <...> Лине музична ріка світу. Я поринаю в неї, я розчиняюсь в ній» [1, с. 355]. З окремих, поодиноких звуків в його свідомості складалася знайома музична фраза.

Боячись загубити цю нитку правди, герой хапається за неї, наполегливо відтворюючи в пам'яті лейтмотив із Другої симфонії Карола Шимановського. Музика захоплює його свідомість, і надає впевненості у правоті: він дійсно знає цю жінку! Симфонія присвячена жінці на ім'я Лариса

Сольська. Це мелодія, яку він бачив. Це зоровий образ, який він чув. Музика, здатна довести своєю силою і напругою до екстазу, спроможна спалити, потрясти, захопити й не наситити. Саме музика створює той конфлікт, який лежить в основі сюжету. «Це кохання, що розкривається одночасно в слуховому й зоровому сприйнятті» [1, с. 356]. Ростислав Михайлович *чув* цю жінку перед ним.

Двічі обурена поведінкою незнайомця, Лариса нарешті дозволяє музиці повести її на шлях кохання, налаштовує на довірливе ставлення до незнайомця. Хоча вона ніяк не може осягнути, як чийсь образ може так точно відтворити музика йому присвячена, наскільки сильне враження мала вона справити на людину, щоб так безпомилково привести до неї.

Музика керує героєм, коли той сідає за музичний інструмент. Будучи просто аматором, з невідомих для нього причин, під впливом музичного образу з симфонії, Ростислав Михайлович несвідомо прагне відтворити звучання мелодії в присутності тієї, кому вона присвячена. «Музика наповнює мене. Мене вже немає. Є лише музика, і я в повній покорі музиці. <...> Я поринув у згуки. Я розчинився в згуках. Світ обернувся в музику. Була музика, була музична, слухова абстракція світу. Світ і вона, ця жінка, сприйняті й втілені в музиці» [1, с. 365]. Навколо цих двох не залишилось нічого реального. Музика стала способом існування.

Цей момент єдності через музику є найнапруженішим у стосунках героїв. Ростислав Михайлович, бачив себе у дзеркалі і розумів, що музика привела їх на новий шлях, в умовну реальність, створену мистецтвом на противагу дійсності.

Лариса присвятила музичній діяльності своє життя, тому музика для неї – певний ритуал. Вона перевдягається у концертну сукню. Знов музика веде героїню за собою.

Вона просила грати ще. Це було благання, потреба. Вона ніби просила пощади. Ростислав Михайлович, який вже повністю піддався владі симфонії, не був певен, наскільки Лариса володіла собою. Вона злилася з музикою, ототожнювала себе з нею. Через неї герой пізнавав музику, і через музикою сягав глибин її сутності. Це був момент найсильнішої пристрасті. І це принесла із собою музика.

Характерною є зміна настрою героїв протягом дії твору, яскраво виявляється вона в тому, що Домонтович полишає пристрасну симфонію Шимановського, а розвиває тему романсів Чайковського, які співала Лариса. Перед Ростиславом Михайловичем поставав зовсім інший світ, він як день і ніч різнився з симфонією, малюючи картини фіналу і трагічності. «Усе, що відбувалося, діялося в цьому зміненому світі, де все було те саме і разом з тим інше» [1, с. 439]. Ми бачимо як відрізняються два нереальних світи: один створений симфонією, а інший романсами.

«Я думав про ту дивну й страшну подвоєність життя й творчості Чайковського, про трагічне його кохання, про цей фантастичний роман його з пані фон-Мекк, що тягся десятиліття й що його насправді не було» [1,

с. 440]. Це дає підставу читачеві уже зараз замислитись про реальність кохання наших героїв, про життєздатність цього кохання. Тепер як ніколи герой розуміє всю ілюзорність свого кохання і нетривалого роману. Реальним залишився тільки квиток на потяг. Знову постає проблема відірваності від світу, тема безгрунтярства.

Любовні стосунки героїв у романі «Без ґрунту» – це єдина, доведена до кінця, історія кохання у творчості Домонтовича. Він залишає нам відкритий фінал твору, навіть пропонує певні варіації продовження роману Ростислава Михайловича і Лариси. Але музика вже все сказала нам: таке кохання нереальне, ілюзорне. Так само, як і в Другій симфонії Шимановського, у романі «Без ґрунту» усі складні перетини частин і лейтмотивів доходять до свого логічного фіналу.

Список літератури

1. Домонтович В. Без ґрунту. / Ред. рада: В. Шевчук та ін.; вст. ст. Ю. Шевельова; післямова Р. Корогодського; іл. С. Якутовича. – К. – Видавництво «Гелікон», 2000. – 520 с.
2. Домонтович В. Спрага музики. URL: <http://www.ukrlib.com.ua/books/printit.php?tid=3250>
3. Лисенко Н.В. Письменники-модерністи МУРУ (І. Костецький та В. Домонтович) у рецепціях літературознавців України і діаспори // Молодий вчений. – № 4 (19). – Частина 1, 2015 р. – С.135-139.
4. Павличко С. Д. Дискурс модернізму в українській літературі / С. Д. Павличко. – Монографія. – К: Либідь, 1997. – 360 с.
5. Польская музыкальная культура. К. Шимановский. URL: : <http://www.worldculture.ru/woculs-171-2.html>
6. Шевельов Ю. Шостий у гроні. В. Домонтович в історії української прози // Домонтович В. Без ґрунту. – К. – Видавництво «Гелікон», 2000. – с. 8-39.
7. Шерех Ю. Віктор Петров, як я його бачив / Юрій Шерех // Шерех Ю. Пороги і запоріжжя. Література. Мистецтво. Ідеології. Три томи. Т. 3 / Ред. рада: В. О. Шевчук та ін.; Упоряд. та приміт. Р. М. Корогодського. – Харків: Фоліо, 1998. – С. 88-135.

THE ROLE OF MUSIC AS A PLOT FORMING COMPONENT IN THE INTELLECTUAL NOVEL BY V. DOMONTOVYCH «WITHOUT SOIL»

Belokon S., Kovtun N.

The paper reveals the role of music as the plot forming component in the intellectual novel by V. Domontovych «Without Soil». To display the significance of a musical theme in the author's creativity some other Domontovich's works were involved (the novel «Doctor Serafikus», the story «Thirst for music»). The music influence on the consciousness and the worldview of the novel's characters were illustrated on the specific examples. The particular importance of the Second Symphony by K. Shymanowskiy to deploy the work's plot was demonstrated. The conclusions about the semantic or thematic parallelism between Domontovich's intellectual novel and musical composition of the Polish romantic composer, that has been described in this novel have been made.

Keywords: plot, composition, music, symphony, intelligent novel.

ПОЕЗІЯ М. КОСТОМАРОВА І АНТИЧНА КУЛЬТУРА

Маргарита Бородінова

кандидат філологічних наук, доцент

ДООУ ВПО «Донецький національний університет»

Донецьк

e-mail: kafukrfilipl@gmail.com

В статті аналізуються поетическіе произведения Н. Костомарова разных лет в аспекте связей с античной культурой. При этом учитываются факты интереса писателя к античности в ее историко-культурных измерениях, рассматриваются закономерности появления произведений такого типа. Исследуется специфика художественной интерпретации античных элементов, включение их в романтический контекст. Учитываются связи между этими произведениями.

Ключевые слова: античность, рецепция, интерпретация, романтический контекст, аллюзия.

М. Костомаров посів визначне місце в історії української культури як історик, автор досліджень із питань фольклору, літератури, ідеолог Кирило-Мефодіївського братства. Реалізував творчий потенціал і як письменник, виявивши себе у різноманітних поетичних, драматичних, прозових жанрах.

«Античність» в історико-культурних вимірах стала важливим фактором його духовності, а також набула художнього втілення у поезії, драматургії. Зв'язок із античною культурою найбільш виразний у поетичних творах «Пантікапея» (1841), «Із антології: І. Еллада ІІ. Давнина» (1842), «Юпитер светлый плывет по зеленым водам киммерийским» (1852), а також у творах драматичних – «Кремуций Корд» (1849), «Еллины Тавриды» (1884). Поетичні твори обираємо предметом наукового аналізу.

Окремі аспекти проблеми «Костомаров і антична культура» представлені у наукових працях М. Зерова [1], М. Яценка [8], В. Смілянської [5], Д. Чижевського [7], Ю. Микитенка [4], Н. Чамати [6].

Інтерес до античної історії, культури формується у М. Костомарова під час навчання у Харківському університеті: «Воображение мое постоянно обращалось к Греции и Риму, к их богам, героям, к их литературе и памятникам искусства» [2, с. 92]. Перші поетичні спроби М. Костомарова – вірші російською мовою, наслідування античних авторів.

Своєрідним каталізатором, який ініціює включення «античного світу» у світ поезії Костомарова, стала поїздка до Криму. Він відвідав Феодосію, Ялту, Алушту, Бахчисарай, Керч. Саме у Керчі він пише поезію «Пантікапея», визначаючи таким чином задум твору: «Я изобразил блуждающую тень одного из боспорских царей, которого прах выбросили из могилы древлеискатели, и тень не находит себе покоя, что представлено

сообразно известному античному верованию о беспокойном блуждании умерших, лишенных погребения» [2, с. 109].

Твір, у якому дослідники вбачають ознаки драматичної поеми, починається пейзажем: «Місяць блідий сумно пливе / По водах морських...» [3, с. 105]. Романтичний персонаж, якого автор називає «Странний» (подорожній), виходить із міста, потрапляє на кладовище і зустрічається із тінню боспорського царя (Марою). Між Странним і Марою відбувається діалог. Мара (тінь) презентує себе таким чином: «Я сам був цар над берегом і морем, / Покірний мій народ мене любив ...» [3, с. 107]. Дух царя не знаходить спокою після осквернення могили. У мовну партію цього персонажа Костомаров включає античні міфологічні образи, реалії (Тартар, Селена, Аврора), щоб відтворити колорит минулого. Странний виявляє співчуття «Я жалую об тобі, нещасний царю» [3, с. 109].

Дві поезії, об'єднані назвою «Із антології: I. Еллада II. Давнина», написані у 1842 році, опубліковані як певна єдність (диптих) у 1861 році.

Ліричний суб'єкт поезії «Еллада» висловлює жаль за втраченими цінностями: «шкода твого Парсенона, шкода театрів твоїх, / Шкода Солонових прав» [3, с. 109]. Він вбачає і антигуманні засади у минулому Греції: «Ти не спиняла дітей..., вони гризлись з собою, як звірі / Пан для потіхи пускав злих на ілота собак» [3, с. 109]. Цей твір має романтичний характер, тому ліричний герой, відмовившись від ідеалізації, демонструє складне ставлення до Еллади.

У другій поезії циклу «Давнина» наявне художнє трактування античних богів із проекцією на сучасних правителів: «Арей-гайдамака», Юпітер «дощ золотий розсипає дівчатам». Ліричний герой іронізує з приводу античних богів і покірливості підданих: «Люди ж... / Голови мовчки побожно схиляють. / «Істинно, - кажуть, - не віл се, а Бог...» [3, с. 110]. М. Костомаров подає цікаву художню версію Прометей: «Як же задума який Прометей / Розуму світлом прогнати темноту – / Зцапають зараз боги молодця / Та й оддадуть на поталу шулікам» [3, с. 110]. Прометей уособлює протест проти тиранії, і це сприяє увиразненню антимонархічних тенденцій.

Поезія М. Костомарова «Юпитер светлый плывет по зеленым водам киммерийским» написана у 1852 році на засланні у Саратові. У 1852 році Костомаров отримав дозвіл виїхати на деякий час до Криму, щоб поправити здоров'я. Подібна ситуація – подорож до Криму – ініціює нову редакцію «Пантікапеї», але вже російською мовою. Відбувається своєрідне «повернення» до античної теми. Твір доповнюється автобіографічним елементом, має жанрові ознаки драматичної поеми (В.Смілянська).

Поема починається пейзажем: «Юпитер светлый плывет по зелёным водам / киммерийским. / Сон туманный покрыл и город, и порт» [3, с. 133]. Далі автор-розповідач окреслює романтичну ситуацію: «в селеньях / Сильных Пантикапеи бродит странник унылый» [3, с. 133]. Подорожній («странник»), як і персонаж твору «Пантікапея», споглядає руїни на старовинному кладовищі й зустрічається із тінню (привидом): «Облик бесплотный, легкий, но темный, струйке /

подобный / Дыма» [3, с. 134]. В образі тіні акцентується темне начало. Як і в творі «Пантікапея», між подорожнім і тінню відбувається діалог. Тінь, вдаючись до прийому самохарактеристики, говорить про себе: «Был я царем и приморья, и моря, и всей Меотиды, / Гордых жестокий каратель, смиренных благой утешитель» [3, с. 135]. Виникає мотив осквернення могил. Автор-розповідач окреслює реакцію подорожнього на розповіді царя: «Весь потрясенный, проникся участием к царственной тени» [3, с. 135]. У цьому творі виникає новий мотив: цар не має спокою, тому що «Роем грехи мои вышли из бездны забвенья...» [3, с. 136]. Подорожній зустрічається з іншим персонажем – тінню поета. У його зовнішності підкреслюється світле начало. Тінь поета розповідає драматичну історію про те, як цар-тиран, повіривши доносу, страшно покарав його, замурувавши у башті-в'язниці.

У творі «Юпитер светлый...» виразніше окреслюється антимонархічна тенденція. Слушними є міркування В. Смілянської про алюзійність, автобіографізм другої частини: «твір алегорично зображує власну долю поета-кириломефодіївця, тяжко покараного тираном-Миколою І: спершу ув'язненням в Петропавлівській фортеці, тоді засланням і розлукою з нареченою А. Крагельською» [5, с. 518]. В образі тіні поета розкривається сам М. Костомаров, Евфросина – його наречена Аліна Крагельська.

Твори М. Костомарова демонструють цікаві форми синтезу античних і національних джерел, є значними художніми явищами.

Список літератури

1. Зеров М. Українське письменство ХІХ ст. / М. Зеров // Зеров М. Твори : У 2 т. – Т. 2. – К. : Наукова думка, 1990. – 139 с.
2. Костомаров Н. Автобіографія / Н. Костомаров // Костомаров Н. Автобіографія. Бунт Стеньки Разина. – К. : Наукова думка, 1992. – С. 78-327.
3. Костомаров М. Твори : У 2 т. / М. Костомаров. – Т. 1. – К. : Дніпро, 1990. – 535 с.
4. Микитенко Ю. Антична спадщина і становлення нової української літератури. – К.: Наукова думка, 1991. – 156 с.
5. Смілянська В. Літературна творчість М. Костомарова / В. Смілянська // Костомаров М. Твори : У 2 т. – Т. 1. – К. : Дніпро, 1990. – С. 5-37.
6. Чамата Н. Особливості раннього українського гекзаметра / Н. Чамата // Слово і час. – 2010. – № 6. – С. 105-116.
7. Чижевський Д. Історія української літератури: Від початків до доби реалізму / Д. Чижевський. – Тернопіль: Феміна, 1994. – 470 с.
8. Яценко М. Микола Костомаров // Історія української літератури 19 ст.: У 3 кн. / За ред. М. Яценка. – Кн. 2. – К.: Либідь, 1996. – С. 105-116.

M. KOSTOMAROV'S POETRY AND ANTIQUE CULTURE

Borodina M.

This article analyzes the poetry N. Kostomarov different years in terms of relations with the antique culture. This takes into account the facts of the writer's interest in antiquity in its historical and cultural dimensions, examined patterns of occurrence of this type of works. It turns out the specifics of artistic interpretations of antique elements, their inclusion in a romantic context. Included are links between these works.

Keywords: antique, reception, interpretation, romantic context, allusion.

СОВРЕМЕННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЯВЛЕНИЯ

УДК 009

МОДЕЛИ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА: ВЗГЛЯД КУЛЬТУРОЛОГА

Олег Штомпель

*доктор философских наук, профессор
Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: shtompel@donpac.ru*

Исследуется социокультурный кризис как процесс рассогласования социального и культурного. Сущностными моментами кризиса являются социальная, психологическая и культурная аномия, где первая исследуется как противостояние социальной и культурной подсистем общества, вторая - противостояние человека и деградирующего социума, третья - как осознание индивидом своего духовного несовершенства, внутренней кризисности. Модели выхода из кризиса определяются через преодоление видов аномии: ужесточение социального порядка, революционный путь разрушения существующего порядка, самосовершенствование и «самодостраивание» как способ изменения общества.

Ключевые слова: социокультурный кризис, социальная, психологическая, культурная аномия, выход из кризиса.

Социокультурный кризис - многомерный, сложный, динамически развивающийся феномен, стороны которого анализируются в различных методологически-смысловых контекстах. Эта многоплановость «провоцирует» разработку множества программ выхода из кризиса политических, экономических, социальных.

Различные философские и культурологические программы выхода из кризиса также послужили основой для создания социальных, экономических и политических планов, реализуемых различными политическими силами и опирающимися на определённые идеологические системы. Нам представляется, что отдельные программы выхода из кризиса отражают различные стороны единого и чрезвычайно сложного социокультурного процесса. Культура здесь - не довесок, не дополнительный элемент, придающий больший объём исследуемому феномену, а сущностная сторона единого противоречивого движения.

Углубление и развёртывание социокультурного кризиса осуществляется с точки зрения культуролога согласно эффекту «миниатюризации»: от оппозиции социальных и культурных структур на уровне общества, через противопоставление индивида и мира деградирующего социума - к внутренне противоречивому «я» индивида. Данная структуризация определяется следующими видами аномии как сущностными моментами развития социокультурного кризиса:

— социальной аномией как противоречивом единстве рассогласованных между собой социальной и культурной системами; при

этом оказывается невозможно достичь определяемых культурой целей законно одобряемыми обществом средствами;

— психологической аномией как «состоянием сознания», отражающем нарушение функционального соответствия между индивидами и социальными и культурными подсистемами; последние подвержены быстрым и разрушительным изменениям;

— культурной аномией как внутренней дисгармонией, состоянием индивидуального сознания, характеризующегося высоким уровнем рефлексии, интуитивным пониманием своего «я» как несовершенного, дисгармонирующего в своём посюстороннем социальном бытии с миром высшей и абсолютной культуры.

История человеческого общества и культуры демонстрирует нам возможные варианты разрешения социокультурного кризиса - в зависимости от того, в какой предметной сфере /общества, индивида или их взаимоотношения/ следует искать глубинную основу данного процесса. Первый вариант предполагает укрепление, реставрацию, воссоздание в первоначально-идеальном виде социокультурной системы, причём его реализация мыслится прежде всего через укрепление порядка при помощи усиления контролирующего и репрессивного воздействия на людей: «социальное» нормализует «культурное».

Следующий вариант выхода из социокультурного кризиса связан с абсолютизацией психологической аномии и попытками преодоления её за счёт «уничтожения» одной из противоположностей: аномичного внешнего мира, который отрицается, отвергается сознанием индивида. Оппозиция «мир-человек», где человек является страдающей и возвышающейся над всем несовершенством мира стороной, предполагает, что все беды связаны не с природой самого человека, а с кризисом и деградацией внешних, в первую очередь, институциональных форм человеческого бытия. Одна из главных идей западного Ренессанса и Просвещения заключалась в том, что человек является совершенным, добрым и прекрасным по своей природе, которая лишь искажена внешними, деградирующими и кризисными, условиями бытия. Выход из кризиса здесь мыслится как устранение всего того, что мешает развёртыванию истинной и гармоничной природы человеческого «я». Речь, таким образом, идёт о разрушении политических, идеологических, социальных и экономических институтов, которые препятствуют данной самореализации.

Устранение культурной аномии, предполагающей сосредоточение усилий личности в первую очередь на самоизменении и как следствие этого - установление нового внешнего социокультурного порядка, является третьей программой выхода из кризиса. Именно об этом говорил прообраз будущего старца Тихона «князь Ставрогину», олицетворяющему революционно настроенную русскую интеллигенцию: «...Прыжка не надо делать, а восстановить человека в себе надо долгой работой, и тогда делайте прыжок» [2, с.19].

Об этом же напряжённо размышлял С. Булгаков, осмысливая культурные основы русского революционного движения. Ошибку русской революционной интеллигенции он видел в том, что возрожденческий способ выхода из социокультурного кризиса явно превалировал в её сознании. «И вместо того, чтобы начать с воспитания народа /и прежде всего самой себя, как его самой активной части/ в духе внутренней свободы, начала с попытки преобразования внешних условий существования народа, т.е. опять же с политической революции - в тщетной надежде, что таким путём будет достигнуто его освобождение» [1, с.56].

Культурная аномия предполагает понимание и осознание человеком не только внешнего неблагополучия, абсурдности и антигуманности внешнего мира социального миропорядка, но и собственной «греховности», несовершенства. Преодоление собственного наличного ограниченного социального бытия личности осуществляется через осознание такового в противопоставлении с миром абсолютных культурных ценностей и через установку на саморазвитие, самосовершенствование, «самодостраивание» личности. Выход заключается не в революционной ломке и разрушении «старого мира», а в самоизменении, совершенствовании, наполнении новым ценностным содержанием старых форм социальной деятельности.

По мнению великого гуманиста XX века Альберта Швейцера, гибель современной культуры происходит потому, что дело этического обновления поручено государству, в то время как этика как сердцевина культуры, есть дело индивида. Утверждая себя в качестве нравственных личностей, люди тем самым способствуют и превращению социума из «естественного образования» в этическое. По его мнению, «страшная ошибка» предыдущих поколений была в склонности идеализировать и преувеличивать духовное могущество социальных структур, государства. В данной сфере может возникнуть лишь приземлённая этика целесообразности и вульгарная мораль благоприятных обстоятельств.

Глубокая культурная эволюция означает совершенствование качеств и способностей всего человеческого рода. Три аспекта характеризуют новый гуманизм, с которым, как с культурным абсолют, пытается воссоединиться «обновлённый человек»: чувство глобальности, любовь к справедливости и нетерпимость к насилию. В центре же стоит целостная человеческая личность и её возможности, и другого подхода, несмотря на то, что это кажется простым трюизмом, просто-напросто нет. Речь здесь идёт о «беспрецедентной культурной перестройке» миллиардов населения Земного шара - всех без исключения, независимо от уровня их положения в социальной иерархии. Трансформация личности есть, как отметил А.Печчеи, - основатель Римского клуба - «человеческая революция», единственная на данный момент реальная возможность выхода из современного глобального социокультурного кризиса.

«И вопрос сводится к тому, как убедить людей в различных уголках мира, что именно в усовершенствовании их человеческих качеств лежит

ключ к решению проблем, что это отвечает нашим общим интересам и что только мобилизация усилий и энергии на глобальном уровне создаст необходимые для этого условия. В этот критический час человеческой истории первым и самым главным долгом всего мирового сообщества на всех уровнях - включая отдельные страны, их сообщества, компании и, наконец, семью, является улучшение всеми доступными путями и способами личных качеств всех его членов. Надо, чтобы необходимость развития и совершенствования личной и коллективной готовности к предстоящим трудным временам и грядущим проблемам проникла в умы и сердца всех простых людей планеты, стала решающим фактором деятельности всех политических лидеров, правительств, учреждений и организаций. Именно этому следует отдавать абсолютный приоритет во всех человеческих делах, не жалея на возвышение и одухотворение человека ни времени, ни средств, ни душевных сил» [3, с.208].

Таким образом, пути выхода из социокультурного кризиса определяются в связи с различными фазами его динамики, видами и формами рассогласованности социального и культурного, его качественными характеристиками. Данное рассогласование, дисгармония, дисбаланс социального и культурного реализуется в трёх основных предметных сферах: 1) на уровне общества - как противоречие между его социальными и культурными подсистемами; 2) на уровне взаимодействия человека, субъекта культурно-исторического процесса, и общества - как отрицание индивидом деградирующего мира социума и культуры; 3) на уровне личности, внутренний мир которой содержит доминантную установку на собственную внутреннюю, духовную «анормальность», «недостроенность» в отношении с миром абсолютных культурных ценностей, а внешнее бытие, её социокультурный статус оценивается в качестве ущербного и подлежащего изменению.

Список литературы

1. Давыдов Ю.Н. Вебер и Булгаков. Христианская аскеза и трудовая этика // Вопросы философии. 1994. N 2.
2. Достоевский Ф.М. «У Тихона» (глава 9 части 2 романа "Бесы") // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-ти т.т. Т.11. – Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1974. – 415 с. С.5-30.
3. Печчеи А. Человеческие качества. – М.: Прогресс, 1980. – 302 с.

MODELS OF EXIT FROM THE CRISIS: VIEW OF THE CULTUROLOGIST

Shtompel O.

We study the socio-cultural crisis as a process of social and cultural mismatch. Social, psychological and cultural anomie are the essential moments of crisis, which first investigated as a confrontation of social and cultural subsystems of the society, the second - the confrontation of man and degrading society, the third - as an awareness of the individual of his spiritual imperfections, internal of crisis. Model of output from the crisis determined by overcoming kinds of anomie: the tightening of the social order, the revolutionary path of destruction of the existing order, and self-improvement as a way to change society.

Keywords: social and cultural crisis, social, psychological, cultural anomie, a way out of the crisis.

ПОЛИЭТНИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: НАЦИОНАЛЬНОЕ И ЭТНИЧЕСКОЕ

Алла Шакирова

*кандидат исторических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Россия
e-mail: alla-shakirova@mail.ru*

Татьяна Никитина

*кандидат социологических наук, ст. преподаватель
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Россия
e-mail: nita101@mail.ru*

В статье рассматривается влияние глобализации на современные социокультурные процессы, происходящие в полиэтнических государствах. Выявлено соотношение глобального и локального на уровне национальных государств. Анализируются особенности реализации национальной политики с учётом этнической самобытности и национального интереса. Авторами сделан вывод о трансформации как глобальных, так и локальных социально-политических, социально-экономических и культурных явлений и процессов, необходимости осуществления государством грамотной и взвешенной национальной политики с учётом интересов этнических групп.

Ключевые слова: глобализация, межнациональные отношения, национальное самосознание, национальный суверенитет, полиэтническое государство, социокультурная сфера; этническое.

Глобальный процесс интеграции современных государств, отражаясь в экономической, политической сферах, затрагивает, прежде всего, процессы, происходящие в социокультурной сфере общественной жизни. Вместе с тем, в системе сетевой солидарности информационно-культурное пространство формируют носители определённой культуры (национальной, профессиональной, корпоративной, семейной, возрастной) [6, с. 226]. Связи, соединяющие людей в народ, являются сегодня гораздо более фундаментальными, нежели классовые отношения [3, с. 117].

Выдающийся американский мыслитель, основатель теории миро-системы И. Валлерстайн прогнозирует к 2020 – 2025 годам снижение способности государств (и государственных систем) к поддержанию внутреннего порядка, в связи с этим - массовое обращение граждан за защитой к «группам», «эти группы могут быть самыми разными — этническими/религиозными/языковыми» [2, с. 46]. Уже сегодня мы наблюдаем, что этнос выполняет защитную функцию от социальной нестабильности, связанной с мировыми интеграционными процессами, происходящими в глобальном мире. Обращение к этничности обусловлено поиском идентичности, корней, базовых фундаментальных ценностей.

Этнос выступает ментальным ориентиром, очагом целостности, общности и одновременно социализирующим субъектом. В этих условиях необходима грамотная и взвешенная политика полиэтнического государства, как выразителя интересов нации и этноса, соблюдение баланса межэтнических интересов в рамках политики более высокого уровня – национального.

Россия, являясь полиэтническим государством, выстраивает национальную политику, опираясь на принцип толерантного отношения к населяющим страну этническим группам с учётом этнических и национальных интересов, создавая условия, позволяющие раскрыть культурную самобытность. Примером такой политики в сфере социокультурных отношений могут послужить мероприятия в рамках Дней национальной культуры различных этносов, проживающих в одном из субъектов Российской Федерации - Республике Татарстан (по официальным данным в Татарстане проживают представители более 173 национальностей) [8]. Это так полюбившийся всем жителям республики традиционный национальный татарский праздник Сабантуй, ежегодно организуемый во всех городах и сёлах республики. Это и праздник одного села Русское Никольское Каравон, принявший республиканский масштаб и форму этнографического фольклорно-культурного фестиваля. Праздник марийской народной культуры «Семьк», ежегодно отмечается в сёлах Татарстана. Республиканский праздник чувашской культуры «Уяв» традиционно проводится в Татарстане в одном из районов компактного проживания чувашского населения. Поддержка инициативы создания и функционирования общин выступает одним из направлений социокультурной деятельности государственных структур. Многочисленные украинские общины существуют практически во всех крупных городах России. С 1994 года такая община образовалась и в Казани. В 2017 году отметил своё тридцатилетие музей известного белорусского поэта Янки Купалы, расположенный в селе Печищи Верхнеуслонского района Республики Татарстан. В 1995 году Постановлением главы городской администрации в г. Казани был открыт центр образования «Многонациональная воскресная школа», насчитывающая на сегодняшний день 18 отделений, представляющих интересы национальных общин.

Осознание национальных интересов в процессе национального развития вполне закономерно, «развитие и поддержание любой культуры требует существования отличающегося и конкурирующего alter-ego» [7, с. 34]. В то же время интернационализация общественной жизни под влиянием глобальных процессов способна вызвать проявления национализма и экстремизма, что чаще всего происходит в периоды экономической и политической нестабильности. Поэтому задачей полиэтнического государства в лице политической власти становится создание условий, позволяющих раскрыть культурную самобытность и уникальность каждой из проживающих на территории государства этнической группы.

Международным правом зафиксированы всесторонние способы поддержания межнациональной стабильности, регулирования межнациональных отношений. Типовые международные документы закрепили право нации на создание суверенного государства; на свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним; на установление любого другого статуса; на свободное распоряжение своими естественными богатствами и ресурсами без ущерба для каких-либо обязательств [1, с. 30]. Легитимность государственной власти обеспечивается при условии соблюдения общественных интересов, прав и свобод личности, поддержания национальной самобытности и развития всех форм национальной культуры (национальный язык, традиции, религиозная идентичность, прочее). Для сохранения целостности государства необходимым представляется интеграция, осознание и принятие проживающими на территории государства этническими группами национальных интересов, а не только этнических. И значительная роль в этом процессе отводится государственным структурам, призванным выражать интересы нации.

Становится очевидным, что принятые политические решения в одном государстве, распространяясь по коммуникативным каналам, отражаются на политической, экономической и социокультурной жизни других государств. Примером глобального влияния мировой политической системы на отдельно взятые государственные автономии является современная ситуация с непризнанными республиками ДНР и ЛНР. Происходящие глобальные политические процессы на локальном уровне проявляется в непосредственном вмешательстве в политическую жизнь страны межправительственных международных организаций и различных властных институтов; активном участии в политике независимых государств негосударственных международных структур, профессиональных ассоциаций, различного рода социальных движений или модераторов конфликтов в регионе.

Проблемы, связанные с международной безопасностью, осознаются мировым сообществом и вызывают необходимость создания центров глобального управления, таких как ООН, ЮНЕСКО, ВОЗ или Всемирная торговая организация. Очевидно, что решения подобных организаций, выражающих интересы большинства стран, могут противоречить национальным интересам и политике отдельных государств.

В таком ракурсе государственные вопросы в сфере межнациональных отношений, трансформируются в проблемы межэтничности в глобальном измерении, что требует координации действий с межгосударственными правительственными и неправительственными организациями.

Современный вариант демократии: «людям с различной верой и убеждениями жить вместе по одинаковым законам. Это означает, что закон большинства дает возможность уважать мнение меньшинства; утверждение идентичности сосуществует с признанием другого. Это больше, чем

толерантность». Современная демократия «означает признание другого, признание существования различий в обществе в отношении и к законам, и к культурным ориентациям» [5, с. 53].

Исследователь Л. Г. Кирьянова выделяет пять основных видов реакций различных стран в глобализационных процессах: 1) максимальная открытость, не критичность локальной культуры по отношению к действию глобальных потоков и институтов; 2) сосуществование локальной культуры с глобальными культурными формами без какого-либо значимого взаимовлияния и интеграции; 3) адаптация и трансформации глобальных потоков в результате сильной локальной реакции, появлении гибридных форм; 4) защита локальной культуры от глобализационных процессов, борьба и отрицание; 5) регионализация как тип реакции на глобализацию, выражающаяся в сближении стран на основе культурных ценностей [4, с. 121-127]. На наш взгляд, сегодня практически невозможно классифицировать государства в соответствии с предложенной типологией. В разных странах в тех или иных политических, экономических, социокультурных условиях мы можем наблюдать сочетание реакций на происходящие глобализационные процессы. Устойчивость государства, сохранение территориальной целостности обусловлена успешностью выбора стратегий поведения правительства на вызовы глобальной системы.

Наблюдается трансформация локальных ситуаций: сегодня они всё больше становятся составной частью глобальных процессов. В то же время глобальные явления испытывают влияние множества локальных практик через их интерпретацию. Результатом становится трансформация как глобальных, так и локальных социально-политических, социально-экономических и культурных явлений и процессов, что требует дополнительных усилий со стороны государственных структур.

Список литературы

1. Аюпов М. А. Управление межнациональными отношениями и основы государственной национальной политики Российской Федерации / М. А. Аюпов // Экономика и управление. - 2005. - № 6. - С. 28-31.
2. Валлерстайн И. После либерализма / И. Валлерстайн / Пер. с англ. / Под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М.: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.
3. Кара-Мурза С. Г. Демонтаж народа. Учебник межнациональных отношений / С. Кара-Мурза // М.: ООО «ТД Алгоритм», 2015. - 448 с.
4. Кирьянова Л. Г. Общество в контексте глобально-локальных отношений / Л. Г. Кирьянова. – Томск: Дельтаплан, 2007. - 136 с.
5. Турен А. Социальные изменения двадцатого столетия / А. Турен // Социологическое обозрение. Том 2. № 4. 2002. - С. 49 – 54.
6. Шакирова А. Ю. Информационно-культурное пространство в формировании ценностей современной сельской молодежи / А. Ю. Шакирова // Гуманизация информационного пространства в контексте диалога культур: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения первого декана факультета журналистики Казанского университета Флорида Агзамов (11 февраля 2016 г., г. Казань) [Электронный ресурс] / под ред. В. З. Гарифуллина; сост. Р. Л. Зайни. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – 414 с.

7. Эдвард Саид. Ориентализм. Послесловие к изданию 1995 года / Саид Эдвард. // Социологическое обозрение. Том 2. № 4. 2002. - С. 33 – 48.
8. Население. Электронный портал «Официальный Татарстан» // <http://tatarstan.ru/about/population.htm> (дата обращения 07.03.2017)

POLITICAL STATE IN THE GLOBAL WORLD: NATIONAL AND ETHNIC

Shakirova A., Nikitina T.

The article examines the influence of globalization on modern socio-cultural processes occurring in multi-ethnic states. The correlation between global and local at the level of national states is revealed. The features of the implementation of the national policy, taking into account ethnic identity and national interest, are analyzed. The authors made a conclusion about the transformation of both global and local socio-political, socio-economic and cultural phenomena and processes, the need for the state to implement a competent and balanced national policy, taking into account the interests of ethnic groups.

Keywords: globalization, international relations, national consciousness, national sovereignty, multiethnic state, sociocultural sphere, ethnic.

УДК 123.1

ФЕНОМЕН СВОБОДЫ КАК ОБЪЕКТИВНАЯ ДАННОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Наталья Шатохина

кандидат философских наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Донецк

e-mail: shatohina-85@mail.ru

В статье рассматривается феномен свободы и актуальность его изучения в масштабах современного социума. Предпринимается попытка обосновать историческую значимость и детерминированность свободы, ее роль в жизни человека.

Ключевые слова: свобода, общество, детерминизм, бытие, случайность, революция, трансцендентальность, ноосфера.

Постановка проблемы. Все материальные ценности которые имеет современный человек, все духовное наследие, которое он носит в своем сознании, не возникло из ниоткуда. Оно явилось как следствие многовековых трудов предков, но что же стояло в основе этого прогрессивного труда, что двигало вперед силу созидания? Никакая творческая идея не может воплотиться в жизнь если её автор будет несвободен в своем самовыражении. Свобода движет вперед, заставляет стремиться к новым горизонтам, и потому именно свободу можно охарактеризовать как одно из необходимых объективных условий возникновения нового. Рассмотрение феномена свободы с такой точки зрения открывает новые грани данной философской проблемы, позволяет абстрагироваться от внерациональных концепций.

Анализ последних достижений и публикаций, в которых отражена данная проблема. Свободу как необходимое условие созидания рассматривало достаточно много ученых разных времен. Следует вспомнить: Платона, Дж. Вико, Ф. Вольтера, Д. Дидро, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Л. И. Шестова, А. И. Герцена, П. А. Кропоткина, Н. Н. Суханова, А. А. Богданова, Дж. Бернала, М. Бунге, М. Планка, М. М. Дерковского, М. З. Брызгалова, Г. Г. Дилигенокого, В. А. Лекторского, А. В. Дмитриева. Однако, в их работах недостаточно глубоко анализируется феномен свободы, как объективная причина преобразований, как в био- так и в ноосфере.

Цель статьи: изучение свободы как объективной необходимости онтологического развития. О феномене свободы написано немало философских трудов, так или иначе его проблема освящена практически в каждой философской теории. Свободу изучали как идеальное теоретическое понятие отвлеченное от объективной действительности. Рассматривали свободу и как необходимое условие жизни индивида, свойство его существования. Но, несмотря на повышенный интерес к проблеме свободы достаточно мало говорилось о взаимообусловленности стремления к воле и непреложности силы созидания.

Новое как результат цепочки непрерывного развития и прогресса, всегда было и будет главным двигателем жизни. Жизнь воистину немислима без новообразований, само начало жизненного пути уже есть новым витком бытия, новой неповторимой линией судьбы. Это значит, что новое коренится не только в творчестве, оно выходит за пределы самореализации, охватывает вселенские просторы. Природа подвержена постоянному обновлению, все земные структуры и системы перевоплощаются, меняются и переходят на новый уровень организации. Этот же закон действует и за пределами планеты, ничто не стоит на месте, не может быть неизменным. Движение - синоним всего нового, охватывает каждую частицу макрокосма, незримо присутствует во всем. Свобода не существует отдельно от личности, но её потенция заложена во всех окружающих нас предметах. Изначально, человек подвержен стремлению освободиться от любого гнета, сбрасывать оковы запретов и табу. Создание нового есть особое проявление свободы, имманентное человеческой натуре.

Всемирная история народов красноречиво демонстрирует, что сама идея свободы являлась путеводной звездой для многих из них в сложных временных коллизиях. Без свободы немислимым было бы само течение жизни, поскольку непрерывный застой невозможен. "В жизни обществ наступают времена, когда революция становится необходимостью. Повсюду зарождаются новые идеи: они стремятся пробить себе дорогу, осуществиться на практике, но постоянно они сталкиваются с сопротивлением тех, кому выгодно сохранение порядка" [4, с. 387]. Но чем больше преград преодолевают революционные веяния на своем пути, тем неизбежнее становятся перемены.

Религия отнимает у человека надежду на обретение хотя бы мимолетной свободы. Осознание того, что за человеческой жизнью постоянно наблюдает высший разум, действует угнетающе, лишает воли. В религии безусловно присутствует возможность выбора. Она проявляется в праведности или греховности жизненного пути человека. Но так или иначе его выбор, с другой стороны тоже предопределен свыше. В Библии есть четкое указание на то, что «у вас же и волосы на голове сочтены» [2, с. 939]. Защиту или безысходность дает нам данное утверждение из Нового завета? Даже в мыслях нельзя вознестись в свободные от предначертания дали, даже мечты не могут быть сохранены в тайне от Всевидящего ока. Обреченность поступков и мыслей заставляет вечно ощущать свою ничтожность. Одновременно с этим выбор между греховностью и праведностью налагает недюжинную ответственность не только за свою будущность, но и за будущность своих потомков. Так, религия сродни упрямому фатализму не оставляющему надежд.

Случайность - рано или поздно повторяющееся звено в цепочке любых событий. Она не мешает фаталистам настойчиво пропагандировать свои теории неизменности, отрицая её значимость. Единственное чем всегда самостоятельно может располагать человек - материальные блага. Человек волен приобретать себе все предметы и вещи, которые нужны ему для утверждения социального статуса, ощущения финансового благополучия. Каждый вправе выбирать стиль поведения и образ жизни, но уже влиять на эмоции и чувства других, читать чужие мысли, никто не вправе. Это доказывает, что существуют некие объективные пределы возможностей человека, расширить которые быть может удастся только в будущем.

Трансцендентальность свободы обуславливает стремление человека к инновационным изменениям. То, что априорно заложено в структуре сознания, незримо воздействует на волеизъявление, побуждает к новому. Свобода одновременно и знакома каждому из нас и далека как манящее видение. Сакральность самого понятия свободы неопровержима, доказана многовековой историей человечества. Но если человек прошлого не забывал о своих корнях, свято чтит предков, то человек настоящего устремлен только в будущее, которое его и страшит, и вместе с тем манит. Человек настоящего оторвался от уз связывающих его с родом, но, сам при этом оставить что-либо потомкам не в силах. А. А. Ивин пишет: «Темп происходящих в современном обществе перемен все убыстряется, и кажется, что теперь под угрозой может быть поставлена сама глубинная природа человека» [3, с. 5]. Свобода, приобретенная такой ценой, представляет сомнительную ценность.

Бесспорно, что истинной свободой можно назвать только такую форму свободы, которая не причиняет вреда ближним и самому себе. Но современное общество потребления такой свободы предложить не может, оно ориентировано исключительно на свободу эгоистическую, приносящую страдания и разрушение. Духовная деградация привела к тому, что свобода сама стала причинно обусловлена пороками и коммерцией, ею спекулируют

точно так же, как и творчеством, не осознавая к чему приведет такая коммерция. Веками человек находил свободу в духовном обогащении, знаниях, поисках истины, сбрасывая с себя животное иго. Современные тенденции заставляют его возвращаться в лоно первобытной природы, потокая своим потребностям и всячески удовлетворяя глубинное «Оно».

Ю. В. Бабаев верно замечает: «Человеку предстоит быть на уровне достижений современной науки, техники, технологий, мировой культуры. Его духовное «Я» превращается в хранилище информации, где уже нет места тому, что всегда определяли как "духовность"» [1, с. 115]. Свобода провоцирует прогресс, но в условиях современного техногенного мира, он превращается в разрушительную силу, а сама свобода перерастает в пагубную вседозволенность.

Выводы. Свобода есть и будет движущей жизненной силой, без которой невозможно представить само бытие, познание с его неисчерпаемой, сакральной глубиной. Человек теряет смысл жизни без идеала, в котором так или иначе воплощена квинтэссенция его личностной свободы. Однако неконтролируемый технический прогресс и бездумное использование природных ресурсов привели к экологической катастрофе, духовному выгоранию, необратимым переменам как в био- так и в ноосфере. Созидание, в котором наиболее полно реализуется природная тяга к свободе, должно соответствовать коллизиям современности и основываться только на гуманном выборе.

Список литературы

1. Бабаев Ю. В. Основы философии / Ю. В. Бабаев. - Ростов н/Д.: Феникс, 2004. - 544 с. (Серия: Alma mater).
2. Библия. Новый завет / Новый завет. Библия. - СССР, Изд. Миссионерского общества "Новая жизнь - Советский союз" "Кэмпус Крусейд Фор Крайст", 1991. - 1220 с.
3. Ивин А. А. Основы социальной философии: Учеб. пособие для вузов / А. А. Ивин. - М.: Высш. шк., 2005. - 440 с.
4. Кропоткин П. А. Этика / П.А. Кропоткин. - М.: Издательство политической литературы, 1991. - 404 с.

THE PHENOMENON OF FREEDOM AS AN OBJECTIVE DATA OF THE PRESENT-DAY SOCIAL REALITY

Shatokhina N.

In the article the phenomenon of freedom and actuality of his study are examined in the scales of modern society. An attempt to ground historical meaningfulness and determinedness of freedom, her role in life of man is undertaken.

Keywords: freedom, society, determinism, life, chance, revolution, transcendentalness, noosphere.

АКТУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Наталья Боголюбова

*доцент, кандидат исторических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: bogoliubovanm@gmail.com*

Юлия Николаева

*доцент, кандидат исторических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: mollycat@mail.ru*

Важность кросс-культурных коммуникаций в международных отношениях в начале XXI века подтверждена тем, что многие государства используют различные формы культурного обмена в своей внешней политике. Статья посвящена современным тенденциям и формам кросс-культурных коммуникаций на примере перекрестных годов культур. Авторы отмечают их значение для международного культурного обмена, внешней культурной политики современных государств, формирования положительного имиджа стран-организаторов. В статье рассмотрен опыт России и ряда других стран, приведены примеры перекрестных годов культуры, организованные Россией за последние десять лет.

Ключевые слова: международные отношения, Россия, культура, кросс-культурные коммуникации, межкультурный диалог, внешняя культурная политика, перекрестный год культуры, внешнеполитический имидж страны.

В условиях значительного расширения международных культурных контактов в начале XXI века от понимания культурных особенностей стран-партнеров во многом зависит успех их международного сотрудничества. Особую актуальность эта проблема приобрела в условиях глобализации, когда процессы стирания национальных культурных различий стали весьма заметны. В таких условиях многие государства заинтересованы в том, чтобы их национальная культура не обесценилась, не утонула в стандартизированных образцах массовой культуры, а напротив, сохраняла бы свою самобытность и привлекательность. Эффективные кросс-культурные коммуникации могут стать в этом вопросе хорошим подспорьем, позволяющим странам не только рассказать о своих культурных особенностях, но и укреплять межгосударственные отношения в целом.

Кросс-культурные коммуникации в современном мире протекают в разнообразных направлениях и формах, охватывая самую широкую географию. В культурный диалог в XXI веке вовлечена обширная аудитория: представители различных стран, конфессий, социальных и возрастных групп. Современный кросс-культурный диалог осуществляется и в виртуальном пространстве, создавая условия для организации глобальных межкультурных

проектов и сетей для развития масштабного сотрудничества. Кросс-культурные коммуникации успешно реализуются на разных уровнях: локальном, региональном и международном, государственном и общественном, в многостороннем и двустороннем формате.

Особенностью современных кросс-культурных коммуникаций можно назвать и то обстоятельство, что культурное сотрудничество становится весьма значимой величиной в политическом диалоге государств. Многие государства активно используют свой культурный потенциал, богатое историко-культурное наследие, язык и традиции для улучшения своего внешнеполитического имиджа в мире, укрепляя таким образом свой международный авторитет и создавая дополнительные условия для реализации национальных интересов [1, с. 26-27].

Одной из наиболее интересных и оригинальных форм современного кросс-культурного сотрудничества можно назвать перекрестные годы культур – уникальные культурные мероприятия, которые объединяют различные направления культурных связей и рассчитаны на вовлечение в диалог многочисленной аудитории в различных уголках мира [2, с. 386-389]. Цель перекрестных годов – укрепление и развитие культурного сотрудничества, которое способно стать импульсом к взаимодействию государств не только в сфере культуры, но и в других областях межгосударственных отношений: политической, экономической, финансово-деловой.

Актеры подобных проектов исключительно многообразны. К ним относятся государственные структуры, министерства и ведомства, общественные организации, научные и образовательные учреждения, учреждения культуры. Активными участниками перекрестных годов культур, безусловно, являются артисты, творческие коллективы, художники, а также ученые, студенты, самая широкая общественность. Отметим, что проекты в рамках перекрестных годов культур развиваются на индивидуальном и общественном уровнях не менее интенсивно и плодотворно, чем на межгосударственном.

Перекрестные годы культур имеют собственную историю. Они проводятся с конца XX века, как правило, в столичных городах стран-партнеров, но нередко и в регионах. Такой формат позволяет успешно вовлекать в кросс-культурный диалог самую широкую общественность, не только мегаполисы, но и малые города, проводить там мероприятия для различных социальных и профессиональных групп. Выбор стран-партнеров для проведения перекрестных годов обычно определяется политическими мотивами или свидетельствует о намерениях участников к развитию сотрудничества в других сферах.

Перекрестные годы культуры – это, безусловно, мероприятия не только культурно-гуманитарного, но и политического характера. На государственном уровне, при участии первых лиц страны, определяется круг участников перекрестных годов, особенности проведения тех или иных

мероприятий, решаются вопросы финансирования. Чаще всего открытие годов осуществляется главами государств, поддерживается представителями местной администрации, различными профильными учреждениями, что подчеркивает их высокий политический и культурный статус.

По своему содержанию такие крупномасштабные акции, как перекрестные годы культуры, являются своеобразными многожанровыми фестивалями, программа которых отражает наиболее яркие вехи в развитии культурных связей стран-партнеров и выпукло иллюстрирует завоевания и успехи государств-участников в сфере культуры, науки, искусства. Как правило, акцент делается на те сферы национального культурного, духовного наследия, которые наиболее ярко демонстрируют успехи страны и показывают её вклад в сокровищницу мировой культуры.

Перекрестные годы культур также рассматриваются их организаторами и как возможность скорректировать негативные черты, нередко присутствующие в образе страны, а также для того, чтобы обновить имидж, провести ребрендинговые кампании. Перекрестные годы позволяют изучить рынок своих потенциальных партнеров, чтобы в дальнейшем можно было выстраивать контакты с учетом интересов адресной аудитории. Осуществление подобных проектов – прекрасная возможность решить проблемы, касающиеся экономического, научного, туристического партнерства и т.п. Формат праздника, его исключительная протяженность во времени – все это способствует заключению договоров, обсуждению перспективных планов и событий, установлению более прочных контактов в различных сферах. Перекрестные годы культур можно сравнить с рекламой всего лучшего, что есть в стране и того, о чем она хотела бы рассказать миру. Немаловажное значение в программе перекрестных годов культур отводится вопросам популяризации национальных языков, которые являются самодостаточной частью программы или могут быть представлены отдельно в формате перекрестных годов национальных языков.

Перекрёстные годы культур проводятся между разными странами. Например, в январе 2004 года китайский лидер Ху Цзиньтао в ходе официального визита в Париж открыл Год Китая во Франции. Как ответная мера год 2005-й был объявлен Годом французской культуры в Китае. Подобная практика широко представлена и в международной жизни России: например, 2010 год стал Годом китайского языка, в рамках которого было проведено более 90 различных мероприятий [3].

Сегодня перекрестные годы стали весьма популярными, знаковыми и уже традиционными событиями культурной жизни России. В 2008-2009 гг. прошел перекрестный год культур России в Индии [6], в 2009-2010 гг. – год культур России и Китая. Яркими, праздничными событиями был наполнен перекрестный год культур России и Франции (2010), давних и вполне успешных культурных партнеров [4]. Интересно, что в следующем, 2011 году, Россия проводила одновременно два перекрестных года культур – с Испанией и Италией [5]. В 2012-2013 гг. состоялся перекрестный год культур

России и Германии, затем в 2013-м - России и Нидерландов. 2015 год был объявлен перекрестным годом культуры России и Аргентины, 2016-й - России и Греции. На 2018-й год намечен перекрестный год культур России и Японии, обсуждается возможность организации перекрестный год культур «Россия – Болгария». Следует отметить, что практика проведения подобных мероприятий доказывает, что кросс-культурный диалог иногда побеждает политические противоречия. Так, перекрестный год России и Великобритании в 2015 году был проведен несмотря жесткую политику санкций и прочие политические трудности.

Сегодня успех подобных мероприятий очевиден. Сама форма проведения перекрестных годов культур постепенно обогащается новыми идеями. Сегодня мы можем отметить практику специализации в проведении перекрестных годов. Так, 2012 год был объявлен перекрестным годом туризма России и Китая, что отражает стремление стран к углублению сотрудничества в этом направлении. Формируется практика проведения перекрестных годов с участием нескольких партнеров, например, 2017 год объявлен перекрестным годом туризма России с несколькими партнерами – Францией, Испанией и Австрией [7].

В начале XXI века перекрестные годы культур стали распространенной формой кросс-культурных коммуникаций. Множество мероприятий, включенных в программу перекрестных годов, позволяют лучше узнать о культурных достижениях других стран, увидеть их культурную уникальность. Они знакомят публику не только с традиционными, классическими культурными достижениями, но и с достижениями культуры современной. По своему размаху, количеству участников и проводимых мероприятий, по высокому организационному статусу и интересу к ним СМИ перекрестные годы культур по праву можно отнести к разряду мега-событий. С точки зрения международных отношений такие мероприятия способствуют усилению взаимного доверия, симпатии между странами-партнерами и их народами, создают почву для формирования более прочных основ для межгосударственных контактов.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что за перекрестными годами культур большое будущее. С подобным форматом сотрудничества связаны значительные возможности. Можно говорить о существенных финансовых затратах на проведение перекрестных годов культур. Однако нельзя отрицать, что эффект от их проведения высок, о чем неоднократно заявляли и главы государств, и представители государственных структур, и участники, и просто зрители интересных, масштабных и во многом уникальных событий. Перекрестные годы культур не исчерпывают всего многообразия подходов к развитию кросс-культурных коммуникаций в XXI веке, но наглядно иллюстрируют их масштабы, демократизацию, а также широкий интерес к развитию контактов, проявляемый многими государствами.

Список литературы

1. Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Внешняя культурная политика России и зарубежных государств / Н.М. Боголюбова, Ю.В. Николаева. – СПб., 2008. – 316 с.
2. Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Новые формы международного культурного сотрудничества во внешней культурной политике современных государств // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 8 (август). – С. 386-389.
3. Год китайского языка в России. URL: http://russian.cntv.cn/special/chinese_year/homepage/index.shtml (дата обращения: 24.02.2017).
4. Программа года Россия-Франция 2010: главные события. URL: <http://inosmi.ru/europe/20100125/157779913.html> (дата обращения: 22.02.2017).
5. Симак К. Перекрестный год культуры – путь к дружбе народов // Культурная дипломатия. – 2015. – 14 января. URL: <http://culturedip.interaffairs.ru/index.php/sobytiya/item/635-635> (дата обращения: 24.02.2017). Российско-индийское сотрудничество в области культуры URL: http://chennai.mid.ru/kul-turnye-svazi/-/asset_publisher/jgu1DwYnZ9LS/content/kul-turnye-svazi (дата обращения: 23.02.2017).
6. РФ проведет перекрестные годы туризма с Францией, Испанией и Австрией // РИА Новости. - URL: <https://ria.ru/tourism/20160208/1371383740.html> (дата обращения: 24.02.2017).

ACTUAL FORMS OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATIONS AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURYU

Bogoliubova N., Nikolaeva Yu.

The importance of cross-cultural communication in international relations at the beginning of the XXI century is confirmed by the fact that many states use various forms of cultural exchange in foreign policy. The article is devoted to modern trends and forms of cross-cultural communication as an example of cross-cultural years. The authors note the importance of this sphere of international relations for international cultural exchange, foreign cultural policy of modern states, the formation of a positive image of the host countries. The article describes the experience of Russia and other countries. The article also gives examples of cross-cultural years, organized by Russia in the last ten years.

Keywords: international relations, Russia, culture, cross-cultural communications, cross-cultural dialogue, foreign cultural policy, cross year of culture, the country image.

РУССКИЙ МИР КАК КОНСТАНТА СОВРЕМЕННОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Лариса Мазитова

кандидат исторических наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Донецк, Донецкая Народная Республика

e-mail: lara279@mail.ru

В статье рассматриваются структурно-эволюционные движения и развитие феномена «Русский мир» как структурно образующего и духовно формируемого явления в мировом культурном пространстве.

Ключевые слова: духовность, идеологема, Русский мир, культурное пространство, цивилизационное развитие.

Введение. Современная модель константы русского мира сконцентрировала в себе многочисленные границы культурных пространств и так называемые системные части культурного цикла, которые включают в себя взаимодействие и общее проектирование логистических систем культурно-экономического и политического диалога как территорий, с одной стороны, объективно граничащих друг с другом в пространстве, а с другой стороны и находящихся в структуре межгосударственного общения. Отдельные территориальные программы, сформировавшиеся в государственные структурные образования, прошли процесс объективно-исторического форматирования и трансформации своего общего выражения. Страны общекультурного формирования в едином объемном обозначении приняли на себя процессы культурного моделирования и стабилизационного развития. К таким государственным образованиям относится и российская цивилизационная система, сформировавшая ценностные параметры общекультурного пространственного взаимодействия и взаимоотношений, как внутри национальной жизни, так и внутри международно-правовой.

Активные процессы этнокультурного взаимодействия определяют необходимость четкого структурирования восприятия Русского мира как модели общекультурного и общецивилизационного пространственного выражения и системы ценностей.

Цель статьи – анализ историко-культурных особенностей и структурных элементов понимания Русского мира как константы современного цивилизационного развития.

Анализ исследований темы. Проблемы, связанные с изучением феномена русского историко-культурного взаимодействия и трансформации модели общекультурного синтеза в этнонациональном и общеисторическом развитии были рассмотрены в трудах огромной плеяды русских историков и

культурологов, в частности, Н.Костомарова [4], Л.Гумилева [2, 3], Д.Лихачева [6]. Вопросы формирования ментального образа Русского мира были исследованы и системно обозначены в трудах Н.Лосского [7], С.Франка [10], О.Платонова [8], А.Солженицина [9] и целого ряда других исследователей. Актуальность исследования русского культурного явления и характерные параметры объемно-четкого восприятия системы общенационального и общекультурного развития нашла свое обозначение в том числе и в работах отечественных мыслителей, в частности, истории философии А.Гулыги [1] и целого ряда исследователей.

Изложение основного материала. Формирование пространственно-культурологической модели русского мира определило жизненную форму и ментальный образ способный воспринимать новые цивилизационные формы взаимодействия и взаимосистемного регулирования.

Программно-культурное развитие русского мира сформировалось в активном взаимодействии двух великих субкультур, обозначенных как системообразующих. Древняя Русь и Велика Степь делили пространство межэтнического движения, постоянно внедряясь в культурное пространство и расширяя свое общее влияние на культурные системы окружающего мира. Агрессия внешних завоевательных циклов и угроз общегосударственного выживания привели к необходимости централизации власти и движения в сторону регулирования межэтнических и территориальных структур и систем безопасности. Это позволило создать устойчивый контакт объемно конкретной помощи и взаимодействия с другими национальными субъектами исторического цикла. Спиралевидно нарастающий поток вовлечения новых центров территориально-исторического формирования русской государственности существенно обогатил мир русской культуры. Идеология христианского мира была не только сохранена, но и существенно преобразилась в своем влиянии на поведенческие мотивации межэтнического общекультурного, национального и конкретно личностного поведения в пределах определенных социальных структур. Именно крещение Руси предопределило новую монополизацию государственной власти на возможность эволюционирования и развития в рамках христианского влияния. Опора православия - это мир божественного провидения и этот мир открыл мораль в политике поиска духа и совести, разума и памяти событий, обогранных потоками крови. Государственная система ценностей восприняла христианство как идеологию собственного оформления и духовного преображения, что способствовало формированию идеологемы мира русской культуры.

Цивилизационные циклы каждого последующего столетия усиливали противостояние внутри человеческой природы, оставляя безысходность и неуверенность в собственном состоянии духа. Русский мир не оказался нравственно безупречным. Хаос и духовность как форма принятия русского цивилизационного формирования принесли в мир общепланетарного синтеза модель культурного структурирования, отличающуюся характером образов и

восприятием культурных ценностей. Обнажение мира памяти и совести, храма души и ипостаси духа позволило приблизить мировосприятие российского общества к параметрам высоконравственного действия и сопереживания. Русский мир как мир отчаяния и свободы, рабства и духа, мира и слез, войны и забвения, всепрощения тех, кто убил и убивать будет, воспринимает новые ценности христианского мира, идущего по пути отказа от войны как средства решения чрезвычайных и бессознательно опасных действий. Хаос и духовность структурируют и определяют новые модели существования, новые парадигмы, а также мировоззренческие принципы Русского мира, ставшего загадкой для мирового сообщества. Планетарный симбиоз общих принципов сосуществования сегодня ослабевает от четких и незыблемых параметров европейской цивилизации, бросившей вызов миру православной культуры, которая несет высокие принципы божественного всепрощения и любви без ограничений.

Выводы. Геополитические потрясения начала XXI в., переживаемые евразийским пространством, реформировали структуру территориальных образований, исторически осознавших себя частью Русского мира. Евразийский цикл формирования единого цивилизационного пространства сегодня развивается как система, построенная на праве выбора собственного развития, самоопределения и выражения собственного регионального обозначения в рамках межгосударственных контактов. Русский мир - это мир памяти и точка опоры, обозначаемая Русью. Донбасс, вошедший в систему русского цивилизационного влияния, первоначально формировался как симбиоз двух культурных пластов и духовных матриц. Степной край обозначил новый мир, новую программу христианско-славянской общности, состоящей из славянских племен и народов, населявших степные просторы. Кочевники и пахари принесли в мир славянского мировосприятия новые ценностные ориентиры и модели восприятия общечеловеческого сообщества свободных людей. Донецкий регион принял на себя удар многих войн и потрясений, разделив с Русским миром ответственность за константу цивилизационного развития и христианское служение высоким идеалам.

Список литературы

1. Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы /А.В.Гулыга. - . М.: Изд-во Экопрос, 1995. - 243 с.
2. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь /Л.Н. Гумилев. - М.: Изд-во АСТ, 2008. - 506 с.
3. Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории /Л.Н. Гумилев. - М.: Изд-во АСТ, 2007.- 336 с.
4. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей / Н.И.. Костомаров. - М.: Изд-во Эксмо, 2003. - 1024 с.
5. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство /К.Н. Леонтьев. - М.: Изд-во АСТ, 2005. - 257 с.
6. Лихачев Д.С. Земля родная («Заметки о русском») / Д.С. Лихачев. - М.: Изд-во Экопрос,1983. - 173 с.

7. Лосский Н.О. Характер русского народа / Н.О. Лосский // Условия абсолютного добра. - М.: Изд-во АСТ, 1991. - 205 с.
8. Платонов О.А. Русская цивилизация / О.А. Платонов. - М.: Изд-во АСТ, 1992. - 192 с.
9. Солженицын А.И. «Русский вопрос» к концу XX века / А.И. Солженицын. - М.: Изд-во АСТ, 1995. - 208 с.
10. Франк С.Л. Русское мировоззрение / С.Л. Франк. - СПб.: Лань, 1996. - 254 с.

RUSSIAN WORLD AS A CONSTANT OF MODERN CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT

Mazitova L.

The article deals with structural and evolutionary movements and the development of the phenomenon the «Russian World» as a structurally forming and spiritually formatted phenomenon in the world cultural space.

Keywords: spirituality, ideology, Russian world, cultural space, civilization development.

УДК 130.2:316

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ФУНКЦИИ МУЗЕЙНОГО ЦЕНТРА СУРГУТА

Ирина Куликова

*кандидат филологических наук, доцент
Сургутский государственный университет*

Сургут, Россия

e-mail: kim0153@mail.ru

В статье отмечены различные взаимосвязанные функции, осуществляемые Сургутским Музейным центром, который объединяет два наиболее крупных музея – Сургутский краеведческий музей и Художественный музей. Как институциональное образование комплекс осуществляет функции документирования, хранения и коллекционирования, коммуникативную и эстетическую, функцию предоставления доступа горожанам к лучшим образцам современного и классического искусства и их популяризацию, функцию организации свободного времени, культурно-просветительскую, воспитательную, образовательную и другие функции.

Ключевые слова: краеведческий музей, художественный музей, коллекция, выставка, функция.

Формирование г. Сургута не только как главного промышленного узла Среднего Приобья, но и как культурного центра региона потребовало создания институциональных образований, которые удовлетворяли бы духовные запросы жителей города. К их числу относятся и городские музеи, чей опыт работы практически не изучен. В 1999 г. в Сургуте был образован Музейный центр, который объединил два наиболее крупных музея города – Сургутский краеведческий музей и Художественный музей.

Музеи как специально созданные институты осуществляют целый ряд функций для удовлетворения потребностей общества в сохранении культурно-исторических ценностей. Любой музей начинается с собирания памятников и предметов истории и культуры, их комплектования или документирования. Функция документирования позволяет отразить (через музейное собрание) процессы и явления в естественной, общественной и культурной жизни региона [2, с.223]. По мнению Д. Бюрена, одной из первоначальных (технических) функций музея является хранение экспонатов [1]. В фондах Краеведческого музея сегодня насчитывается более 80000 единиц хранения [4]. Археологическое собрание Художественного музея насчитывает более 11000 единиц [6], отражающих культуру региона от железного века до средневековья. Абсолютную ценность представляют артефакты из Нивагальского клада I-III вв. и Холмогорского клада III-IV вв.

Социально-культурные функции музеев взаимосвязаны и изменяются в соответствии с характером общественных запросов. Осуществляя функцию хранения, музеи одновременно коллекционируют артефакты и предметы искусства, что усиливает их культурно-просветительскую, коммуникативную (способствующую удовлетворению духовных потребностей в общении с культурным наследием) и эстетическую роль. Собрание Краеведческого музея делится на семнадцать фондовых коллекций по материальным и тематическим признакам [4]. Наиболее уникальными и многочисленными являются коллекции археологии и этнографии Сургутского Приобья, рукописных и старопечатных книг. Значительный интерес представляют собрания православной иконы и Тобольской резной кости. Сотрудники Краеведческого музея собирают материалы, связанные с промышленным и культурно-историческим становлением Сургута в 60-90-е годы XX в., а также документы, посвященные деятельности сургутян в годы Великой Отечественной войны [3]. Художественный музей имеет значительные коллекции средневекового искусства: «Серебряное собрание IX-XIV вв.» (уникальная «жемчужина» археологического собрания), «Западносибирский звериный стиль IX-XIV вв.» (одна из самых значительных коллекций западносибирской зооморфной художественной бронзовой пластики IX-XII вв.), «Средневековое вооружение IX-XV вв.» (одна из самых представительных в Западной Сибири). Собраны коллекции русской живописи первой половины XX века, «наивной живописи» и другие. Изобразительное искусство коренных народов представлено коллекцией из 55 полотен Г.С. Райшева (одна из самых крупных авторских коллекций музея) [5]. Довольно значительным является фонд графики, включающий 5500 единиц и состоящий из графических листов, эскизов, офортов известных художников (Л.Ф. Лагорио, Е.Е. Лансере, А.Н. Бенуа, М.В. Добужинского, Ф.А. Бруни и др.) [5].

Роль Музейного комплекса значительно и в плане передачи молодому поколению наследия истории, культуры, искусства. Визуализируя восприятие информации благодаря оснащению современным

специализированным (мультимедийным, компьютерным) оборудованием выставочному комплексу, центр выполняет важные коммуникативную и эстетическую функции. Второй этаж Музейного центра предназначен для демонстрации сменных выставок, осуществляя функцию предоставления доступа горожанам к лучшим образцам искусства и их популяризацию. Экспозиционно-выставочная деятельность музеев выстраивается по принципу презентации своих коллекций либо создания специальных экспозиций как инструмента познания мира, как средства интерпретации темы, одновременно выполняя просветительскую и функцию организации свободного времени горожан: экспозиция «Сургут на рубеже тысячелетий» и выставочный проект «Сургут: Люди. События. Факты»; экспозиция «Купеческая усадьба. Дом купца Г.С. Клепикова» (более пятисот уникальных экспонатов по купеческому быту Сибири); мемориальный комплекс геологов-первопроходцев «Дом Ф.К. Салманова». Центр реализовал значительное число художественных проектов, из которых наиболее успешными стали выставки «Огниво Одина? История одного предмета», «Видевшие лицо Тарн», «СреднеОбье в бронзе и металле. IX-XIV вв.» [6], выставочный проект «По улицам олень бегущий». Постепенно Центр стал площадкой и для экспериментов в области археологии и искусства: мультимедийный археологический проект, не имеющий аналогов в музейной практике и основанный на уникальных артефактах, полученных в результате раскопок на территории Сургутского Приобья; Международный форум визуального юмора КАРИКАТУРУМ и др. Музейный комплекс оформился и как образовательный и воспитательный центр: «Детская гостиная», где проводятся разнообразные мероприятия для детей, связанные с историей и культурой родного края; «Центр патриотического наследия».

Обобщая, отметим, что Музейный центр г.Сургута как институциональное образование, осуществляя несколько взаимосвязанных социально-культурных функций, выступает не только в качестве хранителя культурно-исторического наследия, редких археологических раритетов и не только как образовательно-воспитательное учреждение, но и как социальный институт, формирующий систему ценностей, историческое и культурное самосознание жителей города, его молодого поколения.

Список литературы

1. Бюрен Даниель. Функция Музея / Д. Бюрен. [Электронный ресурс] – URL: <http://xz.gif.ru/numbers/73-74/museum-function> (дата обращения 20.02.2017).
2. Равикович Д.А./ Д.А. Равикович. Социальные функции музея // Российская музейная энциклопедия. – М., 2001. – С. 223-224.
3. МБУК «Сургутский краеведческий музей»: [web-сайт]. [Электронный ресурс]. – URL: <http://skmuseum.ru/> (дата обращения 09.02.2017).
4. Сургутский краеведческий музей – Музеи России. [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.museum.ru/M1783> (дата обращения 09.02.2017).
5. Сургутский Художественный музей. Коллекции. – URL: <http://www.shm-surgut.ru/kollektsii> (дата обращения 20.02.2017).

6. Сургутский Художественный музей. О Музее. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.shm-surgut.ru/o-muzee> (дата обращения 12.02.2017).

SOCIAL AND CULTURAL FUNCTIONS OF THE SURGUT MUSEUM CENTER

Kulikova I.

In the article are marked diverse complementary functions of the Museum Complex in Surgut, which unites the two largest museums - the Surgut Regional Museum and the Art Museum. As an institution, the complex carries out the functions of storage and collecting, documentation function, communicative function, aesthetic function, the function of providing citizens with access to the best examples of modern and classical art and their popularization, the function of organizing free time, cultural and educational function, learning and educational function and other functions.

Keywords: Museum of local lore, Art museum, collection, exhibition, function.

УДК 159: 378. 978 +008.

СОЦІАЛЬНІ ТА ПСИХОЛОГІЧНІ ОСОБЛИВОСТІ РОЗВИТКУ НАРОДНОЇ ТВОРЧОСТІ В МУЗИЧНІЙ КУЛЬТУРІ (НА ПРИКЛАДІ м.СЕВАСТОПОЛЯ)

Світлана Моторна

доктор психологічних наук, доцент

Севастопольський державний університет

Севастополь, Росія

Михайло Юшутін

магістрант

Орловський державний інститут культури

Орел, Росія

e-mail: motornaya@ukr.net

Подчеркивается роль культуры в эволюции современного общества. Отмечается важность развития музыкальной культуры. Рассматриваются социальные особенности развития народного исполнительского искусства в г. Севастополе. Представлена деятельность народного оркестра как площадки формирования музыкальных вкусов и личностных качеств жителей и гостей города. Делается вывод о том, что народная музыка оркестра народных инструментов воспитывает и создает духовную и нравственную основу человека.

Ключевые слова: музыкальная культура, народное творчество, исполнительской искусство, народный оркестр русских народных инструментов, г. Севастополь, духовная и нравственная основа человека, социальные и психологические особенности, эволюция.

Культура забезпечує різні сторони життя людини. Засвоєння соціальних компонентів культури (норм, цінностей, мови та символів) визначає свідомість і духовний розвиток людини. Тому найважливішим

завданням суспільства є організація культурної діяльності. Ця діяльність включає збереження, створення, поширення і освоєння культурними цінностями. Державна культурна політика визнається невід'ємною частиною стратегії національної безпеки держави і виховання патріотизму. Саме вона покликана забезпечити пріоритетний культурний і гуманітарний розвиток як основу економічного процвітання, державного суверенітету і цивілізаційної самобутності країни.

Показник культурного розвитку суспільства є показник його соціального добробуту. Загальновизнаний факт необхідності відродження та розвитку культурних цінностей є актуальністю вивчення діяльності суб'єктів РФ у сфері управління культурою. У Федеральній цільовій програмі «Культура Росії» (2012-2018 роки) відзначається, що «культурне середовище сьогодні стає ключовим поняттям сучасного суспільства», а основною стратегічною метою є «збереження російської культурної самобутності» [1-3].

Образ майбутнього суспільства і нова система соціальних відносин в сучасному суспільстві формуються під впливом різноманітних за своїм змістом ідеологічних, політичних, економічних, інформаційних, технологічних та інших факторів. Провідну роль відіграє культура серед цих чинників. Культура є духовний компонент людської діяльності, складова частина і умова всієї системи діяльності. Для еволюції суспільства необхідно, щоб людина опанувала культурою і, зокрема, музичною культурою. Проблема сприйняття музичних композицій розкривалася протягом усього життя людства. Ще за часів Античності вчені пов'язували музику з образами, що виникають у різних людей. Але час йде, змінюються люди, змінюється емоційна складова, змінюється оточення. Струнні народні музичні інструменти як відображення регіональної самобутньої культури відіграють найважливішу роль в розвитку музичної культури. Музикант, який мастрскі витягує звуки з народного інструменту, викликає у слухача співпереживання проіздненію та його музикальному образу.

У період після возз'єднання з Росією відродження виконавських народних традицій в Криму та місті Севастополі є надзвичайно важливим. Головне управління культури міста Севастополя є виконавчим органом державної влади, який забезпечує проведення єдиної державної політики в галузі культури і мистецтва, кінематографії, додаткової освіти. 04.12.2015 було прийнято положення «Про затвердження Положення про Департамент культури міста Севастополя». Г.І. Соляніна є начальником Головного управління. Кілька десятків міських установ культури знаходиться в підпорядкуванні Головного Управління. Управління сприяє підтримці і постійне підвищення рівня культурного обслуговування та організації дозвілля населення міста Севастополя, а також створює умови, які сприяють підвищенню творчого рівня концертних, дозвіллевих заходів та кінопрограм в місті Севастополі. Основними повноваженнями Управління є: проведення державної політики в галузі культури, мистецтва, кінематографії та

додаткової освіти в місті Севастополі; розробка, формування та реалізація цільових програм розвитку культури, мистецтва, кінематографії та додаткової освіти; створення умов для реалізації прав громадян на свободу художньої творчості в різних видах і жанрах професійного та самодіяльного мистецтва, на участь у культурному житті міста Севастополя і широкий доступ до національних історичних та культурних цінностей; взаємодія з творчими організаціями і союзами, підтримка їх діяльності; координація гастрольно-концертної діяльності державних театральних-видовищних організацій; організація науково-методичного, інформаційного забезпечення галузі культури; участь в розробці нормативних правових актів в галузі культури; контроль за фінансово-господарською та профільною діяльністю підвідомчих установ; сприяння розвитку міжнародних соціально-культурних зв'язків; створення умов для збереження і примноження культурного потенціалу міста Севастополя, підтримки традиційних і розвиток нових форм діяльності в сфері культури, мистецтва, кінематографії та додаткової освіти; сприяння розвитку національних культур, народного мистецтва; організація вдосконалення кінообслуговування населення міста Севастополя в межах встановленої компетенції; організація та проведення культурно-масових заходів, творчих конкурсів, фестивалів, конференцій, зустрічей, виставок за напрямками діяльності, що входять до компетенції Управління [4, 5].

Постійний комітет з соціально-гуманітарних питань є у структурі Законодавчих Зборів Севастополя. У своїй діяльності в сфері культури комітет займається розглядом наступних питань: про державну політику міста Севастополя в області культури, правові основи підтримки та розвитку культури, мистецтва, збереження історико-культурної спадщини, про організацію дозвілля городян; про міські цільові програми культурного розвитку міста Севастополя; про збереження культурних традицій в місті Севастополі; про комплексний розвиток на території міста Севастополя інфраструктури, що відноситься до сфери культури, мистецтва та дозвілля городян; про забезпечення умов, що дозволяють жителям міста Севастополя та їх об'єднанням реалізувати право на здійснення діяльності по збереженню, створенню, поширенню і освоєнню культурних цінностей; про забезпечення соціально гарантованого рівня доступності установ культури і дозвілля; про порядок зведення, реставрації та розміщення в місті Севастополі творів мистецтва міського значення в межах повноважень комітету; про охорону і використання пам'яток історії та культури; про архівний фонд міста Севастополя; про міжнародне і міжрегіональне культурне співробітництво.

Культура проявляється в майстерності та професіоналізмі музиканта. Інтелектуальні основи професіоналізму музиканта закладаються освітою, формується професійна компетентність. Тому міська влада Севастополя проводить заходи щодо поліпшення діяльності установ культури, що, у свою чергу, позначається на якості культурного виховання населення, на високому рівні проведення культурних заходів, на досягненнях і результатах заходів які проводяться на міському, районному, федеральному й міжнародному

рівнях. Розвиток музичної культури полягає в досягненні не тільки зовнішніх, корисних для всіх людей результатів, але й в удосконаленні особистості самої людини і колективу, в якому він грає.

Музикант створює за допомогою інструменту і своїх особистісних музичних переживань художньо-виразні звуки. Ці звуки своєю безпосередністю та щирістю викликають переживання і музичні емоції, які сприяють переходу слухачів в новий психічний стан за допомогою катарсису, одухотворяють і наповнюють їх внутрішній світ новим змістом. Народна музика як частина народного мистецтва дає основу для творчості.

Особливу роль в народному виконавстві Севастополя грає Народний оркестр російських народних інструментів ім. Костянтина Лонгіновича Смирнова Державної казенної установи культури міста Севастополя «Культурний комплекс «Корабел»». У 2017 році колектив оркестру відзначить своє шістдесятиріччя, що наповнене трудовими буднями, напруженої роботою над репертуаром, копіткою працею вдосконалення виконавської майстерності, репетиціями, гастрольями, виступами перед глядачами. Керівник оркестру – заслужений працівник культури України Євген Сергійович Лоушкін. Тільки за останні 15 років оркестр був удостоєний звання лауреата Міжнародного конкурсу дитячих та молодіжних музичних колективів «Синій птах», м. Сімферополь. У 2005 році учасники колективу щорічно стають лауреатами конкурсу «Юний віртуоз» Автономної республіки Крим, стали срібними призерами IV Міжнародного конкурсу та фестивалю для дітей та молоді "Арт-2012 Преміум", м. Київ. З 2006 року оркестр неодноразово отримував найвищі нагороди на Міжнародних конкурсах та фестивалях в Польщі, Чехії, Словаччини. Так, у 2010 році колектив оркестру здійснив творчу поїздку по Чехії, Австрії, Німеччини, в 2011 році – творчу поїздку в Австрію на Міжнародний фестиваль, присвячений 225 річниці В.А. Моцарта, в 2013 році – в Чехію і Словаччину. У 2015 році і 2016 року оркестр став лауреатом I ступеня Міжнародного конкурсу та фестивалю народної музики «Самородки-2015», м. Севастополь.

Затребуваність музики оркестру підтверджується активними виступами колективу. Тільки за останні кілька місяців народний оркестр здійснив вечір-концерт для робітників судноремонтного заводу №13 в урочищі Батіліман, в дитячому оздоровчому таборі «Чайка»; брав участь в Севастопольському фестивалі святого праведного воїна Федора Федоровича Ушакова, непереможного адмірала флоту Російського, в честь перемоги 11 вересня 1790 року біля мису Тендра; брав участь в концерті «Ехо забутих мелодій» в культурному комплексі «Корабел»; в концерті для дітей-інвалідів та дітей-сиріт в м.Лівадія, дав сольний концерт «Музичні розсипи». У концертах оркестру звучать улюблені громадянами Криму та Севастополя музичні твори: Будашкин М. «Концерт для домри з оркестром», Будашкин М. «Хороводна і танцювальна», Городовський В. «Фантазія на дві теми», Широков О. «Смоленський Гусачок», Листів К. «Севастопольський вальс», Ризоль М. «Український козачок», козака пісня «Розпрягайте хлопці коні»,

Феррарі Л. вальс «Доміно», парафраз на тему «Крутиться вертиться куля голубой» (проводка теми: контрабас-балалайка), Глієр Р. Матроський танець «Яблучко» з балету «Червоний мак» (сольна партія контрабас-балалайка), Агапкин В.І. марш «Прощання слов'янки», Ісаковський М. (слова), музика невід. автора пісня «Вогник», Баснер В. романс з к/ф «Дні Турбіних», Шатров І.А. вальс «На сопках Маньчжурії», російська народна пісня «То не вітер гілку хилить», російська народна пісня «Грушіца», українська народна пісня «Реве та стогне Дніпр широкий», Лученок І. «Травневий вальс» та ін. Всього в репертуарі оркестру понад п'ятсот творів, які створюють простір народної культури, збагачують слухачів новим розумінням своїх витоків, традицій, самобутності, формують інноваційне середовище для становлення особистості. (З відеозаписами виступів колективу можна ознайомитися в соціальній мережі «Вконтакте», на «Youtube»).

До складу оркестру входять музиканти різних поколінь. Школа оркестру та його музичний простір формують свідомість юних виконавців, яке дозволяє вирости їм причетними до культури народу та його гуманістичних цінностей. Зовсім недавно оркестр подарував чудову музику молодих виконавців ветеранам блокадного Ленінграда, що живуть в нашому місті, на черговий літературно-музичній вітальні при Міському Раді ветеранів (господиня вітальні Н.Б. Гонтаренко). Літні, сивочолі люди слухали зовсім юних учасників оркестру Іларіонову Лізу, Мухіну Настю, Матінкіній Ольгу, Парван Женю, Мамонтова Родіона. Чудово, коли молоді пам'ятають ветеранів і радують їх своїм мистецтвом.

Виконавська майстерність формує нові самобутні народні традиції культури і вписує свою сторінку в літопис історії. Безкорисливу участь у діяльності оркестру з юних років допомагає його виконавцям стати справжніми громадянами держави з активною життєвою позицією, патріотами, люблячими свою Батьківщину, піклуються про її процвітання та добробут. Народна музика виховує і творить духовну та моральну основу людини. І стає основою для еволюційного забезпечення розвитку людини на планеті.

Список літератури

1. <http://www.countries.ru/library/politic/zakon.htm>
2. <http://archives.ru/programs/fcp.shtml>
3. <https://zakon.ru/zakonodatelstvo>
4. https://sevzakon.ru/view/sostav_i_struktura_zs/komitety_i_komissii/postoyannyj_komitet_po_socialno-gumanitarnym_voprosam/osnovnye_napravleniya_deyatelnosti_komissii3/
5. <http://sevastopol.gov.ru/goverment/podrazdeleniya/upr-cult/>

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF FOLK WORK DEVELOPMENT IN MUSICAL CULTURE (ON EXAMPLE OF SEVASTOPOL)

Motornaya S., Yushutin M.

The role of culture in the evolution of modern society is underlined. The importance of the development of musical culture is noted. Social features of the development of folk performing arts in Sevastopol are considered. The activity of the national orchestra as a platform for the

formation of musical tastes and personal qualities of residents and visitors of the city is presented. It is concluded that the folk music of the orchestra of folk instruments educates and creates the spiritual and moral basis of man.

Keywords: musical culture, folk art, performing arts, folk orchestra of Russian folk instruments, Sevastopol, the spiritual and moral basis of man, social and psychological characteristics, evolution.

УДК: 303.643.23; 304.2; 316.7; 364

СОЦИАЛЬНАЯ ФОТОГРАФИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ «STADIUM» И «PUNKTUM»

Татьяна Киенко

*кандидат социологических наук
Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: tatyanakienko@mail.ru*

Стремительный рост визуальных образов и их роли в социальной жизни актуализирует использование метода визуальной социологии при изучении социальных проблем человека и общества в тесном контакте с методом социальной фотографии. Особенную роль приобретает метод социальной фотографии в изучении и преподавании социологических наук и дисциплин, где социальная фотография может рассматриваться и как способ артикуляции, и как форма актуализации социальных проблем, и как отражение социального заказа, и как способ коммуникации, как призыв к действию, как средство социальной рекламы и пр. Социальная фотография несет в себе значительный социальный смысл («stadium»), отражает не столько авторское видение социальной проблематики, сколько состояние проблемы, ее остроту и актуальность, общественное мнение, политический, экономический, этнокультурный дискурс, национальный менталитет. Характерной чертой социальной фотографии является способность отражать дух эпохи.

Ключевые слова: социальная фотография, визуальная социология, социальная работа, «stadium», «punktum»

В статье рассматриваются принципы, методологические и методические аспекты социологического анализа социальной фотографии, соотношение в ней универсального/унифицированного и индивидуального/уникального («stadium» и «punktum»), ее место в анализе и трансляции проблем социальной работы.

В контексте стремительного роста визуальных образов и их роли в социальной жизни крайне продуктивным видится применение метода визуальной социологии при изучении социальных проблем человека и общества в тесном контакте с методом социальной фотографии. Особенную роль приобретает метод социальной фотографии в изучении и преподавании социологических наук и дисциплин, где социальная фотография может рассматриваться и как способ артикуляции, и как форма актуализации социальных проблем, и как отражение социального заказа, и как способ

коммуникации, как призыв к действию, как средство социальной рекламы и пр. При анализе социальной фотографии крайне важны методологические принципы и методические приемы визуальной социологии как общей теории социологического анализа изображения.

Метод визуальной социологии как способ изучения социальных и культурных явлений сквозь призму визуальных образов и репрезентаций, как известно, получил свое развитие в результате усилий зарубежной социологии, этнографии, философии, в частности, благодаря Американскому социологическому журналу, который в начале XX в. (с 1896 до 1916 г.) начал публиковать научные публикации с широким визуальным сопровождением (с фотографиями, демонстрирующими научные описания или подтверждающими выводы, указывающими на остроту социальной проблемы, доказывающими обоснованность теории). Большую роль в подготовке визуальной социологии сыграли работы известного французского литературоведа и семиолога Р.Барта, а также ученых, применявших в науке методы социологического и этнографического фотографирования (Э.Тэйлор, Б.Малиновский, Г.Бейтон, М.Мид), социологи-первооткрыватели визуальной социологии первой половины XX века Ф.Трешер, И.Гофман и др. Особую роль и место в анализе визуальных образов сыграла и продолжает играть социальная фотография, которая активно обратилась к отображению социального после того как официальная социология признала метод визуальной социологии ненаучным.

В XX в. социологами, антропологами и этнографами с большим интересом изучались фотографии из личных и государственных архивов, газет, книг; с целью определения гендерных изменений анализировались семейные портреты различных эпох, сравнивались семейные фотографии и рекламные образы мужчин и женщин; изучался феномен граффити (например, в мужских и женских туалетах с целью анализа гендерных различий), содержание мусорных свалок, затоптанность пола в музеях и пр. В конце XX века начинается новый виток развития визуальной социологии, подкрепленный тенденцией нарастающей визуализации и виртуализации культуры и социальной жизни.

Визуальная социология впитывает в себя теории визуальной культуры, понимающей социологии, визуальной методологии и использует разнообразные методы визуального исследования, в т.ч. антропологии, этнографии, социальной семиотики, контент-анализа, искусствоведения, деконструкционизма, визуального эссе, метод photo-elicitation и т.д. Традиционно визуальная социология разделена на методологическое (создание изображения для социологического анализа) и культурологическое направления (анализ готового изображения как индикатора социокультурных феноменов, процессов и отношений).

Изначально визуальные материалы становились зеркалом, в котором отражается социальная реальность. Но в контексте постмодернистских концепций осмыслению подвергается собственная сущность визуального,

которое уже является не просто второстепенным отражением культурной реальности, а продуктом культуры, социальной жизни, доминирующих в обществе взглядов, норм, ценностей, идеологий, модных тенденций, статусных предписаний и пр. Социологический анализ визуального может выстраиваться как анализ или сравнение визуальных образов в статике и динамике, как специальное создание визуальных образов в исследовательских целях, применяться как метод сбора и как метод анализа информации, как разновидность социологического наблюдения, форма контент-анализа, элемент опросных методов (анкетного опроса, фокус-группы, интервью); большое значение в визуальной социологии имеют процедуры выборки (теоретической и эмпирической), сравнительного анализа и интерпретации.

В основе методологических принципов визуальной социологии лежит ряд идей философов-семиологов и структуралистов, в частности идея Р.Барта о двойственности анализа образа как текста (*studium*), предполагающего, с одной стороны, «унарность», универсальность его культурной, языковой, политической интерпретации воздействия на массовое сознание и социальное поведение, и, с другой стороны, анализ визуального как удара (*punctum*), предполагающего уникальность индивидуального воздействия изображения на отдельного человека с учетом его личной истории, опыта, биографии, воспоминаний, значений и смыслов [1].

К числу базовых принципов анализа визуальных образов относится самостоятельность контекстов анализа «визуальных представлений» и «визуальных проявлений» (П.Штомпка [4]), разделения и смешения приватного и публичного в образе. Особую роль приобретает тенденция превращения любого действия в социальное, в «перформанс» - где снимающий, художник входит в изображение, становясь его частью в прямом и переносном смысле и из своего образа говорит со зрителем; где способ создания и интерпретации визуального также является разновидностью социального действия, обращенного на другого: от создания и «прочтения» личной фотографии из домашнего архива до публичного рекламного фото, от анализа визуального образа в ракурсе субъективного «*punctum*» до поиска в нем универсального «*stadium*». В таком ракурсе всякий визуальный образ становится все в большей степени «*stadium*», и все в меньшей степени «*punctum*» (особенно важная данная тенденция, когда речь идет о социальной фотографии).

Широкое поле социологического анализа представляет разделение контекстов образа, создаваемого автором («operator») - снимающий, выбирая объект, ракурс, время, художественные средства, социально-психологические составляющие образа в момент его изображения вкладывает свой смысл в образ, а порой и навязывает его зрителю); контекстов образа, создаваемого изображаемым или позирующим, персонажем («*spectrum*»), где персонаж вкладывает в свой образ собственные смыслы, цели, создает желаемое впечатление, стремится к созданию

определенного имиджа, отражению желаемого статуса, настроения, социального самочувствия через выражение лица, позу, одежду и пр.; а также контекстов образа, создаваемого интерпретатором («spectrator») - рассматривающим изображения и видящим в них свои смыслы.

Один из наиболее актуальных вопросов из области методологии визуальной социологии – отношение изображения к реальности: изображение может претендовать на отражение реальности, копирование ее, на обращение к знаковым объектам с целью коммуникации, их интерпретации, модификации. Так или иначе, даже изображение-копия реальности создает некую новую реальность, гиперреальность. На это свойство визуальных образов провозглашать значительным не только то, что значимо само по себе, но и то, что запечатлено (и именно вследствие этого становится значимым) указал еще Р.Барт [1, стр. 56]. Сегодня набирают вес идеи гиперреальности и омнипрезентации изображения, которые обращают внимание на то, как наши взгляды формируются изображениям, наша реальность формируется образами.

Визуальный образ выступает объектом социологического исследования как «зеркало», отражатель социальной жизни, как носитель социальных смыслов, идей, продуктов социальной жизнедеятельности, множественности интерпретаций этих смыслов, как маркер и форма социальной стратификации и пр. Однако в современном мире визуальное все значительнее выступает как субъект и средство коммуникации, механизм воздействия на общественное сознание, способ отражения, понимания, и особенно - конструирования и изменения мира. Мир визуальных образов, который из искусственного мира идей обретает статус новой гиперреальности, начинает собственное существование, обретает собственную сущность и содержание, собственные смыслы и значения, становится значимым фактором социальной жизни, определяя социальное поведение, конструируя социальные отношения, структуры, институты и процессы. Отсюда, все менее существенной и объективной выступает роль изображения как средства запечатлевания прошлого, фиксации событий и фактов, «копирования реальности»; снижаются возможности документальной функции фотографии, и все выше становится значение изображаемого как художественного средства, как способа коммуникации, как фактора создания новой реальности.

На протяжении десятилетий ведутся споры между сторонниками текстуального (языкового) семиотического подхода, которые рассматривают изображение как текст, где изображению присваивается вторичный характер, и сторонниками анализа изображения как особого способа формирования экспрессии; выдвигаются гипотезы о единстве и различии «изображаемого» и «текстуального» способа мышления посредством воображения и пр. Общеизвестным стал семиотический подход, и анализ изображения как текста получил свое развитие и в методологическом контексте, и в прикладном выражении. Однако, следует отметить и ряд важных аргументов

в пользу специфичности изображения как текста, например, идею специфической организации изображения, в котором одновременность появления образа противопоставляется линейному движению языкового текста. Это определяет множество вариантов и способов организации изображения, логика восприятия и интерпретации следует за воображением и мышлением субъекта – «рассматривающего», единство частей и целого, представленного одновременно, влияет на процесс анализа. Интересный метод секвенционного анализа визуальных образов предложен Розвитой Брекнер: он представляется способ организации изображения в сознании и воображении зрителя, и выстраивается как движение от «огораживания» привлечших внимание сегментов изображения к их тематическому, символическому и иконическому анализу, затем к прагматическому анализу сегментов, всего изображения, процесса создания изображения и, затем, - к синтезу всех элементов в единое целое [2, стр. 20-21]).

Возвращаясь к социологическому анализу социальной фотографии, автору видится наиболее важным обращение к проблеме соотношения в ней универсального/унифицированного и индивидуального/уникального – социальная фотография несет в себе в большей степени «stadium», и в меньшей степени «punktum». Часто вопрос восприятия образа/текста разрешается с определенной долей субъективности интерпретации Р.Барта, однако, как видится автору, «punktum» - есть не просто, не только и не столько эмоциональный отклик зрителя, рассматривающего визуальный образ. «Punktum» - это скорее уникальный индивидуальный жизненный опыт, личная история жизни, отражение внутренней структуры личности, системы ценностей и целей, мечтаний и фантазий, прошлых переживаний, радостей и болей, ассоциаций и параллелей, которые соотносятся с образом, а вместе – и с личным прошлым, настоящим и будущим. Именно это личное делает впечатление уникальным, и оно может возникнуть только у отдельного субъекта. В то же время не лишен эмоционального содержания и «stadium», но это эмоциональное восприятие имеет социальную природу, опирается на совокупность социокультурных влияний на субъекта, нормы и стереотипы, социальную структуру и процессы, общественное сознание, мораль, коллективный опыт, что и позволяет многим людям одинаково переживать один и тот же образ.

Многие исследователи социальной фотографии, анализируя особенные, запоминающиеся работы талантливых авторов отмечают их способность обращаться к фактам «простым» и «естественным», делая их «особенными» с помощью особого ракурса, изобразительных и эмоциональных средств, фокусируясь на отдельных элементах образа, помещая образы в неестественный, концентрированный, порой утрированный контекст. Социальная фотография нацелена на получение определенного и унифицированного эффекта, на запланированную ответную реакцию зрителя, на его удивление, сочувствие и сопереживание, возмущение или негодование и пр., но она всегда обращается к социально значимому. Обращает внимание

парадоксальное сочетание реалистичности и естественности социальной фотографии с четкими следами «руки художника»: специально создаваемый фотографом сюжет, авторский ракурс, задающий границы и вектор анализа образа, отмечаемый в каждой социальной фотографии объединяет самые разные работы самых разных авторов.

На уровне анализа «снимающего» социальная фотография отражает не только и не столько авторское видение социальной проблематики (хотя именно оно в социальной фотографии может быть выражено предельно ясно), но состояние проблемы, ее остроту и актуальность, представления об общественном мнении, степени осознания проблемы либо ее игнорирования – локализации – замалчивания – демонстративности и пр. Часто социальная фотография способна отражать наличие и характер реальных и декларируемых шагов, привычных и нестандартных способов преодоления проблемы, политический, экономический, этнокультурный дискурс, национальный менталитет и пр.

Глубокий анализ социальной фотографии на стыке социологии и фотографии предлагает Дарья Кривонос: проанализировав 42 фотографии, ставшие победителями международного конкурса документальной фотографии World Press Photo в номинации «Проблемы современности», она обнаруживает три основных направления проблематизации (развивающихся стран, развитых стран, виктимизации женщины), принципиальную социокультурную бинарность, разделение между снимающим (европейские авторы) и объектами, снимающимися (представители стран «третьего мира»), между проблемами «благополучного» западного мира, и «патологического», «голодающего» цветного мира развивающихся стран [3].

Характерной чертой социальной фотографии является способность отражать дух эпохи. История социальной фотографии хранит память о бродяге Этьена Атже, городских трущобах Америки, фотографиях рабочих, мигрантов и работающих детей Джекоба Рииса и других современных ему журналистов-макрейкеров, эпатажные образы маргиналов Дианы Арбус, картины социальной и расовой дискриминации или трудовые будни бедноты в фотографиях великого Анри Картье-Брессона, очереди безработных, бедные интерьеры, напряженные взгляды нищих и голодных Доротеи Ланг, продавцов газет Ирвинга Пенна, детей улиц Хелен Левитт, ужасы войн и нищеты Джеймса Нахтвея; поражающие своей глубиной, сигнификативностью и коннотативностью трудовые будни и праздники, публичные места и детские дома на фотографиях Владимира Соколаева, образы старушек из дома престарелых Ромуальдаса Пожерскиса, картины стамбульских улиц или жизни рыбаков Ара Гюлера, зеркальные отражения юности и старости Тома Хасси, портрет афганской девушки Биби Айши, жертвы домашнего насилия, сделанный фотографом Джоди Бибер ...

Со времен своего появления социальная фотография не потеряла своей актуальности и социального предназначения, однако так и не получила

настоящего развития в контексте задач и проблематики социальной работы, где ее место видится крайне значимым.

Список литературы

1. Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии / пер. с фр., коммент. и послесл. М.Рыклина – М.: Изд-во «Ad Marginem», 1997. - 222 с.
2. Брекнер Р., Семенова В.В. Изображенное тело. Методика анализа фотографии // ИНТЕРАкция, ИНТЕРвью, ИНТЕРпретация. (перевод В.Семеновой) – 2007. - № 4. – с. 13-32.
3. Кривonos Д. Социальная фотография: рефлексия о происходящем в мире // Политическая пропаганда. – URL: <http://politpropaganda.com/society/> (дата обращения: 10.02.2017)
4. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник / пер. с польск. Н.В.Морозовой, авт. вступ. ст. Н.Е.Покровский. – М.: Логос, 2007. – 168 с.

SOCIAL PHOTOGRAPHY: THE SOCIAL FRAMEWORK FOR *STADIUM* AND *PUNKTUM*

Kienko T.

The rapid growth of visual images and their role in social life actualizes the use of the method of visual sociology in the study of social problems of man and society in close contact with the method of social photos. A special role becomes a method of social photography in the study and teaching of "help" Sciences, where social photography can be considered as a way of articulation, and as a form of actualization of social problems, and as a reflection of social order, and as a way of communication, as a call to action, as a means of social advertising, etc. Social photography is a significant social meaning ("*stadium*"), reflects not so much the author's vision of social problems as a state of the problem, its urgency and relevance, public opinion, political, economic, ethno-cultural discourse, the national mentality. A characteristic feature of social photography is the ability to reflect the spirit of the age.

Keywords: social photography, visual sociology, social work, "*stadium*", "*punktum*"

ЖУРНАЛИСТИКА В КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 070.1

КУЛЬТУРА ЖУРНАЛИСТСКОЙ ПРОФЕССИИ

Владимир Тулунов

*доктор филологических наук, профессор
Воронежский государственный университет*

Воронеж, Россия

e-mail: vlvtul@mail.ru

Рассматриваются культура журналистской профессии и те риски, которые могут приводить к профессиональной деформации. Демонстрируется системный подход при анализе профессиональных, личностных качеств и профессиональных ролей журналиста с учетом внутренних, внешних и субъективных факторов.

Ключевые слова: культура, журналистская профессия, профессиональные и этические стандарты, профессиональные роли, профессиональная деформация.

Из большого количества значений понятия «культура» применительно к избранной теме остановимся на том, которое предполагает практическую реализацию общечеловеческих и духовных ценностей в людских делах и отношениях [1]. То есть определенную деятельность, характеризуемую не только системой знаний, навыков, умений, определяющих профессиональную компетентность индивидуума, но и набором неких кодов – в нашем случае профессиональных и этических стандартов. Именно благодаря устойчивости применяемых принципов и правил та или иная деятельность воспроизводится, т.е. существует; систематическое же пренебрежение правилами может привести к кардинальному изменению характера данной деятельности. Подобные негативные процессы происходят, например, в средствах массовой информации, где под видом журналистики нередко реализуется иная деятельность, имеющая заказной – политехнологический, коммерческий и т.п. – характер.

Почему же такое происходит?

Почему именно в журналистике так часты подобные подмены?

Вероятно, потому, что, во-первых, в таких информационных видах деятельности, как журналистика, связи с общественностью и реклама, есть схожие функции, методы, типовые средства, формы представления информации и др. [2, с. 155], что, и это, во-вторых, позволяет владельцам и учредителям СМИ ставить перед корреспондентами свои задачи: вместо правдивого отражения событийной картины, объективного анализа социальных проблем нацеливать их на создание и «продажу» положительного имиджа спонсоров и т.п. В-третьих, сами журналисты по разным причинам сознательно нарушают профессиональную этику.

Подчеркнем: перерождение журналистов может происходить потому, что в этой профессии крайне велика «зона риска» – опасность нарушения правил и норм деятельности при сохранении внешних атрибутов перманентна. Например, есть газета – особый вид периодического издания со специфическим выражением «лица» (типа), есть авторы, создающие тексты с использованием того или иного газетного жанра, но эти тексты намеренно субъективны, агрессивны, содержат очевидно непроверенные факты и т.д. Есть канал – особый вид электронного СМИ, есть создатели передач определенного тележанра, но в этих передачах открыто нарушаются профессиональные и этические стандарты. А ведь только их соблюдение позволяет реализовывать социальные функции деятельности, которую мы и называем журналистской.

Владимира Снегирёва недавно попросили подготовить отзыв о книге Удо Ульфкотте «Продажные журналисты», но прежде чем написать его известный российский публицист решил обсудить проблему в социальных сетях: «Этот немец беспощаден. Он откровенно показывает изнанку нашей профессии, причем начинает с самого себя, покаявшись в том, что сам когда-то “попал в ловушку”, стал насквозь коррумпированным, играл по правилам манипуляторов из властных сфер и спецслужб. Вот несколько фраз из книги: “Я был лакеем”. “Журналиста можно поймать дешевле, чем хорошую шлюху, всего за пару сотен долларов в месяц”. “Профессия журналиста занимает промежуточное место между профессиями политика и проститутки”. “Работники медийной отрасли – особенно жадная до денег группа населения». “Качественные СМИ задыхаются в собственной блевотине”.

Он приводит сотни фамилий своих коллег, которые продались – издателям, спонсорам, политикам, спецслужбам. Его приговор беспощаден: свобода слова и мысли существует только на бумаге, бумажная пресса умирает, журналистам уже никто не верит. Прочитав эту книгу, испытываешь состояние шока. Сразу хочется поменять профессию. Много там правда. Но с чем-то согласиться нельзя» [3],

Медиаманипуляторы пользуются известными приемами (предвзятость, подлог, прямой обман, оскорбительный или пренебрежительный подтекст и др.), которые аудитории, не отличающейся глубокой медиаграмотностью, нелегко обнаружить: широкие массы односторонне – автоматически и стереотипно – воспринимают информацию (и прежде всего негативную информацию), принимая все за «чистую монету».

Культура журналистской профессии демонстрируется в качественных СМИ, где работники, следуя профессиональным и этическим стандартам, действуют в рамках существующего законодательства. В «жёлтых» изданиях, балансирующих на грани закона и нередко преступающих его, в социальных сетях, которые некоторые исследователи склонны относить к «гражданской журналистике», информация подается сознательно пристрастно и предвзято. Скрытое манипулирование становится принципом и целью информационной

деятельности, а самыми распространенными приемами – фальсификация и ложь (исследователи называют и более частные приемы – подмена темы, ложное опровержение, провокационные оценки с целью вызвать оправдания, навязывание мысли путем навязчивых повторов и т.п.). Все это имеет отношение к явлению, называемому профессиональной деформацией, и все это уже привело к падению доверия к СМИ со стороны населения, называющих работников прессы «ангажированными манипуляторами», «безжалостными циниками», «обманщиками», «провокаторами», «поверхностными писаками», «лакировщиками», «критиканами», «зловредными ехиднами», «предателями» и т.п. Даже если объяснять столь жесткую бескомпромиссность оценок их анонимностью, видимо, следует признать хотя бы часть претензий, затрагивающих профессиональную честь работников пера и микрофона, справедливой.

К сожалению, исключительность положения журналиста может породить такие качества натуры, как завышенная самооценка, высокое самомнение, излишняя самоуверенность, фамильярность, бесцеремонность и т.п. Постоянная нацеленность на негатив может породить критиканство, цинизм, равнодушие, небрежное – свысока – отношение к людям, их судьбам. Открытость профессии, возможность любому физическому лицу учреждать СМИ привлекают массы дилетантов¹. А подлинная журналистика нуждается в гуманитарных личностях, в тех, кто считает работу в СМИ призванием.

При этом следует развивать профессиональные и личностные качества журналиста с учетом внутренних, внешних и субъективных факторов.

Внутренние факторы связаны с особенностью самой профессии, журналистского труда (производственно-творческого и индивидуально-коллективного). По сути – это те или иные врожденные или приобретенные способности человека, стремящегося стать подлинным профессионалом: оперативность, аналитизм, объективность, сообразительность, находчивость, обаяние, умение прогнозировать, коммуникабельность, общительность, любознательность, инициативность, рациональность, трудолюбие (работоспособность, усидчивость), креативность, эрудированность, владение устным и письменным словом, умение вести полемику, поддерживать дискурс, умение работать в команде и

¹ Кстати, есть мнение, что профдеформация иногда даже полезна. Срабатывают защитные реакции организма: ведь если журналист будет чересчур близко к сердцу воспринимать все социальные проблемы или проблемы своего героя, эмоции раздавят его, и он не сможет объективно посмотреть на ситуацию. А чтобы точно выявить проблемы человека и предложить ему выход из ситуации, нужна определенная дистанция, холодный разум, нужна стрессоустойчивость, умение подняться над проблемой и посмотреть на нее непредвзято. Деформация как приспособление имеет право на жизнь, когда, например, журналист применяет метод маски (в этом смысле наша профессия сродни актерской). Но журналисту, с одной стороны, необходимо вырабатывать умение выдерживать в себе баланс здорового цинизма и эмоциональной отстраненности, с другой – быть постоянно начеку, чтобы деформации не были необратимыми и губительными.

по жесткому графику, потребность рассказывать, умение создавать оригинальный информационный продукт, следование профессиональным и этическим стандартам.

Внешние факторы – это требования к знанию родного, русского и иностранных языков, универсальности (умение работать на разных платформах), технической (умение работать на компьютере, с фото-, аудио- и видеоаппаратурой, умение верстать, умение водить машину и т.д.) и правовой подготовки.

Субъективные факторы связаны с человеческими качествами специалиста, которые также можно развить в ходе воспитания и самовоспитания: гражданственность, пассионарность, ответственность, честь и достоинство, смелость, мужество, доброта, физическое здоровье.

С годами журналист начинает осознавать, в какой профессиональной роли он может проявить себя с самой лучшей стороны. Профессиональные роли также поддаются классифицированию.

Если применить в качестве основания систему функций журналистики, то появится следующая вертикаль: журналист-информационщик (распространитель информации – disseminator), журналист-аналитик (эксперт, комментатор, аналитик информации – interpreter), журналист-критик (оппонент власти – adversary); журналист-пропагандист (агитатор, социальный организатор), журналист-развлекатель (entertainer). Миссия журналистской профессии определяет следующий набор ролей: журналист-гуманист (идеалист); журналист-специалист; журналист-художник (литератор). Каналы (платформы, средства) коммуникации дают свой ряд: журналист печатной прессы; журналист электронных СМИ; тип СМИ – свой: журналист универсального СМИ; журналист специализированного СМИ; журналист корпоративного СМИ. Форма собственности диктует свои правила журналистам общественных, государственных или частных СМИ. Есть также корпус журналистов-новостийщиков, аналитиков, очеркистов (эссеистов, фельетонистов, памфлетистов).

Такое – системное – представление о профессии журналиста, о миссии журналистики и сознательное следование профессиональным и этическим стандартам в этой сфере позволяет снизить риски профессиональной деформации, повышают культуру журналиста.

Список литературы

1. Выжлецов Г. П. Аксиология культуры / Г. П. Выжлецов. – Санкт-Петербург, 1996. – 148 с.
2. Тулупов В. В. Газета: маркетинг, дизайн, реклама / В. В. Тулупов. – Воронеж, 2001. – С.155.
3. <https://www.facebook.com/v.sneg/posts/1378517852218357?pnref=story>

CULTURE OF JOURNALISTIC PROFESSION

Tulupov V.

The culture of journalism and the risks that can lead to professional deformation are considered. A systematic approach to the analysis of professional, personal qualities and

professional roles of the journalist with consideration of internal, external and subjective factors is demonstrated.

Keywords: culture, journalism profession, professional and ethical standards, professional roles, professional deformation.

УДК 070

О РАЗВИВАЮЩЕЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

Александр Грабельников

доктор исторических наук, профессор

Российский университет дружбы народов

Москва, Россия

e-mail: grab@mail.ru

В статье исследуется понятие «развивающая журналистика», ее связь с социализацией новых поколений и миссией журналистики в целом. Рассматривается путь ее развития и место в русской дореволюционной прессе, советской журналистике и постсоветских средствах массовой информации. Анализируются результаты коммерциализации СМИ, которая способствовала внедрению в общество западной идеологии потребительства, массовой культуры, распространению некомпетентности, необъективности в газетно-журнальных публикациях, теле- и радиоэфире.

Ключевые слова: СМИ, социализация, развивающая, развлекательная, деструктивная журналистика.

К развивающей журналистике обычно относят детскую и юношескую прессу, которая помогает ребенку адаптироваться к окружающей среде. Однако смысл данного направления журналистики, на наш взгляд, значительно шире. Развивающая журналистика является частью системы массовой информации, в которую входит, как известно, как оперативная массовая информация (СМИ, кино, устные коммуникации), так и фундаментальная (образование, наука, книгоиздательство) [5, с. 35-43]. Последняя самым непосредственным образом влияет на развитие людей. Более того, в этом и состоит ее главная задача (школьное образование, среднее специальное, высшее, послевузовское). В этом отношении развивающая журналистика как оперативная массовая информация дополняет и расширяет фундаментальную массовую информацию, идет с ней рука об руку, помогает подрастающему поколению активно познавать мир во всей его многогранности, самосовершенствоваться. В этом, собственно, и состоит смысл человеческой жизни: душа приходит в этот мир, чтобы получить разнообразный опыт, обогатиться им и вернуться обратно уже более развитой и совершенной.

Журналистика в целом должна по мере возможности способствовать этому процессу, в ее деятельности на первом месте должна быть идея служения обществу, максимальная полезность для жизни социума [2, с. 21-29]. Миссия журналистики, если возвыситься над ее ежедневной оперативной задачей объективно отражать текущую действительность, заключается в том, чтобы сеять разумное, доброе, вечное. Это ее, на наш взгляд, генеральная цель, включающая в себя всю остальную иерархию более частных задач и функций, разрабатываемых теоретиками журналистики. Эту миссию отечественная журналистика выполняет вот уже более трех веков – и до революции, и при советской власти, и после нее. Весь вопрос в том, как она ее выполняет, насколько качественно и последовательно. Данную миссию можно связать с понятием «социализация» - процессом усвоения индивидом образцов поведения, психологических установок, социальных норм и ценностей, знаний, навыков, позволяющих ему успешно функционировать в обществе. Специалисты считают, что «социализация предполагает многосторонние и часто разнонаправленные влияния жизни, в результате которых человек усваивает «правила игры», принятые в данном обществе, социально одобряемые нормы, ценности, модели» [4, с. 58-59]. Первичная социализация происходит в семье, откуда ребёнок и черпает представления об обществе, о его ценностях и нормах. Вторичная социализация происходит уже вне дома. Её основой является школа, где детям приходится действовать в соответствии с новыми правилами и в новой обстановке. В процессе вторичной социализации индивид приобщается уже не к малой группе, а к большой. Конечно, изменения, происходящие в процессе вторичной социализации, менее глубокие, чем те, которые происходят в процессе первичной.

Миссия журналистики относится ко вторичной социализации. Однако сегодня она оказывает достаточно сильное влияние на индивида, если учесть, что состояние и влияние семьи и школы утратили ту силу и авторитет, которые имели раньше. Эта миссия журналистики идет от средств массовой коммуникации. А для СМК она характерна изначально. Еще на заре человечества миссией СМК стала передача через взаимное общение накопленного социального, жизненного опыта. Вся практика дописменных СМК у разных народов свидетельствует об их главной миссии в социуме - образовании, просвещении и воспитании новых поколений в сложившейся системе традиционных ценностей. Неписаная литература мифов, легенд, преданий оказывала могущественное влияние на человеческий род. Сам факт того, что эти легенды дошли до наших дней, красноречиво доказывает взаимодействие субъектов массовых информационных процессов во времени - передачу старшими поколениями младшим родовых и племенных культов, обрядов, преданий, закрепленных в устных, а затем и письменных текстах, предметах материальной культуры. С развитием социума расширялся и диапазон агентов социализации. К роду, семье прибавились школа, церковь, государственные органы, армия, СМИ, различные политические и

общественные организации. Каждому возрасту - детство, подростковый возраст, юношество, зрелость и старость – отводились свои агенты социализации. СМИ старались охватить все основные стадии жизненного цикла человека. Поэтому их аудитория начинается с изданий, теле- и радиопрограмм для самых маленьких. То есть потребителями СМИ становятся дети уже на той стадии, когда они еще не умеют читать, но уже могут воспринимать визуализированную информацию. СМИ как средство социализации стараются влиять на индивида на всем протяжении его жизни (в отличие, скажем, от семьи и школы). Взрослая, зрелая аудитория подвергается прежде всего политической социализации - процессу включения индивида в систему властных отношений и структур.

Социализация населения проявляется в одной из главных функций субъектов массовых информационных процессов - функции социального управления. Вся иерархия многочисленных функций СМИ и СМК служит, в конечном счете, этой задаче. Поэтому деятельность СМИ необходимо, на наш взгляд, рассматривать также и в неразрывной связи с развитием управления обществом, параллельно с ним. Ведь каждому историческому этапу управления соответствуют свои типы и виды информационных источников. Так, в самоуправляющемся обществе его члены сами производят управленческую информацию. Общество же, которое управляется извне, свыше, получает и соответствующую информацию извне. Массовая информация есть функция управляющей системы. При государственном управлении - это информация для масс (как и управление для народа), а при самоуправлении общества - это информация самих масс (как и управление народом посредством самого народа). Последнее наблюдается в доклассовом обществе, где еще не создано государство.

Итак, по сути, вся журналистика должна нести в себе развивающее начало. В России первые периодические издания создавались в основном учеными, образованными людьми для просвещения читательской аудитории. Вторая по счету российская газета «Московские ведомости» была учреждена при Императорском Московском университете (первая – «Ведомости» - была создана самим царем Петром I, однако позже тоже оказалась под управлением Академии наук). Многие ректоры Московского университета лично участвовали в создании газет и журналов, публиковались в прессе как авторы. Так, М. М. Херасков выпускал журналы «Полезное увеселение», «Свободные часы», а его студенты – «Доброе намерение», «Уединенный пешехонец». Все первые журналы России свои цели формулировали приблизительно одинаково: «защитение добродетели», «обличение пороков» и «увеселение общества». Последующие ректоры также активно развивали печатное дело, используя университетскую типографию. Б. И. Есин, наблюдая за историей взаимоотношений 29 ректоров дореволюционного университета с прессой, отмечает, что многие из них еще в студенческие годы печатались в литературных, литературно-нравственных журналах (XVIII в.), общественно-политической прессе (XIX,

XX вв.) Многие профессора университета исполняли должности цензоров и в таком качестве влияли на журналистику [3, с. 4-8].

Просвещение, образование, общественная польза – вот основные цели и характеристики русской журналистики той поры. С развитием капиталистических отношений во второй половине XIX в. в газетное дело приходит коммерсант и делает издания выгодным товаром, выпуская желтую, бульварную прессу. Но и тогда газеты-копейки, листки-копейки, рассчитанные на городские низы, лавочника, извозчика, трактирного завсегдатая и обывателя, мужика из глухих деревень, приучали их к чтению, служили развитию грамотности.

В годы советской власти периодическая печать становится активным агитатором, пропагандистом и организатором народных масс в построении социалистического общества. В многочисленных трудах В. И. Ленин разработал новую модель прессы, которая, в отличие от буржуазной, уделявшей большое внимание мелочам политики, личным вопросам политического руководства и отвлечению этим внимания масс от коренных вопросов их жизни, призвана была стать орудием общественного воспитания, главным средством для повышения самодисциплины трудящихся, выявления всех недочетов хозяйственной жизни каждой трудовой коммуны. В социалистическом обществе пресса превращалась из органа сообщения политических новостей в орган экономического воспитания масс. На первое место в ней выдвигались вопросы труда, выработка сознательного отношения к нему народа, ознакомление его с тем, как надо налаживать работу по-новому (изучение успехов, приемов хозяйствования, освещение работы образцовых коммун). Главной темой становилась организация соревнования на социалистических началах, обеспечение гласности и сравнимости результатов деятельности трудовых коллективов, возможности практического повторения опыта лучших из них. Пресса становилась инструментом партийного контроля за их внедрением в повседневную жизнь. Особую заботу представляло повышение популярности уездных газет у малограмотного или даже совсем неграмотного населения. В циркулярах ЦК РКП(б) местным властям предлагалось помимо учета близкого интересам масс содержания следить за простотой его изложения: писать короткими фразами, печатать крупным шрифтом, объяснять малоизвестные события, географические имена и названия, соблюдать ясную и четкую верстку полос.

В годы правления И. В. Сталина система советской печати получила значительное развитие и дальнейшую дифференциацию. Партийно-государственный аппарат старался охватить влиянием прессы все основные возрастные, социальные, профессиональные слои населения и прежде всего рабочие, крестьянские и красноармейские массы. Был разработан тип рабочих и крестьянских газет, которым надлежало популярно освещать все политические, хозяйственные и партийные вопросы. В числе основных мероприятий в прессе первой половины 20-х гг. было расширение комсомольско-молодежной печати («Комсомольская правда», «Пионерская

правда» – 1925 г., создание комсомольских газет в регионах, на национальных языках), отраслевой прессы («Строительная газета», «Учительская газета», «Красная звезда» – 1924 г.), литературно-художественных журналов («Красная новь», «Новый мир», «Октябрь», «Молодая гвардия» – 1922-1924 гг.), массовых журналов («Крестьянка», «Экран», «Хочу все знать», «Юные строители», «Мурзилка» - 1922-1924 гг.). Многие из этих изданий выходят и по сей день.

В 1930-е гг. оформилась вполне разветвленная система печати, охватывавшая практически все население страны. По вертикали она строилась следующим образом: центральные издания – республиканские – краевые – областные – городские – районные – многотиражные (фабрично-заводские, вузовские, газеты МТС и т. д.) – стенные бригадные и цеховые газеты. Вышестоящие издания обязаны были делать обзоры печати нижестоящих, чтобы на основе показа положительного опыта одних и выявления слабых сторон других газет вести постоянное улучшение информационной продукции. Такой подход использовался для руководства местной партийной прессой с первых лет Советской власти. Многие газеты не имели в то время достаточно квалифицированных журналистских кадров, и задачей обзоров было повышение уровня профессионального мастерства работников печати. Обзоры заменяли учебные пособия по журналистике, служили исправлению недостатков в обозреваемых газетах, распространению хороших начинаний, находок в газетной работе. Все это определило судьбу жанра как управленческого. У обзора печати были свои преимущества перед другими формами партийного руководства печатью – это оперативность, гласность, контроль общественности. Одним из главных отличительных свойств жанра была его директивность, которая требовала, чтобы обзоры печати перепечатывались теми газетами, которым они посвящены. Со временем резкую критичность обзора печати сменила проблемность: важно было не только критиковать, но и вскрывать корни негативных явлений, указывать пути их устранения. Такая журналистская практика являлась развивающей и для редакционных работников.

Советская журналистика показывает, что она может быть развивающей для всех категорий читателей, а также и для самих журналистов. Государству было важно, чтобы народ был грамотен, поэтому образовательная, просветительская, развивающая, социализаторская функции выполнялись СМИ довольно успешно.

С развалом СССР в России был реставрирован капитализм. Развитие многоукладности в экономической жизни общества привело к появлению различных форм собственности на средства массовой информации. В печатных СМИ начала активно возрождаться информационно-коммерческая пресса. Крупные предприниматели, осознавая роль СМИ в создании имиджа их фирм и компаний и связанных с ним успехов в продвижении на рынок своих товаров и услуг, стали обзаводиться собственными изданиями – так называемой «имиджевой прессой». С накоплением капитала и потребностью

закрепить завоеванные позиции в обществе бизнесменам, банкирам потребовалась уже большая политическая пресса, телевизионные каналы и радиоэфир. Выборы президента страны 1996 г. показали, что вкладывание денег в СМИ оборачивается надежным политическим капиталом. Поэтому с середины 1990-х гг. начинается активная скупка известных газет, журналов, теле- и радиоканалов, создание новых СМИ. К 1998 г. у федерального правительства из центральных газет остались лишь «Российская газета», «Российские вести», «Россия», региональные газеты. Зато на перераспределении остальных СМИ возникли настоящие информационные империи крупных компаний, концернов и отдельных лиц. Кроме политического размежевания СМИ на пропрезидентские и оппозиционные в постсоветский период произошло расслоение отечественной печати на качественные и массовые издания. Наряду с политизированными появилось много деполитизированных журналов и газет.

В результате государство потеряло контроль над большей частью СМИ, чего, практически не было за всю историю русской журналистики. Давая в дореволюционном прошлом развиваться частному предпринимательству в печати, оно руководило этим процессом. Теперь же, казалось, все было пущено на самотек. В информационное поле страны все больше внедрялись иностранные СМИ со своими интересами, активно влияя на российскую аудиторию, создавая негативный образ России за рубежом, что прямо отражалось на объемах зарубежных инвестиций в нашу страну. Упразднение внешнеполитической пропаганды как функции государства, отсутствие заботы правительства об имидже своей страны непосредственно сказывались на ее благополучии.

Коммерциализация СМИ способствовала внедрению в общество западной идеологии потребительства, массовой культуры, распространению воинствующего непрофессионализма, нарушающего нормы русского языка, журналистскую этику, несущего с собой некомпетентность, недостоверность, необъективность. Беспринципность и заангажированность журналистов открыли дорогу к информационным войнам, пропаганде в СМИ насилия, порнографии, национализма и других антиобщественных явлений. Массы рассматриваются многими владельцами СМИ только как потребители информационной продукции, причем, как правило, не самой качественной. Наиболее доступные информационно-коммерческие СМИ являлись разносчиками и пропагандистами буржуазной массовой культуры, которая не развивает личность, а ведет ее к деградации. Просветительские, образовательные, воспитательные задачи СМИ заменялись коммерческими. Рейтинги и рекламодатели вышли на первое место, отодвигая потребности аудитории на второй план.

Глядя на нынешний отечественный информационный рынок, можно достаточно отчетливо увидеть три направления в деятельности СМИ.

Первое - развивающая журналистика. Она сегодня подобно шагреновой коже заметно сокращается. К ней относится детская,

молодежная, студенческая пресса, придерживающаяся еще советских принципов воспитания и социализации. Сюда же примыкает «взрослая» общественно-политическая качественная пресса, старающаяся объективно отражать и объяснять своим читателям вопросы внутренней и внешней политики, экономики, культуры, чтобы они на основе этой информации могли самостоятельно ориентироваться в происходящих событиях. К ней следует добавить также научно-популярные и научные издания, отраслевую прессу.

Второе направление - развлекающая журналистика, а точнее, отвлекающая население от важных жизненных проблем и житейских неурядиц. Это наиболее распространенное направление, в его режиме работает телевидение, большая часть радиостанций, вся массовая пресса. Если первые журналы России на главное место ставили «защитение добродетели» и «обличение пороков», а уж затем «увеселение общества», то сегодня все наоборот. Сначала повальное «увеселение общества», а потом, если остается место на полосах изданий и время в эфире, все остальное.

Исследователи СМИ объясняют, почему это происходит. Содержание СМИ развлекательного характера стало ключевым элементом рыночной экономики потому, что на их основе возникла наиболее эффективная система рекламоносителей. Анализируя состояние и структуру медиаиндустрии, экономисты в большинстве стран мира уже давно объединили рынок СМИ и развлечений. Экономика, ориентированная на потребление, объективно стимулирует движение СМИ в сторону индустрии развлечений. Российская газетная индустрия представляет собой яркий пример трансформации моделей содержания в сторону развлекательности. Статистика подтверждает: издания бульварно-таблоидного типа и телегиды, концепции которых по определению имеют развлекательный характер, являются абсолютными лидерами на рынке и ежедневной и еженедельной периодики. Среди преобладающих тенденций развития журнального рынка – бум в нише журналов о жизни звезд (*celebrity*), продолжение штурма сектора модного женского и *Lifestyle* «глянца», широкая эксплуатация консьюмеристской тематики. Сетки вещания телевизионных лидеров последовательно заполняются «легким» (игровым / зрелищным / юмористическим / досуговым) контентом, лишенным социальной значимости. При этом традиционные жанры самого общественно-политического вещания – новости, аналитика, документалистика – на этих каналах зачастую трансформируются в инфотейнмент, или, утрачивая признаки «качественности», приобретают признаки «желтизны», что также ярко подтверждает общую тенденцию. Объективной причиной активного развития развлекательного сегмента в российских СМИ является устойчивый рост валовых доходов от размещения рекламы. Рейтинг СМИ как системы ключевых медианосителей России стал сегодня важнейшим, практически единственным показателем успеха [1].

Третье направление - деструктивная журналистика, грубо говоря, дебилизирующая, развращающая свою аудиторию. Она имеет свои собственные задачи, которые старается не афишировать, а, наоборот, маскировать под добрые намерения. Со временем ее распознают и добиваются закрытия. Но за то время, которое она существовала, она успевала нанести определенный вред своей аудитории. Сегодняшний отечественный информационный рынок открыт для зарубежных детских и подростковых изданий, которые чувствуют себя здесь очень уверенно и имеют самые большие тиражи. Западные издатели владеют богатой практикой рыночного предпринимательства, знают, как быстро завоевать информационный рынок. Чтобы приучить детей к новым еженедельным журналам «Cool» и «Cool girl» (Издательский дом «Бурда»), их сначала раздавали бесплатно на улице и в метро, а затем стали продавать по низкой цене. Эти издания существенно отличались от наших изданий. Здесь можно было найти в избытке ту информацию, которая в российских журналах строго дозировалась, - о любви, сексе, моде, поп-, рок-культуре и т.д. Причем, подавалась она слишком вольно. Под видом полового воспитания, борьбы со СПИДом иногда публиковались откровенно растлевающие материалы.

Немалый вклад в детское «воспитание» вносит и телевидение. Большую часть телепродукции для детей поставляют зарубежные компании. Прежде всего, это многочисленные мультфильмы и мультсериалы. К сожалению, они обладают теми же качествами, что и взрослое зарубежное игровое кино: здесь также горы трупов, стрельба и взрывы. Истина, которую усиленно навязывают эти мультфильмы, состоит в том, что насилие - основной способ существования человечества. Известный американский ученый Герберт Шиллер, оценивая продукцию компании «Уолт Дисней продакшнз» в своей книге «Манипуляторы сознанием», отмечал, что создатели мультфильмов с энтузиазмом относятся к потребительству - стремлению к удовлетворению материальных потребностей, заменяющих все другие потребности человека. «Продукция их постоянно содействует насаждению эгоизма, стяжательства, стремления к достижению личного успеха, утверждению веры в неменяющуюся природу человека. Возможность социальных альтернатив - других способов организации жизни человеческого общества - отрицается или, если вообще рассматривается, то оценивается скептически» [6, с. 119].

Противостоять этому можно с помощью медиаграмотности подрастающего поколения. Как считают специалисты, это не столько определенный запас знаний, сколько умение, процесс, образ мышления, который, подобно осмысленному чтению, постоянно совершенствуется. Главным для медиаграмотности является не знание всех ответов, а постановка правильных вопросов относительно всего, что видят, читают и слышат дети. В решение этой проблемы должна активно включиться и семья уже на ранней стадии развития ребенка. Подобно тому, как родители с малых

лет обучают детей правильно обращаться с огнем, колющими и режущими предметами, ядами, кислотами и другими опасными вещами, таким же образом они должны обучать их и обращению с масс-медийными средствами, включая мультимедийные игры. Под их контролем должны быть телепузики, покемоны и прочие монстры, которых плодит воспаленное воображение западной медиаиндустрии.

Яркий пример последствий деструктивной журналистики среди взрослой аудитории можно видеть на Украине. Оболваненное местными СМИ население прыгает на площадях городов и сёл с криками «Хто не скаче, той москаль!». Для человека XXI века, в котором социальная среда перенасыщена информацией, его безопасность в окружающей среде уже начинает определяться не увеличением объема разнообразных знаний, а наоборот, их ограничением, умением понимать и верно оценивать продукцию масс-медиа. Уметь различать, что способствует развитию личности, а что – наоборот.

Список литературы

1. Вартанова Е. Л., Смирнов С. С. СМИ России как индустрия развлечений // Медиаскоп, 2009, №4 // <http://www.mediascope.ru/node/446>
2. Гавров С. Н., Никандров Н. Д. Образование в процессе социализации личности // Вестник УРАО. 2008. №5. С.21-29.
3. Есин Б. И. Ректоры Императорского Московского университета и русская журналистика. 1755-1917 – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 96 с.
4. Корконосенко С. Г. Без миссии нет профессии // Профессия – журналист: вызовы XXI века. Материалы международной научной конференции «Журналистика 2006». – М.: Факультет журналистики МГУ, 2007. С.58-59.
5. Массовая информация в советском промышленном городе. Опыт комплексного социологического исследования / Под общ. ред. Б. А. Грушина, Л. А. О니кова. - М.: Политиздат, 1980. – С. 35, 42, 43.
6. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. - М., 1980. С.119.

ABOUT DEVELOPING JOURNALISM

Grabelnikov A.

The article explores the concept of «developing journalism», its relationship with the socialization of new generations and the mission of journalism in general. the way of its development and place in the russian pre-revolutionary press, soviet journalism and the post-soviet mass media are considered. The results of the commercialization of the media are analyzed, which contributed to the introduction of a western consumerism ideology, mass culture, incompetence, bias in newspaper and magazine publications, television and radio.

Keywords: mass media, socialization, developing, entertaining, destructive journalism.

МЕСТО ТЕЛЕВИДЕНИЯ В КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ РЕГИОНА

Алла Шестерина

доктор филологических наук, профессор

Воронежский государственный университет

Воронеж, Россия

e-mail: shesterina@mail.ru

Статья посвящена исследованию вопроса о возможности участия телевидения в социокультурной жизни региона. На материале изучения ситуации в г. Воронеже анализируется текущее состояние культурно-просветительского сектора аудиовизуальных СМИ, выявляются основные каналы трансляции культурных ценностей. Комплексное исследование, опирающееся на социологические методы, выявляет отношение аудитории к вопросу эффективности СМИ в области культурно-просветительской деятельности. Уточняются наиболее значимые проблемы, возникающие в поле соприкосновения электронных медиа и сферы культуры и искусства, а также критерии повышения эффективности медиасферы в этом вопросе.

Ключевые слова: телевидение, социокультурная политика, культурно-просветительские телепередачи.

На современном этапе развития общества телевидение не только является транслятором духовных ценностей и традиций, каналом формирования и распространения культурных норм, но и само становится частью культурной среды. Именно оно как никакой другой канал способствует интериоризации явлений искусства в обыденное сознание масс и порождает явления, которые оказывают сильнейшее влияние на культурную палитру города, региона и страны в целом.

Влиятельность этой сферы в последние годы возрастает. Общее время телесмотра по данным компании Mediametria в 2014 году в городах 100+ составило 237 минут в день, то есть почти четыре часа (4). В более крупных городах время телепросмотра увеличивается.

Значительную роль телевидения в распространении культурных ценностей фиксирует и Аналитический отчет по итогам социологического исследования по анализу и изучению культурной среды и культурной политики Воронежской области, который показывает, что наиболее популярным источником информации в области культуры и искусства для воронежцев стали телевизионные передачи: их выбрали 66,3% респондентов. Вторыми по популярности стали газеты и журналы: их назвали 46,5% опрошенных. Заметно присутствие Интернет-изданий (37,7%), превзошедших по популярности радиопередачи (32,7%) и социальные сети в Интернете (26,9%). Существенной разницы в информационном поведении жителей Воронежа в зависимости от пола не наблюдается. Мужчины предпочитают обращаться к сетевым ресурсам в большей степени, чем женщины. Но разница эта незначительна.

В сельской местности, где Интернет еще не получил широкого распространения, зависимость от ТВ порой тотальна. Вот почему именно телевидение как канал трансляции культурных норм и ценностей должно вызывать устойчивый интерес у всех структур, заинтересованных в положительной социокультурной динамике региона.

Между тем, результаты социологического исследования мнения жителей г. Воронежа относительно удовлетворенности содержанием и характером культурной среды показали, что в наименьшей степени культурному критерию соответствует характер ценностей, транслируемых СМИ и ТВ. Индексы у этих показателей отрицательные, а именно -0,23; -0,33 соответственно.

Мы обнаруживаем интересный парадокс: граждане недовольны уровнем работы масс-медиа в культурно-просветительском аспекте и все же не отказываются от них как от основного источника информации. Такая ситуация формирует то, что Даниил Дондурей в одном из своих выступлений обозначил как стратегию «понижающей селекции». А это означает, что проблемы в области взаимодействия СМИ и культуры в регионе есть и игнорировать их нельзя. Налицо разрыв между имеющимся эффективным каналом распространения и интериоризации культурных ценностей и использованием этого канала со стороны структур, заинтересованных в таком распространении. Этот разрыв тем более опасен, что по результатам исследования, осуществленного летом 2013 года значительная доля респондентов (11% мужчин и 8% женщин) в числе ключевых проблем культуры Воронежа и Воронежской области называют недостаток информации о культурных мероприятиях (1).

Вот почему вопрос об участии ТВ в социокультурном развитии региона актуален.

Система регионального телевидения в Воронеже сегодня фактически обрела все структурные компоненты, свойственные некогда общероссийскому телевидению. Современный рынок регионального ТВ способен самым активным образом участвовать в социокультурных процессах, происходящих в регионе – как в качественном, так и в количественном отношении. Вопрос заключается лишь в эффективности такого участия.

Определить точный перечень телекомпаний, действующих в Воронеже и Воронежской области, невероятно сложно.

По данным Департамента связи и массовых коммуникаций Воронежской области, в регионе ныне действует только одна государственная телекомпания – ОАО «Студия Губерния» (<http://www.gubernia-tnt.ru>).

«Справочник СМИ» Союза журналистов Воронежа включает в число телекомпаний также следующие:

ГТРК «Воронеж», телекомпания (<http://www.vestivrn.ru>);

«РЕН ТВ-Воронеж», телеканал (<http://www.ren-tv.com>);

«СТС-Воронеж», телекомпания (<http://www.ctc.ru>);

В **расширенный список телеканалов**, производящих свой контент, можно включить следующие:

«НТВ-Воронеж», телекомпания (<http://www.ntv.ru>);

«41-ТВ», телеканал;

«Край Воронежский» («25 канал Воронеж»), телеканал;

КТВ, кабельный телеканал;

«СВИК ТВ» – сетевой телеканал (www.свик-тв.рф).

Целевые аудитории эфирных каналов полностью совпадают с аудиториями каналов-партнеров. Аудитория КТВ – преимущественно 35+ со средним уровнем дохода. Зрители on-line ТВ – молодежная аудитория.

Кроме того, жители Воронежа в различной степени (в зависимости от выбора поставщика услуг) имеют **доступ к следующим эфирным каналам**: «Первый канал», «Россия 1», «Россия 24», «Россия К», ОТР, «Россия 2», НТВ, СТС, ТНТ, «ТВ Центр», «Домашний», «РЕН ТВ», «5 канал», «Карусель», «Пятница!», «ТВ 3», «Ю», «Перец», «МИР», «Звезда» (3).

Возможности доступа к телеканалам без производства собственного контента в г. Воронеже предлагают:

1. ОАО «Телесервис», ОАО «МТС» - пакет домашнего телевидения МТС «Классика» в г. Воронеж включает 36 каналов. Среди них - Discovery Channel, Animal Planet, «Дом кино», «ТВ 1000», «Ретро» и другие. Ежемесячная плата на тарифном плане «Классика» с 1 июля 2013 года - 175 рублей;

2. Дом.ru – предлагает два пакета услуг: «Дом.ru TV» – 86 цифровых канала, 34 HD-канала; «КАБЕЛЬНОЕ ТВ» – 62 кабельных канала, 18 цифровых каналов;

3. Ростелеком – предлагает 4 пакета услуг: «Популярный» – 103 канала; «Детский» – 43 канала; «Спортивный» – 47 каналов; «Кино» – 57 каналов.

Можно также назвать и **менее влиятельных поставщиков услуг**: «Стрим Воронеж», «Эр-Телеком Холдинг» и др.

В числе транслируемых ими кабельных каналов к каналам, выполняющим культурно-просветительские функции, условно можно отнести следующие: Viasat History, Nat Geo Wild, Discovery World, «Кто есть кто», «Оружие», «Зоопарк», Ocean-TV, «Просвещение», Discovery Investigations, «Агро ТВ», Animal Planet, «Наука 2.0», «Охота и рыбалка», English Club TV, «Страна, Galaxy», «Телепуешествия», CBS Reality, Discovery Science, «Закон ТВ», «Первый образовательный», Viasat Nature, «Ностальгия», «Моя планета», National Geographic, «24 Техно», «Здоровое ТВ», Da Vinci Learning, «24 док», «365 дней», Travel And Advanture, Viasat Explorer, Discovery Chanel.

Таким образом, в Воронеже, как и в России, неэфирное ТВ практически полностью закрывает ниши, которые не может перекрыть эфирное ТВ.

Также на территории г. Воронежа и области действует немало *продакшн-студий*. Учесть их все не представляется возможным, поскольку многие из них предпочитают не регистрировать свою деятельность. В числе ключевых игроков можно назвать:

1. **Wizart Animation**. Одна из наиболее быстро развивающихся анимационных студий в России. Была основана в 2007 году в Воронеже на базе студии, занимающейся разработкой и локализацией мультимедийных продуктов и программного обеспечения. Сегодня это студия компьютерной анимации, где работают специалисты из России и Украины. Основное направление деятельности **Wizart Animation** – производство высококачественных семейных анимационных фильмов и мультипликационных сериалов. В январе 2012 года студия выпустила свой первый большой проект - 3D-фильм «Снежная королева». На текущий момент в работе студии находится анимационный 3D-фильм с рабочим названием «Волки и Овцы», а также продолжение истории «Снежной Королевы» (<http://www.wizartanimation.com>);

2. **Art BOFFO Studio** – продакшн-студия, разрабатывающая видеопродукцию разного уровня и степени сложности – от презентационных и рекламных роликов до корпоративных фильмов;

3. **Mastervideovizitok** – студия видеопроизводства, занимающаяся, в основном, рекламной деятельностью;

4. **Объединение Droizvodstvo** – продакшн-студия, оборудование и квалификация сотрудников которой позволяют создавать аудиовизуальные продукты средней степени сложности;

5. **HELIKAM** – съемка объектов с воздуха и др.

Перечень продакшн-студий может быть продолжен, однако важно отметить, что самостоятельным креативным производством занимаются единицы. В основном речь идет о выполнении требований клиентов. Уровень исполнения, как правило, неэфирный. Количественные и качественные показатели не всегда совпадают.

Если обратиться к качественному анализу каналов, аудиовизуальный контент которых отражает культурную жизнь региона, то сектор культуры на этих телеканалах представлен слабо. Передачи, производимые воронежскими телеканалами, единичны и, как правило, выходят еженедельно за исключением новостных выпусков (Таблица 1).

Таблица 1.

Передачи культурно-просветительской тематики, выходящие на региональном ТВ

ТЕЛЕКАНАЛ	ПЕРЕДАЧИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ
«ТНТ-Губерния»	«Адрес истории» - познавательно-развлекательная историческая программа; «Марафон» - телевизионный информационный журнал о физической культуре и спортивной жизни области; «Атмосфера» - музыкальное интерактивное шоу.
ВГТРК	«Проселки» – программа о жителях Воронежской области;

	«Вести: Культура» – новости.
«РЕН ТВ - Воронеж»	«Энциклопедия здоровья» – познавательно-развлекательная программа.
КТВ	«Променад» - программа об архитектуре Воронежа; «Спорт 36» – программа о спорте в Воронеже; «Звездопад» – бесплатное размещение музыкальных клипов воронежских исполнителей.

Необходимо отметить постепенное вытеснение культурно-просветительских программ из сетки вещания воронежских телекомпаний. Так, телекомпания «Губерния» еще несколько лет назад могла предложить зрителю более широкий спектр такого рода передач, отвечавших самым взыскательным вкусам телезрителей. Большой популярностью среди сельских зрителей пользовалась передача «Село на село», структурно формировавшаяся на основе конкурса частушечников. Любовь воронежцев и жителей области к частушкам отразилась и в высоко оцененном зрителями документальном фильме о Марии Мордасовой «До свидания, Ванечка!». Выходила документальная линейка программ Театра драмы им. А. Кольцова «Монолог», детские и молодежные культурно-просветительские передачи. Важно констатировать не только их количественное богатство и качественное разнообразие, но и глубокий подход к рассказу о культурных ценностях, отличавшийся диалогичностью и опорой на интересы воронежского зрителя.

Как справедливо отмечается в Докладе Общественной палаты РФ по вопросу «Культура и будущее России. Новый взгляд», о телевидении, о культурных матрицах, им распространяемых, мы не говорим никогда (2). А ведь воздействие ТВ в области освещения вопросов культуры призвано пробудить у зрителя эмоциональную память и возможно лишь тогда, когда тележурналист эффективно задействует основные *метапрограммы*, важнейшими среди которых для местного вещания можно считать следующие:

1. Метапрограмма «Люди». Формирует признание права человека на индивидуальность, толерантность, интерес к неординарной личности. В данном случае персона, личность становится ключевой фигурой действия, и именно она привлекает внимание к повествованию, рассказу о том или ином событии в области культуры. Такая метапрограмма эффективна в том случае, если телевизионное произведение построено на доминировании прямой речи источника информации. Студийные беседы – ярчайший тому пример. Телеэфир Воронежа богат программами такого формата («Встречи на журфаке», «Зеленая лампа», «Белый альбом»). А вот иная форма реализации метапрограммы – портретные документальные фильмы и передачи, – практически исчезла с экранов воронежских телеканалов;

2. Метапрограмма «Ценности». Опирается на уже сложившиеся духовные потребности аудитории и построена на их демонстрации. В рамках этой метапрограммы автор берет на себя сложную миссию возвращения

аудитории забытой информации о культурных ценностях или (что сложнее) распространения абсолютно нового для широкой аудитории знания. Но в данном случае ценность этого знания должна быть доказана – и именно вокруг этого выстраивается ключевой конфликт передачи. К метапрограмме «Ценности» в рамках воронежского телеэфира можно отнести программу «Променад». Эта же метапрограмма реализуется в случае, когда речь идет о крупных событиях и явлениях в сфере культуры (Платоновский фестиваль);

3. Метапрограмма «Сходство». В значительной степени затрагивает вопросы бытовой культуры. Базируется на перемещении зрителя в простую среду с целью – создать образ доступности, похожести. В данном случае механизмы отождествления позволяют зрителю погрузиться в мир экрана («Проселки»);

4. Метапрограмма «Процесс». Актуализирует значимость самого события, а не только его результата. Построена на демонстрации сцен жизни. В такой программе обязательно должна быть пружина действия, какой-либо конфликт, связанный с риском решения проблемы или раскрытия интриги. Внешний темпоритм определяет качество такого произведения. Процессом может стать повествование или показ истории создания шедевра, путешествие по каким-либо культурно-историческим местам, сопряженное с определенными трудностями или неожиданностями, шоу и спортивное мероприятие («Атмосфера», «Марафон»). Такого рода телепрограмм на воронежском экране слишком мало. Могло бы быть значительно больше за счет увеличения в сетке вещания прямых трансляций (подобных осуществленной ВГУ в 2014 году трансляции пресс-конференции Владимира Познера) или документальных фильмов («Золотое кольцо России»);

5. Метапрограмма «Прошлое». Акцентирует важные моменты истории в монологической или документальной форме («Адрес истории»).

Активное и грамотное использование этих метапрограмм, их баланс позволяют интегрировать представления о социокультурной палитре региона в сознание воронежцев наиболее полно и непротиворечиво. Сегодня этот потенциал задействован не полностью. Работу отрасли в этом смысле можно оценить как слабую.

К основным критериям ее эффективности можно отнести:

- рейтинги передач о культуре, их действенность, индекс цитируемости (на уровне региона не изучается);
- увеличение их количества в сетках вещания каналов (в последнее время отмечается сокращение);
- легкий поиск таких передач и формирование к ним устойчивого интереса (поиск затруднен и, в силу этого, возможности расширения круга зрительской аудитории ограничены).

К экономическим показателям эффективности отрасли можно отнести:

- интерес спонсоров и рекламодателей (имеется к телеканалам в целом независимо от типа телепередачи);

- доходы СМИ, связанные с развитием сектора (информация недоступна);
- адекватная заработная плата людей, освещающих вопросы культуры.

По этим показателям отрасль в целом не может быть оценена как абсолютно благополучная и эффективно функционирующая.

К основным проблемам и негативным тенденциям можно отнести следующие:

- нарушение связи между производителем и транслятором (отсутствие в сетке вещания эфирных каналов ниш для трансляции информации о событиях, связанных со сферой культуры; незначительное число значимых и широко известных зрителю телевизионных проектов в этой сфере);
- низкий уровень подготовки материалов (стереотипизация: одни и те же лица, одни и те же события в телепередачах, отсутствие поиска новых форм, новых выразительных средств, утрата традиций корректной и скрупулезной работы с источниками информации); доминирование «интересов нижней части тела» (темы страха, секса, насилия, самосохранения) в ущерб верхним уровням (творчество, труд, мастерство, открытое отношение к людям, сострадание);
- отсутствие финансовой поддержки креативных проектов.

К сожалению, разрушение традиционных канонов, сложившихся в подходе к освещению культурной тематики, приводит к опустошению содержания самих произведений искусства и является наиболее серьезным поводом для беспокойства. Вместе с тем, необходимо заметить, что количественный анализ медиасектора относительно его участия в реализации культурной политики региона малоэффективен. Анализ качества контента имеет здесь решающее значение. Мы живем на этапе доминирования информационной цивилизации, когда проникновение СМИ в нашу жизнь становится повсеместным и телевидение конструирует социальную реальность через формирование экранных образов. В этой ситуации игнорировать его участие в формировании культурной среды региона невозможно. Информационная политика и культурная политика, несомненно, должны иметь больше точек соприкосновения, чем те, которые обнаруживаются сегодня.

Список литературы

1. Аналитический отчет по итогам социологического исследования по анализу и изучению культурной среды и культурной политики Воронежской области. / Под ред. Э. Боякова. – Воронеж: Изд-во ВГАИ, 2013.
2. Калягин А. А. Культура и будущее России. Новый взгляд / А.А.Калягин. - URL.: <http://refdb.ru/look/3004990.html>. (дата обращения: 10.08.2016 г.).
3. Телевидение // Ростелеком. - URL.: <http://voronezh.lnnet.ru/rostelecom/tv> (дата обращения 01.07.2013 г.).
4. Фролов Д. Маленький убийца большого экрана / Рост популярности смартфонов должен привести к радикальному изменению системы телеизмерений //

THE TELEVISION PLACE IN THE REGIONAL CULTURAL FIELD

Shesterina A.

The article is devoted to the research of a question on possibility of participation TV in sociocultural life of the region. On the material of the situation in Voronezh we are analyzing the current state of cultural and educational sector of audiovisual media, identifies the main channels of transmitting cultural values. A comprehensive study based on sociological methods, reveals the attitude of the audience to question of the effectiveness of media in the field of cultural and educational activities. We are analyzing the most important problems arising in the field of contact of electronic media and the sphere of culture and art, and criteria of increase of effectiveness of media in this issue.

Keywords: TV, sociocultural policy, cultural-educational TV programs.

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ФАКТОР РЕФЕРЕНЦИИ И КУЛЬТУРА СТИЛИСТИЧЕСКОГО СМЕШЕНИЯ В МЕДИАТЕКСТЕ

Татьяна Краснова

доктор филологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

e-mail: taikrasnova@yandex.ru

Стилистические особенности медиатекста обусловлены не только его смысловой структурой и публичной природой деятельности, но и отношением к внеязыковым объектам, фактам, событиям. В нашу задачу входит описание и оценка прагматического фактора референции, связанного с неожиданной актуализацией наименований, которые не соответствуют стилевому началу речевой цепочки. Отмечены коммуникативные ситуации, а также интенции, отвечающие разному характеру референтов в стилистике общественно-политического информирования.

Ключевые слова: медиа текст, стилевое средство, синтагматика, референция, прагматика, модальность.

Когнитивно-дискурсивный (многофакторный) подход к анализу и описанию медиатекста показывает, что его коммуникативные особенности обусловлены не только смысловой структурой и публичной природой деятельности, но и прагматикой референции.

С прагматическим фактором связано различие видов референции по отношению к фонду знаний собеседника. На уровне коммуникации в СМИ прагматический фактор действует преимущественно в сфере конкретной референции с учетом известного контекста, что связано с необходимостью оценивать и адекватно понимать текст массовым читателем.

Одним из условий предсказуемого влияния на массового адресата в тексте оказывается стилистическое взаимодействие, связанное с разными видами референции, например – с именованными группами общественно-политической и бытовой денотации.

Механизм взаимодействия стилей принято рассматривать в плане речевой синтагматики. Компоненты высказывания находятся в отношениях взаимозависимости, когда выбор одного компонента предопределяет появление другого. В категориях стилистики отношение взаимозависимости языковых единиц получило выражение в закономерностях их употребления, названных «стилистическое согласование» и «стилистический контраст».

Стилистически маркированная единица, помещенная в несвойственный ей контекст, сигнализирует об изменении стилевых регистров и, таким образом, информирует воспринимающего о некоторых изменениях в условиях коммуникации или о различных изменениях в содержательной структуре [1]. С нашей точки зрения, целесообразно учитывать не только

изменение регистра как маркированной стилевой единицы в составе текста. Медиа высказывание, будучи сложно структурированным образованием, включает пропозициональный акт, осуществляющий референцию и предикацию. Важно усмотреть интенцию стилевого смещения (чередования), когда в акте информирования контактируют языковые единицы, обычно не соединяемые, например – с референцией и предикацией политического и житейского характера.

В медиатекстах стали заметными явления стилистического несогласования, которые не могут быть квалифицированы как стилистические контрасты с эффектом экспрессивности. В политический контекст активно внедряются стилистически неяркие единицы с предметной семантикой «бытовой наполненности». Авторское намерение обычно связывают с коммуникативной ситуацией воздействия. Ниже отмечены две коммуникативных ситуации, отвечающие разному характеру референции в стилистике политического информирования.

1. *Положительная идентификация оппозиционера.* В смешанную речевую цепочку наряду с именами референтов официально-деловой, политико-событийной сферы общения входят именная группа бытового характера. Обычно это объекты, референция которых опирается на пресуппозицию существования. Ср.: *Мэр Лондона Борис Джонсон с новой, практически аккуратной стрижкой выступил против кампании Дэвида Камерона за нахождение Великобритании в Европейском союзе. Эксцентричный глава метрополии выступил перед журналистами на улице возле своего дома после переговоров премьер-министра в Брюсселе* («Пульс-УК», 2016). Отметим позитивную тональность изложения. Выделенные имена, сочетание стилистически несогласованных именных групп являются знаками демократической традиции в публичном общении.

Как видно, в синтагматической цепочке общественно-политического информирования неофициальный элемент, его бытовая наполненность порождают семантико-стилистическое рассогласование. Но здесь нет ярко выраженного приема стилистического контраста с его сильным эффектом необычности, экспрессивности. Здесь есть минимально необходимый стилистический контраст, когда употребляемые единицы не создают стилистической оппозиции. По-видимому, при разной референции, в условиях наложения разных «денотативных пространств» [4, с. 36], возможны контрасты малой и средней степени [3, с. 484]. Необходимо уточнить парадигматическую шкалу экспрессивности в медиатекстах.

2. *Отрицательная характеристика положения дел.* Отрицательная модальность в медиатекстах часто влечет за собой образное воплощение политического отрицания и его субъективированную условность. Стилистическое смещение в рамках речевой цепи естественно в качестве иронического обобщения. При этом включаются как референтные (именное выражение к фиксированным в сознании предметам), так и нереперентные (предикативные) значения, интерпретационные смыслы. Ср.: ...

исторические и экономические события нам говорят: «Не надо технологий западных, живем, собираем ягоды-грибы в лукошко» (С.-Петербургские ведомости, 2016). Референция высказывания предполагает два фрагмента внеязыковой действительности, или «денотативных пространства»: бытовое этническое и политическое. Бытовое этническое существует в ментальности как представление о древнейшей форме хозяйственной деятельности (собирачество). По направлению означивания это денотативное пространство ассоциируется с экономической отсталостью. Политическое «денотативное пространство» обобщается именной группой (*исторические и экономические события*; фонд знаний собеседников). По направлению означивания оно связано с цивилизационным смыслом, благодаря которому в скрытом виде утверждается обратное. Кроме предикативных наименований *живем, собираем ягоды-грибы в лукошко* иронически переосмысливается в контакте с ними и модальность отрицания: *не надо технологий западных*. Оппозитивность неприятия [2] выходит на первый план, т. е. на уровень полемического взаимодействия с условным противником. Маркированная именная группа используется в стилистически смешанной речевой цепи политического субъекта как средство косвенного идеологического воздействия (дискредитация).

Выбор интерпретации определяется контекстом и, в первую очередь, свойствами подчиняющего предиката, а высказывание уточняющей идентификации позволяет локализовать референт более точно. Сравните:

*«Хранителей Летнего и Михайловского садов действительно волнует поведение пернатых синантропов (*птиц, живущих рядом с человеком).*

По словам заведующей сектором мониторинга и учета зеленых насаждений Екатерины Жуковой, из-за «меток» голубей приходится раз в неделю мыть статуи в Летнем. А вороны, рассказала она, вообще расхулиганились за последние несколько лет: выщипывают всходы цветов на клумбах.... Даже информационные таблички вытаскивают и уносят.

Дескрипции, дающие аспективизированное представление референта [4, с. 28-55], указывают на то, какое свойство референта существенно для смысла высказывания.

«Они (вороны) так адаптировались, что уже переходят к забавам. На куполе Исаакия катаются», - рассказала Екатерина Жукова.

«Ну катаются. И не только на Исаакиевском, на других куполах тоже, сам видел. А кому это мешает? – не видит трагедии орнитолог, кандидат биологических наук, десятки лет изучающий птиц нашего города. Хулиганят, да, могут вытащить из урны блестящую банку или упаковку чипсов.

*Такая она ворона, «инфант террибль» (*enfant terrible*) – «ужасный ребенок» нашего с вами города. Но этот город и ее тоже».*

Обращение к конкретному положению дел чаще всего происходит в повествовательном тексте. Это смещает повествовательные акценты на описание реальной ситуации и приводит к нейтрализации, к обретению

привычной нормативности разговорными параметрами текста наряду с параметрами деловыми.

Стиль в прагматическом аспекте понимают как осознанную и регулярно используемую систему стереотипных форм речевого поведения. В сфере ответственности автора лежит ввод в действие определенных механизмов чередования известных форм в тексте. Они имеют прямое отношение к результатам интерпретации, которые могут быть истолкованы превратно, не в пользу автора или персонажа. В погоне за эффектами восприятия современный журналист теряет чувство меры или такта. Нередко просчеты автора вызваны недостаточно сформированной языковой компетенцией, отсутствием языкового чутья или слабым владением материалом описания. Вот результат стилистических вольностей синтагматики в тексте театральной рецензии:

*По состоянию здоровья певица отменила свое участие, и ее заменила Светлана Создателева, съевшая собаку на этой роли в «Геликон-опере» ...
...Создателева, не так давно совершившая подвиг в Баварской опере, спев несколько раз подряд Ренату в «Огненном ангеле» Прокофьева;*

...сцена в полицейском участке в III действии, где «стражи порядка» в своем абсурдистском шоу глажки штанов продемонстрировали степень сексуальной фетишизации власти в замкнутом пространстве, спроецировав свои фантазии на гладильные доски, утюги и даже итенсели (примеры: Независимая газета, 2017).

В качестве заключения отметим следующее. Желание автора текста влиять на своего адресата приводит в действие определенные механизмы стилового смешения, которые имеют прямое отношение к актам референции и, одновременно, к результатам интерпретации смысла текста. Важно усмотреть интенцию стилового смешения, например, в тех случаях, когда в акте информирования контактируют обычно не соединяемые референты – реалии общественно-политические и бытовые.

С интенциональной точки зрения, синтагматическое чередование элементов разных стилей предпочитается в двух случаях: 1) в случае стремления автора к демократизации общения, 2) в случае стремления автора к языковой игре. Однако желание автора говорить ярко, непринужденно, может обернуться неуместным искажением стилистической синтагматики.

Журналистский текст стал ближе к читателю. Смешение элементов разных стилей используется для эффективного достижения поставленных задач, но требуют хорошей языковой подготовки – наконец, этических ограничений, соразмерности и сообразности.

Выбор способа идентификации предметов обусловлен прагматически (интенция, фонд знаний собеседников, организация речевой цепочки, отношение к контексту). Медиа высказывание расположено в контексте исторического времени, отображая влияние социальных факторов на язык. Свобода или скованность в процессе стилистического воплощения текста, изменение способов подачи в референции (именная группа, факт, событие)

приводят к изменению типа дискурса и обслуживающей его функциональной разновидности языка. Современный медиадискурс трудно представить себе без иронии.

Список литературы

1. Аликаева М. Р. Иностилевые элементы в гуманитарном научном тексте / М. Р. Аликаева. – Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2009.
2. Краснова Т. И. Феномен оппозитивности газетного дискурса русского зарубежья 1917-1920 (22) гг. / Т. И. Краснова. – Автореферат дис.... докт. филол. наук. – Екатеринбург, 2015.
3. Стилистический энциклопедический словарь / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд. – М.: Флинта, Наука. 2006. – 696 с.
4. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры. 2002. – 496 с. – (Язык. Семиотика. Культура).

THE PRAGMATIC FACTOR OF THE REFERENCE AND CULTURE OF STYLISTIC MIXING IN MEDIAATEX

Krasnova T.

A stylistics feature of media text derives not only from its semantic structure and public nature of the activity, but also attitudes towards reference to objects, facts, events. Our task includes a description and assessment of pragmatic factors references associated with unexpected maintenance items that do not comply with school beginning speech chain. Marked by communicative situation, as well as the intention to meet different nature of referents in the style of political informing.

Keywords: media text, stylistic means, syntagmatic, reference, pragmatic, modality.

УДК 316.77(091)

ОБРАЗЫ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ – СОВРЕМЕННОКОВ ОКТЯБРЯ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ВЛАДИМИРА ВЕЙДЛЕ

Татьяна Лебедева

*доктор филологических наук, профессор
Воронежский государственный университет*

Воронеж, Россия

e-mail: tatyana-lebedeva-27@mail.ru

Владимир Васильевич Вейдле соединял преподавательскую и журналистскую деятельность. Он преподавал литературу и искусствоведение. Одна из основных тем его творчества – судьбы российских журналистов на родине и на чужбине.

Ключевые слова: русская литература, литературная журналистика, обозрение, очерк, образ героя, поэзия модернизма, выразительные средства.

Владимир Васильевич Вейдле родился в 1895 году и умер в 1989-м. Друзья говорили, что у него было счастливое детство. Студенческие годы в Санкт-Петербургском университете совпали с Первой мировой войной. Учился вместе с Гумилёвым и Мандельштамом. А дальше была революция и

Гражданская война. В 1924 году Вейдле уехал из России в Париж. Оказалось, что навсегда. 20 лет преподавал в Парижском Богословском институте, написал не один десяток книг, публиковался в самых известных журналах русского зарубежья, таких как «Возрождение», «Встречи», «Звено», «Круг», «Последние новости», «Современные записки», «Числа». Постоянно сотрудничал с радио «Свобода»; широко был известен на Западе как искусствовед, литературный критик, эссеист. На родине его имя почти никому не было известно. Только в 1989 году во 2-м номере журнала «Русская литература» была напечатана его статья «Поэзия Ходасевича», в 1990-м году – в шестом номере «Нашего наследия» - статья «О Блоке», дошедшая до российского читателя почти через 70 лет после публикации в сборнике «Завтра» (Берлин, 1921 год, вып. 1-й). Тогда она называлась «По поводу двух статей о Блоке». Анализировались статьи Б.М.Эйхенбаума «Судьба Блока» и «Блок и Гейне» Ю.Н.Тынянова. Оба автора не могли простить поэту «Двенадцати», «Седого утра» и последующего молчания. Вейдле напомнил историку литературы Эйхенбауму, что «первая заповедь историко-литературного исследования состоит в том, чтобы судить о поэте по его стихам, а не по другим его делам, писаниям и мнениям». В ответ на реплику Эйхенбаума; «Когда художник говорит об обязанности, он изменяет искусству», - Вейдле пишет: «Я всё-таки знаю, что поэт изменяет искусству, когда думает только о том, как бы не изменить ему... Пусть в последние годы он не писал больше стихов, но самая мысль о том, что одновременно со мной в России живёт Александр Блок, была для меня утешением и отрадой. Он умер. Моё горе не нуждается в истолковании» [1, с.48]. К жизни и творчеству Блока Вейдле будет возвращаться неоднократно. В 1971 году в «Вестнике русского студенческого христианского движения» (№ 99) он публикует цикл статей «После «Двенадцати», а в 1973 году одну из самых ярких своих книг «О поэтах и поэзии» начинает очерком «Похороны Блока». Скорби автора невозможно не верить. Для описания трагического события он через полвека находит самые простые, от сердца идущие слова. Возвратясь из дальней поездки, он «занёс вещи домой и пошёл к Блоку». Автор не пытается изобразить себя человеком из окружения Блока: «Тогда я только собирался стать писателем. Никогда у него не был, не встречался с ним, да и видел только два раза издали, когда он читал стихи» [2, с. 9]. Тяжёлое моральное состояние поэта в последние годы его жизни подчёркивается сравнением того, измученного непониманием, травлей человека, выступавшего перед публикой, и того, что «несли на руках от дома до Смоленского кладбища» И последний штрих трагического события: «На следующее утро я пошёл к нему на могилу, но ещё издали увидел сухонькую фигурку в чёрном, склонившуюся у креста. Кто же, как не мать могла так самозабвенно плакать и молиться? Лучше было уйти, горю не мешать» [2, с 9-10]. Вейдле заканчивает очерк сравнением с аналогичным событием почти столетней давности: «Пушкина тоже не уберегли. Пушкина любили, но,

прощаясь с Пушкиным, прощались всё же только с ним. Тут было другое прощание: оно продолжается по сей день» [2, с.15].

Для Вейдле было особенно важно то, что «от «Двенадцати» он не отрёкся», и что в этой, новой России у Блока есть продолжатели: Ходасевич, Ахматова, Мандельштам, Цветаева, Пастернак. За их судьбой он пристально следил и переживал за каждого. Книга «О поэтах и поэзии», собранная из журнальных очерков разных лет и начинавшаяся очерком «Похороны Блока», рассказывает о судьбах российских поэтов, при этом даже названия очерков звучат тревожно: «О последних стихах Мандельштама», «Умерла Ахматова», «Цветаева до Елабуги» и т.п. Автор очерков подчёркивает, что его друзья-поэты могли бы ещё долго жить и творить, если бы им не мешали.

Мандельштам был моложе товарищей по университету, и отношение к нему было нежным, как к младшему брату. Перед отъездом в эмиграцию Вейдле прочитал опубликованное в «Русском современнике» стихотворение Мандельштама «Первое января 1924 года» и принял его близко к сердцу. Там есть строчка «Мне хочется бежать от моего порога». Вейдле на этот шаг решился, его студенческий товарищ не смог. Подробно анализируя последние стихи поэта, Вейдле замечает, что среди них есть лучшие в его творчестве, «но читать их мне, и многим, наверное, просто как стихи, было нелегко: слишком уж чувствовалось в них, насколько тяжело было жить, трудно дышать поэту и его поэзии. Тяжесть эта нарастала постепенно...» [2, с.19]. Он приводит стихи середины 20-х годов («Век мой, зверь мой») и особенно их конца («Петербург, я ещё не хочу умирать»; «Пусти меня, отдай меня, Воронеж») и вспоминает, как много позже, в 1961 году журнал «Воздушные пути» заказал ему новую статью о Мандельштаме и прислал много его стихов с вариантами. Вейдле разложил их по датам и ужаснулся: с каждым днём жизнь поэта становилась тревожнее: «Не тронут, не убьют», «Я не знаю, зачем живу», «Мне на шею бросается волк-волкодав»... Тема бегства из страны тоже звучала, но в возможности его осуществления поэт как раз не был уверен: могли и не отпустить. Кончина Мандельштама прошла незамеченной. «Кто посадил его под замок? Кто держал его в голоде, холоде, страхе и унижении? А когда он умер, замученный, помянул ли кто-нибудь вслух хоть единым словом? Молчали. Пискнуть нельзя было. Да ведь и всё ещё молчат...» [2, с.33].

Очерк «Умерла Ахматова» тоже начинается с воспоминаний о прощании с Блоком: «Помню её над гробом Блока, при последнем прощании, в церкви Смоленского кладбища. «Принесли мы Смоленской Заступнице, / Принесли Пресвятой Богородице / На руках во гробе серебряном...» Прошло много лет. Теперь похоронили и её» [2, с.53]. Автор отмечает, что Ахматова намного пережила Блока, он много раз слышал в авторском исполнении её стихи, но голос её врезался в его память в далёком 1912 году: «Многие слышали его тогда же, распознали его единственность... Такого тембра, таких интонаций, как раз тем и волнующих, что совсем «комнатных», «разговорных» в русской поэзии ещё не слышалось. Удивил и восхитил

...именно контраст между этой интимностью и строгой выверенностью его, не допускающей никакого избытка чувств» [2, с.53-54]. Вейдле сравнивает Ахматову с поэтессами зарубежными и русскими и отмечает, что она «не покупала у жизни стихо-возбудительных средств, но жизнь свою осмысляла поэзией, и живя, осмысления этого не забывала» [2, с.56-57]. Он приводит строки из «Белой стаи» и более поздних стихов о гибели друга, о гибели сына (не её друга и не её сына, - подчёркивает критик, но «она всё приняла»). Она хотела отправить сына учиться в Париж, но сама уезжать не собиралась. Ей нужно было остаться, - подчёркивает Вейдле и разъясняет: «Почему нужно, я бы, может, тогда и не сумел бы сказать, но смутно знал: её поэзия этого хотела, её не рождённые ещё стихи могли родиться только из жизни, сплетённой с другими, со всеми жизнями в стране, которая для неё продолжала называться Россией» [2, с.59]. Во время одной из встреч Ахматова показала Вейдле монетку, которую ей подала на улице старушка, приняв за нищенку. В 35 лет поэтесса часто болела, была очень худа, с землистым цветом лица... Но, - комментирует ситуацию повествователь, - «старушка всё-таки была, нужно думать, подслеповата. Стать и поступь этой нищенки были царственны» [2, с.59].

Очерк об Ахматовой датирован 1966-м годом, но и позже автор обращался к её жизни и творчеству. Например, через два года в очерке «Петербургская поэтика» он пишет о тягостных предчувствиях классиков поэзии 20-х годов, о своей студенческой юности, о «Башне» Вячеслава Иванова, где часто бывали Гумилёв и Ахматова, и Гумилёв подарил ей, своей невесте, новую книжку – «Жемчуга». Но повествование о светлых студенческих днях то и дело прерывается тяжёлыми воспоминаниями: «Петя Фидлер, с которым в ту зиму катался на лыжах, был офицером. Расстреляли. А Гумилёва за что? Заговорщиком был? Может быть, но заговорщиком явно несерьёзным» [2, с. 101-102]. Последние семь лет своей (и Гумилёва) жизни Блок называл «годами ужаса». Вейдле рассказывает о травле Блока и параллельно – о расстреле Гумилёва, «чей окровавленный прах брошен был в яму через три недели после погребения Блока» [2, с.123]. После этих двух смертей уехали из России Ходасевич, Адамович, Г.Иванов, Оцуп, Одоевцева, Берберова. Ахматова и Мандельштам остались хранителями прежней поэтики. Её продолжателем Вейдле считает Иосифа Бродского. Оппоненты не согласны: «Он родился в 1940-м году и не может помнить того далёкого времени!» Вейдле возражает: «Нет, он помнит, он через мглу смертей и рождений помнит Петербург 21-го года, 1921 года Господня, тот Петербург, где мы Блока хоронили, где мы Гумилёва не могли похоронить» [2, с. 126].

Названием очерка о Цветаевой Вейдле, очевидно, хотел подчеркнуть неестественность такого конца для человека сильного характера и высокого дарования. Он пишет, что в Париже Цветаеву «не заметили»: краткие публикации о ней никаких похвал не содержали, стихи почти не печатались. Вейдле рассказывает о первой встрече с поэтессой на Сергиевом подворье после панихиды по Андрею Белому, когда он почувствовал «насыщенность

всего её существа электричеством самого высокого вольтажа». Он встречался с Цветаевой много раз, привозил немецкие и французские книги, помог опубликовать переводы Пушкина в журнале «La Vie Intellectuelle». Стихов её в авторском исполнении он не слышал. Вернувшись в Россию, она столкнулась с тем же безразличием, что и во Франции. При прощании была грустна и растерянна. «Как будто и голос её стал глуше... Каково-то ей было там, в Елабуге» [2, с.73].

Рассмотренные нами публикации о трагической судьбе выдающихся русских поэтов были событийными, приуроченными к их кончине, возможно, поэтому автор почти не касался их творчества. О живых он писал, прежде всего анализируя творчество. Первая крупная (и первая же, опубликованная во время «оттепели» на родине) работа была посвящена творчеству Ходасевича, и это не случайно. В Петербурге они почти не знали друг друга. Вейдле был на девять лет моложе. Он чувствовал себя в обществе Ходасевича «литературным новичком». Их вкусы и привычки были различны. Вейдле часто слышал от других литераторов, что у Ходасевича тяжёлый характер (злой, нетерпимый, мстительный). «Лучшего друга у меня никогда не было», - уверяет Вейдле. На примере работ Владислава Ходасевича и ссылаясь на его рекомендации, Вейдле подробно рассказывает, каким должен быть настоящий критик: «Не стоит грузить читателя своими оценками, заставлять его читать (и даже перечитывать!), чего он не хочет... Писатель критиком в полном смысле этого слова может и не быть, но расширять свой первоначальный горизонт и выйти за пределы тех оценок, которые определили характер собственного его писательства – должен... Начать надо с восприятия художественного произведения. Именно с восприятия, а не просто знакомства с ним... Критику нужно и пристрастие, и беспристрастие. Тем более, что поэты враждуют между собой, особенно в наше время. И хрестоматийное примирение их – чистая иллюзия» [2, с. 35-36]. Вейдле считает, что творчество Ходасевича было последним по времени, приблизившим его к пониманию сущности поэзии. До того были Блок, Анненский, Мандельштам, Ахматова. Каждый вносил свой вклад в понимание поэтики. Для более ясного понимания ситуации Вейдле вводит в повествование неожиданный художественный образ: «Критик – тот же аптекарь. Без весов ему не обойтись. Но точных весов в его ремесле нет». Автор определяет место поэта среди его окружения и делает вывод: «Возвращаюсь в аптеку, где мне и место. Беру весы. Они мне, как прежде, говорят: Ходасевич – большой поэт, Ходасевич – один из больших русских поэтов нашего времени» [2, с. 38]. Вейдле выражает сожаление, что на родине о нём ничего не знают, хотя «пишут диссертации о Суркове или каком-то Сургучёве», он подробно останавливается на анализе стихов, уделяя особое внимание музыке стиха и такому редкому для поэзии явлению, как «лирическая сюжетность», величайшим мастером которой на Западе был Бодлер. Автор рассказывает, как Ходасевичу удалось «защититься от символизма» Пушкиным, очиститься «от того, что было в

нѐм роскошествующего, претенциозного и без веры принимаемого за веру» [2, с.45]. Анализ творчества поэта закольцовывается тем же аллегорическим образом: «Тут я снимаю фартук и выхожу из аптеки. Не стану больше ни взвешивать, ни подсчитывать звуковых повторов, ни даже определять, сколько в точности мѐда надо подмешать к цикуте» [2, с. 46]. И дальше следует рассказ о Ходасевиче как о верном друге и прекрасном человеке.

Очерк «Брюсов через много лет» был написан в 1924 году в качестве предисловия к книге «Валерий Брюсов», которая была издана в Париже только через 42 года. Максим Горький называл Брюсова «самым культурным писателем на Руси» [5, с. 383], Вейдле выбрал другое определение – гипнотизѐр - и разъяснил, что «даже будучи намного его моложе, противясь ему, отталкиваясь от него, они продолжали его считать подлинным и большим поэтом» [2, с.74]. Развёртывая это определение, он подчѐркивает, что «гипнотизѐром рождѐн не каждый. Внушить столько доверия, приобрести такой авторитет дано было в нашей литературе очень немногим. Современникам казалось, что он занимает это место как поэт; потомки поняли или поймут, что оно принадлежит ему как литературному деятелю и как учителю поэтов». Своеобразный учебник - книга Брюсова «Мой Пушкин», утверждающая, что «до Пушкина у нас были писатели и поэты, а литературы не было» [2, с.75]. Надо было заложить её основы, вобрать опыт всего лучшего, что имелось на Западе и Востоке. Пушкин не мог отделить задач мастерства от задач творчества: талант не позволял. Он завершал создание русской литературы своим участием в ней, а Брюсов производил «капитальный ремонт» и обновлял те основы, которые Пушкин когда-то закладывал. По мнению Вейдле, именно Брюсов в начале 90-х годов «вырубил для российских поэтов просеку на Запад, к творчеству Бодлера, Малларме, Рембо, Верлена. Они учили новейшему мастерству, исканию новизны, расширяли границы стихотворного искусства. Поэзия начала цвести, как не цвела давно» [2, с.79]. Но в жизни «учителя поэтов» грустных моментов тоже было больше, чем радостных: Горький восхитился «Египетскими ночами» и назвал автора «поэтом Божьей милостью». В.М.Жирмунский выпустил книжку «Валерий Брюсов и наследие Пушкина», посвятил её своему другу К.М. Мочульскому и попытался в ней доказать, что ничего общего в стиле Пушкина и стиле Брюсова нет, хотя раньше многие критики это сходство замечали. Посмертная его слава тоже поддерживается вяло. В десятом томе «Истории русской литературы» главы, посвящённые ему и Блоку, не больше, чем глава о Демьяне Бедном. Вейдле с грустью отмечает, что «прошло почти 40 лет с его смерти, а его всё учат, как ему следовало думать, и корят за то, что он думал не так, как думать надлежит» [2, с.82].

В очерке «Пастернак и модернизм» Вейдле отмечает, что слава пришла к поэту довольно рано. Сборники стихов 1922-23 годов вызвали одобрение и восторженные отклики маститых поэтов, причѐм, как москвичей, так и петроградцев. Уже тогда «Пастернак казался наиболее отважным и цельным

выразителем самого радикального и всё тесней связанного с западным русского модернизма» [2, с. 84-85], - считает автор, но и в более позднем сборнике стихов «На разных поездах» критики никаких изменений в языке поэта не заметили, заговорили об этом только после знакомства с «Доктором Живаго». И сам поэт в автобиографическом очерке заявлял, что не любит свою поэзию до 1940-го года и считает, что «в годы первых дерзновений только Асеев и Цветаева владели зрелым, совершенно сложившимся поэтическим слогом» [2, с. 84]. Французской славистке Елене Пельте он признался: «Когда я перечитываю стихи, писанные мною в молодости, я испытываю чувство стеснения, как будто они – почти совершенно мне чуждое и даже карикатурное, как будто я присутствую при каком-то пародировании моих собственных стихов» [2, с.85]. Вейдле не соглашается с этой оценкой и считает, что уже сравнительно ранние стихи поэта были близки к западным (например, к поздним сонетам Малларме); в них была заметна забота о новом содержании, новых мыслях и картинах, а звук соперничал со смыслом, не сливаясь с ним. Зоркость глаза и тонкость слуха, - считает автор, - не стали меньше и в поздней прозе Пастернака.

Вейдле в детстве сам писал стихи, в юности - перестал, а в старости снова увлёкся стихотворчеством. Публиковал стихи нечасто. Книга стихов, названная автором «На память о себе», вышла в Париже в год его кончины. Большинство его книг и статей посвящено именно стихам. Гайто Газданов в одном из писем писал журналисту Леониду Ржевскому: «Бери пример с Владимира Васильевича, порхает как бабочка и читает лекции независимо от географических обстоятельств. Я на него всегда смотрю с восторгом и чем-то вроде нравственного удовлетворения, совершенно альтруистического и всегда за него радуюсь» [4, с.280]. В институте он читал лекции по искусствоведению и литературе средних веков, а со студентами чаще всего любил разговаривать о стихах.

- Из чего делают стихи?
- Как перевести непере译имое?
- Как при переводе сохранить ритмику и строфику?
- Почему слово в стихах звучит по-иному, чем в прозе?
- Любя стихи, что мы, собственно, любим?

Такие вопросы задавали студенты, и многие ответы на них вошли в структуру его книг и статей. Одна из лучших его работ – «Эмбриология поэзии» - вышла в России в 2001 году. В качестве заключения в ней использована прощальная речь протоиерея Александра Шмемана, который выразил уверенность, что труды Владимира Васильевича Вейдле «станут рано или поздно предметом тщательного изучения... Я всегда ощущал ... как самое главное в его образе и в его творчестве, то, чем он сам всегда жил и чему, в полном смысле этих слов, служил. Имя этого главного – христианская культура... Для Владимира Вейдле культура была не профессией и не специальностью, а прежде всего, прекрасным светлым домом» [3, с.93]. Стоит открыть дверь в него и сегодняшним, и будущим

студентам.

Список литературы

1. Вейдле В.В. О Блоке // Наше наследие. 1990, № 6. – С.48 – 49.
2. Вейдле В.В. О поэтах и поэзии. Paris: Ymka-Press, 1973. - 203 с.
3. Вейдле В.В. Поэзия Ходасевича //Русская литература, 1989. - № 2. - С.144-163.
4. Вейдле В.В. Эмбриология поэзии. М.: LVS, 2001. – 127 с.
5. Газданов Г. – Л.Д.Ржевскому //Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур. М.: ИНИОН РАН, 2005, 344 с.
6. Горький А.М. Письма к Валерию Брюсову // Собр. соч., том 29. М., 1955.

RUSSIAN WRITERS IMAGES - OCTOBER'S CONTEMPORARIES IN THE PUBLICISTICS OF VLADIMIR VEYDLE

Lebedeva T.

Vladimir V. Veidle combined teaching and journalism. Living in exile he published and taught the literature and fine arts. One of his major themes is the destiny of Russian poets in the homeland and abroad.

Keywords: Russian literature, literary journalism, book revive, essays, image of the hero, modern poetry, means of expression.

УДК 81'373.74(477.62)

АВТОРСКАЯ ОППОЗИЦИЯ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО» СЛОВА В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

Светлана Сереброва

кандидат филологических наук, доцент

Донецкий национальный университет

экономики и торговли

имени М. Туган-Барановского

Донецк

e-mail: sb_serebrova@i.ua

Проанализировано понятие авторского текста в современных региональных СМИ, а также использование разных видов прецедентных феноменов в дискурсе современных медиа, роль и влияние использования ПФ на восприятие журналистского текста.

Ключевые слова: авторский текст, интертекстуальность, прецедентные феномены, цитатность.

Лингвистические характеристики современного журналистского текста отличаются большой образностью и изобразительностью. Большую роль в этом играет прием использования «чужого» слова. С.Н Сметанина объясняет этот факт тем, что «теперь медиа-текст, форсирующий цитатное письмо, отдает критерии оценки культуре, ее приоритетам, ее содержательным и эстетическим компонентам. Журналист мог бы использовать и знаки языка

вместо цитат для передачи того же смысла. Но он украсил текст «чужим» словом. И здесь необходимо отметить парадоксальный момент, важный для признания цитатного письма не только модным способом создания текста, но и по-журналистски эффективным для коммуникации. Процесс выбора этого знака, безусловно, связан с индивидуальным вкусом, индивидуальными приоритетами, менталитетом пишущего, его энциклопедическим потенциалом» [4, с.133].

Современные тенденции в использовании «чужого» слова касаются в большей степени приема карнавализации: игры со словом, включение его в иронический контекст, трансформация цитат с получением нужного смысла, опора на интеллектуальный багаж читателя.

Прецедентность текстов говорит об уровне интеллекта пишущего, и чем богаче стилистический пласт, чем глубже и более всесторонне освещена предложенная тема, тем интереснее ее читать. «Позиция сегодняшнего журналиста – позиция человека наблюдающего, размышляющего, оценивающего. Изменение форм общественного сознания усложнило психологию и этику речевой коммуникации. Языковая личность берет на себя ответственность за стилистическую несогласованность слов в тексте. Проблемы адекватного стилистического выбора все теснее связываются с проблемами личности» [2, 18].

Опираясь в своем исследовании на разные медиатексты, в том числе и электронные, в авторских легко проследить по речевым интенциям говорящего (автора) точку зрения соответствующего издания. В региональных газетах авторам довольно легко опираться на соответствующие пресуппозиции – фоновые знания читателей, так как они, как правило, хорошо знают свою аудиторию. В стилистическом плане представляется полезным исследование известной схемы коммуникации, которая в упрощенном виде выглядит следующим образом: адресант – код (речь) – адресат [3]. Каждый из элементов схемы оказывает сильное воздействие на выбор языковых средств, на характер речи, на специфику выразительных средств.

Цель статьи – проследить на конкретном материале, какие виды ПФ используют журналисты современных изданий, какие функции выполняют ПФ в тексте, а также как они воздействуют на массовое сознание читателей, какие преобладают коннотации.

Фигура автора – создателя современных медиатекстов, – противоречива. С одной стороны – это лицо, транслирующее точку зрения издания, с другой, – самостоятельная личность, артикулирующая своё видение действительности в интернет-пространстве. Тем не менее, их можно объединить по использованию средств изобразительной образности, специфике подачи материала, а самое главное – четкой оппозиции, приверженности и отстаиванию определенной позиции. Объективность как основной посыл журналистского текста в настоящее время не актуален. «Отказ от старой стилистической системы сопровождается выдвиганием

нового стилиобразующего центра, перемещающегося в сторону языковой личности журналиста» [5, с. 472]. К этому следует добавить, что региональная пресса, в большей степени, чем центральная, зависима от собственника издания. Что в определенной степени ограничивает свободу автора, т.е. в каждом конкретном издании существует своя шкала ценностей. «Если ты профессионал, – утверждает известный журналист, – ты должен уметь писать статьи по заказу редакции и говорить на языке того читателя, к которому обращена газета» [1, с.6]. Это свидетельствует об уровне демократии в стране и в конкретных СМИ.

Однако в чем автор остается абсолютно свободным (в рамках норм), так это в использовании образного потенциала языка, в частности культурной составляющей, куда входит огромный «пантеон» прецедентных феноменов. Как отмечает известный исследователь стилистики языка газеты Г.Я.Солганик, современная языковая картина мира усложнилась по сравнению с предшествующим периодом, «так как стала включать в себя все виды оценки, распределенной в соответствии с оппозицией «свое – чужое» (а не только классовую) ...» [5, с. 463].

Авторским текстам современной региональной прессы присуща скрытая или открытая *оценочность*, зависящая от *шкалы ценностей* автора или издания. В авторских текстах наиболее ярко проявляется современная установка средств массовой информации на творчество, а не стереотип, что достигается средствами языковой игры, созданием вертикального контекста и всепроникающей иронией.

Шкала ценностей, основанная на семантической оппозиции «свое – чужое» очень четко артикулируется современными региональными авторами с помощью использования разных видов ПФ. Приведем конкретные примеры: *Про кастет заявила Ирина Геращенко. Спасибо, Виктор Андреич, вам отдельное за эту депутатку. О подобных обладателях минимального интеллектуального ресурса король ужасов Стивен Кинг афористично сказал - свет есть, но дома никого нет. Апломб и вечная истерика, помноженные на тотальное невежество, – картина, в разы сильнее Фауста Гете. Сегодня Ирина обогатила свой арсенал задорной феней и потешными гримасами, усилив собой штаб Кличко. Бедный Виталий...* [Нюра Н. Берг, специально для Полемики]

Оценочность, как основной стилиобразующий фактор публицистических текстов проявляется уже в процессе отбора автором фактов и явлений действительности, которые он описывает под соответствующим углом зрения. Читатель в результате получает преобразованную информацию. В качестве таких оценочных элементов авторы региональных изданий чаще всего используют ПВ сниженного разговорного характера или заимствованного из криминального мира. Например: *«Но осталось пара местечек, где не все предьявы перетёрты и за дерзкие базары не отвечено. Это два крупнейших города – Киев и Днепрпетровск. В принципе, в Киеве «всё понятно». Больших сюрпризов в*

столице двух майданов и горелых крыш не намечается. Активный электорат, с обжатыми кастрюлями головами, выбирает путь **по граблям**» [Александр Ростовцев, 04 11.2015г., http://www.segodnya.ua/authorsarts/auth_50539.htm]

Оценка, выраженная с помощью ПФ, в авторских текстах носит, как правило, имплицитный характер, т.е. заложена в значении используемого фразеологизма.

Контекст – мощный механизм формирования нужной оценки у нейтральных ПФ. Оценка закладывается не в сему (основное значение) номинации, а в словесное окружение. Стилистическая окраска данных номинаций выражается эксплицитно, она выводится из контекста, и может быть как положительной, так и отрицательной, и не связана с признаками самих обозначаемых данными ПФ понятий. То же относится к трансформированным цитатам. Автор текста выступает соавтором интертекстуального элемента и использует его в нужном ему значении. Контекст в данном случае диктует семантические и структурные изменения исходной прецедентной фразы. Например: Вот это очень интересный вопрос: «Волошин в 1915 году писал: **«Единственное желание, которое у меня есть в этой войне – это, чтобы Константинополь стал русским»**. Всеволод Иванов: «Царьград – наша свобода и свобода всего славянства! Без Царьграда Россия дышит как человек, лишенный одного легкого. Сергей Городецкий: **«Россия вновь придет в Царьград, кресты на храме заблестят, а минареты рухнут ниц...»**. Вот вопрос: это что, дань Серебряного века политической конъюнктуре? Снова вспыхнувший идефикс древних русичей? Возможно ли возрождение этой навязчивой идеи сто лет спустя?» Возможно, возможно» [РИАНовости <http://ria.ru/world/20160207/1370906655.html#ixzz3zriMZPz1>].

В этом случае мы имеем дело с квазицитатами, т.е. подобиями цитат, в которых присутствует известная доля достоверности, но общий смысл трансформирован под углом зрения интерпретирующего события журналиста.

Влияние авторских статей с помощью использования скрытого цитирования в региональной прессе может осуществляться и в сфере идеологии. *Идеологемы* носят личностный или социальный характер. Социальные идеологемы, так же, как и шкала ценностей отражают установки и ориентиры общества на конкретном этапе его развития. Декларируя определенные социальные, духовные, моральные ценности авторы обращаются в классической литературе, Библии, пословицам в их исходном виде, обращаясь, таким образом, к народной мудрости, к известным прецедентным цитатам. Например: «**Однако хотелось бы напомнить мысль, которую Л.Н. Толстой вложил в уста князя Андрея Болконского накануне Бородинского сражения : «Успех никогда не зависел и не будет зависеть ни от позиции, ни от вооружения, ни даже от числа;... а от того чувства, которое есть во мне, в нем, в каждом солдате... Кто будет злей**

драться и себя меньше жалеть, тот и победит». Похоже, что, несмотря на недавнее публичное многодневное чтение романа, уроки великого писателя были освоены не полностью». «Хотя Украина старательно пытается дистанцироваться от России, делаем мы все, как в известной русской поговорке: *пока гром не грянет, мужик не перекрестится*». [<https://eadaily.com/news/2016/01/16/ukraina-treshchit-po-shvam-a-poroshenko-igraet-v-slepy-trast>],

В этих материалах преобладают прецедентные высказывания и прецедентные имена. Однако источником их являются, как правило, не расхожие пословицы и поговорки на все случаи жизни, а классическая литература, преимущественно русская и советская. В подтверждение этого тезиса приведем примеры: «У нас есть свои *доны Рэбы*, и все знают как их зовут. У нас есть свои *Руматы*, просто они еще не названы по именам. Я только молюсь, чтобы судьба нашла своих героев немного по-другому. Что бы ничто не заставило *Румату* с мечом наголо идти по трупам. Потому что это может произойти. Произойти не из-за дешевых провокаций, а из-за судьбоносных злых поступков власти» [Денис Блощинский http://lb.ua/blog/denis_bloschinskiy/245358_trudno_bogom_viktor_fedorovich.html, 09.12.13]; «Вышеупомянутая барышня толерантно и шляхетно объявила всех защитников прав русскоязычных *швондерами и шариковыми* и увидела на них *косоворотки*» [Нюра Н. Берг, специально для Полемики]. «*Как говорил Мюнхгаузен, «в шесть вечера или в шесть утра? – в шесть дня*». «У российских реформ есть целый класс *выгодоприобретателей* – это все, кто были наверху. К ним относятся все авторы реформ. Вот весь цвет либералов в экономике, весь цвет либералов в политике – он каким-то образом за годы реформ, когда экономика исчезала как *Чеширский кот* с каждым годом, так что от нее сейчас кроме улыбки остались разве что ушки и усики – от экономики российской, понимаете. *Льюис Кэрролл* был гениальный писатель, даром, что имел свои пороки», «Вообще патриотизм это вещь совершенно естественная. «*Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам*» это естественно для человека, так же, как любовь к матери и отцу. Но одно дело патриотизм, другое дело национализм». Веллер Эхо москвы

Из примеров видно, что источниками цитирования служит русская и советская литература. М.Булгаков, братья Стругацкие, Д.Фонвизин, Н.Гоголь, Ф.Достоевский, И.Ильф и Е.Петров по-прежнему являются авторами читаемыми и широко известными, о чем говорит, как в первом примере, употребление прецедентных имен героев без ссылки на писателя. В тех случаях, когда автор сомневается в знании первоисточника он, как правило, называет фамилию автора. Это примеры удачного использования различных ПФ в авторских текстах.

Исследователи, занимающиеся языком газеты, описывают современную ситуацию как постсоветскую. И в этом можно в полной степени убедиться, наблюдая за тем, какие цитаты используются в

авторском тексте в региональной прессе. Часто – это лозунги советской эпохи. Например: «*Несбыточным оказалось и утверждение программы КПСС о том, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме».* Но, оказывается, оно будет доживать при ... капитализме» [«Вечерний Донецк», Н. Колесник, № 189, 22.12.07]. «Советскость» многих цитат, используемых в современной региональной прессе Донбасса (и не только), связана, видимо, с переходным периодом в жизни общества. Слишком мало времени прошло, чтобы появились, новые, известные всем фоновые знания, которые позволили бы их использовать в качестве прецедентных феноменов.

Главным, по нашему мнению, в авторской журналистике является индивидуальная стилистическая манера письма, свидетельствующая об уме, интеллекте, владении словом и немаловажную роль в этом играет использование в авторских текстах прецедентных феноменов.

По мнению известного российского лингвиста, исследующего стилистику газетных текстов на протяжении многих лет, Г.Я. Солганика, в категории современного автора сосуществуют две ипостаси: человек социальный и человек частный. Совмещение этих двух граней, с одной стороны, способствует объективности в изложении материала, с другой – позволяет индивидуально-экспрессивно высказать свою точку зрения [5, с.41].

Список литературы

1. Засурский Я. Н. Язык третьего тысячелетия / Я. Н. Засурский // Журналистика и культура русской речи. – 2002, – №1. – С.2-8.
2. Ворошилов В. В. Журналистика. Курс лекций / В. В. Ворошилов. – СПб : Изд-во Михайлова В.А., 2004. – 128 с.
3. Лотман Ю. М. Знаковый механизм культуры : [сб. стат. по вторичным моделирующим системам / ред. Ю. Лотман] / Ю. М. Лотман. – Тарту, 1973. – С. 195–199.
4. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры: Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века / С. И. Сметанина. – М. : Михайлова В.А., 2002. – 251 с.
5. Солганик Г. Я. Стилистика публицистической речи / Г. Я. Солганик // Язык средств массовой информации: [учебное пособие для вузов, под ред. М. Н. Володиной]. – М. : Академический Проект. Альма Матер, 2008. – С.456-468.
6. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / Хейзинга Й. ; [перевод с нидерландского Д.В.Сильвестрова]. – М. : ООО Изд-во АСТ, 2004. – 539 с.

AUTHOR'S OPPOSITION OF « OWN » AND « ALIEN » WORD IN NOWADAY MEDIATEXTS

Serebrova S.

The concept of copyright text in a modern regional media as well as the use of different kinds of precedent phenomena in the discourse of regional media, the role and influence of PF on the perception of journalistic text have been analyzed.

Keywords: author's text, intertextuality, precedential phenomena, quotation.

КВАЛИФИКАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАТЕКСТА

Юлия Наливайко

кандидат филологических наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: nalivaykoroу@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению специфики медиатекста как текста открытого типа – на содержательном, структурно-композиционном и знаковом уровнях. Анализируются различные способы использования медиатекста при изучении русского языка в средствах массовой информации.

Ключевые слова: текст, медиатекст, модели коммуникации, медиакомпетентность, газетный дискурс.

Современный публицистический дискурс кардинально отличается от дискурса прошлого десятилетия. С одной стороны, для него характерны неординарность в формировании мысли, эпатирование адресата; превалирование субъективного анализа, неприкрытой позиции автора, которая часто противопоставляется общепринятой точке зрения; желание заинтересовать читателя, привлечь на свою сторону, навязать определенную позицию. С другой стороны, авторы материалов придерживаются классической структуры текста, определяемой стилем и жанром материала. Для реализации этой двуединой цели журналисты используют ресурсы всех уровней языка, но наибольшим потенциалом, по нашему мнению, обладает синтаксическая плоскость медиатекста.

Целью статьи является описание и анализ особенностей современного публицистического дискурса с учетом синтаксической специфики текстов средств массовой информации.

Авторы статей печатных и электронных изданий, учитывая способность языка фиксировать и ретранслировать социально значимую информацию, выделенную современным социумом как важную, актуальную, осознают роль языка в этих экстралингвистических процессах. Не подлежит сомнению тот факт, что публицистический текст реализует функцию регулятивную, так как при помощи языковых средств можно воздействовать на адресата: побудить его к какому-то действию или запретить ему что-либо делать, заставить ответить на вопрос и т.д. Для реализации этой важной функции языка существует разнообразный потенциал как лексических средств, которые находятся на поверхности и осознаются реципиентом как такие, которые манипулируют его мнением, так и синтаксические, требующие знаний не только грамматической структуры языка, но и последних исследований в области лингвокультурологии, психолингвистики,

социолингвистики, лингвосемиотики, семасиологии и других сравнительно молодых разделов языкознания.

Анализируя формальные проявления специфики современного медиатекста, нельзя не остановиться на таких внутренних аспектах, влияющих на формирование общей стратегии издания, как: 1) личность автора, его позиция, сфера интересов; 2) политика издания (тематическая, внутренняя, внешняя, «скрытая» / декларируемая); 3) ориентирование на определенную категорию читателей. Названные факторы взаимосвязаны, иногда «просачиваются» в формальный план, но для большинства читателей остаются за кадром.

Если сравнивать манеру подачи информации в медиатекстах начала XX века и наших дней, то можно заметить, как сквозь каждую строку журналистских материалов современности просачивается авторское мировосприятие, смело представленное в непривычной грамматической форме, сконструированное по нестандартной, согласно традиционному взгляду читателя, синтаксической формуле с использованием словоформ-неологизмов. Хотя в последнее время отношение лингвистов к «авангардным (в широком понимании этого слова), абсурдным, нонсенсным, парадоксальным, паралогичным, тавтологическим, софистическим и другим типам текстов (дискурсов) в логико-философском, семиотическом, психологическом, когнитивном, литературоведческом и функциональном аспектах» [1, с. 472] коренным образом изменилось. Сложность мыслительных ассоциативных авторских образов реализуется в неординарных языковых формах. Поэтому и тексты таких авторов выходят на поверхность при условии, если: существует глубокая заинтересованность мыслительно-языковыми механизмами создания текстов; осознается синкретизм языка и речи; актуализируется детальное изучение новых процессов в языке, а также ответственное отношение к формальной реализации мысли.

Издание, позиционирующее себя как современное, имеющее высокие рейтинги, среди читателей которого – люди, равнодушно относящиеся к Слову, надеется на молодых авторов, которые являются не только креативными журналистами, психологами, знатоками социальных и возрастных тенденций, но и лингвистами, разбирающимися в закономерностях развития родного языка.

Попытка сближения с реципиентом реализуется языковыми средствами на уровне лексики, словообразования, синтаксиса, поскольку все они, ориентированные на психологию участника коммуникативного акта, преследуют общую цель – адекватное восприятие замысла автора через связь с информативностью дискурса и его направленностью.

На синтаксическом уровне объектом изучения исследователей публицистического дискурса все чаще становится такая категория экспрессивности современных медиатекстов, как парцеллированные конструкции. С конца XX – начала XXI века перечень информационных

средств расширился за счет интернет-ресурсов, а к традиционным информационным, аналитическим и художественно-публицистическим жанрам прибавились блоги и форумы, в которых журналисты размещают свои тексты. С развитием и использованием интернета появилось новое явление – «язык интернета», имеющий свои специфические признаки, среди которых необходимо выделить созданный интернет-журналистами стиль, опирающийся на использование кратких членированных фраз. Поскольку интернет-читатели просматривают текст чаще всего с целью выбора интересной и актуальной информации, то журналист старается построить его таким образом, чтобы привлечь внимание реципиента и удержать его, заставив ознакомиться с материалом полностью. Одним из основных экспрессивных синтаксических средств, на которое автор опирается для достижения вышеобозначенных целей, является парцелляция, роль которой в эмоционально-экспрессивном влиянии на читателя нельзя переоценить.

Для авторов аналитико-публицистических текстов важным становится акцентирование внимания адресата на представленной информации, которая заставит задуматься, сделать определенные выводы или даже переформатировать ранее сложившее мнение, а значит – автор непосредственно участвует в формировании общественного мнения.

Особенности синтаксического строя медиатекстов проявляются в процессах интонационно-смыслового членирования целостного сообщения и направлены на изменения в синтагматическом типе подачи информации. Членированность медиатекста определяется синкретизмом традиционных и инновационных фигур экспрессивного синтаксиса, среди которых наиболее значимыми являются явления парцелляции, присоединения и сегментации.

Парцеллированные единицы основываются на реализации мысли, оформленной пунктуационно и интонационно, и являются результатом информационной компрессии структуры предложения, акцентируемой автором с определенной целью, и которые в то же время являются синтаксически изолированными конструкциями, требующими дополнительного контекста.

В современном публицистическом стиле четко прослеживается взаимосвязь между коммуникативной целью автора и структурой синтаксической конструкции. Общеизвестным является утверждение о том, что информационная нагрузка приходится на заключительную часть предложения, что определяется психолингвистическими особенностями восприятия адресата. Эту мысль проиллюстрируем примером, в котором автор контаминирует в одной синтаксической конструкции два стилиобразующих приема, основывающиеся на градации и парцелляции: *Зато как мы гордились, что наш парень, наш Витя Чанов стал победителем Кубка обладателей кубков европейских стран. Пусть и выступая за динамовцев. Со сборной СССР – вице-чемпионом Европы. Что наш Виктор Чанов феерил на футбольных полях мира* (<http://dnr-news.com/prensa/39103-nash-viktor-chanov-pamyati-znamenitogo-vratarya.html>). Такие выделенные в

отдельные пропозиции структуры приобретают собственное фразовое ударение и самостоятельную интонацию, становятся семантически и синтаксически тесно связанными с предыдущим контекстом, который условно можно поделить на несколько микротем. Поэтому на первый план выдвигается создание ассоциативного пространства для читательского доосмысления и соучастия, сопереживания, поскольку именно выделением усиливается логико-эмоциональная значимость конструкции. Такие элементы текста реализуют авторскую интенцию, модальность, оценку, не предлагая другого варианта интерпретации и направляя читательскую реакцию и эмоции адресата.

Следует отметить, что синкретические процессы в коммуникационном пространстве, преобладание клипового мышления у реципиентов, взаимодействие онлайн и офлайн-коммуникаций значительно расширяют рамки медиатекста и требуют его последовательного исследования с опорой на традиционные принципы построения текста публицистического дискурса.

Список литературы

1. Делез Ж. Логика смысла / Ж.Делез. - М.: Раритет, 1998. – 480 с.
2. Киклевич А. Притяжение языка / А.Киклевич. – Т. 2: Функциональная лингвистика. – Olsztyn: Instytut Dziennikarstwa i Komunikacji Społecznej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2008. – 392 s.
3. Фрумкин К.Г. Клиповое мышление и судьба линейного текста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nounivers.narod.ru/ofirs/kf_clip.htm (дата обращения: 01.03.17)
4. Cruse D. A. Meaning in Language: An Introduction to Semantics and Pragmatics / D. A. Cruse. – Oxford University Press, 2000. – 424 pp.
5. Hilbert M., Lopez P. The World's Technological Capacity to Store, Communicate, and Compute Information [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://science.sciencemag.org/content/332/6025/60> (дата обращения: 08.01.17)

QUALIFICATION PECULIARITIES OF THE MODERN MEDIATEX SYNTACTIC STRUCTURE

Nalivayko Yu.

The paper observes the features of media texts as integrative unities, or as open texts analyzed on essential, structural and semiotic levels. Different ways of use media text are analyzed at studying of the Russian language in mass media.

Keywords: text, media text, models of communication, the media are a competence, newspaper discours.

ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ ДЕТСКИХ ЖУРНАЛОВ ВЬЕТНАМА

Нгуен Тхи Май Хыонг

аспирант

Воронежский государственный университет

Воронеж, Россия

e-mail: maihuong16101989@gmail.com

Во Вьетнаме есть детские журналы для каждой возрастной аудитории, начиная с 3х–4х лет. Основными функциями этих журналов являются воспитательная, образовательная функции и функция социализации. Все они в какой-то мере проявляются на каждом возрастном этапе.

Ключевые слова: детский журнал, функции, просвещение, воспитание, социализация.

Самым традиционным средством общения с детской аудиторией во Вьетнаме являются журналы. Свои журналы есть и у дошкольников 5-6 лет, при этом они уже имеют возможность выбора. «Маленький учёный» готовит к школе, «Мир машин» выбирают мальчики, увлечённые техникой, «Принцессу» - романтичные девочки. В стране большое разнообразие журналов для школьников. Их функции весьма разнообразны, особенно важны воспитательная, образовательная и функция социализации. «Значительную роль в развитии детской прессы играет группа культурно-образовательных, рекреативных и гедонистических функций» (2, с.281). В разных журналах они представлены неодинаково: где-то много поэзии, где-то - юморесок типа детских анекдотов, где-то - кроссвордов и настольных игр, но и в журналах для младших школьников и в журналах для подростков этот сектор публикаций составляет около 40 % публикуемых материалов, если принимать во внимание только количество, а не журнальную площадь, поскольку стихи, кроссворды, советы юным модницам большого места не занимают. Разумеется, чем старше читатели, тем объёмнее становятся публикации: печатается больше очерков, рассказов, репортажей из интересных мест планеты, из лабораторий учёных. Подробное знакомство с такими публикациями в школьные годы помогает юным читателям и на следующей возрастной ступени: молодёжная печать много пишет о развитии страны, о сохранении традиционных национальных ценностей.

Отметим, что журналы для каждой возрастной категории, хотя и имеют сходство в тематике, функциях и даже в оформлении, но всё-таки они заметно отличаются друг от друга. Сравним два журнала для младших школьников: «Дети» и «Пионер Хо Ши Мина». Уже по картинкам на обложке можно определить, что первый журнал, скорее всего, для девочек, а второй – для мальчиков, знакомство с материалами подтверждает эту догадку. Очерк «Энтузиазм» посвящён победительнице конкурса юных

музыкантов на телевидении, в конце журнала – образцы мексиканской и польской моды. Первополосный очерк в «Пионере Хо Ши Мина» посвящён Хо Ван Кыонгу, бедному деревенскому мальчику – победителю музыкального конкурса «Детский вьетнамский идол». В постоянной рубрике «Ребёнок занимается наукой» - репортаж Тху Тханя с праздника «Наука под рукой», проходившего в супермаркете “V+”. На пяти коллективных фото преобладают мальчики. В том и другом журнале ярко выражена просветительная функция: много рассказов о путешествиях по всему миру, об интересных географических объектах, о динозаврах, муравьях, скорпионах, очень много сообщений о детских конкурсах – и музыкальных, и литературных, и спортивных, но чаще - научно-познавательных и профессиональных: «Любовь к природе», «Отличная идея» (о вторичном использовании старых вещей), «Чудесные руки» (соревнования умельцев резьбы по дереву) и т.п. Оба журнала активно собирают и публикуют забавные случаи из жизни школьников, рождённые в детской среде анекдоты. В «Детях» есть постоянная рубрика «Моя история», где каждый юный читатель может рассказать о себе.

Московский исследователь О.В.Коханая пишет, что «одним из основных средств... популяризации культурного опыта в современном мире являются СМИ, которые просвещают различные социальные группы и привлекают их к восприятию и осмыслению культурного опыта страны, народа, а значит, и к идентификации себя и своего места и роли в этом обществе и мире». (3, - с.425-426). Осмысливается и военный опыт. Так в журнале «Маленький ангел», основной аудиторией которого считаются ученики 5-9 классов, несколько первых страниц было занято репортажем о походе школьников села Хонг Нгок в историческое место – «Гоннели Кути», откуда партизаны наносили скрытые удары по врагу во время Вьетнамской войны. Ветераны показали им подземные склады, госпитали, жилые помещения и даже научили готовить пищу без дыма. Репортаж был проиллюстрирован несколькими фотографиями о походе, среди которых странно выглядела американская статуя Свободы.

Е.В.Гайманова из Московского университета культуры и искусств считает, что «особую роль в сохранении и передаче культурных ценностей призваны сыграть СМИ для детей и молодёжи. Журналистика для этих возрастных групп является особым типологическим звеном общей медиасистемы и осуществляет культурно-образовательную, воспитательную функции, передачу культурно-исторического опыта от старшего поколения к младшему» (1, с.354). В эту работу включается и большая морально-этическая программа: дети учатся жить в социуме, общаться, дружить, помогать друг другу. В «Маленьком ангеле» существует постоянная рубрика «Простые привычки приносят радость». Почти в каждом выпуске расшифровываются такие требования общества, как «говорить спасибо», «прощать себя и других», «помогать кому-то каждый день», «звонить людям, по которым вы скучаете», «рассказывать родителям о том, что вас тревожит».

Школьников начинают волновать традиции разных стран и народов, их национальные и религиозные особенности. Они интересуются историей и географией, мечтают о путешествиях, и «Маленький ангел» постоянно удовлетворяет их интерес, печатая рассказы о самых интересных местах на земле и публикуя их фотографии. В журналах для старшеклассников появляются стихи и рассказы о первой любви. У этих изданий даже названия звучат романтично: «Цветы школьников», «Молочный чай для души». Здесь много материалов о музыке, кино, моде, знакомстве с культурными ценностями своей страны. Сообщения о кинофильмах, концертах, новых книгах сменяются развёрнутыми рецензиями, интервью с деятелями культуры, очерками о них. Отметим, что и журналы для старшеклассников несколько различаются по гендерному признаку. «Цветы школьников» (не школьниц!) намекают на это своим названием, в нём много материалов на темы информатики, различных видов конструирования. Перед Новым годом выступали творческие люди различных профессий, у которых год сложился удачно. В «Молочном чае» если и есть очерки о мужчинах, то типа Леонардо ди Каприо. Певицам и драматическим актрисам в журнальном пространстве отведено гораздо больше места, не говоря уже о модах, украшениях, косметике, кулинарии. Отметим, что о самих учебных делах школьников, их постоянной учебной работе в журналах почти не говорится, но помощь этой работе они, несомненно, оказывают, заметно расширяя кругозор школьников и помогая им находить удачные выходы из трудных положений. Отметим также, что все журналы очень ярко оформлены и каждый имеет собственное лицо.

Список литературы

1. Гайманова Е.В. Ценностные ориентации журналистики для детей и молодёжи // Ценности современного общества и средства массовой коммуникации. Материалы международной научно-практической конференции «Журналистика 2011». – М.: МГУ, 2011. – С. 354-355.
2. Доржиева Л.Б. Детская пресса в процессе социализации учащихся // Социальная миссия и профессия. Материалы Международной научно-практической конференции «Журналистика 2012». – М.: МГУ, 2013. – С. 281-282.
3. Коханая О.В. Реализация культуроформирующей функции СМИ // Социальная миссия и профессия. Материалы Международной научно-практической конференции «Журналистика 2012». – М.: МГУ, 2013. – С.425-426.

BASIC FUNCTIONS OF VIETNAMESE MAGAZINES FOR KIDS

Nguyen Thi May Hyiong

In Vietnam there are magazines for kids for each age of the audience, starting from 3-4 years old. The main functions of these magazines are upbringing, educational and socializational. All of them are shown in some way at every stage.

Keywords: magazine for kids, functions, enlightenment, upbringing, socialization.

МЕДИАКУЛЬТУРА И МЕДИАКОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННЫХ, СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

УДК 316.776

ИННОВАЦИОННЫЕ КОММУНИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ КОНТЕНТА

Валерий Музыкант

доктор социологических наук, профессор

Саюми Мори, А. С. Новикова, И. Л. Кривич, В. В. Куценко

аспиранты

Российский университет дружбы народов

Москва, Россия

e-mail: vtmouzyka@mail.ru

В статье рассматривается необратимость увеличения численности онлайн-аудитории как ключевого фактора меняющегося образовательного пространства. Автором анализируется бытующее мнение о том, что век печатных СМИ подходит к концу, поскольку они стали непопулярными. Рассматривается взаимосвязь между интернет-рекламой и ростом молодежной аудитории. Особый акцент делается на социодемографические характеристики аудитории и сравнительный анализ коммуникационных потребностей российской и японской молодежи.

Ключевые слова: тираж газет, цифровая реклама, канал продаж, электронные книги, потребители телеконтента, цифровые технологии, интерактивная реклама, мобильный банк, поколение X, Y, Z.

В современном образовательном процессе необходимо учитывать, что увеличение численности онлайн-аудитории привело к необратимым процессам, завершившимся созданием новой бизнес-модели с целью сохранения прибыльности издательских домов. Обыденным явлением стал переход на модель платной подписки на сайтах. Несмотря на то, что тираж платных ежедневных газет некоторое время находился в состоянии устойчивости [7], в переломном 2012 г. инвестиции в цифровую рекламу выросли на 6%, обойдя по объемам рекламу печатную [5]: объемы рекламы в печатных изданиях в 2012 г. составили \$33,8 млрд, тогда как в онлайн этот показатель составил \$39,5 млрд, при том, что годом ранее расходы были на \$4 млрд меньше, чем инвестиции в печатную [6].

В России уже несколько лет продолжается падение реальных тиражей большинства крупнейших изданий. На сегодняшний момент в журналистской среде бытует мнение, что век печатных СМИ подходит к концу, поскольку они стали непопулярными. По данным «АВС - Бюро тиражного аудита», с I квартала 2012 г. по I квартал 2013 г. совокупный тираж общенациональных еженедельных газет снизился в среднем на 7,5%, а в сегменте ежедневных – на 14%. По данным TNS Россия, средняя аудитория газеты «Ведомости» в Москве сократилась с 2005 года с 1,3% до 1%, «Коммерсанта» с 2% до 1,2%,

«Известий» с 1,2% до 0,9%: к началу 2015 г. снижение доли прессы в рекламном пироге уже достигло 10% и с учетом кризиса может дойти до 30%-50% печатных изданий, которые могут в ближайшие годы закрыться. При этом у ежедневного выпуска «Комсомольской правды» отпечатанный тираж сократился на 9%, хотя у ежедневного выпуска газеты «Коммерсантъ» средний тираж одного выпуска в течение года был стабилен. В целом падение тиражей общенациональных еженедельных газет составило от 5% – у «Аргументов и Фактов» до 7%, у «Комсомолки-толстушки» в сегменте бесплатных рекламных еженедельников, у газеты «Ва-Банкъ» снижение составило целых 13% при итоговом тираже в 3 146 000 экз. Как видно, проблемы с дистрибуцией, «киосковая» война, падение интереса к подписке на почте и ограничения на рекламу в прессе наряду с ростом цен на бумагу в 2015 году, усилили кризисные явления в сегменте печатных СМИ.

А как дело обстоит за рубежом? По данным АРПП и DISTRIPRESS в Германии за 10 лет с рынка ушли - закрылись 50% газет и журналов, но вместо них на рынке появилось 40% новых изданий, которые более востребованы рынком и отвечают новым запросам читателей и рекламодателей [12].

Постепенное сокращение аудитории газет и журналов при одновременном взрывном росте сегмента Интернет-СМИ не могло не сказаться на динамике рекламных доходов, которые в 2012 году составили всего 41,4% совокупного объема доходов печатной прессы [8]. Последние годы подписка падает на 3-4% ежегодно, продажи прессы в рознице - на 5-7%, следует из текста отраслевого доклада Роспечати за 2012 г. [3]. Главная причина - закрытие киосковых сетей, основного канала продаж газет и журналов: по данным Ассоциации распространителей печатной продукции (АРПП), в 2012 г. сети сокращались со скоростью 10 киосков в день. Падение тиражей связано с миграцией читателя в интернет и мобильные приложения. Подтверждением тому падение розничного тиража «Ведомостей» на 5%, при том, что число подписчиков бумажной версии газеты остается стабильным, а число подписчиков интернет-версии растет [3].

Как известно, Россия занимает вслед за США и КНР 3-го место в мире по объемам поставок планшетов и электронных книг: планшетные компьютеры стали самой быстрорастущей категорией персональной электроники: смартфоны росли на 40-50% при темпах роста рынка в 15-20%. Эти данные позволяют констатировать, что наметилось вытеснение ридеров и электронных книг: продажи 2012 г. упали почти на 20% по сравнению с 2011 г. В 2010 г. книжный рынок России сократился до 56,3 млрд руб. по сравнению с 62,3 млрд годом ранее.

Учитывая, что аудитории отечественных СМИ демонстрируют значительный рост медиапотребления, отметим и тот факт, что присутствуют сложности в управлении из-за обширных территорий и региональных особенностей. Поскольку сегмент потребителей телеконтента увеличился со 120 мин в день в 1997 году до 220 мин к концу первой декады

нового миллениума и 225 мин в 2012 году, а радиоприем за период с 1997 по 2009 годы вырос в 3 раза, не удивительно, что наблюдается стабильный рост доступности телеканалов для городского населения страны: с 2006 года их число увеличивается на 3-4 телеканала в год [11].

Образовательные программы не должны игнорировать складывающиеся тенденции, уделяя особое внимание во вновь формируемых образовательных стандартах концепции WEB 2.0, которая акцентирует внимание на коммуникационных процессах в сети Интернет. В основном сеть Интернет по-прежнему инициирует глобальные коммуникационные процессы и существенно расширяет возможности обратной связи, на практике реализуя наряду с B2C, B2B и B2G так называемый подход C2C (от потребителя – потребителю - *англ.*)

По сути, современное поколение студентов в различных странах становится свидетелем того, как с окончанием эры печатных СМИ, пришло время средств индивидуализированной информации. Происходящие процессы глобализации сети, по выражению исследователя Ш. Шольберга, превратили киберпространство в важнейшую сферу. Показательно, что подобные процессы не оставили в стороне СМИ такой «продвинутой» в технических инновациях страны как Япония [13]. По данным Japan Audit Bureau of Circulations, на апрель 2015 г., тираж японской газеты Йомиури упал с 10 миллионов до 9,1 миллиона экземпляров [24]. При этом тираж японских газет пока остаётся лидером в мире: причина кроется в особой системе доставки газет на дом по контракту, заключаемому на несколько лет.

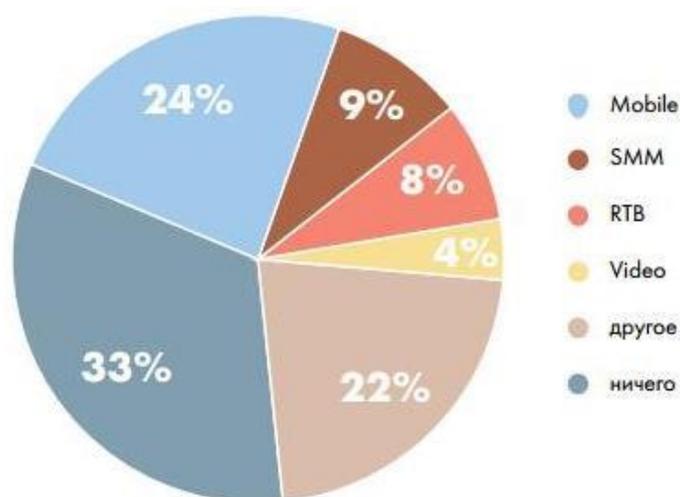
По этой причине японцы обычно не покупают газеты самостоятельно каждый раз ради определенных новостей и значимых событий, а читают их дома по привычке. В настоящее время в Японии существует 5 известных общенациональных газет, но в 37 префектурах из 47 префектур Японии читают региональные или локальные газеты чаще 5 основных общенациональных газет [15]. Эта локальность и есть сильная сторона не только японских, но и американских газет. Локальные газеты имеют большую важность - в некоторых штатах США снизилась активность избирателей из-за того, что там прекратили выпуск локальных газет. В 2010 г. третий опрос об «информационном поведении японцев», проведенный лабораторией Ё. Хасимото из Токийского университета, показал: за 10 лет посещение сети Интернет достигло 9,0%, тогда как аналогичный показатель газет упал на 8,6% - до 30,5% [23].

По результату опроса общественного мнения, проведенного Исследовательским институтом культуры телерадиовещания NHK, за последние 5 лет доля пользователей Интернет в Японии по своему размеру также обошла читательский сегмент [18]. Поколение X - это рожденные в 1965-1982 гг. и управляющие сегодня российским бизнесом. Российское «поколение X» характеризуется высокой степенью рефлексии и уникальным опытом адаптации [14], для которых семья имеет высокую ценность. В эмоциональном плане люди X стремятся к искренности чувств, постоянству в

дружеских и семейных отношениях [10]. Поколение Y - рожденные с 1983 г. по конец 1990-х гг., мировоззрение которых повлияли как перестройка и распад СССР, так и международный финансовый кризис.

В России поколение студентов, вовлеченное в цифровые технологии, отчасти подвержено концепции вечной молодости, его представители даже в провинции находят возможности для ускоренного развития, чтобы потом перебраться в Москву или Санкт-Петербург. Существуют мнения, что это поколение в принципе не очень любит работать много и подолгу - «хочет получать, а не отдавать». При этом не следует утверждать, что это «поколение потребителей» [1]. При этом поколение Y, по сравнению со своими предшественниками на порядок лучше приспосабливается к технологическим новинкам, а Интернет стал для них главным источником информации о финансовых продуктах в возрастной группе 18-24 лет для 54%, и в группе 25-34 лет для 51% [4].

Уже нормой стало оплачивать телефон, благодаря мобильному банку, «в одно СМС». Только после изучения веб-сайтов банков и других финансовых учреждений потребители поколения Y заходят на финансовые порталы - 32% и финансовые ресурсы - 40%. Значительно реже они непосредственно посещают банковские отделения. Только иногда источником информации о финансовых продуктах может быть семья или друзья. При этом представители поколения Y активно управляют своими банковскими счетами с помощью сети Интернет: 73% в возрастной группе 18-24 лет и 82% в группе 25-34 лет, где проверяют баланс своего счета (96% и 98%), историю операций (93% и 96%), оплату счетов (93% и 92%) и пополняют баланс телефона (50% и 58%). В данном контексте темой отдельной лекции, на наш взгляд, должна стать глобальная сеть как пространство, где пользователь уже не объект - пассивный участник коммуникационного процесса, а активный субъект.

Новые виды интерактивной рекламы, с каждым днем набирающей популярность [19]

Поколение Z - это люди, родившиеся в начале 1990-х и в 2000-х гг., выросшее в период мирового финансово-экономического кризиса, расцвет мобильных технологий, глобализации и постмодернизма. Им присущи отрицание иерархии, эгоизм и нарциссизм. За рубежом поколение Z интуитивно называют MeMeMe, то есть ЯЯЯ. Другие названия: Поколение ЯЯЯ, Поколение Зет, Net Generation, Internet Generation, Generation I, Generation M (от слова «многозадачность»), Homeland Generation, New Silent Generation, Generation 9/11. Generation Y нет, и не будет героев, но есть кумиры, а в дальнейшем представители поколения миллениалов сами станут героями для других поколений. Вместе с тем миллениалы, 30-летние люди с семьями, степенями MBA и 1-3 высшими образованиями, со своим бизнесом нередко обсуждаются как «проблемные люди»: эгоистичные нарциссы, карьеристы, переоценивающие свои таланты..., имеющие особое отношение к корпоративной культуре: представители этого поколения ожидают результатов и преимуществ от работы, стремятся подстроить условия работы под свою жизнь, предпочитают гибкий график, аутсорс и т. п. [21].

Поколение Z делает первые шаги к сбалансированному стилю жизни будущего, при котором работают для созидательного удовольствия и общественной пользы. Согласимся, Интернет задал глобальный тренд на скорость и доступность информации и контактов, а социальные сети впитали и гиперболизировали все самые болезненные черты своей самой благодарной и естественной аудитории – школьников, студентов, вообще молодых людей. Возникает действительно комичная ситуация: нередко слышны стариковские причитания о том, как 30- и 40-летним жить и работать рядом с 20-летними [21].

В Японии деление поколений, подобное российскому не так распространено, вместо этого чаще говорят о другом разделении на 5 поколений: поколение «данкай», поколение экономики мыльного пузыря, поколение «ледниковый период», поколение «давление» и поколение «нотори». Еще сейчас появляется новое поколение - «сатори». Поколение «данкай» родилось в 1947-49 гг., когда был беби-бум после окончания Второй мировой войны [22]. Это поколение привыкло к системе старшинства по службе и пожизненному найму. Приоритет лежит в занимаемом положении в компании и в преданности к ней. На смену широко распространенному студенческому движению, продвигавшему консерватизм, пришло поколение первой половины 1950 гг, называемое поколением «пост -данкай».

Контент-анализ материалов будничных и выходных газет «Асахи» (Япония) и «Известия» (Российская Федерация), проведенные исследователями РУДН демонстрирует сходство и различия в приоритетах целевых аудиторий, включая студенческую молодежь. Однако стоит отметить, из 230 тыс. платных подписчиков, около 90 % читают и бумажную версию газеты «Асахи».

Таблица 1.

Тематика	Асахи Будн. 30.12.2015	Асахи Выход. 10.01.2016	Известия Будн. 30.12.2015
Политика	10	10	2
Политика		1	
Выборы		3	
Местное самоуправление	1	2	1
Полиция		1	
Дипломатия	9	2	1
Военные дела		1	
Экономика	10	7	6
Экономика			2
Финансы	1	2	2
Предприятие	6	2	1
Промышленность	1	1	
Энергия	2	1	1
Сельское, рыбное хозяйства		1	
Общество	4	9	2
Общество	3	2	2
Дети		1	
Работа		3	
Образование	1	3	
Спорт	12	23	4
Культура	10	19	1
Культура	2	4	
Учение	1		
Искусство	1	1	1
ТВ и радио	2	1	
Литература	3	12	
Музыка	1	1	
Жизнь	16	12	1
Жизнь	11	8	
Здоровье	3	1	
Жилище	1		
Отдых		1	
Мероприятие		1	
Нравственность	1	1	
Инцидент	6	6	1
Преступление	5	5	1
Авария	1	1	
Наука	0	4	0
Естествознание и техника		1	
Животные и растения		3	
Международные отношения	10	7	3
Международные отношения	4	2	2
Азия, Тихий океан		4	

Северная Америка, Южная Америка	1		
Запад	1		
Ближний Восток	4	1	1
Семья императора	0	1	

К поколению экономики мыльного пузыря относятся люди, родившиеся с 1965 по 1969 гг. [22]. Они поступили на работу в период уникального явления в экономике - японского финансового пузыря. У них высокая коммуникативная компетентность. Они стали взрослыми до развития субкультуры в Японии. Также у них есть комплекс неполноценности по отношению к европейской и американской культуре. У них сильное стремление к собственной культуре. Говорят, что им нравится выставлять себя напоказ. С детства им говорили, что мужчина должен быть мужественным, а женщина должна быть женственной.

Следующее поколение называется «ледниковым периодом». К нему относятся люди, родившиеся с 1975 по 1981 гг. [22]. Здесь «ледниковый период» означает время после разрыва финансового пузыря, когда было очень трудно найти работу. Из-за неустойчивости рабочих мест начали появляться люди, живущие на доход от непостоянного заработка. По словам социолога Фуруити, люди, родившиеся около в 1980 г. считают дружбу более важной и стремятся сделать вклад в развитие общества.

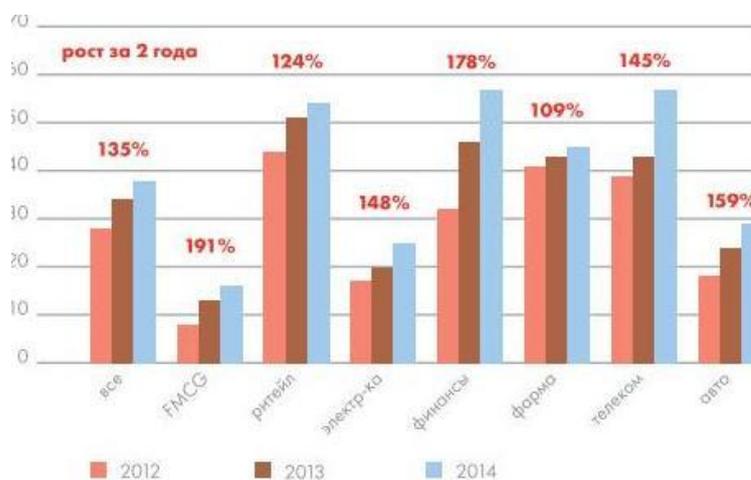
Люди поколения «давления» родились с 1982 г. по 1987 г. По словам создателя этого термина, блогера Sugio, «поколение давления – это поколение, которое наиболее остро испытало на себе давление общества». Это поколение со светом и с напряжением. Люди этого поколения не увидели экономического подъема, поэтому у них нет чувства, что у них отобрали хорошие времена. У них высокая удовлетворенность жизнью благодаря тому, что уровень жизни в японском обществе повысился. Однако, с другой стороны, люди поколения «давления» беспокоятся о своих перспективах. Прежние сообщества, в том числе компании, которые играли важную роль в создании отношений между людьми, стали нестабильными. В результате этого, молодое поколение начало полагаться на своих друзей. Они мало покупают дорогие статусные вещи, а деньги тратят на общение с людьми [16].

В Японии, учащиеся и студенты, родившиеся с 1988 по 2004 гг. [22] называются «поколением ютори». «Ютори» буквально переводится на русский язык как «запас, ослабление». Они учились в школе по новой программе образования «ютори кёйку», введенной правительством с 2002 г. Образование «ютори кёйку», которое переводится как «облегченное образование» появилось под давлением идеи о самоактуализации. Также как поколение «давления», они не знают хорошую конъюнктуру. Согласно исследованию Центра человеческих ресурсов за 2012 год, которое проводилось среди кадровиков крупных предприятий относительно их впечатления от поколения Ютори, они описали их как «пассивные» - 60% и

«психологически слабые» - 40% [17]. В период их детства активно развивались информационные технологии.

В последние годы появился новый термин поколения «сатори». «Сатори» буквально означает просветление, вид медитативной практики. К поколению «сатори» относятся люди, родившиеся с 2005 г. [22]. Как поколение «ютори», они выросли в период депрессии. Они не покупают дорогие вещи. Им не нужны машина, путешествие и даже любовь. Они не станут делать ничего там, где известен результат.

Как видим, государства, в общем, сталкиваются с одинаковой проблемой, как отмечает директор по развитию бизнеса компании ADFOX, президент IAB Russia Б. Омельницкий, рост бюджетов в интернет-рекламе тормозит фиксированный бюджет и невозможность (или нежелание) сократить расходы на рекламу в других медиа-каналах. По его мнению, резкого изменения в планах бюджетирования интерактивной рекламы не заметно – «аудитория продолжает расти, точные таргетинги развиваются, а эффективность измерима количественно и высока по сравнению с другими медиа» [9].

Доля рекламного бюджета бренда, которая уже приходится на интерактивную рекламу [9]

В курсе лекций и семинарских занятий обязательно следует рассматривать собственно концепцию WEB 2.0, которая связана со статьей «Tim O'Reilly - What Is Web 2.0» [20], опубликованной на русском языке в журнале «Компьютерра» и позже выложенной под заголовком «Что за WEB 2.0» веб-сайтом «Компьютерра online». Отдельной темой для изучения может стать оболочка WEB 2.0 выступает в качестве симбиоза трех блоков: *содержательного* - базы данных в виде сайтов; социальных сетей как Facebook, Myspace, Twitter, чатов, блогов и форумов; *технического* – компьютеры с определенными сервисными функциями и *технологического* с совокупностью программ системы обработки информации и программных комплексов для обеспечения работы компьютера и сетевых узлов. Благодаря единству представленных компонентов, Интернет имеет благодатную почву

для коммуникативного акта, как на межличностном, так и на массовом образовательном уровне [1].

Безусловно, модель современного выпускника с позиции отрасли и вуза должна включать новые компетенции и компетентности, которые еще предстоит апробировать. Безусловно одно – мы обязаны найти воплощение в образовательных стандартах с учетом концепции WEB 2.0, фокусирующейся на инновационных коммуникационных процессах в сети Интернет.

Список литературы

1. Бизнес-журнал: Объединенная межрегиональная редакция, Иркутская область. 03. 2011.. С. 8-16.
2. Бронников И. А. Особенности сети Интернет как фактора политической коммуникации. – дисс. Канд. Полит. Наук. М. 2011.
3. Ведомости. 27.03.2014. № 3557. Бумага вышла в тираж <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/03/27/bumaga-vyshla-v-tirazh> (дата обращения: 31. 12. 2015 г.)
4. Данные компании Gemius приводятся по: [Электронный ресурс]. - URL: <http://adindex.ru/publication/mediaoutlook/99608/2014/03/31/108543.phtml>
5. Данные агентства Carat.
6. Данные компании eMarketer.
7. Данные компании Zenith Optimedia.
8. Известия. Прогноз на 2020 год для печатных СМИ не утешительный 01.04.2015. <http://izv-udprf.ru/prognoz-na-2020-god-dlya-pechatnykh-smi-ne-uteshitelnyjj.html> (дата обращения: 14. 01. 2016 г.)
9. Ключевые тенденции рынка интернет-рекламы на 2014 год. <http://www.shopolog.ru/metodichka/analytics/klyuchevye-tendentsii-rynka-internet-reklamy-na-2014-god>
10. Мастерская взаимоотношений. Особенности поколений. 07.07.2007. http://7531.info/publ/psikhologija/osobennosti_pokolenij/3-1-0-4
11. Оценка Video International
12. Пресса как dream-media: в условиях кризиса обновление и прозрачность усилят потенциал печатных СМИ. <http://www.gipp.ru/openarticle.php?id=52429>
13. Приведены материалы, разработанные Саюми Мори (Япония) под научным руководством профессора В. Музыканта.
14. Смена. Поколение X, поколение перестройки или «потерянное поколение». № 1740, Октябрь 2009. <http://smena-online.ru/stories/pokolenie-kh-pokolenie-perestroiki-ili-poteryannoe-pokolenie> (дата обращения: 12. 01. 2016 г.)
15. Exciteニュース 地方新聞はどれくらいシェアをもってるのか. 16.01.2009. <http://www.excite.co.jp/News/bit/E1231848810572.html> (дата обращения: 10. 12. 2015 г.)
16. Exciteニュース. 27歳の社会学者・古市憲寿が<プレッシャー世代>を分析. 90.09.2012. http://www.excite.co.jp/News/column_g/20120930/Urepia_9618.html (дата обращения: 12. 01. 2016 г.)
17. inoСМИ.Ru. Нынешняя молодежь слишком много о себе думает. 27.05.2013. <http://inosmi.ru/world/20130527/209378149.html> (дата обращения: 22. 10. 2015 г.)
18. NHK放送文化研究所. 放送研究と調査2015年8月号//テレビ視聴とメディア利用の現在 ~「日本人とテレビ・2015」調査から~. № 8, 2015,-31с. https://www.nhk.or.jp/bunken/summary/research/report/2015_08/20150802.pdf (дата обращения: 10. 12. 2015г.)

19. <http://www.shopolog.ru/metodichka/analytics/klyuchevye-tendentsii-rynka-internet-reklamy-na-2014-god>
20. What Is Web 2.0. 30 сентября 2005 года Режим доступа <http://webtrends.about.com/od/web20/a/what-is-web20.htm>
21. Zilion, Поколения X, Y, Z: как в них разобраться? 25.09.2013. <http://zillion.net/ru/blog/316/pokolieniia-x-y-z-kak-v-nikh-razobrat-sia> (дата обращения: 06.01.2016 г.)
22. マイナビニュース. 団塊、バブル、ゆとり、さとり...などなど、〇〇世代の特徴. 31.07.2013. http://www.excite.co.jp/News/column_g/20130731/Cobs_il_201307_post-7859.html (дата обращения: 19.12.2015 г.)
23. 橋元良明 メディアと日本人 — 変わりゆく日常 : 岩波新書: 2011. с. 69.
24. 日本ABC協会: 2015年4月ABC部数 <http://www.kokusyo.jp/wp-content/uploads/2015/06/mdk150602.pdf> (дата обращения: 10.12.2015 г.)

INNOVATIVE COMMUNICATION PROCESSES IN THE INTERNET NETWORK: TRENDS IN THE CONTENT DEVELOPMENT

Muzyikant V., Sayumi Mori, Novikova A., Krivich I., Kutsenko V.

The article discusses the irreversibility of the increase in the number of online audiences as a key factor of the changing educational environment. The authors analyze the common opinion that the age of the print media is coming to an end, as they became unpopular. We consider the relationship between internet advertising and the growth of the young audience. Particular emphasis is placed on the sociodemographic characteristics of the audience and a comparative analysis of the communication requirements of the Russian and Japanese youth.

Keywords: newspaper circulation, digital advertising, sales channel, e-books, TV-content consumers, digital technologies, interactive advertising, mobile bank, generation X, Y, Z.

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ
КУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ
(НА ПРИМЕРЕ ФИННО-УГОРСКИХ СМИ)**

Светлана Ржанова

доктор культурологии, профессор

*ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарева»*

Саранск, Россия

e-mail: rzanova@mail.ru

В статье рассматриваются этноинтегрирующие функции массмедиа. Этническая журналистика в многонациональной России - распространенное явление. Изучение межкультурных коммуникаций финно-угорских объединений, ассоциаций, их взаимодействие с этножурналистикой выявило формирование нового единого информационно-культурного пространства. Благодаря неослабевающему вниманию СМИ к общественной жизни финно-угорских народов этот процесс усиливается. Происходит расширение контактов по самым различным направлениям между регионами проживания финно-угорских народов России.

Ключевые слова: коммуникативные взаимосвязи, этножурналистика, информационное пространство, Поволжский регион, культурное сотрудничество, СМИ.

Возрастание роли информации и знаний, реализуемых через компьютерные технологии, напрямую влияет на социокультурные процессы, адаптацию этнокультур к новым условиям.

С середины XX в. возрос интерес к осмыслению диалоговых коммуникаций, межкультурной коммуникации в поликультурном обществе, к исследованию этнокультурных коммуникаций.

Впервые понятие межкультурная коммуникация было сформировано в 1954 году американскими культурологами Э. Холлом и Г. Трейдером в книге «Культура и коммуникация», в которой коммуникация понималась как культура, а культура - как коммуникация. Центральными проблемами межкультурной коммуникации является исследование универсальных переменных в разных культурах и их отличий друг от друга.

Изучение межкультурных коммуникаций важно для понимания того, почему, как и при общении представителей разных этносов и культур каждый из них действует в соответствии со своими культурными нормами и ценностями.

Социокультурная коммуникация служит одним из базовых механизмов культурной динамики, обеспечивает механизмы социальных связей, общественной стабильности, формирует тип мировоззрения, транслирует соответствующие формы социального опыта, воспроизводит цели, идеалы и ценности.

Возникновение глобального информационного пространства изменило ситуацию в обмене информацией между традиционными культурами и этнокультурами, индивидами, их представляющих. Тесные коммуникативные взаимосвязи, тенденции к процессу интеграции приобретают весомые масштабы. При этом обязательным остается потребность в разработке правил и "языка" такого общения. Мы согласны с мнением В.В. Миронова, который определяет именно информационное пространство как "метаязык" культурного общения, по его мнению, «становление информационного общества оказывает влияние на структурообразующие компоненты всей системы культуры» [3, с.15].

Обычно при характеристике этнических общностей особое внимание уделяется дифференцирующей функции. Однако не следует исключать и этноинтегрирующие функции массмедиа. Ведь при всей значимости свойств, выделяющих каждый этнос среди других аналогичных общностей, непременным и важнейшим условием его существования как целостной системы остаются интегрирующие функции культуры.

Исследователь И.Н. Батайкина, рассматривая массовую коммуникацию как составляющую социальной политики, обращает внимание на то, что информация, распространяемая СМИ «имеет целью утверждение духовных ценностей данного общества или его правящих групп, оказание идеологического, культурного и политического воздействия на получателей информации» [1, с.153].

В современном обществе именно СМИ выполняют функцию одного из главных механизмов влияния на формирование толерантного или конфликтного массового этнического сознания, на его быструю мобилизацию, и в конечном итоге - на регулирование межэтнических отношений.

Этническая журналистика в многонациональной России - распространенное явление. Национальная политика России представляет собой систему взаимосвязанных мер, осуществляемых государством, направленных на оптимизацию межэтнических отношений, учет и реализацию интересов этнических групп, проживающих на территориях конкретных регионов, создание условий для этнокультурного развития. Сегодня в Российской Федерации на финно-угорских языках выходит около 60 газет и журналов. География этих изданий простирается от Карелии до Ямало-Ненецкого Автономного Округа.

Анализ коммуникативных направлений деятельности финно-угорских объединений, ассоциаций, их взаимодействие с этножурналистикой выявил формирование нового единого информационно-культурного пространства, о чем свидетельствуют материалы международных и всероссийских форумов, конференций, конгрессов финно-угорских народов, симпозиумов научной общественности. Благодаря неослабевающему вниманию СМИ к общественной жизни финно-угорских народов этот процесс усиливается. Происходит расширение контактов по самым различным

направлениям между регионами проживания финно-угорских народов России.

Говоря о месте и роли финно-угорских СМИ в медийном пространстве РФ необходимо отметить особенности национальных СМИ. Если для федеральных и большинства региональных СМИ газеты, журналы, Интернет, радио и телевидение в первую очередь это бизнес, а потом информирование населения и другие социальные функции, то для национальных СМИ на первом месте стоят культурно-просветительские задачи.

Событием для относительно локального информационного пространства Мордовии стало появление в начале 2010 года «Финно-угорской газеты». Она распространяется на все финно-угорские регионы. «Финно-угорская газета» признана победителем Всероссийского конкурса этнических СМИ «СМИротворец», заняла первое место в конкурсе журналистских работ V Всероссийского фестиваля финно-угорской прессы в номинации «Издание нового поколения».

Результат изучения информационного пространства Поволжского региона России показал, что «финно-угорские издания выходят как на русском, так и на национальных языках. Распространяя этнически окрашенную информацию, средства массовой информации не просто способствуют формированию этнической культуры, но могут сделать это пространство толерантным или конфликтным» [4, с.107].

Издания подобного рода являются центром духовной консолидации общества, носителями исторического, культурного этнографического наследия народов.

Другой важной стороной культурного сотрудничества стало знакомство общественности с традициями финно-угорских народов. Литературные и фольклорные фестивали стали весьма заметными культурными событиями в сотрудничестве между финно-угорскими регионами и странами.

Осуществляется поддержка производителей изделий народных промыслов и ремёсел, традиционного прикладного искусства, музыкальных инструментов и других предметов материальной культуры финно-угорских народов. Организуются ярмарки, выставки-продажи изделий декоративно-прикладного творчества, мастер-классы по обмену опытом в рамках проводимых межрегиональных финно-угорских мероприятий.

Контент-анализ информационного пространства республики Мордовия как одного из ярких регионов финно-угорского мира подтвердил, что среди тематических линий, освещаемых в изданиях, выделяются публикации, где идет речь об этнических проблемах национальных регионов.

Проблемно-тематическая направленность этнической информации представлена в таких рубриках как: история и современность, культура и язык; центр и периферия: модель отношений; национальная политика в РФ: прошлое, настоящее, будущее; народы России: вместе и порознь, даже в таких, казалось бы, нейтральных блоках, какими являются спортивная и международная жизнь.

Каждая газета или журнал придерживается четко разработанной целостной системы, при помощи которой завоёвывает своего читателя. Массмедиа являются мощным инструментом создания картины современного человеческого мира.

Наиболее важные темы социальной направленности, которые являлись неотъемлемой частью национальной политики, это язык, история культуры, национальное образование, качество жизни граждан, взаимодействие этносов и др. На страницах газет были представлены социальные явления и девиации, освещающие основную проблемно-тематическую характеристику финно-угорской прессы.

Устройство обыденных знаний во многом определяется именно средствами массовой информации. Через прессу происходит познание событий реальности, которое порождает активность человеческих мыслей, вызывает предпосылки для уяснения теоретического мировидения и его фиксации при помощи новых фактов.

Газеты формулируют для читателей назревшие социальные проблемы общероссийского и местного уровня, анализируют и разъясняют ситуацию с точки зрения законодательства, экспертов - этнографов и предлагают варианты решений. Практически ни один номер финно-угорской прессы Мордовии не обходится без материалов, рассказывающих о конкретном жителе района, семье, коллективе.

Редакторские коллективы участвует в организации форумов, круглых столов, конференций, направленных на улучшение уровня жизни этносов.

Проведенное исследование подтверждает позицию В.К. Малькиной, которая, рассуждая об освещении проблемы этничности в СМИ, называет толерантную направленность - одной из важных задач любого демократически настроенного полиэтничного общества, а изучение механизмов распространения принципов толерантности в массовом сознании - важной научной проблемой.

Список литературы

1. Батайкина И.Н. Массовые коммуникации как составляющая часть социальной политики / И.Н. Батайкина // Актуальные вопросы филологических наук: проблемы и перспективы: материалы международной заочной научной конференции / Под ред. Г.Д. Ахметовой. - Чита: Изд-во Молодой ученый, 2011. - С. 152-154.
2. Малькина В.К. Этничность и толерантность в средствах массовой информации / В.К. Малькина, В.А. Тишков. - ИЭА РАН. - М., 2002. - 348 с.
3. Миронов В.В. Информационное пространство: вызов культуре / В.В. Миронова // Информационное общество. - 2005. Вып. 1. - С. 14-18.
4. Ржанова С.А. Концептуально-тематическая составляющая финно-угорских газет (по материалам печати Мордовии) / С.А. Ржанова // Екатеринбург. - № 2 / 2014 г. - С. 106-108.

SOCIAL AND CULTURAL COMMUNICATION AS A MECHANISM OF CULTURAL DYNAMICS (ON FINNO-UGRIC MEDIA)

Rzhanova S.

The article discusses the ethnointegration functions of the mass media. The ethnic journalism in multinational Russia is a common phenomenon. The study of intercultural communication of Finno-Ugric associations and their interactions with ethnojournalism identified the formation of a new unified information and cultural space. Thanks to the continued attention of the MEDIA to the public life of the Finno-Ugric peoples, this process is developing. There is expansion of contacts between Finno-Ugric regions in Russia.

Keywords: interpersonal relationship, ethnojournalism, information space, Volga region, cultural cooperation, media.

УДК 323

ФЕНОМЕН МЕДИАТИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ НОВЫХ ФОРМ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Екатерина Грибовод
младший научный сотрудник,
Институт философии и права УрО РАН
Екатеринбург, Россия
e-mail: gribovod_kate@mail.ru

Одним из важных аспектов современного информационного общества становится медиатизация, которая активно проникает в разнообразные сферы: культуру, образование, политику и др. Медиатизация политики способна расширить информационное и идеологическое воздействие за счет медиадискурсов и информационных стратегий. Появление новых форм массовой коммуникации оказывает воздействие на процесс медиатизации политики и медиапространство. В статье предпринята попытка рассмотреть процесс медиатизации политики в условиях интеграции новых форм массовой коммуникации в сферу политики.

Ключевые слова: медиатизация; медиатизация политики; СМИ; политические коммуникации; социальные медиа, новые медиа.

Современное политическое медиапространство трансформируется под воздействием новых форм политической коммуникации. На смену традиционным СМИ приходят цифровые масс-медиа. Феномен медиатизации становится закономерным процессом вовлечения средств массовых коммуникаций в различные сферы социума. Как отмечают Дж. Стрембек и Ф. Эссер, медиатизация – это длительный процесс, при котором возрастает роль масс-медиа и увеличивается влияние СМИ на разные сферы социума [9, р. 8]. Аналогичным образом данную категорию определяют К. Асп, Дж. Маццолени, С. Хьярвард, акцентируя внимание на возросшей зависимости общества от СМИ и медиа логики. Отечественные исследователи массовых коммуникаций при анализе медиатизации выделяют символическое и семиотическое значения социального процесса, при этом уделяя внимание медиадискурсам, медиакультуре и медиакommunikациям [2,3]. Основной

целью статьи является концептуализация медиатизации политики в условиях формирования цифрового медиапространства и медиакультуры.

На наш взгляд, медиатизацию стоит рассматривать как исторический процесс эволюции средств массовой коммуникации. Отличительным моментом современного цифрового общества является отсутствие сфер, институтов, структур, незатронутых воздействием масс-медиа. Следовательно, медиатизация становится своеобразным барометром, измеряющим степень влияния и изменения основных социальных институтов (политика, экономика, образование, культура и др.) под воздействием масс-медиа сегмента. Мобильность и динамичность как ключевые свойства данного процесса позволяют сделать акцент на разных проявлениях данного феномена: на медиатизации политики, общества, войны, культуры даже информационного пространства и т.д.

В самом общем плане, медиатизация политики – это преобразование политического дискурса в политический медиадискурс. Другими словами, медиатизация политики определяется как «совокупность взаимосвязанных информационно-коммуникативных явлений и процессов, протекающих как внутри политического пространства, так и во внешней среде (в масс-медиа пространстве), через публичные презентации и фреймы политических и общественных смыслов» [6, с. 72]. В работе мы придерживаемся определения политического медиадискурса разработанного О.Ф. Русаковой, согласно которому данный вид медиадискурса - это властный ресурс, генерирующий виртуальный политический продукт в медиапространстве [5, с. 151].

Вследствие появления социальных и новых медиа, распространения информационно-коммуникационных технологий изменяется структура массовых коммуникаций. Кроме того, происходит трансформация содержания новостного контента, диверсификация медийных каналов и информационных потоков (традиционных и цифровых), формируются новые микро-субъекты массовых коммуникаций, так как барьер входа смещен, особенно в политических коммуникациях. Как подчеркивает В. Шульц, в условиях развития новых медиа, медиатизация политики, с одной стороны, позволяет политическим акторам адаптироваться к новым возможностям и ограничениям, которые появляются вместе с новыми формами средств массовой коммуникации. С другой стороны, становится закономерным процессом применения информационных технологий и продуктов политическими субъектами и организациями [8, р. 57].

Под новыми медиа подразумевается новый, инновационный способ, преимущественно цифровой передачи, получения, создания и переработки информации. Не стоит сужать данный концепт до цифровых аналогов традиционных СМИ, представленных в сети Интернет. Данная категория объединяет в себе ряд важных элементов современного цифрового медиапространства, а именно социальные медиа, сотовые телефоны, планшеты, сетевые игры, информационно-коммуникационная инфраструктура, даже волоконно-оптическая связь и др. При рассмотрении

новых СМИ Д.Г. Балугев подчеркивает, что данное понятие «включает в себя все современные цифровые средства передачи данных», отмечая конвергентность данной категории с концептом «социальные медиа» [1, с. 159]. В свою очередь, социальные медиа – это цифровой инструмент, позволяющий выстраивать социальные коммуникации, и осуществлять сетевое взаимодействие между разными субъектами коммуникаций. По мнению М.Ю. Павлютенкова социальные сети как один из видов социальных медиа способствуют формированию межличностных и групповых коммуникаций[4, с.75].

Появление новых форм массовой коммуникации оказывает как прямое, так и косвенное воздействие на процесс медиатизации политики и политическую медиакультуру. Несмотря на тот факт, что медиатизация сопряжена с развитием масс-медиа и цифровых технологий, в сфере политики данный процесс имел определенные последствия на разных уровнях. Во-первых, внедрение информационно-коммуникационных технологий в государственное управление с целью предоставления электронных государственных услуг. Как отмечает А.Д. Трахтенберг, первоначально электронное правительство не было ориентировано на интерактивное взаимодействие с гражданами, а скорее выступало как ответная реакция на внедрение ИКТ, однако вектор развития данного информационного продукта был смещен в сторону предоставления населению государственных услуг, в первую очередь информационных[7, с. 289-290].

Во-вторых, информационно-коммуникационные технологии расширяют границы влияния субъектов массовых коммуникаций, вовлекая разные слои населения в процесс производства, распространения и потребления медиа продуктов. Цифровой формат создания, обработки и распространения сообщений позволил новым СМИ быть интерактивными и эффективными в медиaprостранстве по сравнению с традиционными масс-медиа. В. Шульц при анализе воздействия новых медиа на политику подчеркивает, что одной из ключевых особенностей, которую приобретают политические акторы, социальные группы, отдельные граждане, является возможность участвовать в политике, формировать и контролировать повестку дня [8, р. 59]. Именно информационные технологии медиатизации политики: «Twitter-революция», «умная толпа», «роевые тактики» продемонстрировали информационную мощь новых медиа, роль и место социальных медиа в условиях цифрового общества, глобальной политики.

Для сферы политики появление различных средств массовой информации и развитие информационно-коммуникационных технологий привело к появлению новых форматов взаимодействия государственных институтов с гражданами и социальными институтами, а также продемонстрировало качественно новый уровень реализации властных полномочий, принятия решений и реагирования на внутренние/внешние угрозы и информационные атаки.

Таким образом, медиатизация политики - это информационный ресурс государственной власти, применяемый для адаптации политических институтов к новым формам массовых коммуникаций (например, социальные медиа), а также к современным информационным и наукоемким технологиям.

Медиатизация политики позволяет сформировать систему, направленную на регуляцию и обеспечение взаимного информационного контроля со стороны органов государственного управления и СМИ с помощью информационных и медийных технологий. Проблема информационной безопасности, защиты персональных данных и информационной идентичности становится актуальной задачей, как на уровне государственной власти, так и в рамках отдельных медийных структур.

Список литературы

1. Балугев Д.Г. Каминченко Д.И. Сравнительный анализ «новых СМИ» и социальных медиа в контексте социально – политического и исторического факторов [Текст] / Д.Г. Балугев/ Д.И. Каминченко // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология-2016.- №1 (33)-С. 153-161.
2. Бодрунова С.С. Медиаполитическое взаимодействие или политическая коммуникация? К вопросу о развитии медиаполитологии в России. [Электронный ресурс] / С.С. Бодрунова // Теория СМИ и массовой коммуникации. – 2014. – № 4. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1653> . – (дата обращения: 14.05.2016).
3. Дзялошинский И.М. Медиапространство России: коммуникационные стратегии социальных институтов [Текст] : моногр. / И.М. Дзялошинский. – М. : АПК и ППРО, 2013. – 479 с.
4. Павлютенкова М.Ю. Роль и место социальные сетей в публичной политике [Текст] / М.Ю. Павлютенкова //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология – 2015. - № 3- С. 71-81.
5. Русакова О.Ф. Медиадискурс как концепт дисциплины «политическая коммуникативистика» [Текст] / О.Ф. Русакова // Научные Ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. Выпуск 20. № 27. С.150-160.
6. Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики [Текст] / О.Ф. Русакова, Е.Г. Грибовод // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. – 2014. – Т. 14, вып. 4. – С. 65–77.
7. Трахтенберг А.Д. Электронное правительство:состоится ли «изобретение государства заново»? [Текст] / А.Д. Трахтенберг // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. – 2012. – Т. 12, вып. 2. – С. 285 – 297.
8. Schulz W. Mediatization and New Media. The Mediatization of Politics – Understanding the Transformation of Western Democracies [Текст] / J. Strömbäck/ F. Esser // Palgrave Macmillan UK– 2014. –246 p.
9. Strömbäck J. Esser F. The Mediatization of Politics – Understanding the Transformation of Western Democracies [Текст] / J. Strömbäck/ F. Esser // Palgrave Macmillan UK– 2014. –246 p.

THE PHENOMENON OF MEDIATIZATION OF POLITICS IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF NEW FORMS OF MASS COMMUNICATION

Gribovod E.

Mediatization becomes one of the important aspects of the modern information society, and it actively penetrates into various areas: culture, education, politics and so on. Mediatization of politics is able to expand the informational and ideological influence at the expense of media discourse and information strategies. The emergence of new forms of mass communication has an impact on the process of coverage of politics and media space. The article attempts to examine the process of coverage of politics in terms of integration of new forms of mass communication in the sphere of politics.

Keywords: the Mediatization; the mediatization of politics; the mass media; the political communication; the social media, the new media.

УДК 070: 316.77

ИГРОВАЯ ПАРАДИГМА МЕДИА: ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА

Ирина Волкова

*доктор филологических наук, доцент
Российский университет дружбы народов*

Москва, Россия

e-mail: kmk_rudn@rambler.ru

В статье впервые в отечественной коммуникативистике представлены новые, наиболее употребляемые термины исследований тематического блока «игра – игровые коммуникации – медиа». Автор прослеживает их происхождение, устанавливает авторство. Обнаруживается связь трактовки понятий с пониманием сути коммуникаций в медиапространстве.

Ключевые слова: игра, медиапространство, игровые коммуникации, игрофикация, геймификация, манипуляции в игре, сотрудничество в игре

Новая терминология, о которой пойдёт речь, связана с игровой парадигмой изучения контента современного медиапространства – в нём точкой отсчёта становится не прежняя однонаправленная иерархическая, а сетевая модель взаимодействия участников информационных процессов. Мир стал *единым* информационным пространством, что предвидел более полувека назад канадский социолог Маршалл Маклюэн [10]. Социальные медиа смешали и перепозиционировали роли автора и читателя. На первый план вышло понятие субъекта массовых коммуникаций и понятие игры как средства коммуникации. Предполагается, что субъект обладает качеством проактивности и самостоятельно принимает решения в соответствии со своими нравственными установками, расширяя при этом собственное Я. «Теперь должно быть ясно, что игры – расширения наших Я, но только не частных, а социальных, и что они суть средства коммуникации... Игры – это ситуации, придуманные для того, чтобы обеспечить одновременное участие множества людей в каком-нибудь значимом паттерне их корпоративной жизни» [6, с. 279].

Игровая парадигма изучения медиа, таким образом, должна быть основана на следующем определении игры: «Игра – это «потокное» средство коммуникации, объединяющее свободных от чужой воли участников, сделавших свой сознательный выбор в пользу декларируемых правил; игра формирует, наряду с реальным, игровое (виртуальное) пространство, позволяющее реализовать задачи, обозначенные самими участниками, которые осознают свое фантазийно-бытийное существование» [2, с. 77-78.]. В настоящее время, как в рамках игровой парадигмы, так и вне, происходит активное формирование понятийного аппарата, связанного с *игрой* и *медиапространством*. Понятия и термины с трудом выстраиваются в систему, поскольку противоречивы в силу определённых обстоятельств: термины приходят из разных наук и имеют свои дисциплинарные особенности, нарушается принцип однозначности (один термин - одно значение), нет процедуры официального признания понятия (отсутствуют словари терминов теории игрового медиапространства), Интернет множит некорректные дефиниции.

Аналитическая работа с понятийным аппаратом как методологической основой нового знания ещё впереди, но уже теперь можно выделить самые популярные термины, которые чаще других приводятся в научных публикациях тематического блока «игра – игровые коммуникации – медиа». Практически все они авторские, а значит, закрепляют индивидуальную идею и своеобразный подход к игре конкретного исследователя.

Геймеризация. В докторской диссертации Новиковой А.А. «Экранная интерпретация реальности средствами телевидения» (2011 год) обосновывается междисциплинарный подход к изучению телевидения, игровые шоу охарактеризованы как современный формат телевизионных зрелищ, выявлены тенденции изменений в системе жанров ТВ. Новикова А.А. ввела в научный оборот термин «геймеризация» применительно к формам телекоммуникации и типам конфликтов, построенных на смешении реальности и телевизионной условности с целью активизации позиции зрителя, провокации их саморефлексии; игра в этих типах конфликтов, перенесённых на телеэкран, рассматривается исследователем как важная составляющая. Участники геймеризационных программ телевидения «включаются в специфическую форму коммуникации — игру с другими и с реальностью, которая начинается в процессе создания программы и продолжается после её показа по телевидению» [7, с. 235].

Игрореализация. Медиафилософ Олешко В.Ф., автор понятия и концепции *игрореализации*, проанализировал в пособии «Журналистика как творчество» (2003 г.) сходные признаки игровых процессов и массово-коммуникационной деятельности; игрореализация рассмотрена им как форма активности субъекта массовых коммуникаций и как творческая функция. Технологии игрореализации как диалоговые коммуникативные ситуации могут быть, по Олешко, процессуально прагматическими (с использованием манипуляций) и творчески спонтанными, свободно реализующими

возможности автора и аудитории. Профессор Олешко называет игрой «все свободные, импровизационные и творческие виды журналистской деятельности» [8], а ситуации игрореализации связывает с «игровой депривацией», психологическим дискомфортом аудитории или отдельного адресата СМИ, когда длительное время невозможно реализоваться как «человеку играющему».

Игроизация. В докторском исследовании «Онтология игры» Ретюнских Л.Т. предложила, в продолжение идей немецкого философа Ойгена Финка, свою концепцию игры и первой из современных российских исследователей описала процесс *игроизации*, который «базируется на моделировании искусственной реальности внутри подлинной путем привнесения в неё субъективных смыслов. Таким образом, игроизация – это элементы игры, существующие в других сферах бытия, но не сводящие их к игре» [9]. По мнению философа Ретюнских, игроизации подвержены все стороны сегодняшней жизни – работа, семейные отношения, распределение социальных ролей и статусных позиций, политика, искусство. Важнейшим компонентом данной теории является этика и мораль: Ретюнских считает границей игроизации сферу сакрального, конструирование игры должно ограничиваться нравственными принципами личности.

Играизация. Термин, который отличается от предыдущего всего одной буквой, предложил и расшифровал Кравченко С.А. в 2002 году. В контексте нового социологического направления – играизационного подхода – автор анализирует амбивалентность играизации. С одной стороны, это внедрение принципов игры в утилитарные стратегии, с другой, играизация рассматривается как процесс конструирования виртуальной реальности. В отличие от Ретюнских, которая анализировала игровые процессы в глобальном философском ключе, Кравченко размышляет об игре как социолог, применительно к России постсоветского периода. Он подчёркивает, что «играизация прагматична, что проявляется в следовании узким практическим интересам, соображениям выгоды и пользы» [4, с. 144].

Нетрудно усмотреть в концепте играизации потенциал и основы технологии, которая пришла в Россию некоторое время спустя как *gamification*, что в англоязычных словарях трактуется как «применение типовых элементов игры в других сферах деятельности, особенно в интернет-маркетинге, для активизации взаимодействия с товарами или услугами» [11]. Слово «*gamification*» в его нынешнем значении впервые использовал американский программист Ник Пеллинг, это случилось в 2003 году. Широкое распространение понятие получило в 2010 году [1, с. 35-36].

Игрофикация. Переводной термин, от английского *gamification*, обозначает особую технологию: применение подходов, характерных для игр, в неигровых процессах с целью привлечения пользователей и потребителей, повышения их вовлечённости в решение прикладных задач, использование продуктов, услуг. Определение взято из «Википедии», его использует большинство авторов, пишущих об игрофикации. В отличие от двух

предыдущих терминов (философского и социологического), он возник в среде маркетологов, базируется на теориях мотиваций, побуждающих к действию, особое значение имеет механизм обратной связи, позволяющий корректировать поведение игроков. В практике и теории часто встречается вариант-калька «геймификация».

Игровизация. Слово не только визуально похоже, но и созвучно *игрофикации*. Данный факт уже внёс изрядную путаницу в игровую терминологию: некоторые исследователи считают «игровизацию» и «игрофикацию» синонимами, однако это неверно. Автором термина «игровизация», на наш взгляд, следует признать основателя и главного редактора журнала «Лучшие компьютерные игры» Андрея Ленского. Именно он в сетевых дискуссиях неоднократно давал определение игровизации, а в статье «Язык игры» подробно разобрал указанное явление как «перевод книги или фильма на язык игры» [5]. То есть игровизацию надо рассматривать в особом терминологическом ряду, через запятую с экранизацией (интерпретация средствами кино литературных произведений) и новеллизацией (превращение фильма в книгу).

Игровые коммуникации. Это особые коммуникативные действия внутри игрового процесса, присущие как истинным, так и манипулятивным играм [2, с. 35]. В первом варианте игровые коммуникации происходят по правилам, в которые посвящены все участники, направлены на цель, находящуюся внутри игры, во втором – вовне, причём с результатом, который контролирует организатор игры, преследующий свои интересы. Коммуникации являются одной из самых показательных и значимых характеристик социального и общественного устройства. «Коммуникация позволяет нам воспринимать и ценить “душу” другого. Когда я, благодаря коммуникации, осознаю свою и другую экзистенцию как ценность, тогда я сам, т.е. свободно (курсив мой – *И.В.*), ограничиваю свой произвол по отношению к другому и к себе» [3]. Понятие «игровые коммуникации» прежде всего подразумевает коммуникационный процесс (взаимодействие *субъектов*) по заданным (игровым) правилам. Игровые коммуникации связывают в тех или иных пропорциях реальное и нереальное, переносят в мир фантазий и творчества.

Проблемы терминологического аппарата при изучении игровых коммуникаций в пространстве медиа обусловлены неоднозначностью корневого понятия «игра» и разными точками входа в игровую парадигму. Например, подход к медиатекстам с позиций отечественной теории журналистики с её идеологическим багажом и пропагандистским пафосом приводит к трактовке игры как технологии влияния. В то же время игра как самодостаточная потоковая коммуникация равноправных участников вписывается в сетевую теорию медиа. Следует отдавать себе отчёт в том, что отношение к игре – это частный случай отношения к медиaproстранству и к действующим лицам внутри него. Здесь есть два базовых конкурирующих варианта: с позиций социальных институтов власти (манипуляция) и с

позиций гражданского общества (сотрудничество). Примирить два взаимоисключающих взгляда на игру в пространстве медиа вряд ли удастся, но отрефлексировать их на уровне понятий игровой парадигмы необходимо.

Список литературы

1. Вербак К., Хантер Д. Вовлекай и властвуй: Игровое мышление на службе бизнеса / К. Вербак, Д. Хантер. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 225 с.
2. Волкова И.И. Homo ludens эпохи экранных коммуникаций / И. И. Волкова. – М.: РУДН, 2014. – 272 с.
3. Демидов А. В. Феномены человеческого бытия / А. В. Демидов. – Минск: Экономпресс, 1999. - 180 с. // URL: <http://psylib.org.ua/books/demid01/txt19.htm> (дата обращения: 11.02.17).
4. Кравченко С. А. Играизация российского общества (К обоснованию новой социологической парадигмы) / С. А. Кравченко // Общественные науки и современность. 2002. №6. – С. 143-155.
5. Ленский А. (Ричард Псмит) Язык игры / А. Ленский // Лучшие компьютерные игры. 2009. №6 (91) // URL: <http://www.lki.ru/text.php?id=5216> (дата обращения: 18.01.17).
6. Маклюэн М. Понимание медиа. Внешние расширения человека / М. Маклюэн. – М., Жуковский: Канон Пресс-Ц, Кучково Поле, 2003. – 464 с.
7. Новикова А. А. Телевизионная реальность: экранная интерпретация действительности / А. А. Новикова. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 236 с.
8. Олешко В. Ф. Журналистика как творчество: Учебное пособие / В. Ф. Олешко. – М.: РИП-холдинг, 2003. – 222 с. // URL: http://textfighter.org/text8/30_igrorealizatsii_deyatelnosti_sluchae_7.php (дата обращения: 20.02.17).
9. Ретюнских Л. Т. Философия игры / Л. Т. Ретюнских. – М.: Вузовская книга, 2002 // URL: http://ijs.narod.ru/Master_Classes/Chronika/18Dec2004/Igra_Phyl.htm (дата обращения: 20.02.17).
10. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man / M. McLuhan. – NY: McGraw Hill, 1964. – 359 p.
11. Oxford Dictionaries definitions // URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/gamification?q=gamification> (дата обращения: 18.02.17).

GAME PARADIGM OF MEDIA: PROBLEMS OF CONCEPTUAL APPARATUS

Volkova I.

This article is the first domestic analysis of new and most frequently used terms in researches of the thematic block "game - game communication - media". The author finds out their origin and authorship as well as connection between interpretations of concepts and understanding of communication in the media.

Keywords: game, digital media, game communication, gamification, game manipulation, collaboration in the game

ГАЗЕТЫ КАК СПОСОБ РАСПРОСТРАНЕНИЯ РЕКЛАМЫ

Светлана Шарохина

*кандидат экономических наук, доцент
Сызранский филиал ФГБОУ ВО «Самарский государственный
университет»*

Сызрань, Россия

e-mail: sharokhinatv@gmail.com

Елена Братухина

*кандидат экономических наук, доцент
Сызранский филиал ФГБОУ ВО «Самарский государственный
университет»*

Сызрань, Россия

e-mail: ly-79@yandex.ru

В статье названы причины, по которым газетный рынок так и не восстановил свои позиции, начиная с 2008 года. Вместе с тем доказано, что газеты имеют хороший потенциал, как распространители рекламы и названы условия, при соблюдении которых динамика их финансового положения будет положительной. Таким образом, снижение объема рекламы в газетах должно стимулировать, как производителей, так и государство к действенным мерам по созданию благоприятных условий для их развития.

Ключевые слова: газеты, тираж, охват, экономические санкции, рынок.

Двукратное обесценивание рубля за неполных полтора года, вызвавшее резкое удорожание производства печатной продукции из-за роста цен на бумагу, типографские пластины, краски и другие полиграфические материалы, заметное сокращение реальных доходов и покупательной способности населения, негативно влияют на развитие газетного бизнеса в России и его экономические показатели.

Рынок рекламы в печатной прессе России рухнул на пике своего развития, сразу после 2008 года, и с тех пор не оправился. Важно понимать и то, что у российской прессы очень значим процент расходов в валюте. Сейчас затраты отчасти снижаются, потому что многие издатели переводят печать в Россию, но сохраняются затраты в валюте на фотографии, краску, бумагу, полиграфическое оборудование, запчасти и расходные материалы к нему. Даже та бумага и продукты химии, которые производятся в России, в значительной степени привязаны к курсу валют. Поэтому для прессы, в отличие от других медиа, в гораздо большей степени важна стабилизация доходов, в том числе компенсирующая падение курса рубля, но решить эту задачу сегодня крайне сложно.

Вместе с тем, рекламный рынок остро реагирует на макроэкономические изменения, ведущие к падению общего потребления. Разумеется, сказались и экономические санкции, введенные против России

странами Европейского сообщества, так как с российского рынка ушли или ограничили своё присутствие на нём многие крупные зарубежные рекламодатели. В 2015 году в России объём рекламы в прессе упал на 29% [5, с.83]. Ещё больше усугубил этот процесс Федеральный закон от 14.10.2014 № 305-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» [6], установивший предельный объём долей иностранного капитала в бизнесе российских СМИ 20%.

Объём розничных продаж периодической печати в 2015 году составил 46,4 млрд. руб., что на 2,3% ниже уровня 2014 года. Суммарный проданный тираж упал до 1,36 млрд. экз. или на 15%. Продажи по подписке снизились на 4% (до 18,8 млрд. руб.), а подписные тиражи упали на 16%. Падение рынка распространения печатных СМИ России (розничные продажи + подписка) в деньгах оценивается в 3%, а по тиражам – в 14% [5, с.72].

Как считают эксперты, не совсем адекватная ситуация на рекламном рынке политика российских издателей выражается, главным образом, в нелогичном ценообразовании и уровне аргументации своих возможностей. Во-первых, каждый год они пересматривают свою ценовую политику, привязывая ценообразование к росту расходов. На первый взгляд справедливо, однако рекламодателя не волнуют расходы издательского дома. Его волнует совсем другое, прежде всего, стоимость охвата аудитории.

Перед рекламодателем всегда стоит проблема выбора. Она усложняется оттого, что рынок средств массовой информации постоянно расширяется. По состоянию на 07.09.2015 г. в реестре Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций содержатся данные о 85 4251 СМИ, зарегистрированных в Российской Федерации (РФ). [4]

Определяя свою рекламную политику в период экономического спада, каждая компания выбирает один из трех вариантов: сократить расходы на рекламу, сохранить бюджет на том же уровне, увеличить расходы на рекламу.

Сокращение затрат на рекламу оказывает длительный негативный эффект на продажи компаний. В то же время сохранение и увеличение рекламных инвестиций может привести к позитивному изменению позиции компании на рынке после кризиса. Показательным является пример из истории США. В начале 1980-х годов американская экономика переживала едва ли не самый масштабный кризис в своей послевоенной истории. К концу 1985 года американские компании, поддерживавшие маркетинговый бюджет на докризисном уровне или даже увеличившие его в 1981-1982 годах, могли похвастаться увеличением продаж в среднем на 275%. В то время как продажи тех, кто урезал рекламные бюджеты, к моменту, когда ситуация на рынке стабилизировалась, выросли в среднем на 19%. [3]

Очевидно, что в период рецессии доля рынка важнее, чем объем продаж. Те, кто поддерживает или даже увеличивает долю рынка, выходит из кризиса с гораздо более сильными позициями.

Основную часть расходов на рекламу составляет оплата средств распространения, обычно это почти 85% всех средств рекламного бюджета. Поэтому при планировании рекламы необходимо учитывать всевозможные факторы оптимизации рекламной деятельности, основным из которых является выбор средств массовой информации.

Правильно выбранная стратегия является необходимым условием для оптимальной организации рекламной кампании. Выбор средств массовой информации определяется целями рекламы. Формулирование целей должны быть точным и ясным, чтобы потом их можно было сравнить с полученными результатами. Основная цель менеджеров, планирующих рекламную кампанию является апертура, то есть размещение обращений перед целевыми потребителями в период их наивысшей заинтересованности товаром. Поэтому при планировании рекламы необходимо учитывать следующие факторы: состав целевой аудитории, географию сбыта, оптимальное время для рекламного обращения, продолжительность рекламной кампании, площадь или время, которое занимает рекламное обращение в СМИ.

Определение аудитории рекламной кампании является начальным этапом в разработке рекламной стратегии. Существует несколько наиболее распространенных характеристик аудитории, которые используются при планировании средств рекламы: демографические показатели, географический охват.

Демографические показатели - это изучение тех социальных и экономических факторов, которые влияют на поведение каждого потребителя в отдельности. Потребности людей изменяются с их возрастом. В зависимости от возраста, образования, профессиональной подготовки, интересов, социального положения люди выбирают печатные издания и электронные СМИ. При покупке товаров потребители также обращают внимание на то, какие товарные марки являются мужскими, а какие женскими. Производители часто предлагают товарные марки «для него» и «для неё». Необходимо учитывать тот факт, что люди, живущие в семьях, покупают иные товары, чем одинокие. Семьи, имеющие детей, входят в иную категорию покупателей, чем бездетные. С ростом уровня образования в обществе рекламодатели более тщательно подходят к размещению информации о технических преимуществах товара и других параметрах качества. В итоге вышеназванные характеристики аудитории определяют дискреционный доход потребителя, то есть то количество денег, которое остается после уплаты налогов, оплаты коммунальных услуг и может быть потрачено на приобретение каких — либо товаров. При этом необходимо учитывать потребительские привычки, которые во многом определяются психографическими показателями.

Географический охват предполагает, что люди, живущие в различных регионах, в городской и сельской местностях нуждаются в разных товарах и услугах. Обычно реклама ограничивается присутствием в тех регионах, в которых можно приобрести рекламируемый товар. Если товар продают лишь в одном городе, то целесообразно использовать локальный план.

Региональный план обычно охватывает рекламой несколько областей. Национальный план необходим рекламодателям, которые предлагают товар в пределах всей страны.

Географический охват измеряется в абсолютном расстоянии до мест обслуживания и магазинов и «шириной дистрибьюции» для товаров. При одинаковых затратах, определяемых структурой цен на рекламу в СМИ, эффективность рекламирования при 80 % дистрибьюции будет в 6–8 раз выше, чем при ширине дистрибьюции в 40 %. Соответственно, при малой ширине дистрибьюции товаров проведение рекламных кампаний в СМИ нецелесообразно [2].

Время рекламных обращений должно быть оптимальным для того, чтобы реклама попала в поле внимания целевой аудитории. На спрос многих товаров влияет сезон, день недели и даже время дня. Также потребности на отдельные товары возрастают в связи с национальными праздниками или каникулами.

Продолжительность рекламной кампании - это ответ на вопрос: где и насколько часто должна появляться реклама. При определении продолжительности размещения обращения необходимо учитывать реальный бюджет рекламы, протяженность циклов потребления рекламы, рекламу конкурирующих фирм. Эти характеристики можно получить если знать размер аудитории, которой показывают рекламное обращение (охват), число просмотров (частоту), эффективность (затраты) выбранного СМИ.

Частота - это количество контактов, когда аудитория имела возможность, увидеть рекламу в заданный интервал времени на конкретных носителях. Показатель частоты используется для оценки насыщенности графика рекламы. Обычно при планировании используют метод средней частоты. Средняя частота рассчитывается путем деления суммарного рейтинга на охват аудитории. Если данных рейтингов нет, средняя частота может быть рассчитана из совокупных и недублированных просмотров.

Согласно данным ВЦИОМ в России 73% взрослого населения не готовы полностью отказаться от печатных СМИ в пользу электронных, а 51% всегда предпочтут прочесть заинтересовавший их материал в печатном виде. [4, с.38].

Выступая на 62-м ежегодном международном фестивале рекламы «Каннские львы» (июнь 2015 г.) генеральный директор крупнейшего в мире рекламного агентства «WPP Group» (Великобритания) сэр Мартин Соррелл заявил, что «реklamодателям пора вернуться к газетам и журналам в их традиционном виде, так как реклама на бумаге может быть более эффективна» [5, с.81].

Это утверждение основано на знании основных характеристик газет, которые имеют более давнюю историю, чем иные СМИ и долгое время были единственным легкодоступным средством донесения информации [1]. Поэтому и с появлением электронных СМИ к газетам относились более доверительно, чем к радио и телевидению. Однако новые поколения не привыкли читать

ежедневные газеты и рекламодатели имеют все основания выбирать между печатными и электронными СМИ.

По частоте выхода следует говорить о двух типах газет - это ежедневные и еженедельные.

Ежедневные газеты выходят, как правило, пять раз в неделю, с понедельника по пятницу. Они, обычно, утренние или вечерние. В утренних газетах помещается подробная информация о событиях предыдущего дня. Вечерние газеты дают более сжатую информацию о событиях предыдущего дня и отчет по следам произошедших событий текущего дня. В вечерних газетах больше, чем в утренних развлекательной информации. Воскресные газеты всегда большего объема и содержат больше новостей и рекламы. Тираж воскресных газет тоже выше, так как издатели рассчитывают на читателей, имеющих в выходной день больше свободного времени. Воскресные газеты могут иметь воскресные приложения. Они выходят на более качественной бумаге, имеют больше возможностей для передачи цвета и больше привлекают рекламодателей.

Еженедельные газеты выходят в небольших городах и районах, в которых объем новостей и рекламы недостаточен для выхода ежедневной газеты. В этих газетах может и не быть национальных и международных новостей. Предпочтение отдается местным новостям. Такие еженедельные газеты не часто привлекают внимание рекламодателей, так как затраты на тысячу, обычно, превышают затраты в ежедневных газетах.

Как особый тип газет выделяют справочные брошюры для покупателя, они заполнены рекламой, рассчитанной на аудиторию еженедельных газет. Эти газеты выходят один - два раза в неделю или в месяц и распространяются бесплатно.

Газеты могут выходить в нескольких форматах: стандартный и малоформатный и др. Малоформатная газета или «бульварная» имеет формат почти вдвое меньше.

Количество выпущенных экземпляров газеты - это *тираж*. Различают национальный тираж и региональный, который имеют гораздо большее число изданий. Данные о тиражах служат для рекламодателя источником сведений о том, сколько читателей достигнет издание, где они живут, в какой степени их интересует газета. Существует практика проверки качества рекламного объявления методом прерванного тиража. В этом случае половину тиража газеты печатают с одним вариантом рекламы. Вторую половину тиража печатают с другим вариантом рекламы. Таким образом, половина читательской аудитории познакомится с одним объявлением, а вторая половина - с другим. Как отклик на рекламу, читателям предлагают заполнить купоны, на которых помещен специальный код. Рекламодатель, получив кодированные купоны, сможет оценить качество рекламных объявлений.

Рубричная реклама (или классификационная) исторически стала первым типом рекламы в газете. Рубричные рекламные обращения - это разнообразные объявления, соответствующие интересам читателя, например:

«Продажа недвижимости», «Ищу работу» и т.д. Рубричные объявления обеспечивают 40% общего дохода от размещения рекламы. Выделяют регулярную и макетную рубричную рекламу. Регулярные рубричные обращения обычно помещаются над заголовком с незначительными украшениями или выделяются незаполненным пространством.

Макетная реклама - это оплачиваемые сообщения, которые могут быть любого размера и располагаться в любом месте газеты. Макетная рубричная реклама обычно подается в рамке крупным шрифтом с фотографиями. Макетная реклама бывает двух видов: местная и национальная. Доминирует в газетах обычно макетная реклама.

Как национальная, так и местная реклама может выходить в *приложениях газеты*, которые обычно имеют вид отдельных листов газеты меньшего размера. По содержанию приложения могут содержать брошюры, купоны, прайс - листы, каталоги, журнальные приложения и т.д. Независимые издатели выпускают общие приложения и распространяют по газетам всей страны. При этом вверху приложения размещают логотип издателя и местной газеты.

Еще один вид приложения - *свободная рекламная вставка*. Это - заранее напечатанная реклама, которая размещается между газетными страницами. Вставка может быть черно- белой или цветной. Рекламодатель платит газете за вставку материала и за размещение рекламы в определенном выпуске.

Все данные о газете, необходимые рекламодателю, обычно собраны в прайс - листах.

Ценовые листы имеются во всех СМИ. Ставки для национальных рекламодателей обычно выше, чем для местных. Разница между ценой размещения местной макетной и национальной рекламы называется ценовым дифференциалом. Специальные скидки устанавливаются при приобретении значительной газетной площади, также при заключении договора о регулярном размещении рекламы. Самая высокая ставка за единовременное помещение рекламного объявления называется открытой. А ставка со скидкой – контрактной. Вместе с тем, есть издания, которые устанавливают одинаковые ставки для национальных и местных рекламодателей. Если рекламодатель размещает рекламу в утренних и вечерних выпусках одной и той же газеты, в нескольких газетах одного издателя или в двух и более газетах, входящих в синдикат, то оплата производится по комбинированным ставкам.

Удобна для рекламодателей следующая классификация прессы, которая характерна для газет, и для журналов.

1. По тематической направленности: общие и специальные (профессиональные, отраслевые).

2. По месту издания: центральные и местные.

3. По регионам распространения: страны СНГ, РФ, отдельные области и города.

4. По видам информации: информационные (содержащие

преимущественно политические сообщения и информацию общего характера, доля рекламы невелика); коммерческие (содержат информацию, необходимую для бизнес-деятельности, доля рекламы больше, чем в информационных изданиях); рекламно - коммерческие (содержат большей частью коммерческие объявления).

Согласно статье 16 Закона РФ «О рекламе» от 13.03.2006 N 38-ФЗ (редакция от 23.07.2013), размещение текста рекламы в периодических печатных изданиях, не специализирующихся на сообщениях и материалах рекламного характера, должно сопровождаться пометкой «реклама» или пометкой «на правах рекламы». Объем рекламы в таких изданиях должен составлять не более чем сорок процентов объема одного номера периодических печатных изданий. Требование о соблюдении указанного объема не распространяется на периодические печатные издания, которые зарегистрированы в качестве специализирующихся на сообщениях и материалах рекламного характера и на обложке и в выходных данных которых содержится информация о такой специализации [7].

В то же время газеты имеют ряд недостатков, наиболее существенный из них - короткий жизненный цикл. Газеты имеют широкий охват аудитории, в которую входят читатели различных социально - экономических групп, интересы которых могут не совпадать с целями рекламодателя. Рекламное объявление в газете конкурирует с другими рекламными материалами, помещенными в той же газете, поэтому существуют значительные помехи в восприятии информации. Газетное объявление может быть размещено не в самом удобном для восприятия месте. Реклама мелкого торгового предприятия будет проигрывать рядом с рекламой супермаркета, тем более в воскресном номере, переполненном рекламой. Иллюстрации, помещенные в газете, всегда проигрывают по качеству в сравнении с журналами, которые печатаются на высококачественной бумаге. Товары, качество и преимущества которых необходимо продемонстрировать, не могут рекламироваться в газете, что значительно ограничивает круг заказчиков. Во многих регионах население читает несколько газет. Не исключена ситуация, при которой рекламодатель оплачивает газетную площадь в расчете на аудиторию, которую уже охватила другая газета.

Попав в руки читателя, газета редко прочитывается сразу от корки до корки, с первой по последнюю страницу. Обычно сначала просматривают газету сверху вниз и начинают читать с последней страницы. На основе подобных наблюдений определяются самые выгодные места для рекламодателей и, как правило, устанавливаются повышенные расценки. Самыми выгодными считаются места в верхней части страницы и вверху каждой колонки. Эти места называются полными. Дороже придется заплатить рекламодателю, если он хочет поместить рекламу в определенном разделе газеты.

Газеты обладают рядом преимуществ, благодаря которым, пережив бум электронных СМИ, рекламодатели возвращаются к газетам. Газеты могут

охватывать конкретные географические территории, проявляя при этом гибкость. Производитель, размещающий рекламу по всей стране, может поместить её на короткий срок. После этого разослать экземпляры газет с рекламой своим агентам на местах или работать напрямую с торговой сетью.

Газеты читают избирательно, так как каждый ищет то, что интересует. К тому же газета может объединять людей со сходными интересами. Потребление информации прогнозируемо по времени, так как газета, обычно, прочитывается в день выхода. Рекламу в газете можно прочитать несколько раз. Газету можно сохранить и вернуться к рекламе через время. Как правило, газету читает не один человек, а и члены его семьи, друзья и т.д.

Таким образом, снижение объема рекламы в газетах должно стимулировать, как производителей, так и государство к действенным мерам по созданию благоприятных условий для их развития, с учетом потенциала периодических изданий, как распространителей информации и как СМИ, имеющих возможности для гибкой финансовой и креативной политики.

Список литературы

1. Галанин С. Ф. Реклама как социокультурный институт в жизни российского общества во второй половине XIX века // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – Т. 20. – С. 1981–1985. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/54660.htm>
2. Дымшиц, М.Н. Потребительская лояльность. Механизмы повторной покупки. –М.: Вершина, 2007. -200 с.
3. *Мораднур, Э.* Как менялась рекламная политика американских компаний в периоды кризисов. [Электронный ресурс] 29.12.2008. - URL: <http://newsland.com/news/detail/id/328396/>
4. Перечень наименований зарегистрированных СМИ [Электронный ресурс] – URL: <http://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/media/>
5. Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад. Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. -М.: ООО «Аналитик», 2016. – 128 с.
6. Федеральный закон от 14 октября 2014 г. N 305-ФЗ "О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О средствах массовой информации" [Электронный ресурс] – URL: <http://base.garant.ru/70763594/>
7. Федеральный закон "О рекламе" от 13.03.2006 N 38-ФЗ (действующая редакция, 2016) [Электронный ресурс] – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/

NEWSPAPERS AS A WAY OF ADVERTISING DISTRIBUTION

Sharokhina S., Bratukhina E.

The article referred to the reasons why the newspaper market has not regained its positions in Russia since 2008. It is also proved that the newspapers have a good potential as distributors of advertising. The conditions under which the dynamics of their financial position will be positive are named. Thus, the decline in newspaper advertising should encourage, both producers and the government, to take effective measures to create favorable conditions for their development.

Keywords: newspapers, circulation, coverage, economic sanctions, market.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ФОТОГРАФИИ В РЕКЛАМЕ

Могила Сергей

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Донецк

e-mail: tamadoo2@yandex.ru

Одна из стержневых проблем распознавания того или иного вида искусства – проблема его языка, образности. Фотография даёт образ, совмещающий в себе художественную выразительность с истинностью. Фактичность и художественность в области фотоискусства смешиваются, перекрывают друг друга. Эффективность влияния рекламного образа базируется на обращении к индивидууму, на культурных стереотипах, регулярности, внутреннем парадоксе. Цвет в рекламе должен быть освоен фотографией эстетически и стать средством не только изображения, но и концептуального осмысления реальности. Иллюстрации и фотографии играют ту же роль, что и заголовки. Главный смысл рекламной фотографии – привлечь внимание потребителя, стимулировать его прочесть текст, ярко показать товар, упаковку, товарный знак или услугу, раскрыть основные положительные качества.

Ключевые слова: фотография, реклама, цвет, текст, образность.

В период возникновения фотографии в эстетике преобладало мнение о том, что искусством может быть только рукотворное произведение. Построение перспективы, способность созерцателя «прочесть» фотографию как плоскостное изображение объёмного пространства, ракурс – всё это формулирует культурное достояние, доставшееся фотографии от живописи.

Одна из стержневых проблем распознавания того или иного вида искусства – проблема его языка, образности. Фотография даёт образ, совмещающий в себе художественную выразительность с истинностью. Фактичность и художественность в области фотоискусства смешиваются, перекрывают друг друга. Рекламная фотография существует в единстве всех её сторон – концептуальной и художественной, выразительной и смысловой, эстетической и социальной.

Как любой вид искусства, рекламная фотография подчинена общим закономерностям развития художественного сознания и художественного миропонимания.

Рекламный образ – это творение рекламы, результат интеллектуальной работы и творчества, синтез визуальных, текстовых и звуковых форм, реализованный в материальные объекты. Цвет и изображение в рекламном образе имеют свою особенность, поскольку это производные искусства. Завершает рекламное послание надпись, которая объясняет цвет и изображение. Без неё «картинка» не воспринимается как реклама, она живет своей жизнью. Исходя из анализа, портрет девушки может быть интерпретирован различными значениями. Только определенное вербальное

или текстовое объяснение увиденного целиком и полностью создаёт рекламный образ (фото 1-2).

Эффективность влияния рекламного образа базируется на обращении к индивидууму, на культурных стереотипах, регулярности, внутреннем парадоксе и т.д. Ясно то, что картинка воспринимается намного быстрее, чем слова. Действительно, в буквы надо вчитаться, сложить их в слова и понять, какой смысл эти слова в себе несут, а с изображением все на много проще.

Отдельные стороны рекламной фотографии проявляются в выборе цвета, художественного стиля, жанра, изобразительного языка, отношения фотографа к создаваемому произведению и т. д. Цвет – один из узловых элементов современного фотоискусства. Он возник в фотографии под влиянием желания приблизить фотоизображение к реальным формам предметов. На опыте цветных фотокарточек можно сформулировать правила использования цвета в рекламе. Одно из правил – снимать в цвете только тогда, когда это имеет первостепенное значение, когда без цвета невозможно передать то, что задумано. Следующее правило: использование контраста цветового для создания контраста смыслового. Цвет в рекламе должен быть освоен фотографией эстетически и стать средством не только изображения, но и концептуального осмысления реальности.

Смысл рекламного обращения – в представлении сходства товара или услуги ожиданиям потребителю, вызывающем у потребителя устойчивую положительную реакцию узнавания данного товара или услуги. «Всеобъемлющее» рекламное послание состоит из таких элементов, как цвет, изображение и надпись. Цвет – простейшая составная часть. Стоит только достаточно знать о физическом воздействии цвета на сознание, и уже можно компетентно этим пользоваться.

Иллюстрации и фотографии выполняют ту же роль, что и заглавие. Если изображения и фотографии используются неправильно - это бесполезный расход денег, времени и рекламного пространства.

Графическая часть рекламы должна деликатно, но неуклонно вести внимание читателя через всё рекламное объявление. Текст должен облегчить задачу понимания и восприятия рекламной информации. Он делает предложение более понятным и доступным.

Таким образом, первоочередная задача профессионального фотографа — овладеть приемами контроля тех психических процессов деятельности человека, которые имеют непосредственное влияние на эмоции и намерения зрителя. В поисках эффективных методов воздействия на покупателя, производители рекламы активно используют прием образно-визуального натиска с помощью фотографии. Главный смысл рекламной фотографии – привлечь внимание потребителя, стимулировать его прочесть текст, ярко показать товар, упаковку, товарный знак или услугу, раскрыть основные положительные качества.

Список литературы

1. Дико Л. Фотография ее техника и искусство [Текст] / Л. Дико, Е. Иофис. – М., 2000. – 258 с.
2. Кини Магдалена. Мода и реклама. Мастер-класс лучших фотографов мира [Текст] / Магдалена Кини. – М.: АСТ.; Астрель., 2007. - 176 с.
3. Раттер Крис. Композиция в цифровой фотосъемке [Текст] / К. Раттер. – М.: Арт-родник, 2008. – 192 с.

PRAGMATIC FUNCTIONS OF PHOTOGRAPHY IN ADVERTISING

Mogila S.

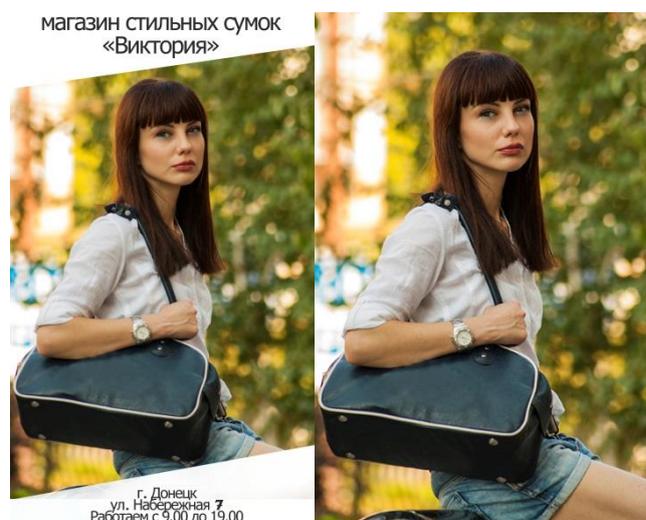
One of the core problems of recognition of one or another art form – the problem of language, imagery. Photography is a way that combines artistic expression with the truth. Facticity and artistry in the field of photography are mixed, overlapping each other. The effect of the advertising image is based on the appeal to the individual, to cultural stereotypes, of regularity, of the internal paradox. Color in advertising is to be utilized photographically aesthetically and become a vehicle not only images, but also a conceptual understanding of reality. Illustrations and photographs play the same role as the headers. The main point of advertising photography is to attract the consumer's attention and encourage him to read the text clearly show the goods, packing, trademark, or service, to reveal the main positive qualities.

Keywords: photography, advertising, color, text, imagery.

фото 1

фото 2

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

УДК 37.08

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА УЧИТЕЛЯ: КОГНИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Алексей Мирошниченко

доктор педагогических наук, профессор

Глазовский государственный педагогический институт им.

В.Г.Короленко

Глазов, Россия

e-mail: ggpi@mail.ru

Когнитологический аспект педагогической культуры учителя предполагает работу с учебной информацией. Личностно ориентированное образование требует расширения функций учителя по определению содержания задаваемой учебной информации. Они включают получение первичной семантической информации и преобразование ее в задаваемую учебную информацию. Сформулированы принципы, на которых должна строиться подготовка учителя к работе с задаваемой учебной информацией. В соответствии с ними определены основные направления расширения когнитологической подготовки учителя.

Ключевые слова: когнитология, педагогическое образование, учебная информация, семантические объекты, личностно ориентированное образование.

Понятие «педагогическая культура», как правило, связывают с процессом и итогами профессиональной деятельности учителя. За последние десятилетия она претерпела значительные изменения, как в области статуса и миссии педагога, так в технолого-методическом плане. Следовательно, изменению должны быть подвержены составляющие части педагогической культуры. Взаимосвязь этих частей, возможно, описать через структуры профессиональной деятельности, педагогического мастерства, личности или набора компетенций. При любом способе описания в структуру педагогической культуры входит когнитивная составляющая, отражающая взаимодействие учителя с «носителями» и «приемниками» учебной информации. Обратим внимание на происходящие изменения в этом взаимодействии. Подразделим учебную информацию на информацию задаваемую, предъявляемую и усвоенную[1]. В традиционной (классно-урочной) модели общего образования учитель ориентирован на получение задаваемой учебной информации, в готовом, не предполагающем значительной корректировки, виде. Она предоставляется в форме централизованно разработанных и стандартизированных носителей - учебной и методической литературы, стандартов образования и типовых программ, лабораторного, программного и инструментального обеспечения. Задачей учителя является превратить задаваемую учебную информацию в информацию, которая предъявляется обучающимся. Она должна быть

ориентирована на их возможности и потребности, соответствовать целям образовательных программ и ресурсам образовательной организации. По итогам образовательного процесса, учитель регистрирует его результаты (усвоенная информация) и корректирует предъявляемую учебную информацию. На подготовку к реализации такого цикла направлено все когнитологическое содержание профессионального образования педагога. Эффективность реализации цикла отражает уровень педагогической культуры учителя. При этом отметим, что при работе с задаваемой и предъявляемой учебной информацией, учитель, вследствие фиксации учебного времени и значительной наполняемости классов, вынужден ориентироваться на «среднего обучающегося». В современных условиях, такая ориентация приводит к росту репетиторства и других платных услуг, интеллектуальной и физической перегрузке школьников, девальвации миссии школы и профессиональной культуры учителя в глазах общества[2].

Несомненно, переход, а не декларирование перехода, к личностно ориентированному образованию требует пересмотра как традиционной классно урочной системы, так и содержания профессиональной деятельности учителя. Личностно ориентированное образование предполагает наличие индивидуальной образовательной траектории[4]. Учитывая, что права по формированию образовательных программ закреплены за школами, учителю необходимо выходить за рамки традиционной модели. В содержательном плане такой выход предполагает готовность участвовать в определении задаваемой учебной информации. Потребность в готовности будет тем выше, чем старше ступень обучения школьников, чем конкретнее сформулированы образовательные цели[5]. Признаем, что сегодня в образовательных программах подготовки педагогов нет раздела, посвященного подготовке к работе с задаваемой учебной информацией. Маловероятным является и появление в штатах школ специалистов когнитологов. Следовательно, необходимо целенаправленно готовить учителей к работе с задаваемой учебной информацией, расширяя когнитологический аспект их профессиональной культуры. Содержание этой работы будет предполагать, что учитель должен выполнять функцию посредника между семантическими объектами - источником и приемником семантической информации. Источники семантической информации – это эксперты, представители направлений профессиональной деятельности или социальной сферы и пр. Их отбор определяется потребностью в задаваемой учебной информации. Потребность задают индивидуальные образовательные траектории обучающихся. Источники генерируют первичную семантическую информацию. Учитель должен преобразовать ее во вторичную семантическую информацию. Она и будет составлять задаваемую учебную информацию[3].

Определяя содержание подготовки учителей к работе с задаваемой учебной информацией, будем ориентироваться на принципы теории информационных семантических систем [6].

Принцип неадекватности – достижение полной адекватности первичной семантической информации об учебных элементах и задаваемой учебной информации не является возможной. Согласно ему любая первичная семантическая информация, полученная учителем от источников, будет иметь погрешность. Задачей учителя является использование методов, позволяющих количественно рассчитывать погрешность и учитывать ее при определении результатов. К таким методам относятся экспертные методы[7], а также методы, применяемые в социологии.

Принцип неизменности информации. Семантическая информация об объектах, будет неизменной независимо от форм ее представления. Следовательно, существует возможность преобразования различных форм представления семантической информации. При этом смысле, который несет данная информация, остается неизменным. Содержание этого принципа определяет для учителя необходимость использовать разнообразные формы представления семантической информации об объектах предметной области. При ориентации на экспертные методы такой формой может быть анкета, заполненная экспертом, ауди и видеосъемка и т.д.

Принцип коммуникации - информирование между семантическими объектами возможно, если их тезаурусы пересекаются. Рассмотрим три варианта взаимодействия тезаурусов личности учителя и источника семантической информации. В первом варианте, их тезаурусы личности полностью совпадают, т.е. осуществляется полное информирование. В этом случае учитель получает максимально возможную информацию, которой обладает источник. Результатом будет максимально полная задаваемая учебная информация. Во втором варианте, тезаурусы личности учителя и источника совпадают частично. В результате, учитель получает только часть информации, что отражается на качестве задаваемой ученой информации. В третьем варианте, тезаурусы личности учителя и источника полностью не совпадают. В результате задаваемая учебная информация будет иметь максимальное искажение.

Принцип единства знаков - информирование между семантическими объектами должно осуществляться в одних и тех же знаках. В соответствии с этим принципом учитель должен использовать при осуществлении своей деятельности понятийный аппарат, являющийся доступным источникам и приемникам семантической информации.

Принцип истинности информирования – обеспечение информирования между семантическими объектами осуществимо, если составляющие информирования процедуры взаимосвязаны по смыслу, во времени и в пространстве. Согласно этому принципу от учителя требуется адаптация каждой из процедур, составляющих процесс информирования, к конкретным условиям. При этом процедура должна характеризоваться однозначно определяемым смысловым содержанием, временем и местом реализации.

Принцип несовместимости - одновременное осмысливание нескольких несовместимых семантических сообщений семантическим объектом

невозможно. Приведенный принцип требует от учителя уметь классифицировать семантические сообщения, поэтапно организовать деятельность с источниками и приемниками семантической информации.

Принцип стабильности - система является стабильной, если она внутренне совместима и внешне не изолирована. Этот принцип требует обеспечения совместимости деятельности учителя с остальными семантическими объектами – источниками и приемниками семантической информации. Учитель имеет право, как расширять число их число, так и ограничить.

Перечисленные принципы позволяют определить следующие основные направления когнитологической подготовки учителя к работе с задаваемой учебной информацией:

а) педагогика - теоретические основы личностно ориентированного образования, дифференциация обучения, профильное обучение;

б) педагогическая квалиметрия и социология - методики формирования компетентных, согласованных и репрезентативных экспертных групп;

в) информатика - работа с программным обеспечением, разработанным для информатизации процесса конструирования структур учебных элементов;

г) технические средства регистрации информации - работа с аудио- и видеотехникой при регистрации первичной семантической информации;

д) педагогическая когнитология - методики получения и классификации первичной семантической информации, методики перевода первичной семантической информации во вторичную семантическую информацию.

Перечисленные направления подготовки учителя к работе с задаваемой учебной информацией могут быть, как интегрированы в методическую и психолого-педагогическую подготовку, так и рассматриваться в отдельных учебных курсах. Несомненно, его содержание потребует пересмотра классического подхода к педагогическому образованию и расширит должностные обязанности учителя. Но, их исполнение сегодня – это не пожелание, а необходимость, так как реализация личностно-ориентированного образования является единственным объективным критерием измерения профессиональной культуры учителя.

Список литературы

1. Кузьмина Н.В. Профессионализм деятельности преподавателя и мастера производственного обучения профтехучилища/Н.В.Кузьмина. - М.: Высшая школа, 1989. - 266 с.

2. Мирошниченко А.А. Измерение динамики развития обучающегося как основа управлением качеством образования в регионе // Современный взгляд на будущее науки: сб. статей Междунар. научно-практич. конф. (25 октября 2016 г., г. Пермь). В 3ч.Ч2 - Уфа: Аэтерна, 2016. - С.158-160.

3. Мирошниченко А.А. Профессионально ориентированные структуры учебных элементов. – Глазов, 1999. – 62 с.

4. Мирошниченко И.Л. Реализация индивидуальной образовательной траектории обучения на основе квалиметрического подхода //Интеграционные процессы в науке в

современных условиях: сб. статей Междунар. научно-практич. конф. (5 марта 2016 г., г. Киров). В 2ч. Ч1 -Уфа: Аэтерна, 2016. -С.131-133.

5. Мирошниченко И.Л. Технология разработки индивидуальных образовательных программ для детей с различными образовательными потребностями //Международный научно-исследовательский журнал – 2015. –№11(42). С.78-80.

6. Перспективы развития вычислительной техники: В 11 кн.: Справ. пособие // Под ред. Ю.М.Смирнова. Кн.1: Информационные семантические системы / Н.М.Соломатин. - М.: Высшая школа, 1989. - 127 с.

7. Черепанов В.С. Экспертные оценки в педагогических исследованиях/В.С.Черепанов.- М.: Педагогика, 1989. - 152 с.

PEDAGOGICAL CULTURE OF THE TEACHER: THE COGNITIVE ASPECT

Miroshnichenko A.

In the cybernetic model of learning is the exchange of educational information. Training information: initial information for the teacher (textbooks), information for the student, the information mastered by the student. For personal training, the teacher needs to determine the content of the initial training information. Cognitologists training ensures the readiness of the teacher. Principles of teacher preparation. Lists topics of the training course that will prepare teachers to define the initial information.

Keywords: cognitology, pedagogical education, educational information, semantic objects, personality-oriented education.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ОБЪЕКТИВНЫЙ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЦЕСС И ЛИЧНАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА УЧИТЕЛЯ

Ирина Алмазова

кандидат педагогических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»

Елец, Россия

e-mail: almazofa@mail.ru

Статья посвящена исследованию феномена педагогическая культура как объективного общекультурного процесса и личной профессионально-педагогической культуры учителя, его профессиональному осмыслению как важнейшей составляющей духовной и социальной культуры педагога. Исследовано содержание данного понятия, уточнены его составляющие. Охарактеризована культурно-образовательная среда, существенным образом влияющая на формирование педагогической культуры будущего учителя. Определены значимость и перспективы, условия формирования педагогической культуры на современном этапе развития образования.

Ключевые слова. Образование, педагогическая культура, духовность, культурно-образовательная среда, потенциал учителя.

Рассматривая образование как социально-культурный феномен, отметим неразрывную связь и взаимовлияние истории, культуры, философии и образования. «Образование являлось и является важнейшим и неотъемлемым элементом любого человеческого общества в период всей истории его развития» [7, с. 16]. Образование всегда понимают в контексте всего происходящего в мире, а значит совместно с развитием мышления (в его философском смысле); языка и коммуникации; система обучения, воспитания и социализации развиваются одновременно с развитием человеческой культуры. По мнению В. А. Штурбы, в системе «этих начал», обуславливающих индивидуальное или общественное самосознание, и заключается феноменальность образования, как социально-культурного явления [7]. Изменения, происходящие во всех сферах жизнедеятельности человека, активное освоение им важнейших культурных традиционных ценностей и создание ценностей инновационных направлены на развитие образования в контексте воспроизводства и создания, в первую очередь, педагогической культуры. Понятие «педагогическая культура» имеет сложную и мощную «корневую систему». Ее насыщают своим содержанием:

- национальная идея России в педагогическом измерении (Е. П. Белозерцев). «...доброту, гуманное мировоззрение и подвижность можно объединить общим понятием – духовность... - это особое нравственно-эстетическое состояние человека, когда он искренне привержен таким ценностям, как истина, добро, красота, гуманизм, свобода, социальная

справедливость, когда он ведет бесконечный внутренний диалог о своем предназначении и смысле жизни» [1, с. 65]. Эта национальная идея в педагогическом измерении предопределяет отношение к педагогической традиции как к обязательной составляющей «...сегодняшней и завтрашней культурно-образовательной среды» [1, с. 141]

- духовность, открытость, традиционность отечественного образования в смысле использования таких важных основ, как опора на народную культуру; открытость всему новому, поиск инноваций, желание активно развиваться, преобразуя все новое и сохраняя свою уникальность; соотнесение духовности с нашей историей и мировой современностью;

- ценности отечественного образования: *семья* «первичное лоно человеческой культуры», «духовный очаг», школа «духовно-религиозной, национальной и отечественной традиции» (И. Ильин); *школа* единая (но не единообразная), воспитывающая на языке одной культуры; ориентированная на учение и труд, развивающая самостоятельность, «научающая учиться»; *учитель* – гражданин, профессионал, духовный наставник, тьютор, «сопровождающий в будущее».

Понятие «педагогическая культура» имеет особое содержание, в котором раскрывается педагогически адаптированный социальный опыт человечества [2, с. 134].

Аксиологический (Н. А. Бердяев, В. В. Зеньковский, С. Л. Франк и др.), деятельностный (Э. В. Ильенков, В. А. Лекторский, В. С. Швырев и др.), личностный (В. В. Розанов, В. С. Соловьев, Н. К. Рерих и др.) философские подходы, отражающие «взаимоотношения» человека и культуры определяют особый вектор в развитии педагогической культуры: ценности, на которые ориентируется современное образование; педагога как личность и саморазвивающийся субъект образовательного процесса.

Кроме того, педагогическая культура есть объективный общекультурный процесс, особое социальное явление, эффективное средство педагогизации окружающей среды, проявляющееся в межпоколенческом и педагогическом взаимодействии семьи, школы, общества (И. Ф. Исаев, В. А. Сластенин, М. И. Ситникова и др.).

В личностном профессионально-педагогическом смысле педагогическую культуру характеризуют как демонстрацию ПЗЛК педагога, проявления профессиональной педагогической деятельности и общения (А. В. Барабанщиков, Т. Ф. Белоусова, Ю. М. Рябов, В. А. Сухомлинский).

В. А. Сухомлинский одним из важных компонентов педагогической культуры считал «умение учителя обращаться к уму и сердцу ученика» [6]. Т. Ф. Белоусова отмечает, что учитель, имеющий высокий уровень педагогической культуры – это преподаватель, осуществляющий свою профессионально педагогическую деятельность на должном уровне, в соответствии с требованиями общества; ведущий творческий поиск решения педагогических задач..., добивающийся высоких результатов в обучении и воспитании всех учащихся [4, с. 5].

Педагогическая культура неразрывно связана с духовной культурой и культурно-образовательной средой (далее КОС), в которой формируется личность педагога. КОС предопределяет содержание и характер образования, в том числе и образование будущего педагога. В этом смысле чрезвычайно важна культурно-образовательная среда региона, где получает образование (высшее или среднее профессиональное) педагог. КОС Липецкого региона РФ – это уникальная среда, которую составляют:

- *педагогическая система святителя Тихона Задонского* (Тимофея Савельевича Соколова), последней обителью которого стал Задонский мужской монастырь. Епископ Воронежский и Елецкий, богослов, православный религиозный просветитель 18 века. В его педагогической системе раскрываются проблемы целей жизни человека и его воспитания; христианская философия теории познания; отмечаются сочетание обучения и воспитания, авторские методические приемы и т.п.;

- *религиозно-педагогическое наследие святителя Иннокентия Херсонского* (Ивана Алексеевича Борисова), уроженца г. Ельца. Архиепископ Херсонский и Таврический, член Российской академии и Святейшего Синода, знаменитый проповедник. В 1997 году причислен к лику местночтимых святых Одесской епархии Украинской православной церкви (Московского Патриархата). Вся жизнь свят. Иннокентия, его наследие помогают осознать такие характеристики личности, как: высокую нравственность и духовность, целостность, истинную образованность;

- *философско-педагогические исследования В. В. Розанова*, учительствовавшего в уездном городе Ельце (1887 г.). Семья и церковь, школа, история и литература в его исследованиях выступают «как культурные феномены, воспитательный потенциал которых» еще только предстоит осмыслить и осознать в контексте того, что «человек в определенных условиях жизни продуцирует культуру» [1, с. 390];

- *просветительское наследие писателя, гражданина, патриота М. М. Пришвина и С. Н. Булгакова – русского философа, богослова, православного священника*. Творческое наследие этих «бывших гимназистов мужской Елецкой гимназии» заключалось в разработке идеи «всеединства жизни»; отношения к окружающему миру, как к великой тайне, в основе которой природа и ее познание; ожидания человеком обновления и т.п.;

- *литературное наследие лауреата Нобелевской премии по литературе И. А. Бунина*, учившегося в елецкой мужской гимназии. Богатое литературное наследие писателя ориентирует педагога на сохранение культуры речи и русского языка, т.к. он «выражает дух и душу русского народа»; сохранение традиций «жизни и воспитания»;

- *педагогическое наследие К. А. Москаленко*, учёного, педагога-новатора, основоположника «Липецкого метода» школьного обучения. Оно ориентирует педагога на значимость изучения педагогического опыта, особой системы знаний, умений и навыков, «приобретаемых учителем в процессе практической учебно-воспитательной работы»;

- педагогические открытия ученого и педагога, профессора и академика С. А. Шмакова, чьи идеи легли в основу стратегии фонда «Социально-духовное развитие». К его педагогическим открытиям можно отнести: разработку теории досуга молодежи и его педагогических основ; системное исследование игры, как феномена культуры; создание концепции коллективной творческой деятельности школьников в сфере свободного времени; использование ролевой игры как дидактического средства моделирования действительности и т.п.

Липецкой области сегодня – 63 года, она имеет не очень долгую, но богатую историю. Город Липецк - административный центр области, а вот город Елец зачастую называют духовным центром Липецкого региона. Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина сохраняет и преумножает, транслирует и охраняет духовные ценности, рассматривая их как эффективное средство образования педагога, формирования его педагогической культуры; отстаивает традиции отечественного образования и активно развивает образовательные инновации.

Итак, педагогическая культура есть часть социальной практики в сфере межпоколенческих взаимоотношений, накапливающей определенные традиции и нормы отношений; сложное, системное, динамическое образование, отражающее определенный уровень развития учителя, способы организации его жизни и деятельности на данном уровне; сферу человеческих знаний, включающую педагогические концепции, теории, ценности, идеи [3]. Кроме того, педагогическая культура это многосторонняя деятельность, направленная на овладение педагогическим опытом, представленным в самых различных формах, с целью самопознания, самосовершенствования и подготовки к формированию личности человека; составная часть духовной и социальной культуры учителя; сущностная характеристика профессиональной деятельности учителя, обеспечивающая воспроизводство социального опыта в индивиде, перевод культуры в индивидуальную форму существования.

Основным условием формирования педагогической культуры является, на наш взгляд, не только формирование у учителя потребности в ней, но и наличие готовности воспринять социум педагогической культуры в средоточие своего «я», умение творчески переосмыслить педагогические ценности и на новом культуротворческом уровне воспроизвести их.

Завершается второе десятилетие 21 века, мир пребывает в сложнейшей ситуации: экономический кризис, снижение управляемости международными процессами, экологические проблемы, обострение военно-политической обстановки. В этой ситуации «теория понимания ищет преемственной истории...той, которая, даже погружая нас в пучину бедствий, сохраняет нас как культурно-историческую личность, обладающую памятью и знанием» [5, с. 17]. Культурологический подход, бесспорно, обеспечивает успешное формирование педагогической культуры учителя, создает необходимые и достаточные условия для восприятия, освоения и

трансляции педагогических ценностей, овладения традиционными и инновационными педагогическими технологиями, для развития личности педагога, его самореализации, проявления его ПЗЛК, возможностей и способностей в профессиональной педагогической деятельности.

Список литературы

1. Белозерцев Е. П. Образование: историко-культурный феномен. Курс лекций / Е. П. Белозерцев. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 704с.
2. Коряковцева О. А., Доссэ Т. Г. Особенности преподавательской деятельности в условиях реформирования образовательной отрасли // Дополнительное профессиональное образование в условиях модернизации: материалы пятой всероссийской научно-практической интернет-конференции (с международным участием) / под науч. ред. М.В. Новикова – Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2013. – 449 с. – С. 130-136.
3. Микитюк, И. А. Педагогическая культура как составляющая общекультурной компетентности будущего учителя / И. А. Микитюк // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук.- 2013.- № 9.- с. 220-223.
4. Павелко Н. Н. Культурологическая парадигма теории профессионально-педагогической культуры преподавателя высшей школы: дис ... д-ра культурологии / Н.Н. Павелко. – Краснодар, 2004. – 441 с. // <http://www.dissercat.com/content/kulturologicheskaya-paradigma-teorii-professionalno-pedagogicheskoi-kultury-prepodavatelya>. (Дата обращения: 18.02.2017г.).
5. Репринцев А. В. Личность будущего специалиста в современном социокультурном пространстве: векторы эволюции // Гуманитарная наука в изменяющейся России: состояние и перспективы развития: Материалы УШ Региональной науч.-практ. конф. РГНФ: в 2 ч. Ч. 2 / Общ. ред. Ю. Ф. Мелихова. Отв. ред. М. Л. Космовская и В. А. Лаптева. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006. – 203с. – С. 6-18.
6. Сухомлинский В. А. Сто советов учителю (в сокращении) // http://tcor.ucoz.ru/novosti_fot2014/17112014/prilozhenie_7_sukhomlinskij_v.a-sto_sovetov_uchite.pdf. (Дата обращения: 20.02.2017г.).
7. Штурба В. А., Васильев С. С. Образование как социально-культурный феномен // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2009. - № 1. – С. 5-17.

PEDAGOGICAL CULTURE AS AN OBJECTIVE CULTURAL PROCESS AND PERSONAL PROFESSIONAL-PEDAGOGICAL CULTURE OF THE TEACHER

Almazova I.

The article is devoted to the study of phenomena of pedagogical culture as objective cultural process and personally professionally-pedagogical culture of a teacher, his professional understanding as an important component of spiritual and social culture of a teacher. The content of this concept is researched and its components are clarified. Cultural and educational environment which has influence on forming pedagogical culture of a future teacher is characterized. Significance and perspectives, conditions of forming pedagogical culture at the modern stage of development of education are determined.

Keywords: education, pedagogical culture, spirituality, cultural-educational environment, potential of a teacher.

ИСКУССТВО В СОДЕРЖАНИИ ОБРАЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ

Лариса Алексеева

доктор педагогических наук, доцент

*Федеральное государственное бюджетное научное
учреждение «Институт художественного образования
и культурологии Российской академии образования»*

Москва, Россия

e-mail: ihoraodirect@mail.ru

В статье рассматриваются отдельные аспекты содержания образования в области искусства современной российской школы; упоминаются некоторые требования федерального государственного образовательного стандарта и распространенные в образовательной практике учебно-методические комплекты предметной области «Искусство». Автор обращает внимание на идею Н. Г. Чернышевского «искусство – учебник жизни», приводит высказывание Д.Б. Кабалевского об одной из задач общего школьного образования; на примере отдельных учебных изданий раскрывает основные идеи, подходы и специфику содержания образования по музыке.

Ключевые слова: современность, общеобразовательная школа, духовный опыт, искусство, «учебник жизни», содержание образования.

Духовную жизнь современного общества и каждого человека невозможно представить без искусства. И дело не только в сложившемся понимании этого феномена культуры и человеческой цивилизации или энциклопедических определениях, как например, «специфическая форма общественного сознания и человеческой деятельности» и «один из важнейших способов эстетического освоения мира» [6, с.174]. На наш взгляд, в первую очередь стоит говорить об известном с глубокой древности воздействии и влиянии искусства на эмоциональное состояние человека, его образ мыслей и чувств. Для растущего человека это значение искусства воплощается в содержании, иначе говоря, нравственном и эстетическом опыте всего человечества, накопленном на протяжении многих тысячелетий. Содержание образования в области искусства в школе – вопрос не из легких, и прежде всего потому, что непосредственно связан с процессом формирования художественной культуры современных детей как части их общей духовной культуры.

В соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом (ФГОС) начального и основного общего образования предметная область «Искусство» современной российской школы включает два учебных предмета – «Изобразительное искусство» и «Музыка». Допускаемая в настоящее время вариативность образования на уровне программ, учебников, методического обеспечения и т.д., не ниже требований федерального государственного образовательного стандарта, предполагает, тем не менее,

соответствующее учебно-методическое обеспечение предметов искусства. Это обеспечение включает учебник и его электронную форму, методическое пособие для учителя, а также рабочие (творческие) тетради для детей. Как правило, предлагаются разнообразные нотные, аудио- и другие хрестоматии, репертуарные сборники и CD, книги для самостоятельного чтения, коллекции кинофильмов, виртуальных галерей, перечень сайтов сети Интернет с образовательными ресурсами для художественного самообразования и т.д. При этом очевидно, насколько различными могут быть идеи и концепции, подходы, формы и методы, нацеленные на реализацию требований образовательного стандарта в части содержания образования по искусству и достижения его результатов.

Широко известными и признанными в образовательной практике являются учебники, а точнее, учебно-методические комплекты, таких уважаемых и известных авторов, как Л.А. Неменская, Е.И. Коротеева, Н.А. Горяева, А.С. Питерских («Изобразительное искусство», 1-4 классы под редакцией Б.М. Неменского); Е.Д. Критская, Г.П. Сергеева, Т.С. Шмагина («Музыка», 1 – 4 классы); А.С. Питерских, Гуров Г.Е., Н.А. Горяева, О.В. Островская, Л.А. Неменская («Изобразительное искусство», 5 – 8 классы под редакцией Б.М. Неменского); В.О. Усачева Л.В. Школяр («Музыка», 1 – 7 классы) и целый ряд других изданий. В каждом из них по-своему, исходя из принципиальных позиций авторов и с соблюдением необходимых требований федерального государственного образовательного стандарта, определяются приоритеты содержания, общие и конкретные задачи, методические акценты и т.п. Например, можно говорить о том, что в учебниках по музыке В.В. Алеева, Т.И. Науменко и Т.Н. Кичак для 1 – 4 классов, В.В. Алеева и Т.И. Науменко для 5 – 8 классов содержание образования раскрывается в контексте искусствоведческого подхода. А в учебниках для начальной и основной школы В.О. Усачевой и Л.В. Школяр – с позиций развивающего музыкального образования, его проблематизации. Учебники Л.Г. Савенковой и Е.А. Ермолинской по изобразительному искусству для 1 – 8 классов разработаны на основе целостного представления о развитии и взаимодействии многообразных видов художественного творчества и др.

Приведенные здесь и многие другие современные учебно-методические комплекты по искусству решают предполагаемые цели и задачи, ориентированы на соответствие ФГОС, и, безусловно, являются необходимыми и достаточными для приобщения детей к искусству. Вместе с тем, обращаясь к истории отечественной мысли, стоит упомянуть идеи Николая Гавриловича Чернышевского, высказанные в магистерской диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855). Этот труд примечателен многим, и в том числе тем, что исследование самого искусства по отношению к объективному миру, в социальном контексте, представляется для того времени необычайным. Возможно, автор, идейный вдохновитель революционного движения 1860-х гг., в период

создания диссертации увидел именно в искусстве ничем не ограниченную возможность воздействия на общество и самого человека, воодушевления его внутреннего начала, облагораживания духовного мира. В самом общем виде Н.Г. Чернышевский говорит об искусстве и с позиции дидактики. Он отмечает: «Пусть искусство довольствуется своим высоким, прекрасным назначением: ...быть для человека учебником жизни» [7, с. 97].

Современных педагогов и исследователей, авторов программ и учебников, специалистов, методистов и всех равнодушных к делу образования детей это высказывание побуждает к целому ряду размышлений: что значит «учебник жизни»? Каким должен быть современный учебник жизни и искусства по своему содержанию и художественному оформлению? Как учить и учиться по такому учебнику? Как представить в нем искусство и его различные виды, традиционные и развивающиеся? Каким должен быть современный учитель изобразительного искусства и музыки?.. Поставленные вопросы в какой-то мере находят свое отражение в современных учебниках по музыке для начальной школы [1 – 4]. В этих изданиях предпринята попытка воплотить в содержании образования современных детей принцип тематизма Д.Б. Кабалевского и его мысль о том, что «...может быть, вообще правильнее было бы говорить не об ответах учеников на вопросы учителя, а о высказываниях (размышлениях) ученика, вызванных музыкой или вопросом учителя? Учить думать, размышлять – одна из важнейших задач всеобщего школьного образования» [5, с. 9].

Разделы учебников в первую очередь непосредственно связаны с содержанием и спецификой самого изучаемого предмета. Например: «Музыка в нашей жизни», «Человек-творец», «Многообразие музыкальных жанров», «Истоки народного искусства» (1 класс); «Природа музыки», «Замысел и темы музыкальных произведений», «Интонация и развитие музыки», «Выразительность формы» (2 класс); «История народа – история музыки», «Музыкальное время», «Шедевры русской музыки», «Творцы музыкальной истории» (3 класс); «Музыка на карте мира», «Россия на музыкальной карте мира», «Человек и человечество в музыке», «Урок музыки – урок жизни» (4 класс). При этом отсутствует так называемая «праздничная» и «календарная» тематика, «маршрут» (путешествия) и «сказочность» как способы или доминирующие принципы при изучении музыки как учебного предмета в общеобразовательной школе.

Темы уроков нередко представлены в виде вопросительных предложений, либо как темы-проблемы. В качестве примера можно назвать такие: «Что такое балет, опера и симфония?», «Как родилась народная песня?», «Человек поющий» и «Человек играющий» (1 класс); «Что такое мелодия?» и «О чём может рассказать темп?», «Музыкальные мысли человека» и «Какие бывают музыкальные интонации?» (2 класс); «О подвиге и мужестве в музыке» и «Что такое музыкальное время?», «Какая музыка – вне времени?», «Для чего человек пишет музыкальные истории?» и «Музыкальные причуды» (3 класс); «Человечество, музыка и ты», «Музыка и

жизнь», «Чему можно научиться у музыки?» (4 класс) и т.п. Именно эта характерная особенность учебников стимулирует, по мнению авторов, личностное и познавательное развитие детей на уроках, придает всему процессу познания искусства исследовательский, истинно творческий характер.

Специфика учебных текстов заключается не в том, что в них разъясняется содержание самого предмета (выразительность и изобразительность, тембр, интонация, развитие музыки, формы и жанры и т.п.), это является необходимым условием при создании учебной литературы для всех уровней образования. В учебниках, наряду с повествовательными, разъясняющими, описательными, представлены также и художественные тексты (фрагменты литературных произведений, высказывания композиторов о значении музыки в их жизни, размышления выдающихся деятелей искусства о возникновении музыкальных произведений и т.п.).

Так, в первом классе дети знакомятся с высказываниями Ф. И. Шаляпина о народной песне (тема «Что такое песня?»); слушают музыкальную сказку для голоса и фортепиано С. С. Прокофьева «Гадкий утёнок» и фрагменты одноимённого сочинения Г. Х. Андерсена; размышляют над отдельными фрагментами книги Д. Вейса «Возвышенное и земное», адекватными для восприятия школьников этого возраста (тема «Как рождается музыка?») и мн. др. Для самостоятельного чтения в учебнике для учащихся третьего класса даны небольшие фрагменты из книг В. А. Васиной-Гроссман «Михаил Иванович Глинка» и С. А. Морозова «Прокофьев». В учебнике четвертого класса предлагается поэтический цикл Б. В. Орлова «О музыкальных инструментах в стихах» и др. Такого рода тексты, отличающиеся поэтичной, своеобразной речью, необычностью и оригинальностью слов, «оживляют» имеющиеся у детей художественные впечатления, представления, и тем самым способствуют развитию образного мышления, эмоционально-ценностного, творческого восприятия окружающего мира.

Кроме этого, в качестве учебных текстов представлены и рубрики «Для тех, кто хочет знать больше», «Для любознательных юных музыкантов». В первой из них содержится информационный материал типа: «Музыка – душа моя!» – так сказал маленький мальчик Миша Глинка после одного из музыкальных концертов и т.д. (2 класс); «в память о русском композиторе А. Бородине названы улицы в разных городах России: Владимире, Екатеринбурге, Иркутске, Омске, Пензе и других»; «рассказывают, что заключительную часть сюиты «Время, вперёд!» Свиридов сочинил очень быстро – чуть ли не за час. Вдумайся: ведь это почти столько же, сколько длится урок по музыке или математике»; «в честь русского композитора М. Глинки названа одна из малых планет – 2205 GLINKA» (3 класс); «первый оперный спектакль в Италии состоялся более четырёхсот лет назад» (4 класс) и др.

В рубрике «Для любознательных юных музыкантов» кроме новых знаний, как правило, присутствует проблемное задание или вопрос, не имеющий однозначного ответа и побуждающий к размышлению: «Кинорежиссер М. Швейцер так говорил о произведении Свиридова: «эта музыка – навсегда. В ней время, которое, вопреки всем ударам судьбы продолжается вечно». Как ты понимаешь его слова?»; «Клавесин, альт – эти музыкальные инструменты существовали во времена Баха (более трехсот лет назад). Узнай самостоятельно, какой из них можно услышать в современных концертных залах или в аудиозаписи» (3 класс); «Джузеппе Верди однажды сказал: «Искусство принадлежит всем народам». Что ты думаешь об этом?»; «Девятую симфонию Бетховена иногда называют «Симфонией Радости». Подумай, почему?» (4 класс) и т.п. Вся эта изложенная специфика учебных текстов и обеспечивает так называемый «выход за пределы» изучаемого курса, придаёт содержанию учебников оригинальность и своеобразие.

Очевидно, что в «учебнике жизни» по музыке необходимы параллели искусства и самой жизни во всем их многообразии, по Д.Б. Кабалевскому «связь с жизнью». Потому и в содержании учебных текстов именно эта линия «искусства и жизни» является главной. Например, Предисловие к учебнику первого класса заканчивается вопросами: «Как помочь первоклассникам понять, что такое музыка и зачем она нужна человеку?», «Чему может научить музыка?» [1, с.4-5]. В учебнике для третьего класса при знакомстве с частью «Вставайте, люди русские!» кантаты «Александр Невский» С. Прокофьева дети читают: «Один из ветеранов Великой Отечественной войны С. Морозов, участвовавший в обороне города-героя Севастополя, позже напишет о том, как слушали моряки и солдаты эту «песню мужества», которая властно захватывала душу». И далее вопрос: «Поразмышляй, почему защитники Севастополя слушали именно эту песню» [3, с.12-13]. При подготовке каких-либо классных и школьных мероприятий предлагается подумать и выбрать тему из предложенных в учебнике: «Иногда концерт учеников класса может иметь название. Например: «Земля – наш общий дом»; «Я, ты, он, она, вместе – целая страна»; «Мир дому твоему» [4, с. 56]. А при завершении курса начального общего образования на одном из последних уроков темы «Чему можно научиться у музыки?» дети читают:

«Слушаешь музыку –
понимаешь, о чем говорит с тобой человек-композитор,
размышляешь обо всем, что волнует человечество,
чувствуешь, как улыбаются и печалются люди на планете,
узнаешь о мечтах и тревогах разных народов нашей земли,
отдыхаешь и веселишься, шутишь, а значит ты – живешь» [4, с.82].

Насколько эта попытка создания «учебников жизни» по искусству удачна, покажет будущее, при этом очевидно следующее. Искусство в содержании образования современных школьников – это не только возможность разностороннего художественно-творческого развития, формирование эстетического отношения к действительности и

художественного вкуса, овладение отдельными художественными знаниями, умениями и навыками, знакомство с традиционными и развивающимися видами современного искусства, компьютерными технологиями и т.п. Главное предназначение искусства в современной школе видится в сохранении и развитии отечественных традиций, связанных с эстетическими идеалами и художественными ценностями, творческими преобразованиями и культурным наследием, словом всего того, что на протяжении тысячелетий составляло духовный и жизненный опыт человека и в специфической форме «высвечивало» эталон образа жизни всего человечества.

Список литературы

1. Алексеева Л.Л., Школяр Л.В. Музыка: учебник для общеобразовательных организаций. 1 класс / Л.Л. Алексеева, Л.В. Школяр. – М.: Мнемозина, 2012. – 98 с.
2. Алексеева Л.Л., Школяр Л.В. Музыка: учебник для общеобразовательных организаций. 2 класс / Л.Л. Алексеева, Л.В. Школяр. – М.: Мнемозина, 2012. – 98 с.
3. Алексеева Л.Л., Школяр Л.В. Музыка: учебник для общеобразовательных организаций. 3 класс / Л.Л. Алексеева, Л.В. Школяр. – М.: Мнемозина, 2012. – 98 с.
4. Алексеева Л.Л., Школяр Л.В. Музыка: учебник для общеобразовательных организаций. 4 класс / Л.Л. Алексеева, Л.В. Школяр. – М.: Мнемозина, 2013. – 98 с.
5. Кабалевский Д.Б. О педагогических оценках на уроках музыки / Д.Б. Кабалевский // Искусство в школе. – 1994. – №4. – С. 4 – 9.
6. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 5-е изд. – М. Политиздат, 1986. – 590 с.
7. Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности // В сб.: Эстетика. – М. – Л.: Государственное издательство «Искусство», 1939. – 289 с. – (С. 3 – 100).

ART IN AN EDUCATION CONTENT OF MODERN SCHOOLCHILDREN

Alekseeva L.

This article discusses some aspects of educational content in the field of art modern Russian school; mention some of the requirements of the Federal State educational standards and common in educational practice in the educational domain sets «Art»; the author draws the attention to the idea of N. G. Chernyshevsky «Art – life tutorial»; leads saying D.B. Kabalevsky is one of the tasks of the general school education; for example, individual educational publications reveals the basic ideas, approaches and specific features of the content of education in music.

Keywords: modernity, secondary school, spiritual experience, art, «textbook of life», the content of education.

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЙ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Ольга Скрябина

доктор педагогических наук, доцент

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

Рязань, Россия

olgaskr1@mail.ru

В статье рассматриваются ключевые проблемы формирования русской языковой личности; анализируется культурный контекст, речевая среда, в которых происходит процесс обучения; описывается состояние речевых и познавательных умений учащихся.

Ключевые слова: языковая личность, культура, обучение, развитие.

В статье будет рассматриваться проблема, которая на протяжении всего развития методической науки не утрачивает своей актуальности, более того, по нашему мнению, имеет тенденцию к обострению в каждый новый период социального, экономического и культурного развития российского государства. Как известно, язык (речь) подвержен влиянию экстралингвистических факторов. Указанные факторы, полагаем, оказывают определенное влияние и на сам процесс формирования языковой личности, носителя родного языка. Что может служить подтверждением данной позиции? К аксиомам методики преподавания русского языка относится следующее: речь усваивается стихийно, бессознательно, спонтанно, из языковой среды, в которую погружен ребенок. Далее: каждое новое поколение обретает «дар слова», опираясь на потенциал языковой способности, психологические и нейрофизиологические данные, присущие поколению. К формирующим личность ученика факторам, определяющим его развитие, следует отнести продуктивность процесса обучения-деятельности, потенциал урока русского языка. «Интеллектуальное и духовно-нравственное развитие личности, – утверждает А.Д. Дейкина, – происходит посредством языка в сопряжении с социокультурными реалиями. В то же время в общественном сознании существует некая неудовлетворенность отечественным образованием: коммуникативной культурой, познавательными продуктами обучения, самостоятельностью познания» [1, с.24].

О сопряжении языка и культуры, находящихся в состоянии кризиса, о неблагоприятности культурной и языковой ситуации в современной России свидетельствуют исследования многих известных лингвистов (В.В. Колесов, Е.Н. Петрова, М. Эпштейн, О.Б.Сиротина). Ученые, анализируя языковую ситуацию в России, констатируют следующее: произошел некий культурный переворот (В.В. Химик); значительно сократилось число носителей языкового культурного стандарта, в массовом сознании происходит смена нормативной

литературной основы языка XX; развивается такая негативная тенденция, как отторжение от родного языка и восприятие его как чужеродного явления, что свидетельствует о духовном кризисе, об отчуждении человека от самого себя (Е.Иванова). Далее: представления о ценностях и речевых эталонах формируются не на основе художественной литературы, а средствами СМИ, в которых демонстрируются чуждые ценности, порочные образцы речевого поведения, разнообразные формы речевой агрессии, что негативно влияет на языковой вкус, искажает картину мира адресата. Активно используя аббревиатуры участник *ВОВы*, *РПЦ*, *трепетун* (*Третий Петроградский Университет*) или графодериваты (графические окказионализмы) «*Страна в нокДАУНе*» (*заголовок статьи о росте числа умственно отсталых детей*), газеты и журналы продолжают насаждать насилие над русским словом. Участник *ВОВы* – это «согнутое в подкову живое слово» (М. Сухотин). По данным О.Б. Сиротиной, «гипертрофия иностранщины» в СМИ несет угрозу превращения «русского литературного языка в страшное по своим последствиям англо-жаргонное просторечное его извращение» [2, с.6].

К указанным негативным тенденциям, имеющим место в современной языковой среде, следует присоединить наблюдаемые в последнее десятилетие так называемые методические «инновации», точнее, «новации», которые насаждаются в российской школе, являясь по сути своей все той же иллюстрацией «гипертрофии иностранщины» или «педагогической моды» (И.И. Срезневский). Активно используемые на уроке как новые технологии «кластеры», «фреймы», «ромашки Блума», «синквейны» вытесняют из российской школы не только родную речь, но и плодотворные отечественные традиции преподавания родного языка. Между тем как многим учителям до сих пор неизвестны, например, принципы, методы и приемы изучения морфологии на синтаксической основе (В.П. Озерская) или изучение морфологии как динамичный целенаправленный процесс (Л.А.Тростенцова). Неизвестны учителям и принципы речевого развития учащихся, сформулированные Л.П.Федоренко на основе установленных закономерностей усвоения речи. Это и не удивительно. Выполняя бесконечные указания и рекомендации, учитель зачастую лишен возможности остановиться, подумать, открыть книгу известного ученого, познакомиться с накопленным методическим опытом, может быть, найти ответы на волнующие его вопросы, где по-прежнему главным остается вопрос «Как учить?»

В каких условиях учится школьник? О здоровье современного школьника, его познавательных и речевых способностях с тревогой пишут психологи и нейрофизиологи, отмечая увеличение числа детей с отклонениями в психическом развитии. Согласно исследованиям А.Л. Сиротюк, в Москве «среди неуспевающих школьников около 50% отстает в своем психическом развитии от нормы», в Санкт-Петербурге «более чем у 40% детей отмечаются различные отклонения в созревании и функционировании нервной системы, в Нижнем Новгороде – у 60%, в Твери

– у 48% обследованных. Такие дети испытывают трудности в овладении письмом, чтением, счетом, в усвоении и понимании текстов, логическом мышлении» [3, с.3].

Современный школьник, не имея возможности «впитывать» эталоны русской речи из окружающей его весьма неблагоприятной языковой среды, испытывает на себе не менее негативное и весьма интенсивное влияние информационных потоков. С помощью новых и очень доступных технологий он легко может получить любую информацию, готовое, кем-то добытое знание, «скачать» текст, сочинение, анализ нужного литературного произведения. Однако именно это лишает современных школьников способности самостоятельно и системно мыслить, рефлексировать, мыслить образами, быть в познавательном поиске и выбирать решения, контролировать свою деятельность, превращая в потребителей готового продукта. Поэтому, как отмечают психологи, многие современные школьники испытывают большие затруднения и не могут самостоятельно создавать законченные связные тексты, поскольку их мышление и память, познавательные и речевые способности, формируемые под влиянием Википедии, являются в определенной степени своеобразным результатом, отражающим ее структуру и назначение.

Не работа за компьютером, а чтение и письмо, говорение должны стать ведущими видами деятельности школьника. Психологи настоятельно рекомендуют помнить постулаты теории Л.С. Выготского о формировании высших психических функций. Обучение, ведущее за собой развитие, должно быть сориентировано не на слабые, а на сильные звенья психической деятельности, «сложность заданий должна меняться по трем основным параметрам: от совместного действия к самостоятельному: от действия во внешней программе к действию по внутренней, от развернутого поэтапного выполнения и контроля действий к их свернутым формам» [3, с. 45]. Последнее отсылает нас к теории П.Я.Гальперина о поэтапном формировании умственных действий, положенной в основу системно-деятельностного подхода.

Деятельность школьника, будучи источником его развития, организуется не самим учеником, а его учителем. На уроке русского языка учитель – ключевая фигура, носитель речевых эталонов, демонстрирующий возможности, потенциал языка «для речи, для мысли, для связи поколений» (М.Р.Львов). Учитель – организатор активной и самостоятельной познавательной деятельности школьника, но в ее начале лежит их совместная деятельность. Профессиональная эрудиция, методическое мастерство, педагогический такт и личное обаяние учителя – факторы, которые дают возможность противостоять социально-культурным вызовам нашего времени в воплощении ключевой идеи современного образования – формирование личности патриота и гражданина России.

Список литературы

1. Дейкина А.Д. Коммуникативно-когнитивное содержание обучения русскому языку: проблема соотношения // Актуальные вопросы методики преподавания русского языка и русского языка как иностранного: Коллективная монография. – М.: Издательство «Спутник +», 2016. – 716 с.
2. Сиротина О.Б. Вероятное и возможное в судьбе русского языка (размышления на основе фактов его изменений в начале XX1века) //Проблемы речевой коммуникации. – Вып. 9. – Саратов, 2009. – С.6.
3. Сиротюк А.Л. Нейропсихологическое и психофизиологическое сопровождение обучения. – М.:ТЦ Сфера,2003. – 288с.
4. Скрыбина О.А. Интенсивный практический курс русского языка: орфография. Пунктуация: пособие для учащихся/ О.А.Скрыбина. – М.:Просвещение, 2006. – 320с.
5. Скрыбина О.А. Когнитивно-коммуникативный подход в обучении правописанию как текстоформирующей деятельности(10-11 классы): Дис.... д-ра пед. наук/ О.А. Скрыбина. – М., 2010. – 463с.
6. Скрыбина О.А. О методике изучения правописания в современной школе // РЯШ, 2017. – №2.
7. Скрыбина О.А.Современные подходы и традиции в преподавании русского языка как родного // Актуальные вопросы методики преподавания русского языка и русского языка как иностранного: Коллективная монография. – М.: Издательство «Спутник +», 2016. – С.49–53.
8. Федоренко Л.П. Закономерности усвоения родной речи: Учеб. Пособие по спецкурсу для студентов пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1984. – 160 с., ил.

FORMATION OF LANGUAGE PERSONALITY IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY CULTURE REALITY

Skryabina O.

This article discusses the key problems of formation of Russian language person; analyzes the cultural context, speech environment in which there is a learning process; It describes the state of speech and cognitive abilities of pupils.

Keywords: language personality, culture, education, development

О ТРУДНОСТЯХ УСПЕШНОЙ КРОССКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Жанарсын Капенова

кандидат педагогических наук, асс. профессор (доцент)

Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова

Павлодар, Казахстан

e-mail: Zhanarsyn_k@mail.ru

Мария Валова

магистрант

Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова

Павлодар, Казахстан

e-mail: m_valova73@mail.ru

В статье дано описание кросскультурной коммуникации как одного из основных направлений теории коммуникации. Актуальность ее изучения обусловлена современной мировой глобализацией и межкультурной коммуникацией. Последняя, в свою очередь, может быть успешной при условии усвоения специфики иностранной культуры и языка. В этой связи названы основные трудности, порождающие непонимание и ошибки, препятствующие межкультурной коммуникации.

Ключевые слова. Кросскультурная коммуникация, вербальный модус, невербальная модальность, трудности эффективной кросскультурной коммуникации.

Проблема кросскультурной коммуникации – одна из актуальных в сфере социогуманитарных и лингвистических наук. Ее значимость возрастает в условиях глобализации и активного сотрудничества с иностранными специалистами.

Понятие «кросскультурная коммуникация» в переводе с английского языка «cross-culture communication» означает «пересекающаяся культурная коммуникация». Это новое направление в теории коммуникации, предметом изучения которого является диалог и взаимодействие разных культур, обмен информацией и культурными ценностями в процессе общения.

Изучение научных источников показало, что вопрос о кросскультурной коммуникации остается одним из ключевых. Об этом свидетельствуют публикации российских ученых Л. И. Гришаевой, А. П. Садохина, С. Г. Тер-Минасовой и др. В контексте казахстанской поликультурной и полиязычной среды этот вопрос рассматривается преимущественно в сфере журналистики. В частности, поиск научных трудов показал лишь незначительный список публикаций в рамках конференций. Это говорит о недостаточном внимании к данному направлению в Казахстане.

Целью статьи является описание кросскультурной коммуникации как одного из актуальных направлений современной теории коммуникации, определение трудностей, мешающих успешной коммуникации с носителями культур дальнего зарубежья.

Кросскультурной коммуникации присущ ряд особенностей, которые делают ее более сложной, требовательной и трудной, чем внутрикультурная или кроссличностная коммуникация.

Компоненты коммуникативного процесса можно дифференцировать несколькими способами. Один из них – «определить модусы, посредством которых может осуществляться коммуникация» [1, с. 270]. Люди общаются, используя две модальности: вербальную и невербальную.

Вербальный модус включает в себя язык с его уникальным набором фонем, морфем и лексики, синтаксисом и грамматикой, фонологией, семантикой и прагматикой. Вербальный язык – содержащая эти компоненты смысловая система, которая обеспечивает обмен идеями, мыслями и чувствами.

Невербальная модальность включает в себя все неязыковое поведение, в том числе выражения лица, взгляд и контакт глаз, голосовые интонации и паралингвистические подсказки, межличностное пространство, жесты, позу тела и паузы. Невербальное поведение многомерно; оно служит многим целям, помимо прямой коммуникации (вспомним классификацию Экмана и Фризена, касающуюся невербальных действий как иллюстраций, регуляторов, эмблем, а также жестов, адаптеров и эмоций). Немало исследований, как внутри США, так и в других культурах, продемонстрировали относительно большую значимость невербального поведения по сравнению с вербальным языком при передаче сообщений [2, с. 192].

Культура оказывает глубокое влияние на вербальный язык. Каждый язык – это уникальная система символов, которая показывает, что именно культура считает важным. Определенные слова могут существовать в одних языках, но не в других, отражая различия в том, как культуры символически изображают мир. Разные культуры и языки часто используют слова-референты, относящиеся к «Я» и окружающим различным образом; например, английские местоимения *я* и *ты* могут быть заменены обозначениями роли, положения и статуса. Системы счета – еще один пример культурного влияния на вербальный язык. Во многих языках имеются числительные, обозначающие характеристики пересчитываемых объектов, и разные языки могут иметь различные базовые системы для передачи числовых отношений. Культура воздействует не только на лексику языка, но также на его функцию или прагматику. Индивидуалистические культуры связаны с языками, которые допускают исключение местоимений из предложений. Другие исследования продемонстрировали культурные различия и в других аспектах коммуникации, включая внутригрупповую и межгрупповую коммуникации, использование извинений, откровенных признаний, комплиментов и критики. Вкупе эти исследования рисуют достаточно полную картину глубокого влияния культуры на прагматику языка.

Согласно гипотезе Сепира – Уорфа, культура влияет и на структуру мыслительных процессов. Несмотря на то, что некоторые исследования в течение многих лет ставят эту гипотезу под сомнение, она получила значительную поддержку в том, что касается влияния грамматики и синтаксиса языка на мышление. Исследования по двуязычию и полиязычию также продемонстрировали тесную связь между культурой и языком: носители нескольких языков «допускают в свое сознание различные культурные системы, когда говорят на соответствующем языке» [3, с. 153-156].

Культура также влияет на многие невербальные действия. Хотя кросскультурные исследования показали, что мимические выражения гнева, презрения, отвращения, страха, счастья, печали и удивления являются панкультурными. Мы также знаем, что культуры разнятся в правилах проявления чувств, которые определяют использование универсальных выражений. Кроме того, мы знаем, что существует множество культурных различий в жестах, взгляде и визуальном внимании, межличностном пространстве, позах тела, а также в голосовых интонациях и речевых характеристиках.

Многочисленные исследования достаточно полно описывают, как культура влияет на все аспекты кодирования сообщений при коммуникации. Независимо от того, происходит ли кодирование вербально, при помощи языка, или невербально, посредством выражения лица, жестов, позы или любых других невербальных параметров, на все процессы кодирования влияет культура. Это означает, что культура во многом обуславливает то, как сообщение кодируется в сигналы и как именно сигналы посылаются кодирующим во время коммуникации. Разумеется, точная коммуникация зависит от способности декодирующего расшифровать получаемые сигналы в терминах скрытого сообщения, которое кодирующий намеревался передать. Эта способность, в свою очередь, зависит от того, «насколько сведущ получатель сообщения в используемом процессе кодирования» [4, с. 176].

Во многих источниках термин *кросскультурная коммуникация* используется как синоним термина *межкультурная коммуникация*. В контексте коммуникации разницы между этими терминами нет; однако имеется важное различие между кросскультурным и межкультурным исследованием. *Кросскультурное* исследование относится к сравнению двух или более культур по некоторой интересующей переменной (например, выясняются различия между культурами *A* и *B* в выражении эмоций). *Межкультурное* исследование имеет отношение к изучению интеракции между представителями двух или более культур в рамках одного социально-культурного пространства (например, выясняются различия в том, как представители культур *A* и *B* выражают эмоции, когда общаются соответственно с людьми из культур *B* и *L*) [5, с. 128]. При кросскультурном исследовании важным становится вопрос о взаимодействии культур разных

типов и, прежде всего, появляется необходимость знаний о тех трудностях, которые препятствуют достижению успешной коммуникации.

Выделяют шесть основных «камней преткновения» [6, с. 321].

1. *Допущение сходств.* Одной из причин непонимания при межкультурной коммуникации становится то, что люди наивно предполагают, будто все они одинаковы или, по крайней мере, достаточно схожи для того, чтобы легко общаться друг с другом. Разумеется, всем людям присущ ряд базовых сходств в биологических и социальных потребностях. Однако коммуникация – это уникальная человеческая особенность, которую формируют специфические культуры и общества. Действительно, коммуникация представляет собой продукт культуры. Кроме того, выходцы из некоторых культур делают больше допущений в отношении сходств, чем выходцы из других; т. е. степень допущения людьми того, что другие им подобны, варьирует для разных культур. Таким образом, само допущение сходств представляет собой культурную переменную.

2. *Языковые различия.* Когда люди пытаются общаться на языке, который знают не в совершенстве, они часто полагают, что слово, фраза или предложение имеют одно и только одно значение – то, которое они намерены передать. Делать такое допущение – значит игнорировать все остальные возможные источники сигналов и сообщений, включая невербальную экспрессию, интонацию голоса, позу, жесты и действия. Поскольку люди цепляются за одиночные, простые интерпретации того, что, в сущности, является сложным процессом, постольку в коммуникации будут возникать проблемы.

3. *Ошибочные невербальные интерпретации.* Как мы видели, в любой культуре невербальное поведение составляет большую часть коммуникативных сообщений. Но очень трудно полностью понимать невербальный язык культуры, не являющейся вашей собственной. Неправильная интерпретация невербального поведения может легко привести к конфликтам или конфронтации, которые нарушают коммуникативный процесс.

4. *Предубеждения и стереотипы.* Как говорилось ранее, стереотипы и предубеждения в отношении людей – естественные и неизбежные психологические процессы, которые влияют на восприятие и коммуникативные контакты. Излишняя опора на стереотипы может помешать объективно посмотреть на других людей, их сообщения и найти подсказки, которые помогут проинтерпретировать эти сообщения в том ключе, в котором нам намеревались их передать. Стереотипы поддерживаются множеством психологических процессов (включая избирательное внимание), которые могут негативно влиять на коммуникацию.

5. *Стремление оценивать.* Культурные ценности также влияют на наши атрибуты в отношении других людей и окружающего нас мира. Различные ценности могут вызывать негативные оценки, которые становятся

еще одним камнем преткновения на пути к эффективной межкультурной коммуникации.

6. *Повышенная тревога или напряжение.* Эпизоды межкультурной коммуникации часто связаны с большей тревогой и стрессом, чем знакомые ситуации внутрикультурной коммуникации. Во многих случаях определенная степень тревоги и напряжения необходима для оптимального «выступления», будь то в межкультурной коммуникации или в других сферах жизни (например, при сдаче экзамена или в спортивных состязаниях). Однако излишняя тревога и стресс могут привести к дисфункциональным мыслительным процессам и поведению. Стресс и тревога могут повышать вероятность того, что люди станут догматично цепляться за жесткие интерпретации, держаться стереотипов, несмотря на объективные свидетельства об обратном, и негативно оценивать других. Таким образом, излишняя тревога и стресс только вредят кросскультурной коммуникации.

Таким образом, необходимым условием эффективной кросскультурной коммуникации являются знания и навыки, которые должны сочетаться с открытостью и гибкостью собственного мышления и интерпретаций, а также с мотивацией осуществлять эффективную коммуникацию и успешно выстраивать отношения.

Список литературы

1. Парсонс Т. Система современных обществ [Текст] / Толкотт Парсонс; перевод с англ. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 270 с.
2. Поливанова К. Н. Проектная деятельность школьников: пособие для учителя / К. Н. Поливанова. – М.: Просвещение, 2008. – 192 с.
3. Фрейд З. Недовольство культурой [Текст] / З. Фрейд // Антология культурологической мысли / авт.-сост. С. П. Мамонтов, А. С. Мамонтов. – М.: Изд-во РОУ, 2006. – 153-156 с.
4. Проектные задачи в начальной школе: пособие для учителя / А. Б. Воронцов [и др.]; под ред. А. Б. Воронцова. – М.: Просвещение, 2009. – 176 с.
5. Савенков А. И. Методика исследовательского обучения дошкольников. – Самара: издательство «Учебная литература»: Издательский дом «Федоров», 2010. – 128 с.
6. Проблемы общения в психологии / Под ред. Б. Ф. Ломова. – М., 2001. – 321с.

ABOUT DIFFICULTIES OF SUCCESSFUL CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

Kapenova J., Valova M.

The article is about cross-cultural communication as one of the main directions of theory communication. The relevance of theme is studying modern globalization and cross-cultural communication. Cross-cultural communication is possible through digestion of foreign culture and language. The basic mistake which causes misunderstanding in communication is mentioned in the article.

Keywords. Cross-cultural communication, verbal mode, non-verbal modality, difficulties, successful cross-cultural communication.

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Алла Михайлова

ст. преподаватель

Севастопольский государственный университет

Steba1971@mail.ru

Исследуются коммуникативные характеристики в структуре личности будущих специалистов. В рамках констатирующего эксперимента определяются уровни сформированности коммуникативных способностей у студентов. Описаны результаты диагностического исследования и пути формирования коммуникативных способностей современной молодежи.

Ключевые слова: коммуникативная толерантность, терпимость, завуалированная жестокость, эмпатия, толерантное общение, негативизм, морально-нравственные качества, диалог.

Проблема низкого уровня коммуникативных способностей молодежи в мировом сообществе становится все более актуальной, поскольку в результате роста международного терроризма и межнациональных конфликтов резко увеличилась напряженность в человеческих отношениях. Поиск путей формирования толерантного поведения молодежи, профилактики различных видов экстремизма и противодействия им являются одними из важнейших задач в современном многонациональном российском обществе [2].

По-настоящему образованный человек способен к сопереживанию, готов к свободному гуманистически ориентированному выбору. Образование становится необходимым условием стабилизации состояния социокультурной системы и одновременно средством активизации развития современного общества. Гуманизация современного образования как основополагающий элемент культуры, неразрывно связана с представлениями об ориентации процесса обучения на развитие и саморазвитие личности, на приоритеты общечеловеческих ценностей, на оптимизацию взаимодействия личности и социума. Различные образовательные подходы, существующие в современной системе образования, предполагают целенаправленное создание условий для развития таких качеств, как осознание норм собственного поведения, целостность, умение понять другого, принятие себя и других, толерантность.

Концепция толерантной личности неразрывно связана со структурными теориями личности, обозначенными такими выдающимися психологами, как Рэймонд Кеттел, Ганс Айзенк и Гордон Олпорт. Черта в данных концепциях личности рассматривается как «устойчивое качество или

склонность человека вести себя определенным образом в разнообразных ситуациях».

В концепции Г. Олпорта толерантная личность представлена такими качествами как расположенность к другим, снисходительность, терпение, чувство юмора, чуткость, доверие, альтруизм, терпимость к различиям, умение владеть собой, доброжелательность, умение не осуждать других, гуманизм, умение слушать, любознательность, способность к сопереживанию. Системообразующим качеством толерантной личности в теории Олпорта является толерантность к неопределенности. В когнитивной теории личности таким качеством выступает когнитивная сложность индивида. Исследователи Г. У. Солдатова, Л. А. Шайгерова, О. Д. Шарова выделяют критерии толерантности, наблюдаемые в социальной среде: взаимоуважение, равноправие, сохранение и развитие культуры, возможность следовать традициям, свобода вероисповедания, сотрудничество и солидарность в решении общих проблем, позитивная лексика [5].

Целью данного исследования является изучение толерантных характеристик в структуре личности, определение уровней сформированности толерантности у студентов и поиск путей формирования толерантного поведения молодежи.

Объект исследования - толерантность как психологический феномен.

Предмет исследования - толерантные характеристики в структуре личности.

Для достижения поставленной цели исследования решены следующие задачи:

изучена психолого-педагогическая литература по теме исследования и выделены психологические составляющие толерантности;

подобран диагностический инструмент для исследования личностных характеристик толерантности;

проведен констатирующий эксперимент и проанализированы полученные результаты;

определены пути формирования толерантного поведения молодежи.

Методы исследования. В работе используется следующий комплекс методов, направленных на решение поставленных задач: анализ научной литературы по проблеме исследования; методы сбора эмпирических данных, методика диагностики коммуникативной толерантности В. В. Бойко.

С целью определения уровня развития толерантных качеств студентов нами в сентябре 2016 г. была проведена исследовательская работа в группах студентов Севастопольского государственного университета. В опросе участвовало 50 студентов.

В связи с тем, что толерантность выступает как явление многомерное и многоуровневое, мы обратились к существующим методическим средствам, направленным на диагностику отдельных личностных характеристик,

связанных с толерантностью, но непосредственно не создававшихся с целью её диагностики.

Блок использованных психологических методик разделен на две части. Первая часть содержит в себе тесты, которые определяют степень готовности к толерантному общению, и вторая часть методики предназначена для самодиагностики и саморефлексии своих личностных качеств, поведенческих установок относительно понятия толерантности.

Остановимся подробнее на методике проведения диагностики и ее результатах. Для проведения эмпирического исследования готовности студентов специальности «Физика» к толерантному общению была использована методика диагностики коммуникативных установок (автор В.В. Бойко) [4], которая показала следующие результаты:

1. *Завуалированная жестокость в отношении к людям, в суждениях о них.*

Максимальное количество 20 баллов набрал 1 % студентов.

У 53 % (20-16 баллов) – отчетливо выражена завуалированная жестокость в отношении к людям.

У 27 % (15-10 баллов) – средний уровень жестокости в отношении к людям.

У 20 % (0-9 баллов) - низкий уровень жестокости в отношении к людям.

2. *Открытая жестокость в отношении к людям.*

Личность не скрывает и не смягчает свои негативные оценки и переживания по поводу большинства окружающих: выводы о них резкие, однозначные и сделаны, возможно, навсегда.

Максимальное количество 45 баллов у 2 % студентов, 0 баллов у 2 % студентов.

Высокий уровень жестокости (45-35 баллов) – 34 %.

Средний уровень (34-20 баллов) – 36 %.

Низкий уровень (0-19 баллов) – 30 %.

3. *Обоснованный негативизм в суждениях о людях.*

Таковой выражается в объективно обусловленных отрицательных выводах о некоторых типах людей и отдельных сторонах взаимодействия.

Максимальное число баллов — 5 у 3 % студентов.

Высокий уровень обоснованного негативизма (5-3 балла) – 40 %.

Средний – (2-1 балла) – 50 %.

Низкий уровень (0- баллов) – 10 %.

4. *Склонность делать необоснованные обобщения негативных фактов в области взаимоотношений с партнерами и в наблюдении за социальной действительностью.*

Максимальное количество баллов – 10 не набрал никто.

Высокий уровень склонности делать необоснованные обобщения негативных фактов (10-8 баллов) – 12 %.

Средний – (7-4 балла) – 50 %.

Низкий уровень (3-0 баллов) – 38 %.

Общие результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Диагностика коммуникативных установок В. В. Бойко (в %)

Уровни сформированности	Завуалированная жестокость	Открытая жестокость	Негативизм	Необоснованность	Негативный личный опыт
Высокий	53	34	40	12	30
Средний	27	36	50	50	24
Низкий	20	30	10	38	46

Результаты исследования, проведенного по указанной выше методике диагностики коммуникативной установки, позволяют сделать вывод о том, что 34 % студентов, участвующих в тестировании, обладают выраженной негативной коммуникативной установкой.

Анализ полученных данных показывает, что 37,5% опрошенных обладают средними коммуникативными способностями и только 28,5% – высокими и очень высокими коммуникативными способностями, что вызывает беспокойство по поводу морально-нравственных качеств студентов.

Результаты констатирующего этапа эксперимента свидетельствовали о несформированности основных характеристик толерантности, что подтверждает необходимость разработки и внедрения программы целенаправленного формирования толерантности как интегрального качества личности. Таким образом, проведенный анализ тестирования, позволяет нам говорить о том, что качества, отмеченные учителями при самодиагностике, характеризуют их склонность в общении к проявлению больше интолерантных проявлений, чем толерантных.

Уровень общей коммуникативной толерантности – в нем просматриваются тенденции отношения к людям в целом, тенденции, обусловленные жизненным опытом, установками, свойствами характера, нравственными принципами, состоянием психического здоровья человека. Общая коммуникативная толерантность в значительной мере предопределяет прочие её формы – ситуативную, типологическую, профессиональную. Определить, в какой мере личность способна проявлять терпимость к другим, может способствовать анализ определенных поведенческих признаков и умонастроений. Так, например, о низком уровне общей коммуникативной толерантности свидетельствуют такие особенности поведения: человек не умеет, либо не хочет понимать или принимать индивидуальность других людей. Индивидуальность другого – это, прежде всего, то, что составляет особенное в нем: данное от природы, воспитанное, усвоенное в среде обитания. Мера несовпадения личностных подструктур собеседников и составляет различия их индивидуальностей. Качества личности, которые определяют положительный эмоциональный фон общения с ней, являются коммуникабельными, а качества, вызывающие негативное отношение к

собеседнику — некоммуникабельными. Человек с низким уровнем общей коммуникативной толерантности обычно демонстрирует неуправляемые отрицательные реакции в ответ на некоммуникабельные качества партнера.

Пути формирования коммуникативных способностей молодежи мы видим в применении активных методов обучения. В методах активного обучения различают имитационные (игровые: ролевые и деловые игры, деловое проектирование и неигровые: анализ конкретных ситуаций, решение ситуационных задач, тренинги, кейс-метод), т. е. формы проведения занятий, в которых учебно-познавательная деятельность построена на имитации профессиональной деятельности. Деловая игра – это форма воссоздания предметного и социального содержания профессиональной деятельности, моделирование систем отношений, характерных для данного вида практики. Благодаря дискуссии студент отходит от черт эгоцентричного мышления и учится вставать на точку зрения другого, что очень важно при развитии коммуникативных умений, являющихся источником формирования толерантности. В ходе социально-психологического тренинга, основанного на методах групповой работы, происходит овладение знаниями социально-психологического характера и корректируется поведение. В процессе тренинга формируются навыки межличностного взаимодействия, развивается способность к рефлексии и умение быстро и гибко реагировать на ситуацию и перестраивать свое поведение в диалоге, но и придерживаться своей точки зрения. Диалог, по М. Бахтину, – это «взаимопонимание участвующих в этом процессе и в то же время сохранение своего мнения, сохранение дистанции (своего места)» [1, с. 430].

Интерактивные методы, основывающиеся на создании условий для формирования толерантности, предполагают выступление учащихся в качестве активных субъектов деятельности. Педагог может стимулировать развитие толерантности у подростков, используя методики, способствующие сплочению коллектива, развитию у подростков навыков сотрудничества, принятия других людей. Использование различных методик, направленных на взаимодействие, таких, как совместная групповая деятельность в процессе обучения и воспитания, формирует ценностное отношение учащихся друг к другу, признание индивидуальных особенностей, снижает риск возникновения конфликтов, а также развивает навыки конструктивных способов разрешения конфликта, при появлении конфликтных ситуаций [2].

Таким образом, перечисленные методы можно использовать с целью эффективного формирования установки на коммуникативность, состоящей в способности и готовности к равноправному диалогу с другими людьми. Диалог предполагает общность пространства и времени, сопереживания с целью понять собеседника, найти с ним общий язык, что весьма актуально в условиях современного поликультурного пространства.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. / М. М. Бахтин – М., 1986. – С. 430.

2. Киселева Э. М., Рзаева Г. И. О подготовке бакалавров педагогического образования к развитию толерантности школьников // Э. М. Киселева, Г. И. Рзаева // Молодой ученый. — 2015. — №8. — С. 950-953.

3. Краевский В. В. «Человеческий фактор» в жизни и в педагогике / В. В. Краевский // Педагогика, 2006. — №3.

4. Райгородский Д. Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие. / Д. Я. Райгородский. — Самара: Издательский Дом «БАХРАХ», 1998. - 672 с.

5. Солдатова Г. У. Жить в мире с собой и другими: тренинг толерантности для подростков / Г. У. Солдатова, Л. А. Шайгерова, О. Д. Шарова. — М.: Генезис, 2001. — 112 с.

THE FORMATION OF COMMUNICATIVE ABILITIES OF TODAY'S YOUTH

Mihaylova A.

The communicative characteristics in the structure of personality of future specialists are investigated. In the framework of the experiment the levels of formation of the communicative abilities of the students are determined. The results of the diagnostic study and the ways of formation of communicative abilities of today's youth are analyzed.

The tolerant characteristics in the structure of personality of future specialists of the Sevastopol University are examined. In the framework of the experiment the levels of a formation of tolerance among students are determined.

Key words: communicative tolerance, the veiled cruelty, empathy, tolerance, communication, negativity, moral qualities, dialogue.

ОБУЧЕНИЕ СЛАБОСЛЫШАЩИХ ДЕТЕЙ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ЧЕРЕЗ ИГРОВЫЕ ПРИЕМЫ

Марина Шамиурова

доцент

Юлия Обухова

студент

Яна Конникова

студент

Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г.

Короленко

Глазов, Россия

e-mail: ma-sham@yandex.ru

В данной статье определена роль обучения слабослышащих детей английскому языку через игровые приемы. Подобраны эффективные упражнения для слабослышащих детей. Предложены примеры игр в ходе обучения английскому языку.

Ключевые слова: обучение английскому языку, слабослышащие дети, игровые приемы обучения

Эффективность усвоения знаний и формирования навыков во многом зависит от психологических особенностей личности обучающихся, в частности от их способа восприятия информации.

Для процесса обучения глухих английскому языку, в сравнении с обучением слышащих, характерен принципиально иной, значительно более высокий уровень индивидуализации обучения. Это постоянное индивидуальное внимание к каждому обучающемуся в плане произносительной стороны англоязычной речи, необходимость постоянного индивидуального учета состояния слуховой функции, возможностей и навыков слухового и зрительного восприятия, а также общего развития речи.

Подобрать эффективные упражнения для слабослышащих детей не простая задача, так как такие упражнения требуют больших временных затрат и более четкой организации процесса обучения.

Изучение иностранного языка слабослышащими детьми является одним из каналов связи с окружающим миром. Иностранный язык входит в перечень обязательных общеобразовательных дисциплин. Согласно учебному плану для образовательных учебных заведений для учащихся 5-11 классов отводится 3 учебных часа в неделю. Однако слабослышащим, глухим, детям, имеющим тяжелые речевые нарушения, недостаточно отведенного времени на изучение иностранного языка. Учителю, работающему с такими детьми, необходимо с самого начала подобрать правильные методы обучения, максимально облегчающие учебную деятельность.

Работа с глухими детьми, его знакомство с культурой носителей языка отличного от его родного языка открывает учащемуся возможность осмысления собственного существования, задает ориентиры для реализации личных устремлений.

Глухие и слабослышащие дети проявляют высокую заинтересованность в изучении языка, особенно на раннем этапе. К сожалению, особенностью подобных классов является медленный процесс обучения. Работа проводится в неразрывной связи с педагогом дефектологом, который отслеживает детей с начальной школы и знаком с их проблемами. 2 раза в неделю дети ходят на занятия к сурдопедагогу, где отрабатывают термины, слова, читают тексты, слушают. На начальном этапе, когда всё ещё в новинку и нет трудностей в запоминании, изучении, дети с удовольствием берутся за работу. Стоит появиться первым трудностям, начинается спад, причём, довольно резкий.

Принципиально важную положительную роль, обусловленную особым значением зрительного восприятия при нарушениях слуха, играет более полная опора на наглядность. Поэтому в учебном процессе, особенно на начальных его этапах, следует широко использовать разного рода иллюстративный материал. Введение новых тем поддерживается относящимися к ним иллюстрациями; при организации на занятиях диалогов, между школьниками предлагаются картинки, дающие дополнительную зрительную опору для их проведения.

Следует также учитывать индивидуальные отличия детей с нарушениями слуха по степени этих нарушений, по речевым особенностям. Предлагается при обучении иностранному языку разделить такие классы на группы не более 5 человек.

Преподавателю английского языка необходимо на протяжении всего курса обучения учитывать состояние слуховой функции каждого ребенка, его способность овладевать произносительной стороной и восприятием устной речи, иные индивидуальные особенности, связанные с нарушением слуха.

При обучении иностранному языку глухих и слабослышащих детей необходимы :

- широкая опора на наглядность (картинки, схемы, карточки).
- письмо. Помимо того, что оно является необходимой составляющей англоязычной речи, в данном случае оно представляет важнейшее средство овладения языком, необходимое для формирования письменного образа слова, коррекции у обучаемого его устной формы .
- внимание к транскрипции. В связи с тем, что дети не слышат совсем или слышат плохо, учителю не следует с самого начала записывать слова русскими буквами.

Особо стоит отметить применение игровых приемов в процессе обучения английскому языку слабослышащих детей.

Игры способствуют повышению эффективности обучения, так как приводят: к стимулированию интеллектуальной и эмоциональной

деятельности; увеличению объема активной речевой практики; расширению кругозора, созданию мотивации к совместной познавательной деятельности в группах.

Именно игровая деятельность создает условия для естественного общения детей, в том числе и с нарушением слуха. С учетом психологических и педагогических особенностей слабослышащих детей младшего школьного возраста могут быть выделены следующие типы речевых игр: игра в куклы, подвижные игры (спокойные игры), игры творческие, игры в сказку, игра «Живые картинки» [2, 76–82].

Речевая игровая деятельность должна включать в себя упражнения, формирующие умения:

- выделять основные признаки предметов, сравнивать;
- группы игр на обобщение предметов по определенным признакам;
- группы игр в процессе которых у детей развивается умение владеть собой, быстрота реакции на слово, фонематический слух. При этом игровой сюжет развивается параллельно основному содержанию обучения, помогает активизировать учебный процесс. Игра способствует запоминанию, которое является преобладающим на начальном этапе обучения иностранному языку [1, 134].

Изучению лексики необходимо уделять самое большое внимание, записывая слова на уроке, следует вставлять их в одну и ту же структуру. Очень полезно вместе со слабослышащим ребенком устно проговаривать слова после многократного правильного их прочтения. Каждое новое слово необходимо давать ребенку в письменной форме.

На уроках по английскому языку нами использовались следующие игры:

- Соединить картинку и слово (слово и его перевод). В ходе игры учителю можно для тренировки произвольного внимания допускать ошибки (не то слово),
- Разделить на отдельные слова цепочку,
- Лото,
- Найти парные карточки – слово и перевод,
- Летел лебедь (повторение алфавита и цифр),
- 4-й лишний (найти и объяснить лишнее слово)
- «Буквы рассыпались» - на доске учитель пишет слова, перепутав буквы,
- «Собираем грибы» - заранее следует написать слова, разрезать их на части, обычно большие разложить по классу и собрать «грибы»
- «Ассоциативные классики» – на листе рисуются классики, каждый помечен своей категорией (например, животные или звуки). Учащиеся, бросая фишку, должны назвать как можно больше слов из этой категории. Время со слабослышащими детьми можно не ограничивать, главное - говорить.

Намного сложнее у слабослышащих детей происходит обучение грамматике английского языка. При нормальном ходе речевого развития слышащие дети обычно к 5-летнему возрасту усваивают все грамматические закономерности родного языка. У глухих и слабослышащих такое не происходит. Выявленные специфические ошибки, характерные для детей с нарушенным слухом при изучении английского языка, объясняются наличием у них остаточных дефектов в родной речи, недостатками чувства родного языка. Отсюда следует: необходимо учить грамматику на каждом уроке, начиная с грамматики родного языка используя:

- Хоровое проговаривание;
- Повторение предложения (Аня, скажи Оле, что...; спроси...Антон, объясни);
- Включение лексики в состав знакомых предложений. I see a cat и т. д.;
- Отработка единой структуры, например, there is/are с разной лексикой;

Грамматика для слабослышащих детей остается камнем преткновения так как для них сложна грамматика русского языка. Обычно глухие дети хорошо считывают с губ, но это помогает только в родной речи. В английском языке это не проходит, учителю приходится писать на доске.

В целом стоит отметить, что в обучении английскому языку слабослышащих детей учителю важно уделить внимание каждому. Мы старались привлечь непосредственное внимание каждого учащегося. Иногда было достаточно коснуться до плеча. Говорили медленно, так как излишнее ударение искажает движение губ, усложняя процесс движения по губам.

Благодаря занятиям английскому языку у детей повысилась познавательная активность, уровень работоспособности, улучшилось эмоциональное состояние, развились коммуникативные умения и навыки, что привело к лучшей адаптации таких детей в обществе слышащих.

Список литературы

1. Актуальные задачи педагогики: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Чита, январь 2015 г.). – Чита: Издательство Молодой ученый, 2015. – vi, 106 с.
2. Зайцева, Г. Л. Жестовая речь. Дактилология / Г. Л. Зайцева. — М., 2000.
3. Обучение английскому языку слабослышащих школьников (из собственного опыта) [Электронный ресурс] – статья в интернете // Режим доступа: http://nsportal.ru/shkola/inostrannyeyazyki/angliiskiy_yazyk/library/2015/04/09/obuchenie-angliyskomu-yazyku
4. Обучение английскому языку студентов с нарушениями слуха в системе высшего гуманитарного образования [Электронный ресурс] – статья в интернете // Режим доступа: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-03/dissertaciya-obuchenie-angliyskomu-yazyku-studentov-s-narusheniyami-sluha-v-sisteme-vysshego-gumanitarnogo-obrazovaniya>

TRAINING ENGLISH FOR HEARING-IMPAIRED CHILDREN ACROSS GAME TECHNIQUES

Shamshurova M., Obukhova Yu., Konnikova Ya.

This article defines the role of training English for hearing-impaired children across game techniques. The effective exercises for hearing-impaired children have been presented.. Examples of games in the English language training have been offered

Keywords: English language training, hearing-impaired children, learning game techniques.

СОДЕРЖАНИЕ

Человек. Культура. Общество

<i>Артамонова Инесса</i>	3
ПОКОЛЕНИЕ ДОНБАССА – 2017: ЖИТЬ НА ВЫСОТЕ ИДЕЙ СВОЕГО ВРЕМЕНИ.....	
<i>Теркулов Вячеслав</i>	7
ПОСЛЕДНИЙ СЛОВАРЬ Е. С. ОТИНА.....	
<i>Кравченко Оксана</i>	12
ОСМЫСЛЕНИЕ КРИЗИСА КУЛЬТУРЫ В ТРАКТАТЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ САМОСОЗНАЮЩЕЙ ДУШИ».....	
<i>Штомпель Людмила</i>	16
КОНСТРУИРОВАНИЕ ДОМИНАНТНОГО КУЛЬТУРНО- АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ..	
<i>Закирова Наталия</i>	20
НАША ПУШКИНИАНА (к 80-летию профессора С.А. Фомичёва).....	
Актуальные проблемы культурологии	
<i>Берестовская Диана</i>	24
ИДЕИ ДУХОВНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ КУЛЬТУРЫ В КОНЦЕПЦИИ В. В. ЗЕНЬКОВСКОГО («РУССКИЕ МЫСЛИТЕЛИ И ЕВРОПА»).....	
<i>Сугай Лариса</i>	28
КУЛЬТУРОЛОГИЯ В ТРАКТОВКЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО.....	
<i>Муза Дмитрий</i>	39
ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ВЕРСИЯ КУЛЬТУРОТВОРЧЕСТВА: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	
<i>Рогожкин Александр</i>	45
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ «ВОЙНА КУЛЬТУР» И «КУЛЬТУРНЫЕ ВОЙНЫ».....	
<i>Кураמיшина Бляя</i>	51
«ЗАПАД – РОССИЯ – ВОСТОК» В ТРУДАХ П. М. БИЦИЛЛИ.....	
<i>Чельшева Ирина</i>	55
ИЕРАРХИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАК СРЕДСТВО ВЫЯВЛЕНИЯ ВЕДУЩИХ ХАРАКТЕРИСТИК ПОНЯТИЯ «КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ».....	
<i>Агаркова Анна</i>	60
ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ.....	
<i>Корсак Маргарита</i>	66
ПОНЯТИЕ ЛАБИРИНТА В КОНТЕКСТЕ ВИРТУАЛИЗАЦИИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОПЫТА.....	
<i>Кондаурова Александра</i>	72
СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ГРОТЕСКА В МИФОЛОГИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ.....	
Искусство в системе духовной культуры общества	
<i>Федоров Владимир</i>	76
О ПОЭТИЧЕСКОМ БЫТИИ.....	
<i>Миннуллин Олег</i>	87
ОБ ОДНОМ ИСТОКЕ ТЕОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ: ВАСИЛИЙ КАНДИНСКИЙ «О ДУХОВНОМ В ИСКУССТВЕ».....	
<i>Ущановская Елена</i>	90
ОТ ОБЫВАТЕЛЬЩИНЫ К ДУХОВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ДЕТСКОЙ ХОРОВОЙ ШКОЛЫ «БЛАГОВЕСТ» ДОНЕЦКОЙ ЕПАРХИИ).....	

<i>Горобец Ирина</i>	93
РУССКИЙ КОНСТРУКТИВИЗМ: НА ПУТИ К СОЗДАНИЮ НОВОГО ОБЛИКА ГОРОДА.....	
<i>Калиниченко Екатерина</i>	98
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ: 2014-2017 гг.....	
<i>Черникова Анастасия</i>	106
СИМВОЛИКА ОБРАЗОВ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ИГРУШКИ (НА ПРИМЕРЕ СОБРАНИЯ ОТДЕЛА ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА ДОНЕЦКОГО РЕСПУБЛИКАНСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ).....	
<i>Шендрикова Снежана, Шалаева Надежда</i>	110
ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ КРЫМА НА ПРИМЕРЕ СИМФЕРОПОЛЯ В ПЕРИОД ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО БЕЗВРЕМЬЯ (1917 – 1920 гг.).....	
<i>Стасюк Светлана</i>	116
АНТИНОМИИ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В ЖАНРОВЫХ АРХЕТИПАХ РУССКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ОПЕРЫ.....	
<i>Рыбина Ольга</i>	121
МУЗЫКА КАК КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА.....	
Лингвистическое описание культурных реалий	
<i>Балко Марина</i>	128
ЯЗЫКОВАЯ НОРМА, ЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ, ЯЗЫКОВОЙ ВКУС: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ.....	
<i>Каика Наталия</i>	133
РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ГЕЛАСМИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ.....	
<i>Борисенкова Алла</i>	138
КУЛЬТУРЕМЫ В ТРАГЕДИИ А. С. ПУШКИНА «БОРИС ГОДУНОВ» И ИХ ПЕРЕВОД НА СЛОВАЦКИЙ ЯЗЫК.....	
<i>Бекасова Елена, Устюгова Людмила</i>	143
АЗБУКА КАК ЭКСПЛИКАЦИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ.....	
<i>Мозговой Владимир</i>	148
ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ.....	
<i>Каллистратидис Евгения</i>	153
ЭКСПРЕССИВНЫЙ ОНОМАСТИКОН НЕФОРМАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ.....	
<i>Михальченко Марина</i>	160
АРГУМЕНТЫ В СТРУКТУРЕ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА.....	
<i>Зенина Анастасия</i>	163
СТРУКТУРА КОНЦЕПТУ «ГНІЗДО» В УКРАЇНСЬКІЙ ЛІНГВОКУЛЬТУРІ.....	
Культурное пространство художественного текста	
<i>Буянова Людмила</i>	163
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ В СТРУКТУРЕ КРЕАТИВНОЙ КАРТИНЫ МИРА..	
<i>Вольская Надежда</i>	173
СОДЕРЖАНИЕ КУЛЬТУРНОГО ЗНАКА «ОБЕД» В ПРОИЗВЕДЕНИИ В. Ф. ОДОЕВСКОГО «КУХНЯ: ЛЕКЦИИ ГОСПОДИНА ПУФА, ДОКТОРА ЭНЦИКЛОПЕДИИ И ДРУГИХ НАУК О КУХОННОМ ИСКУССТВЕ».....	
<i>Балашова Ирина</i>	176
ПРИЕМ МЕТАМОРФОЗЫ В ПЕРВЫХ ГЛАВАХ РОМАНА И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ».....	
<i>Ракитова Лилия</i>	184
АВТОРСКИЕ СТРАТЕГИИ В РУССКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ	

1917 – 1921 ГОДОВ (на материале творчества Л. Н. Андреева, М. А. Волошина, А. И. Куприна, А. Т. Аверченко).....	
Ревяков Иван	190
ЛЕС КАК ПРОПАСТЬ В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ ДАНИИЛА ХАРМСА.....	
Ройтберг Наталья	194
КОНЦЕПТ «ДОМ» КАК СРЕДСТВО АНАЛИЗА ПОЭТИЧЕСКОГО МИРА (НА ПРИМЕРЕ ЛИРИКИ АННЫ ГОРЕНКО).....	
Логвинова Ирина	198
ОБРАЗ ЗЕРКАЛА В РОМАНЕ ДИНЫ РУБИНОЙ «ПОЧЕРК ЛЕОНАРДО»: К ВОПРОСУ О МАГИЧЕСКОМ РЕАЛИЗМЕ.....	
Ярошевич Ирина	203
ВИЗНАЧАЛЬНІ КОНЦЕПТИ ЛЮДИНИ У ПОЕЗІЇ МИКОЛИ ЧЕРНЯВСЬКОГО....	
Білоконь Світлана, Ковтун Ніна	206
РОЛЬ МУЗИКИ ЯК СЮЖЕТОТВОРЧОГО КОМПОНЕНТУ В ІНТЕЛЕКТУАЛЬНОМУ РОМАНІ В. ДОМОНТОВИЧА «БЕЗ ҐРУНТУ».....	
Бородінова Маргарита	211
ПОЕЗІЯ М. КОСТОМАРОВА І АНТИЧНА КУЛЬТУРА.....	
Современные культурные процессы и явления	
Штомпель Олег	214
МОДЕЛИ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА: ВЗГЛЯД КУЛЬТУРОЛОГА.....	
Шакирова Алла, Никитина Татьяна	218
ПОЛИЭТНИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: НАЦИОНАЛЬНОЕ И ЭТНИЧЕСКОЕ.....	
Шатохина Наталья	222
ФЕНОМЕН СВОБОДЫ КАК ОБЪЕКТИВНАЯ ДАННОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ.....	
Боголюбова Наталья, Николаева Юлия	226
АКТУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА.....	
Мазитова Лариса	231
РУССКИЙ МИР КАК КОНСТАНТА СОВРЕМЕННОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ.....	
Куликова Ирина	234
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ФУНКЦИИ МУЗЕЙНОГО ЦЕНТРА СУРГУТА.....	
Моторна Світлана, Юшутін Михайло	237
СОЦІАЛЬНІ ТА ПСИХОЛОГІЧНІ ОСОБЛИВОСТІ РОЗВИТКУ НАРОДНОЇ ТВОРЧОСТІ В МУЗИЧНІЙ КУЛЬТУРІ (НА ПРИКЛАДІ м. СЕВАСТОПОЛЯ).....	
Киенко Татьяна	242
СОЦИАЛЬНАЯ ФОТОГРАФИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ «STADIUM» И «PUNKTUM».....	
Журналистика в культуре современного информационного общества	
Тулупов Владимир	249
КУЛЬТУРА ЖУРНАЛИСТСКОЙ ПРОФЕССИИ.....	
Грабельников Александр	253
О РАЗВИВАЮЩЕЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ.....	
Шестерина Алла	262
МЕСТО ТЕЛЕВИДЕНИЯ В КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ РЕГИОНА.....	
Краснова Татьяна	270
ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ФАКТОР РЕФЕРЕНЦИИ И КУЛЬТУРА СТИЛИСТИЧЕСКОГО СМЕШЕНИЯ В МЕДИАТЕКСТЕ.....	
Лебедева Татьяна	274

ОБРАЗЫ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ – СОВРЕМЕННОКОВ ОКТЯБРЯ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ВЛАДИМИРА ВЕЙДЛЕ.....	281
<i>Сереброва Светлана</i>	
АВТОРСКАЯ ОППОЗИЦИЯ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО» СЛОВА В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ.....	287
<i>Наливайко Юлия</i>	
КВАЛИФИКАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАТЕКСТА.....	291
<i>Нгуен Тхи Май Хыонг</i>	
ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ ДЕТСКИХ ЖУРНАЛОВ ВЬЕТНАМА.....	
Медиакультура и медиакommunikации в условиях информационных, социально-политических и социально-экономических вызовов	
<i>Музыкант Валерий, Саюми Мори, Новикова А. С., Кривич И. Л., Куценко В. В.</i>	294
ИННОВАЦИОННЫЕ КОММУНИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ КОНТЕНТА.....	
<i>Ржанова Светлана</i>	304
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ КУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ (НА ПРИМЕРЕ ФИННО-УГОРСКИХ СМИ).....	
<i>Грибовод Екатерина</i>	308
ФЕНОМЕН МЕДИАТИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ НОВЫХ ФОРМ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	
<i>Волкова Ирина</i>	312
ИГРОВАЯ ПАРАДИГМА МЕДИА: ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА....	317
<i>Шарохина Светлана, Братухина Елена</i>	
ГАЗЕТЫ КАК СПОСОБ РАСПРОСТРАНЕНИЯ РЕКЛАМЫ.....	325
<i>Могилы Сергей</i>	
ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ФОТОГРАФИИ В РЕКЛАМЕ.....	
Педагогическая культура	
<i>Мирошниченко Алексей</i>	328
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА УЧИТЕЛЯ: КОГНИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	333
<i>Алмазова Ирина</i>	
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ОБЪЕКТИВНЫЙ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЦЕСС И ЛИЧНАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА УЧИТЕЛЯ.....	
<i>Алексеева Лариса</i>	338
ИСКУССТВО В СОДЕРЖАНИИ ОБРАЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ.....	
<i>Скрябина Ольга</i>	344
ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЙ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ.....	
<i>Капенова Жанарсын, Валова Мария</i>	348
О ТРУДНОСТЯХ УСПЕШНОЙ КРОССКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	
<i>Михайлова Алла</i>	353
ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ.....	
<i>Шамишурова Марина, Обухова Юлия, Яна Конникова</i>	359
ОБУЧЕНИЕ СЛАБОСЛЫШАЩИХ ДЕТЕЙ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ЧЕРЕЗ ИГРОВЫЕ ПРИЕМЫ.....	

Научный журнал

ББК 71я5

УДК 008:80/81:070:001.5

Культура в фокусе научных парадигм [Текст]: /научн. ред.
Кравченко О. А., Каика Н. Е. - Донецк: ДонНУ, 2017. - Вып. 5. - 368 с.

На обложке использована работа (2007г.) Елены Клименко

Редакционная коллегия: Донецк, ул. Университетская, 24

